

Ж.К. ТУЙМЕБАЕВ

И С Т О Р И Я
ТЮРКО - КАЗАХСКО -
МОНГОЛЬСКИХ
ЭТНОЯЗЫКОВЫХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Ж.К. Туймебаев

**ИСТОРИЯ
ТЮРКО-КАЗАХСКО-МОНГОЛЬСКИХ
ЭТНОЯЗЫКОВЫХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Монография

Астана – 2008

ББК 63.3

Т81

Рецензент: А. Кайдаров – доктор филологических наук,
профессор, академик НАН РК

Т 81 Туймебаев Ж.К.
История тюрко-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений. Монография. – Астана, 2008.

ISBN 9965–733–60–0

В монографии достаточно подробно освещена предыстория тюрко-монгольских этноязыковых взаимоотношений, роль восточноиранского (скифо-сакского) фактора в этнолоттогенезе древних тюрков и, в особенности, огуров, по-новому освещена история взаимоотношений тюркских и монгольских племен накануне возникновения Великой Монгольской империи Чингисхана; автор довольно эксплицитно освещает казахско-монгольские взаимоотношения в золотоордынскую эпоху и в составе собственно казахских ханств, подробно останавливается на ойратско-джунгарско-казахских взаимоотношениях, на казахско-калмыцких и халхаско-казахских этноязыковых контактах.

Монография предназначена для филологов-компаративистов, историков, этнологов, археологов, а также для студентов, магистрантов, аспирантов и широкого круга читателей, интересующихся древней и средневековой историей народов Евразии.

ББК 63.3

ISBN 9965–733–60–0

© Туймебаев Ж., 2008

Предисловие

«Важнейшей задачей в изучении алтайских языков является исследование исторических контактов в течение периода между началом второго тысячелетия до н.э. и началом второго тысячелетия н.э.»

Академик Андраш Рона-Таш

Пожалуй, о немногих исторических процессах существует столько превратных мнений, сколько о месте и роли древних и средневековых кочевников Центральной Азии в формировании современного этнолингвистического ландшафта обширной аридной полосы евразийского материка. Великая Степь с древнейших времен служила величайшей исторической ареной, на которой сталкивались и переплетались самым причудливым образом судьбы индоевропейских, тюркских, монгольских, палеоазиатских, сино-тибетских, кавказских, финно-угорских и еще бог весть каких народов и языков. Ведущую роль в формировании самобытных древних кочевнических цивилизаций Евразии сыграли, несомненно, индоевропейские (индоиранские, восточноиранские) и тюркские этносы, занимавшие центральное место на исторической арене, которую сама история удостоила громким именем Великая Степь. В последней трети I тысячелетия до н.э. в центре Азии начинают господствовать тюркоязычные сюнну, и с этого времени Внутренняя или Срединная Азия становится «вулканом народов». Уже первый выброс сюннуско-гуинской «этнической лавы», получившей название Великое переселение народов, произвел кардинальные коррекции в дальнейшей

судьбе не только византийско-римской, но и во всей Западной цивилизации. За ним последовали потоки огурской, болгарской, аварской, огузско-печенежской, кыпчакско-половецко-куманской «этноязыковых лав».

Примерно с рубежа I–II тысячелетий на широкую историческую арену выходят монголоязычные племена, до этого «дремавшие» где-то в бассейне Среднего Амура. Предлагаемая читателю научная монография по-новому раскрывает страницы чрезвычайно сложных и, к тому же невероятно запутанных в исторической и лингвистической литературе проблем реальных тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений на протяжении всего последнего тысячелетия. Драматические события, связанные с возвышением монголов во главе с Темучином–Чингизханом и его завоевательными походами на запад разворачивались главным образом на территории современного Казахстана и распространялись на сопредельные территории. Казахско-монгольские этноязыковые взаимоотношения, возникшие еще в самом начале II тысячелетия и, возможно, несколько раньше, активно развивались и в более поздние исторические периоды и продолжают до сих пор как на восточной, так и на западной перифериях казахского этноязыкового континуума. Поэтому монографическое изучение казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений представляет огромный научно-теоретический интерес как в историческом, так и лингвистическом аспектах. В определенном смысле казахско-монгольские этноязыковые взаимосвязи являются эталонными для других тюркских и монгольских народов.

* * *

Основная задача сравнительно-исторического изучения группы родственных языков, независимо от того, является это родство органическим («гомологическим»), типологическим («аналогическим») или приобретенным в результате долговременных взаимных контактов, заключается в раскрытии внутренних закономерностей их развития, проявляющихся в

исторически обусловленных сходствах и различиях между этими языками.

Компаративистикой давно установлено: как сходства, так и различия между родственными языками могут формироваться и в силу действия внутренних законов развития языка, и, в еще большей степени, за счет воздействия внешних факторов, то есть в результате исторического взаимодействия с контактными языками. Следовательно, перед исследователем истории языка встает задача разграничения внутренних факторов развития языка от внешних иноязычных влияний, а также изучения взаимодействия выявленных внутренних и внешних факторов на определенных исторических этапах.

Важным вспомогательным методом при решении указанных задач является реконструкция архетипов или системы архетипов, позволяющих углубить историческую ретроспективу изучения данного языка путем восстановления более древних ее ступеней, не засвидетельствованных в письменных памятниках – «внутренняя реконструкция», или построить путем сравнения с другими родственными языками гипотетическую модель «языка-основы», к которой в конечном счете возводятся исторически засвидетельствованные родственные языки – «внешняя реконструкция».

Однако в практике классических трудов по сравнительно-историческому изучению тюркских языков задача реконструкции архетипов фактически более или менее последовательно подменяет собою все другие задачи компаративистики и становится как бы самоцелью. Во всяком случае, в известных сравнительно-исторических грамматиках тюркских языков мы чаще всего сталкиваемся с систематизированным описанием, а чаще простым перечислением гипотетических признаков фонетики и морфологии «пратюркского» языка-основы, которые в сущности мало чем отличаются от реально зафиксированных в памятниках древнетюркского языка форм. В таком состоянии тюркской и, шире, алтайской компаративистики, конечно же, нельзя винить авторов сравнительно-исторических грамматик, оно обусловлено вполне объектив-

ными причинами – прежде всего, характером самой реальной объектно-предметной эмпирической базы, и только потом, как следствие, современным уровнем тюркской компаративистики. Современные тюркские языки, разве что за исключением чувашского и, с определенными оговорками, якутского, настолько близки, что дают очень мало фактического материала для глубоких пра- и прототюркских реконструкций (вне зависимости от того, как понимаются термины «прототюркский» и «пратюркский»). Мало помогает и обращение к реально зафиксированным историческим памятникам, так как самые ранние из ныне известных нарративных источников относятся лишь к VII–VIII векам н.э. Попытки содействовать в процедуру прототюркских реконструкций соответствующий материал монгольских и других «алтайских» языков, представляющих сплошь и рядом простую сумму фонетических особенностей сближаемых тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а в последнее время и корейского с японским форм (см. EDAL, СИГТЯ), трудно признать объективными и достаточно корректными. Причина неудач дальних, глубинных реконструкций кроется прежде всего в недостаточно критическом подходе к объектно-предметной эмпирической базе (очень часто на пратюркское и даже праалтайское состояние процедируются свидетельства относительно поздних иноязычных заимствований в чувашском и других языках, огурские интерференции в монгольском, монгольские проникновения в тунгусо-маньчжурские и т.д.).

По нашему глубочайшему убеждению, первоочередной задачей компаративистов, занимающихся изучением истории традиционно объединяемых в алтайскую общность языков, является выявление всех пластов заимствований в данных языках, и только потом можно будет приступить к интерпретации, так сказать «сухого остатка», если таковой окажется. Да и этот «сухой остаток» при дальнейшем более углубленном анализе может оказаться гетерогенного происхождения.

Лингвистическая компаративистика с самого начала была дисциплиной исторической и этимологической проблематика занимала в этой отрасли языкознания ведущее место. Присущие

сравнительно-историческому языкознанию методы лингвистических реконструкций сами по себе фактически не решают самостоятельных задач, и лишь подготавливают базу для последующей этимологической, а затем и историко-культурологической интерпретации лексического фонда языка. Таким образом, сравнительно-историческое языкознание по-прежнему остается главнейшей, хотя и весьма отдаленной отправной базой для собственно исторических исследований самых отдаленных этапов прошлого народов, о которых никаких других достоверных источников, кроме свидетельств языка, не сохранилось. Этимология как одна из важнейших составляющих частей компаративистики теперь не ограничивается поспешным и в силу поспешности поверхностным и не всегда корректным и объективным этимологизированием, а тесно увязывает его с предварительной обработкой анализируемого материала в плане его детальной фонетической и полной морфологической характеристики с учетом конкретной истории и внешних связей каждого слова в исторически меняющейся языковой ситуации всех регионов его распространения.

Этимологизирование должно учитывать историческую динамику не столько материальной фонетико-морфологической оболочки слова, сколько исторического изменения его смыслового содержания, семантики (это само собой разумеется), но, более того, и исторической динамики самой реалии, обозначаемой этим словом, своеобразие этнокультурной характеристики того языкового коллектива, в недрах которого зародилось это слово, и тех этноязыковых сообществ, через которые оно прошло, пока не проникло, наконец, в изучаемый язык и т.д., и т.п. На разных этапах исторической миграции слова через ряд родственных и неродственных языков, могли отразиться в нем какие-нибудь архаические представления и воззрения, которые потом оказались чужды тому же языковому коллективу, а также носителям сменивших его или промежуточных языков-ретрансляторов. Так, например, индоиранское *tāmra* прежде чем отразиться в тюркском как *temür* (→ х.-монг. *tömör*) «железо», должно было пройти через обширное семантическое поле, основными вехами в котором представляются: «тьма, темный» > «темно-красный» > «бурый» >

«грязь» > «болото» > «руда» > «медь» > «металл» > «железо» и т.п. Только проследив весь этот долгий путь многочисленных семантических метаморфоз, мы можем однозначно утверждать об индоиранских истоках тюркского названия железа.

Традиционная алтаистика в своем стремлении во что бы то ни стало установить общее происхождение каждого тюркского, монгольского и тунгусо-маньчжурского слова, остается прикованной к совпадениям и пренебрегает самым существенным – оригинальностью каждой из семей лингвистического союза и, более того, каждого конкретного языка, входящего в отдельную самостоятельную семью. Каждый из языков алтайской общности имеет свои, только ему присущие оригинальные черты, которые были свойственны ему уже в момент вступления его в историю, а также множество таких черт, которые развивались в нем в ходе его самостоятельной истории. В тюркских языках, например, видно, насколько новым созданием является каждый конкретный язык – турецкий, казахский, хакасский, якутский, чувашский – и насколько он этим самым интересен для лингвистической компаративистики. Сказанное в еще большей степени подтверждается сравнительными исследованиями как монгольских, так и тунгусо-маньчжурских языков.

При внимательном изучении письменно-монгольского языка создается впечатление, что он представляет собой некое монолитное единство. Во всяком случае, в монгольском письменном языке трудно обнаружить следы диалектного членения. Обнаруживающиеся в памятниках на различной графической основе определенные колебания во внешнем облике среднемонгольских слов скорее являются графическими, чем реальными фонетическими вариантами. Вместе с тем, монгольский письменный язык XIII–XIV веков уже был смешанным, даже после снятия всех поздних «уйгурских» заимствований в нем остается огромный пласт огурских лексических, морфологических, фонетических и т.д. интерференций субстратного происхождения. Огурско-тюркский субстрат пронизывает все строевые уровни среднемонгольского языка. Чтобы иметь хоть какое-то представление о, так сказать, «чистом» монгольском языке необходимо снять все отно-

сительно поздние иноязычные наслоения, включая, конечно, и огурские. На уровне лексики и морфологии огурский пласт уже сейчас поддается сепарации, но вот к выявлению огурского субстрата в фонетической системе монгольского языка наука еще не приступила. Уже сказанного достаточно, чтобы понять, насколько далеко мы отстоим от подступов к праалтайским реконструкциям.

Задачи сравнительно-исторического языкознания в области алтаистики должны быть распространены за пределы реконструкции языка-основы и закономерных соответствий между ним и его ответвлениями. Общее наследие праязыка в отдельных группах и конкретных языках, общие закономерные тенденции его развития должны изучаться в неразрывной связи с теми специфическими особенностями и тенденциями, которые складываются в каждом из языков данной группы, семьи, общности в пору их раздельного, самостоятельного развития. Компаративистика как наука комплексная по определению, все больше должна интегрироваться с другими смежными гуманитарными дисциплинами – историей, археологией, антропологией, этнологией, культурологией и т.д. Только путем интегрированного, комплексного изучения истории собственно языковых фактов в органической связи с историей обозначаемых ими культурных и иных реалий компаративистика может проникнуть в глубинные пласты истории.

Современная компаративистика, являясь комплексной полидисциплинарной наукой, требует интегрального изучения языка в его конкретных исторических связях с породившей его социальной действительностью, с его реальными историческими носителями. Языки и диалекты из абстрактного пространства классификационных схем требуют переноса на определенную географическую, социальную и историческую среду, в которой они реально развивались и активно взаимодействовали друг с другом.

Сравнительно-историческое изучение «лингвистических реальностей» древних языков в их пространственно-хронологических взаимосвязях с другими такими же «реальностями», то есть постановка вопроса о конкретном географическом ареале и временном периоде – хронотопе – делает совершенно бессмысленными такие усиленно пропагандировавшиеся до не-

давнего времени «истины»), как, скажем, «сознательное исключение всех экстралингвистических критериев» из лингвистической компаративистики (Э.А. Макаев), так и методологический разрыв между «внутренней» и «внешней» лингвистикой, освещенный теорией и практикой структурализма.

Исходя из предложенных выше соображений, автор, не будучи сам специалистом по вопросам истории, археологии, физической антропологии, этнологии и культурных древностей Центральной Азии, счел необходимым широко привлечь и критически использовать результаты научных изысканий по указанным дисциплинам, без изучения которых невозможно создание истории этнолингвокультурных взаимоотношений тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, иранских, сино-тибетских, палеоазиатских и других народов аридной полосы Евразии со II тысячелетия до н.э. по наши дни, то есть создание истории языка в связи с историей народа как его творца и носителя.

В своем исследовании, не углубляющемся за пределы рубежа II—I тысячелетий, а в основном охватывающий промежуток от рубежа I—II тысячелетия н.э. до наших дней, автор по вполне понятным причинам от алтайской теории решил дистанцироваться — распад гипотетической алтайской общности разными исследователями относится к куда более отдаленным временам (датировки колеблются в широком хронологическом диапазоне от X до XXX вв. до н.э.). Напротив, автор исходит из постулата, что материальная общность между тюркскими и монгольскими языками начала складываться не ранее рубежа I—II тысячелетий н.э., то есть накануне выхода монголов на широкую историческую арену.

Более тридцати лет тому назад в журнале «Вопросы языкознания» появилась новаторская для того времени работа венгерского тюрколога Андраша Рона-Таша «Общее наследие или заимствования?» (Рона-Таш, 1974, 31-45). На фоне развернувшихся в начале 70-х годов прошлого века в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР широкомасштабных исследований по проблемам родства алтайских языков это программная работа венгерского ученого выглядела тогда необычной и революционной. Автор этих строк, будучи убежденным апологетом

общепринятой в то время ортодоксальной алтайской теории, не понял (или не хотел понять) тогда всей значимости очень талантливо изложенных в ней новаторских идей. Но зерна сомнения все же запали в душу и впоследствии приходилось вновь и вновь обращаться к этой работе. Тщательное изучение этого труда заставило в корне пересмотреть устоявшиеся со студенческой скамьи взгляды на алтайскую гипотезу. Стало ясно, определенная материальная общность тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков имеет не однородный, а «аналогический» или, вернее, даже приобретенный характер. Во всяком случае стало понятно, что приводимые в ставших классическими трудах Г.Й. Рамстеда, М. Рясянена, Н. Поппе и др. алтаистов межгрупповые лексические сближения по своему внешнему (фонетико-морфологическому) облику выглядят относительно молодыми и не претендуют на праалтайскую древность. Это и побудило автора данных строк вплотную заняться изучением казахско-монгольских лексических параллелей. Анализ эмпирического материала и алтаистической литературы, новые точки зрения на алтайскую проблему таких ученых, как А.М. Щербак, Дж. Клоусон, Г. Дёрфер А. Рона-Таш и др., все больше дистанцировали его от ортодоксальной алтайской гипотезы. Таким образом убежденный алтаист превратился в не менее убежденного антиалтаиста.

В предлагаемой вниманию читателей книге автор постарался изложить размышления об основных исторических этапах формирования тюрко-казахско-монгольской языковой общности, которая особенно ярко проявляется на уровне лексики. Согласно предварительным подсчетам казахско-монгольского лингвиста Б. Базылхана, в языке казахов Баян-Ульгейского аймака Монголии сходными с монгольскими являются 1 500 корневых и 24 000 производных слов (из 40 000 слов, зарегистрированных в его казахско-монгольском и монгольско-казахском словарях). Несомненно, значительная часть сходств образовалась за счет тюркских лексических интерференций в монгольский, часть – за счет монгольских проникновений в казахский, часть параллелей сложилась за счет общих заимствований из третьих языков, а часть

параллелей относится к случайным совпадениям. Этот огромный лексический материал содержит в себе уникальную историко-культурологическую информацию и требует всестороннего изучения.

Предлагаемая вниманию читателей книга является первым подступком к изучению этого огромного лексического материала. В ней в основном рассматриваются исторические предпосылки к формированию столь значительного объема казахско-монгольских лексических совпадений.

В книге читатель найдет ряд нетрадиционных подходов к этноязыковой истории Центральной Азии, которые могут и должны вызвать серьезную научную полемику. Автор счел полезным высказать в работе все, что может стать предметом особого внимания лингвистов, историков, археологов, антропологов, этнологов при дальнейшем изучении тюркско-монгольских и казахско-монгольских этнолингвокультурных взаимосвязей.

Автор, тем не менее, имел в душе надежду на то, что высказанные им нетривиальные постулаты хоть в какой-то мере помогут вывести нашу гуманитарную науку из заезженной колени и определенного застоя исторической мысли.

В последние годы появился целый ряд публикаций, где излагаются близкие к представлениям автора данной книги точки зрения. По разным причинам не всегда удалось воспользоваться новой литературой и отметить эти совпадения.

Автор считал бы свою задачу выполненной, если он побудит своих коллег и единомышленников по-новому взглянуть на алтаистическую проблематику в целом и на некоторые окутанные туманом давно выдвинутые (хотя и не всегда обоснованные) гипотезы о тюрко-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношениях в частности.

Всем, кто помогал ему в завершении работы над этой книгой, автор приносит сердечную благодарность.

Раздел 1

ИСХОДНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Исходные теоретические и методические предпосылки в любом научном исследовании играют чрезвычайно важную роль, так как во многом предопределяют конечные результаты. В сравнительно-исторических и компаративно-контактологических исследованиях значение исходных научно-методологических предпосылок особенно велико. Так, например, ахиллесовой пятой всех алтаистических исследований является априорное принятие на веру провозглашенной в начале прошлого века Г.Й. Рамстедом гипотезы об изначальном генетическом родстве тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также японского и корейского языков. С тех пор усилия традиционных алтаистов были направлены главным образом на выявление сходных материальных элементов в названных языках, и мало кому приходило в голову поставить под сомнение правомерность самой постулированной гипотезы. Апологеты ортодоксальной алтайской гипотезы в конечном счете повели компаративно-контрастивное изучение тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков по тупиковому пути, и это заблуждение до сих пор не преодолено – сплошь и рядом появляются работы в области сравнительно-исторического изучения тюркских, монгольских и других языков, основанные на постулате изначальной genuинности традиционно объединяемых в алтайскую общность языков. Возведение алтайской гипотезы в ранг ортодоксальной научной теории стимулировало появление многочисленных работ об отдаленных связях тюркских языков с рядом древних языков Старого и даже Нового света.

Между тем, куда более логичным является контактологическое направление изучения материальных сходств алтайских языков. Однако робкие попытки некоторых специалистов, предпринятые в этом направлении еще в XIX–начале XX вв. были подмяты многочисленными трудами апологетов алтайской гипотезы и компаративисты-тюркологи вспомнили о них лишь во второй половине XX века. Контактологический подход к этноязыковым общностям требует своей методики

исследования. Простая констатация заимствований как в одном, так и в другом направлениях обладает минимальной объяснительной силой, поэтому необходимо установить характер этих контактов между тюркскими и монгольскими языками, которые на разных исторических этапах в силу самого разного рода причин – геополитических, природно-климатических, демографических, социальных, культурных и т.д., и т.п. – имели самый различный характер.

В этой связи необходимо особо подчеркнуть чрезвычайную важность изучения истории многовековых тюрко-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений для хронотопологической стратиграфии взаимных заимствований и перезаимствований как в тюркских, так и монгольских языках, а также для разработки периодизации тюркских лексических интерференций в монгольских и, в свою очередь, монгольских в тюркских, в том числе и в казахском, языках.

Прежде чем приступить непосредственно к изучению истории тюрко-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений необходимо хотя бы вкратце остановиться на некоторых вопросах общетеоретического и методологического характера. Наиболее важной и актуальной, конечно же, является проблема выяснения природы материальной общности тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков, традиционно объединяемых в алтайскую общность. Свое отношение к постулированной Г.Й. Рамstedтом и его последователями ортодоксальной алтайской гипотезе мы высказали в своих предыдущих публикациях (Туймебаев, 2006; 2007), поэтому нет особой необходимости еще раз возвратиться к ее критическому обсуждению. Во вступительной части настоящей работы в основном рассматриваются вопросы методологического и методического характера. В частности, здесь обращается внимание на комплексный подход к изучению истории формирования алтайского языкового союза, интегрированное изучение ранних этапов этноглотогенеза с привлечением предметных и объектных полей ряда других гуманитарных дисциплин – археологии, антрополо-

гии, этнологии, культурологии и т.д. Также обосновывается необходимость разграничения адстратных, субстратных, суперстратных, интерстратных, перстратных типов этноязыковых контактов. Теоретические и методологические выкладки автор старался подкрепить соответствующим репрезентативным эмпирическим материалом из области казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений.

Язык является одним из основных идентификационных признаков этноса и играет огромную роль в формировании этнолингвистических общностей. По лингвистическому материалу можно судить об истории межэтнических отношений даже для дописьменных периодов истории народов. Сравнительно-историческое и сопоставительно-типологическое изучение языков и исторических межъязыковых контактов позволяют не только создать полное представление об их формировании, но и дают достаточно надежную основу для установления генетических и контактных взаимосвязей между языками. Поэтому чрезвычайно важно и перспективно проведение широкомасштабных сравнительно-исторических, сопоставительных и контактологических исследований исторически контактировавших родственных и иносистемных языков для выяснения сложных процессов этноглобтогенеза казахов и их исторических предков.

Из исторической литературы (Бушков, 2007; Доманин, 2007; Кульпин, 1998; Мэн, 2006; Паркер, 2003; Пензев, 2007; Почекаев, 2006; Султанов, 2006; Уззерфорд, 2004, 2006; Филлипс, 2003; Хамидуллин, 2002; Хара Даван, 2005; Хартог, 2007; Храпачевский, 2005; Spuler, 1965 и др., см. библиографию) известно, что предки современных тюркских народов в особо тесные контакты с монголами вступили на рубеже XII–XIII вв., когда Темучин–Чингисхан, став во главе Монгольской империи, принялся расширять ее границы. В 1137–1141 гг. в Южном Казахстане и Средней Азии установилось господство каракитаев. В 1203 году Темучин разгромил керейтов, в 1206 году покорил найманов. В 1218 году монгольские полчища вторглись в Семиречье и к 1211 году завоевали поч-

ти всю территорию Казахстана и Средней Азии, и на долгое время в евразийских степях установилось господство Чингисидов. В этот период происходит активное взаимодействие тюркских языков (прежде всего – среднекыпчакских диалектов) с монгольским, что в конечном счете привело к полной ассимиляции языка монголов и сложению в кыпчакском и других языках определенного пласта монгольских лексических интерференций.

С падением Юаньской династии и изгнанием восточных монголов из Китая в 1368 году разгорается борьба между восточными и западными монголами, в результате которой наступает кратковременное господство западных монголов, или *ойратов*, расцвет которых приходится на середину XV века. Но после смерти ойратского хана Эссена в 1453 году западные монголы теряют господствующее положение в степях Центральной Азии.

Междоусобицы и связанный с ними процесс политического дробления Ойратского ханства в конце XVI века приводят к образованию кратковременного и эфемерного государства под главенством Алтынханов. Территория его располагалась к западу от верховьев реки Селенги и озера Хубсугул до верховьев Иртыша с центром вблизи озера Убсу-Нур. Политическое влияние государства Алтынханов распространялось и на восточноказахстанские земли. Государство Алтынханов пало в результате междоусобной борьбы между Дзасактухановским аймаком Монголии и ойратами.

Во второй половине XVII века ойратские ханы образовали Джунгарское ханство (Златкин, 1964; Моисеев, 1991), которое вело опустошительные набеги на казахские земли. В период правления казахского хана Тауке джунгары завоевали и разрушили город Сайрам. Отсутствие естественных границ между кочевьями казахских и джунгарских владетелей и постоянное соперничество из-за господства в степи служили причиной частых столкновений и войн между ойратами-калмаками и казахами. В годы правления Цеван-Рафтана джунгарско-казахские войны следовали одна за другой; наи-

более значительные из них имели место в 1711–1712, 1714, 1717, 1723, 1725 годах. Наступательные действия джунгаров несли серьезную угрозу казахам, что ускорило сближение Казахстана с Россией, а в последующем вхождение казахских жузов в состав Российской империи. В 1758 году Джунгарское ханство окончательно пало под ударами внешних сил и прекратило свое существование.

Но казахско-монгольские этноязыковые контакты с разной степенью интенсивности, временами то затухая, то разгораясь вновь, продолжали развиваться и в дальнейшем. На северо-западной периферии казахского этнолингвистического континуума местами и в настоящее время происходят контакты с калмыцким языком, далеко на востоке, главным образом в Баян-Ульгейском автономном районе Монголии, казахский язык, оказавшись в сфере монголоязычного информационного пространства, до сих пор продолжает испытывать мощное влияние со стороны халхаского языка. Все это, конечно же, требует самого пристального внимания со стороны лингвистов-контактологов. Однако острие нашего исследования направлено прежде всего на изучение ранних этапов тюркско-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений.

В процессе длительного исторического развития пра- и древнетюркские языки взаимодействовали со многими иносистемными языками – иранскими, сино-тибетскими, монгольскими, арабскими и т.д. Это оставило неизгладимый, но не всегда ясно читаемый след на всем облике тюркских языков, в их числе, конечно же, и казахского. Исследование иноязычных элементов в казахском, а также в других тюркских языках, имеет исключительно важное значение для правильного понимания не только истории казахского языка, но и истории самого народа и его исторических и современных соседей. Ведь давно известно, что взаимодействие языков происходит не само по себе, а в результате контактов говорящих на этих языках народов. За каждым фактом языкового влияния и лексического заимствования стоит факт политического, экономического, культурного взаимодействия. Поэтому всякое

исследование, посвященное контактированию языков, в силу характера предмета изучения должно опираться на факты и выводы других гуманитарных и обществоведческих наук, в первую очередь таких, как история, археология, этнография, культурная антропология и т.п. В свою очередь по тем же самым причинам сравнительно-историческое языкознание предоставляет в распоряжение этих наук ценнейшие сведения исторического характера.

Вторая половина XX столетия ознаменовалась в развитии языкознания возрастанием интереса к проблемам компаративной, диахронической лингвистики. Возрастание интереса к сравнительно-историческим исследованиям в лингвистике обуславливает в известной мере возврат к обсуждению проблем, возникших в классической алтаистике, и к освещению их с применением новых приемов и методов лингвистического анализа, разработанными различными направлениями синхронической и диахронической лингвистики, языковой типологии, контактологии и т.д.

В середине XX века смена очередных задач языковедения выразилась в многочисленных опытах приложения технических приемов и навыков, выработанных индоевропеистикой, к другим языковым семьям, в частности, к алтайским, а в их числе – большей частью к тюркским.

Примерно с середины прошлого века в алтаистике происходит кардинальное изменение исследовательской парадигмы: ряд специалистов по тюркским и монгольским языкам, осознав ущербность традиционного генетического направления, приступает к контактологическому изучению материальной общности тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков. При этом надо заметить, что контактологические исследования языков алтайской общности, благодаря энциклопедичности знаний и умений отдельных исследователей (Б.Я. Владимирцов, В.Л. Котвич, З. Гомбоц и др.), были заложены еще в начале XX века, однако в силу ряда объективных и субъективных причин, в отечественном языкознании они были свернуты и пре-

даны забвению вместе со сравнительно-историческим направлением вообще. В западноевропейском языкознании в первой половине XX века восторжествовала ортодоксальная алтаистика, которая после восстановления в правах сравнительно-исторического языкознания внедрилась и в советское востоковедение.

В 50-е годы XX века начинает бурно развиваться социолингвистика. В рамках этой новой отрасли языкознания разрабатывается общая теория взаимодействия языков, известная также как теория языковых контактов (Вайнрайх, 1979). Детальная разработка в социолингвистике общей теории языковых контактов, описание различных видов двуязычия как основы смешения языков, изучение психологических и социальных аспектов взаимодействия языков позволили по-новому взглянуть на классическую теорию языкового субстрата.

Язык как социальное явление и феномен человеческой культуры тесно связан с другими проявлениями культуры. Поэтому язык как в синхронии, так и в диахронии должен изучаться в тесной связи со всеми аспектами человеческой культуры, исследование которой и составляет предмет современной культурной антропологии.

Хотя сравнительно-историческое языкознание уже по определению предполагает интердисциплинарный (по крайней мере, историко-лингвистический) характер исследований, предметное поле и эмпирическая база компаративистики, за редкими исключениями, по сути остаются монодисциплинарными, сугубо лингвистическими. Объектом сравнительно-исторического языкознания в основном являются родственные, то есть генетически связанные языки; конкретно в компаративистике речь идет об установлении соотношения между родственными языками и описании их эволюции во времени и пространстве. Наиболее общая форма компаративных исследований – это составление сравнительно-исторических грамматик (включающих в себя прежде всего фонетику) и этимологических словарей (лексика). Между тем, В. фон

Гумбольд еще в начале XIX века («О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития», 1820; см. Humboldt, 1880, I, II) теоретически обосновал статус сравнительно-исторического языкознания как не только особой, но и автономной лингвистической дисциплины, выводы которой имеют первостепенное значение при изучении культуры, интеллектуальной деятельности, народной психологии и т.д. Заслугой В. фон Гумбольда является выделение языкознания как новой науки исторического цикла – «сравнительной антропологии». При этом задачи сравнительно-исторического языкознания понимались им исключительно широко: «...язык и постигаемые через него цели человека вообще, род человеческий в его поступательном развитии и отдельные народы являются теми четырьмя объектами, которые в их взаимной связи и должны изучаться в сравнительном языкознании» (цит. по: Топоров, 1990, 487). Уделяя большое внимание таким ключевым для сравнительно-исторического языкознания проблемам, как внутренняя форма, связь звуковой оболочки слова и его значения, языковая типология и т.п., В. фон Гумбольд в историческом аспекте языка подчеркивал связь с духом творчества, с категорией значения в широком смысле слова (язык и мышление). Тем самым принцип историзма в языкознании получил понимание, выходящее далеко за рамки компаративного языкознания.

После появления ставших классическими работ Ф. Бoppa (1816), P.K. Раска (1818), Я. Гримма (1819–1837), В. фон Гумбольдта (1820) сравнительно-историческое языкознание завоевало себе прочное место среди лингвистических дисциплин, но уже, по крайней мере с 20–30-х годов XIX века в нем стали отчетливо размежевываться два начала – «сравнительное» и «историческое», отношения между которыми не всегда ясны. Иногда акцент делается на «историческом» составляющем: оно определяет цель, а «сравнительное» начало скорее определяет средство, с помощью которого достигаются цели исторического изучения языков. В работах других исследователей акцентируется «сравнительное» начало, образующее

как бы главный объект исследования, а исторические выводы из этого сравнения остаются неэксплицированными, неинтерпретированными вообще. Многие сравнительные грамматики групп геноинных языков относятся именно к этому типу. Соответственно этим двум отмеченным ситуациям соотношения «сравнительного» и «исторического» нередко различают сравнительное языкознание (или сравнительную грамматику) и историческое языкознание (или историческую грамматику), что искусственно разводит их в разные стороны виртуальной демаркационной линии и тем самым затушевывает наиболее показательные и теоретически наиболее важные случаи, когда оба эти начала поддерживают и обогащают друг друга.

Компаративисты уже давно заметили, что лексические соответствия между языками проливают свет на основные аспекты истории общей культуры. Изучение «слов и вещей» в их неразрывной диалектической связи оформилось уже давно. Превосходное начало этому направлению было положено еще классическими работами М.М. Покровского (Покровский, 1959), а специальный журнал «Wörter und Sachen», основанный Ф. Мерингером в Германии, начал выходить в 1909 году, но в годы Второй мировой войны это издание заглохло. Однако немецкая традиция этого направления вновь ожила, что было отмечено появлением коллективного труда с тем же названием «Wörter und Sachen» в 1981 году. В индоевропеистике это направление отмечено крупными работами О. Шрадера (Schrader, 1917–1928), О.Н. Трубочева (1966), Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова (1984), Э. Бенвениста (1995; Benveniste, 1970) и многих других.

Замечательным явлением в этом ряду стало появление шеститомной «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», в особенности ее последних трех томов: «Лексика» (СИГТЯ, 1997), «Региональные реконструкции» (СИГТЯ, 2002) и «Пратюрский язык-основа. Картина мира пратюрского этноса» (СИГТЯ, 2006), которые способствуют развитию историзма и в мышлении, и в исследовательской деятельности тюркологов-лингвистов.

Предпринятый в последних томах «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» интегрированный полидисциплинарный историко-этимологический анализ пратюркской культурной лексики наглядно демонстрирует картину материальной и духовной жизни тюрков древнейшей поры, о которой не существует никаких письменных свидетельств. Обработка археологических и исторических данных позволила группе исследователей под руководством члена-корреспондента РАН А.В. Дыбо (Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов, И.В. Кормушин, Ю.В. Норманская, О.А. Мудрак, К.М. Мусаев и др.) полностью верифицировать данными лингвистической реконструкции представления о пратюркском народе рубежа нашей эры как:

народе скотоводов отгонного типа с преобладающим значением коневодства;

- с двумя типами поселений – стационарными зимними и кочевыми, переносными летними;

- об обитателях сухих степей от Восточного Туркестана до предгорий Алтая;

народе с достаточно хорошо развитым земледелием, имеющим вспомогательное значение;

- с хорошо развитым ремеслом;

- с предгосударственным социально-политическим устройством (с развитыми торговыми отношениями и с наметившейся имущественной дифференциацией);

с патрилинейным и патрилокальным типом семейно-родственных отношений;

с религиозными верованиями классического шаманистического типа и т.д. (см.: СИГТЯ, 2006, 818 и след.).

Быстрое развитие сравнительно-исторического языкознания привело к тому, что уже в середине XIX века оно стало рассматриваться не только как самая развитая и точная гуманитарная дисциплина исторического цикла, но и образец для ряда других наук, основанных на принципах историзма и компаративизма.

Вот уже в течение века сравнительно-историческое изучение языков протекает в двух противоположных, но взаимно дополняющих друг друга направлениях. С одной стороны, производятся реконструкции, опирающиеся на собственно языковые элементы – фонемы, морфемы, целые слова – и таким образом восстанавливаются модели, которые в свою очередь служат для новых более глубоких – пратюркских, прамонгольских, праалтайских, ностратических – реконструкций. С другой стороны, при исследовании в обратном направлении берется какая-либо достаточно твердо установленная праязыковая (пратюркская, прамонгольская, праалтайская) форма и прослеживается судьба тех форм, которые произошли от нее, изучаются пути диалектной дифференциации и новые языковые единства – прабулгарское, праогузское, пракыпчакское и т.д., – которые возникают в результате этого процесса. Между этими двумя полюсами и действует компаративист, и усилия его направлены именно на разграничение унаследованных черт и инноваций, на выяснение как сходств, так и расхождений между родственными языками.

Сравнительно-историческое языкознание является одной из наиболее представительных отраслей современной гуманитарной науки в целом. В его ведение входят такие автономные дисциплины, как сравнительно-историческая грамматика (включая и фонетику), сравнительная и историческая лексикология, этимология, теория реконструкции и исторического развития языков, лингвистическая контактология, диалектология, ономастика и т.д., которые оказывают значительное влияние на выводы, формулируемые в таких науках исторического цикла, как археология, протоистория, историческая этнология, мифология, религиоведение, история культуры, предыстория древнейших форм словесного творчества, сравнительная и историческая поэтика, исследования структуры текстов и т.д.

Кардинальное изменение научного дискурса компаративистики в последней трети XX века изменило и status quo алтаистики в целом. Ныне она позиционирует себя не только

как самостоятельная отрасль сравнительно-исторического языкознания, а как многомерная интердисциплинарная область гуманитарной науки, имеющая свои обширные предметные и объектные поля, свои методологические и методические установки, собственный научный тезаурус.

Широкая интеграция сравнительно-исторического языкознания с другими монодисциплинами исторического и гуманитарного циклов возвращает лингвистическую компаративистику к ее исходной основе – к принципу историзма и принципу связи языка с культурой в целом, но уже с углублением и расширением предметной сферы, репрезентативной эмпирической базы и, конечно же, результатов и выводов. Широкий охват не только языкового материала, но и предметных областей, им обозначаемых, является исключительно перспективной отраслью алтаистики.

Решительный сдвиг научных интересов нового поколения алтаистов связан с тем, что в последней трети XX века на стыке различных научных сфер стали формироваться такие интердисциплины, как этнолингвистика, лингвофольклористика, этнолингвокультурология и др. В результате этого назрела научно-методологическая и эмпирическая база для конституирования и придания определенного научного статуса новой интегрированной отрасли алтаистики – интердисциплинарной контактологии.

Появление интегрированных интердисциплинарных направлений в области гуманитарных наук (нередко даже с выходом на предметные поля естественных) система границ в области алтаистики значительно расширилась и усложнилась, а объектные поля, эмпирическая база, методологические, методические и прочие установки оказались многократно перекроенными и расширенными за счет зоны «периферийных» экстралингвистических дисциплин – истории, археологии, этнологии, культурологи, фольклористики, физической антропологии, географии, палеоботаники, палеозоологии и т.д.

Тюркологам и, шире, алтаистам необходимо стремиться к более широкому охвату предметных областей лексического

материала. Континуум исследовательского поля в сфере интегрированной междисциплинарной алтаистики создается тем, что смыкаются области истории и языка: история слов, история вещей, история духовных ценностей (концептов культуры) (см., напр.: Степанов, 2001).

Здесь нельзя обойти молчанием немаловажное методологическое упущение, которое является камнем преткновения если и не всех, то, по крайней мере, большинства исследований, посвященных проблеме тюркско-монгольских языковых взаимоотношений, затрагивающих в основном уровень лексики. Такого рода исследования, не претендуя на какие-либо серьезные выводы, обычно называются скромно: «тюркско-монгольские языковые (или лексические) параллели» (Суюнчев, 1977; Садыков, 1983 и др.). В лучшем случае речь идет о языковом влиянии (Татаринцев, 1976), заимствованиях (Рассадин, 1980), иноязычных элементах (Kalużyński, 1961) и т.п.

Обычно в работах, посвященных тюркско-монгольским лексическим параллелям, исследователи пишут об общем праалтайском наследии (часто не утруждая себя приведением каких-либо доказательств) или просто о банальных параллелях, в лучшем случае – о заимствованиях (обычно о монгольских интерференциях в тюркские). Приятным исключением в этом довольно обширном ряду работ являются разве что труды А.М. Щербака (особенно – Щербак, 1997), в которых последовательно разрабатывается методика разграничения разновременных тюркских заимствований в монгольском и монгольских – в тюркских. Исключительно важными в методологическом отношении являются труды венгерского тюрколога А. Рона-Таша (в особенности: Рона-Таш, 1974; см. также библиографию), которому с большой убедительностью удалось доказать, что ортодоксальная алтаистика в основном опирается на ранние тюркские материальные заимствования из тюркского *R*-языка болгаро-чувашского типа в монгольский. Между тем, и А. Рона-Таш говорит в основном о тюркских заимствованиях в монгольском и монгольских – в тунгусо-маньчжурском. Однако подробное изучение тюркско-

монгольских языковых параллелей скорее свидетельствует о сложных адстратно-субстратно-суперстратных взаимоотношениях между ними; причем уже в среднемонгольском отчетливо выделяются, по крайней мере, два разновременных тюркских субстрата: наиболее ранний R-язычный, то есть огурский (до XI в. н.э.) и относительно поздний Z-язычный, то есть стандартный, или уйгурский (по Дж. Клоусону, XII–XIII вв.).

Однако как в алтаистике в целом, так и в тюркологии и монголиистике, вопрос об адстратно-субстратно-суперстратных взаимоотношениях в общем еще и не поставлен. Увлечшись традиционной алтаистикой, исследователи в лучшем случае говорят о заимствованиях и интерференциях, не утруждая себя выяснением истинного характера контактов на разных исторических этапах.

Многолетняя работа по изучению истории образования многоплановых казахско-монгольских лексических параллелей привела автора данного исследования к твердому убеждению, что не следует упрощать проблему и рассматривать все тюркско-монгольские параллели, представляя их как нечто однородное, как это делается в некоторых исследованиях (см., например, Сыдыков, 1966, 110-229; 1983 и др.).

Термин «заимствование» в специальной литературе, посвященной сравнительно-историческому изучению тюркско-монгольских языковых (большей частью – лексических) параллелей обычно употребляется недифференцированно и в результате этого создается превратное представление, будто бы это был некий единовременный акт. Так, например, когда говорят о монгольских лексических заимствованиях в каком-либо конкретном тюркском языке, обычно подразумевают *контактные* (или *интерстратные*) лексические интерференции из среднемонгольского языка, проникшие в тюркские языки в эпоху становления Монгольской империи Чингисхана, или же в золото-ордынский период. Такое упрощенное представление о взаимных заимствованиях между тюркскими и монгольскими языками, имевшими место на протяжении

более чем тысячелетнего периода, сильно искажает реальную картину этноязыковых взаимоотношений между тюркскими и монгольскими идиомами. На самом деле исторические взаимоотношения между различными тюркскими и монгольскими родоплеменными и раннегосударственными образованиями были куда более сложными, многосторонними и на разных этапах имели самый разнообразный характер – от прямых контактов до адстратно-субстратно-суперстратных и их комбинаций.

Выход ранних монголов на широкую историческую арену обусловлен прежде всего их переходом на рубеже I–II тысячелетий нашей эры от экстенсивного охотничье-собирательского типа хозяйства к интенсивному хозяйственно-культурному типу кочевых скотоводов. Решающую роль в революционной смене хозяйственно-культурного типа монголов сыграли тюркоязычные огурские племена, сохранившиеся после очередного усыхания степи на северо-западных отрогах Большого Хингана, в бассейне Керулена и Аргуни. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что практически вся терминология развитого животноводства и, более того, огромный пласт культурной лексики, достигающей до полутора тысяч слов, в монгольских языках имеет субстратное происхождение и приобретено из тюркского R-языка булгаро-чувашского типа, который в специальной литературе принято называть огурским. Итак, приступая к компаративному изучению тюркско-монгольских лексических параллелей, прежде всего необходимо выделить так называемый огурский субстрат в монгольском языке. Для этого сначала надо определиться в дефиниции самого понятия языкового субстрата.

Термин *субстрат* происходит от латинского слова *substratum* (< *sub* «под» и *stratum* «слой, пласт»), что буквально означает «подстилка», «подкладка». Он был введен в языкознание во второй половине XIX века итальянским лингвистом Г. Асколи. В современном языкознании под субстратом понимается совокупность черт языковой системы, невыводимых из внутренних законов развития данного языка и восходящих

к языку, распространенному ранее на данной лингвогеографической территории. Субстрат, в отличие от контактного заимствования (интерстрата), предполагает широкое этническое смешение и языковую ассимиляцию пришельцами коренного населения.

При субстратном взаимодействии проникновение элементов одного языка в другой гораздо глубже и значительнее, чем при других формах взаимодействия. Субстратно-суперстратные воздействия затрагивают всю структуру языка, приводят ее к перестройке. Субстратные явления способны проявляться на любом уровне языковой системы от фонетики до лексики либо в виде вошедших в язык единиц и категорий, либо в виде специфических процессов исторических изменений в системе языка-победителя, стимулированных диахроническими законами побежденного языка.

Значительная материальная близость между монгольскими и тюркскими (а в числе последних в особенности с чувашским) языками, на основе которой зародилась ортодоксальная алтайская гипотеза, обязана своим происхождением не генетическому родству названных языков, а исключительно огурскому субстрату в монгольском. Несколько позднее, на рубеже XII–XIII веков в ходе завоевательных походов Чингисхана на монгольский язык наслаивается второй тюркский субстратный пласт, который, вслед за Дж. Клоусоном, несколько условно можно назвать уйгурским. В этот период монголы ассимилируют целый ряд племен, говоривших на диалектах стандартного тюркского Z-языка.

В период монгольской экспансии в сознании тюркоязычных аборигенов центральноазиатских степей родной язык и язык монгольских завоевателей оказались в отношении дополнительного распределения. В более высоких сферах, например, в политической, социально-экономической и др., местное население стало пользоваться монгольским языком пришельцев, тогда как в более низких сферах – на бытовом, семейном уровнях по-прежнему общалось на родном, тюркском языке. Со временем, как показывают современные на-

блюдения, проблема выбора языка бытового, семейного общения у двуязычного населения решается в пользу более престижного языка. В период монгольской экспансии социально более престижным был язык завоевателей. Быстрее всего на монгольский язык переходила социальная верхушка тюркского населения, а родной язык дольше всего сохранялся у социальных низов. На периферии, вдали от крупных политических и экономических центров, тюркоязычное население, судя по всему, никогда полностью не переходило на монгольский язык. Что касается монгольских керитов, татар, найманов и других племен, то исторически они были теми тюркскими подразделениями, которые волею судеб оказались в XIII веке в самом центре политических событий, связанных с ходом монгольской экспансии в эпоху Чингисхана.

На рубеже XII–XIII веков в ходе монгольской экспансии под давлением социально-политических факторов многие тюркоязычные племена Монголии и Восточного Туркестана перешли на язык пришельцев. Местные тюркские племенные языки и диалекты исчезли, однако их следы остались в монгольском языке. Дело в том, что при переходе на язык пришельцев местное население бессознательно переносит на него свои языковые навыки. Это проявляется прежде всего в так называемом акценте – своеобразном произношении чужих звуков, в замене непривычных артикуляций привычными – ведь в каждом языке существует своя собственная артикуляционная база – совокупность привычных для носителей данного языка положений и движений артикуляционных органов. Инструментальные исследования артикуляторных навыков, свойственных носителям современного монгольского языка, проведенные фонологами Института филологии Сибирского отделения РАН, показали, что монголы центральных аймаков Монголии по происхождению являются тюрками. Артикуляционно-акустическая база современных халха-монголов является преобразованной не ранее XI века артикуляционно-акустической базой древних тюрков с тройным противопоставлением согласных звуков по степени мускульного напря-

жения речевого аппарата: сильные / слабые / сверхслабые (Селютина и др., 2005, 9). Это исключительно важное заключение дает веское основание принципиально пересмотреть многие устоявшиеся в монголистике положения на этнолингвистическую историю Центральной Азии.

Современное монголоведение оперирует только письменными памятниками среднемонгольского языка, самые ранние из которых датируются XIII веком. Более раннее состояние монгольского языка нам практически неизвестно. Но уже сейчас ясно, что фонетическая структура монгольского языка до XI века была намного отличной от той, которая нам знакома по материалам письменных памятников XIII века. Реконструкция фонологического строя древнемонгольского языка возможна только после снятия всех тюркских наслоений разных эпох.

Языковой узус субстратного населения будет проявлять себя не только на фонетическом уровне, но также и в отклонениях в морфологии, словообразовании, парадигматике и синтагматике, семантике и т.д., то есть на всех строевых уровнях языка. Это происходит при всяком переходе на чужой язык, в чем нетрудно убедиться, если внимательно прислушаться, например, к русской, английской, монгольской и даже к турецкой или узбекской речи природных казахов. Однако при этническом смешении двух народов, при ассимиляции одного языка другим эти отклонения будут иметь не единичный, а массовый характер; а из-за того, что процесс ассимиляции одного языка другим протекает обычно относительно долго, они будут воспроизводиться вновь и вновь в течение длительного времени. Так, например, артикуляционно-акустическая база ассимилированных еще в XII–XIII вв. древних тюрков прослеживается даже в современном халха-монгольском языке. Таким образом, изменения, которые вносятся в язык пришельцев субстратным населением в ходе его ассимиляции, могут постепенно утвердиться в языке-победителе. Именно это мы наблюдаем в монгольских языках начиная с их самых ранних письменных фиксаций.

Однако, *субстрат* – это лишь одна из форм языкового взаимодействия. Наряду с субстратом в современной контактологии выделяются и другие «страты» – адстрат, интерстрат, перстрат, суперстрат. Нетрудно заметить, что все эти специальные термины образованы на базе латинского слова *stratum* «слой, пласт» с помощью соответствующих приставок *ad* «при», *inter* «между», *per* «через», *super* «над, сверх».

Субстрат и *суперстрат* объединяет то, что они являются результатом этнического смешения и языковой ассимиляции. Такого рода процессы обычно имеют место при захвате одним народом территории, заселенной другим народом. В результате длительного сосуществования на одной территории у пришельцев и автохтонного населения возникает потребность в общем языке, необходимом для совместной экономической, социальной, культурной, политической деятельности. Таким общим языком межэтнической коммуникации обычно становится язык народа, стоящего на более высоком уровне экономического, социально-политического, культурного и т.д. развития. Социально престижным языком может стать как язык пришельцев, так и язык автохтонного населения. Так, например, в эпоху военной экспансии Чингисхана в силу прежде всего политических причин монгольский язык возымел более высокий социальный статус, и покоренные монголами меркиты, керейты, найманы, татары и прочие тюркоязычные племена перешли на монгольский язык межэтнического общения. Однако уже в Монгольской империи Чингисхана престижность монгольского языка пала и сами «покорители вселенной» стали переходить на тюркский язык. Государственным языком Золотой Орды уже был среднекыпчакский язык.

Если при этническом смешении общим языком становится язык автохтонного, местного населения, то постепенно исчезает язык пришельцев. Следы языка пришельцев в языке автохтонов принято называть *суперстратом*. Как и в случае субстрата, в случае суперстрата происходит ассимиляция одного народа другим и исчезновение одного из языков. Явле-

ние суперстрата, как было подмечено исследователями, встречается реже, так как завоеватели обычно стоят на более высоком по сравнению с аборигенами уровне социально-политического, экономического и культурного развития.

Под *суперстратом* в современном языкознании обычно понимается совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития языка и объясняемых как результат растворения в данном языке языка пришлых этнических групп, ассимилированных аборигенным населением. Следовательно, значительная часть лексики монгольского происхождения в казахском, как и в языках большинства других тюркских народов, входивших в свое время в состав Монгольской империи, имеет суперстратное происхождение.

Другие «страты» – *адстрат*, *интерстрат* и *перстрат* – отличает от субстрата и суперстрата то, что взаимодействие народов в этих случаях не приводит к растворению одного этноса в другом, ассимиляции одного языка другим.

Под термином *адстрат* (от лат. *ad* «при, около» и *stratum* «слой, пласт») в современном языкознании понимается совокупность черт языковой системы, объясняемых как результат влияния одного языка на другой в условиях длительного сосуществования и контактирования народов, говорящих на этих языках, на одной общей территории. Адстрат, в отличие от субстрата и суперстрата, означает нейтральный тип этноязыкового взаимодействия, при котором не происходит этнической ассимиляции и растворения одного языка в другом. При адстратных взаимоотношениях образуется своеобразная прослойка общих элементов между двумя самостоятельными языками. В определенном отношении *адстрат* близок к субстрату и суперстрату: он является результатом естественного прямого контакта, не опосредованного письменностью, протекающего прежде всего в низких коммуникативных сферах – семейной, бытовой, производственной. Примером адстрата является влияние калмыцкого языка на западные говоры казахского языка и, в еще большей мере,

взаимное сосуществование монгольского и казахского языков в Баян-Ульгейском аймаке Монголии.

К адстрату примыкает *интерстрат* (от лат. *inter* «между» и *stratum* «слой, пласт»). Под интерстратом понимается совокупность черт языковой системы, формирующихся в результате длительного сосуществования и контактирования двух народов, проживающих на смежных территориях и говорящих на разных языках. Интерстратные взаимоотношения наиболее интенсивно развиваются в приграничных зонах, но часто перекрывают и весь ареал контактирующих языков. Так, например, значительная часть монголизмов восточных говоров казахского языка имеет интерстратное происхождение.

Говоря об адстрате и интерстрате нужно помнить, что речь идет именно об устной форме межъязыкового взаимодействия. Заимствования, попавшие в те или иные языки через письменность, книжно-литературным путем (например, монгольские, калмыцкие или бурятские экзотизмы, этнографизмы и т.п.) к адстрату относить нельзя. В последнем случае более уместно использовать термин *перстрат* (от лат. *per* «через» и *stratum* «слой, пласт»). Под перстратом понимается совокупность черт языковой системы, объясняемых как результат культурного, опосредованного письменностью взаимодействия языков на верхних уровнях коммуникативной сферы – государственной, политической, научной, литературной, культурной, религиозной и т.д.

Таким образом, разграничение субстрата, суперстрата, адстрата, интерстрата и перстрата основывается на характере взаимодействия языков.

Разграничение различных типов языковых взаимосвязей имеет важную объяснительную силу не только для истории языка, но и для истории народа, для изучения сложных проблем этноглотогенеза. Поэтому изучению адстратно-субстратно-суперстратных взаимоотношений двух и более народов и языков в компаративных направлениях гуманитарных наук придается исключительно большое значение. Ведь

языковые ад-, суб-, супер-, интер-, перстраты позволяют гораздо детальнее и конкретнее проследить исторические пути этноязыкового взаимодействия и смешения народов в те далекие от нас времена, о которых письменных источников не сохранилось. Именно эта экстралингвистическая причина обуславливает огромное внимание к проблеме лингвистического (ад-, суб-, супер-, интер-, пер-)страта со стороны историков, археологов, этнологов, культурологов. Изучение языковых «стратов» является надежным средством познания длительного, многостороннего и глубокого взаимодействия народов в древности.

Задача лингвиста-компаративиста заключается в том, чтобы наиболее точно выявить в изучаемых языках все проявления исторических адстратно-субстратно-суперстратных взаимодействий, реконструировать то, что давно исчезло. Это огромная ценность и для лингвистов, и для представителей других гуманитарных наук.

Теория адстратно-субстратно-суперстратных контактов не только опирается на сравнительно-исторический метод, но и обогащает его, поскольку позволяет объяснить тонкие различия между теми или иными родственными и / или контактирующими языками, вызванные субстратными или иными влияниями.

Теория адстратно-субстратно-суперстратных взаимоотношений приобретает особую значимость в алтаистических исследованиях, поскольку позволяет разграничить генетическое родство языков и их сродство, основанное на смешении языков.

Вопрос о тюркском субстрате (вернее, субстратах) в монгольском является одной из неизученных проблем алтаистики. Проблему субстрата в монгольском нельзя решать абстрактно, вне учета конкретно-исторических условий взаимодействия тюркских и монгольских этносов. На разных исторических этапах развития тюркско-монгольских этноязыковых контактов, при разном качественном, количественном и пространственном соотношениях между ними результаты

языкового взаимодействия между данными идиомами вне всякого сомнения были различными.

На рубеже XII–XIII веков, в период возвышения монголов Чингисхана и их экспансии на запад, конкретно-исторические условия взаимодействия тюркских и монгольских идиом в степях Западной Монголии и Восточного Казахстана были насколько активными, настолько и сложными. Свидетельством тому служит хотя бы достаточно подробно рассмотренный ниже фрагмент из истории реальных взаимоотношений между монголами Чингисхана и изначально тюркоязычными керейми – керитами Ван-хана.

Не менее бурно развивались конкретно-исторические взаимодействия монголов с целым рядом других тюркоязычных племен, вовлеченных впоследствии в сферу влияния Великой Монгольской империи Чингисхана. Если посмотреть на эту проблему шире, то оказывается, что от Якутии на востоке и до Чувашии и Турции на западе, нет такого тюркского языка, который в той или иной степени не испытал бы влияния среднемонгольского языка. Давно замечено исследователями, что количественное соотношение лексических монголизмов в разных тюркских языках постепенно убывает из языка в язык при следовании с востока на запад. Так, чрезвычайно велико общее число монголоизмов в языках Сибири и Саяно-Алтая, здесь одно из первых мест занимают якутский (Kalużyński, 1961) и тувинский (Татаринцев, 1976) языки. В истории якутского языка в период его обособленного развития неоднократно возникали ситуации, способствовавшие глубокому и интенсивному взаимодействию его с монгольскими языками. Много монгольских слов проникло в тувинский язык, что объясняется постоянными контактами тувинцев с монголами, долговременной смежностью их территорий и известными историко-политическими обстоятельствами. Далее по убывающей идут хакасский, горно-алтайский, киргизский, казахский и каракалпакский языки, вслед за ними уйгурский с узбекским и т.д. Меньше монголизмов в куманско-кыпчакской группе, в которой по обилию монголизмов можно выделить

карачаево-балкарский. И, наконец, еще меньше монгольских лексических проникновений в огузских и чувашском языках, причем в последнем все они являются опосредованными — частью среднекыпчакским и, в большей степени, татарским языками.

В канглийской и периферийной ветвях кыпчакской группы выделяются монголизмы субстратного, суперстратного, адстратного, перстратного и интерстратного происхождения.

Языковые контакты осуществляются в виду необходимости общения между представителями разных этнических и языковых групп, вступающих между собой в интенсивные связи по хозяйственно-экономическим, социально-политическим и иным причинам. Контактные взаимоотношения между языками происходят благодаря постоянно повторяющимся диалогам, постоянному общению между носителями разных языков, при которых используются оба языка одновременно обоими говорящими, либо порознь каждым из них. Соответственно возможно либо активное владение двумя языками (двуязычие в строгом смысле слова, когда каждый из коммуникантов может говорить и на том, на другом языке), либо пассивное понимание чужого языка.

Результаты языковых контактов по-разному сказываются на разных уровнях языка в зависимости от степени вхождения их элементов в глобальную целостную структуру. Наименее структурированы и интегрированы в пределах лексического фонда в целом группы специальных терминов для узких областей использования // функционирования языка, поэтому они могут быть заимствованы почти целиком. Таковыми, например, являются термины развитого животноводства, земледелия и т.п. в монгольских языках, которые в основе своей имеют тюркское происхождение.

Относительная свобода отдельного слова в пределах части словарного фонда языка, в которую оно входит, облегчает заимствование или семантический сдвиг (обычно сужение и специализация значения), в частности, калькирование, т.е. передачу внутренней формы и содержания иноязычного

слова средствами родного языка, под влиянием различного типа контактов, в том числе и по отношению к употребительным словам обиходной лексики, чаще всего с конкретными, неграмматикализованными, словарными значениями. Заимствование слов с грамматическими значениями, например, (лично-возвратных местоимений в чувашском языке из индоиранского и т.д.) возможно при самых тесных контактах родственных и / или иносистемных языков.

При тесных контактах родственных и / или иносистемных языков может осуществляться заимствование аффиксальных морфем, причем не только деривационных, но и парадигматических, т.е. с грамматическими значениями. Словоизменяющие или формообразующие аффиксы, как правило, перенимаются при массовых заимствованиях слов, их включающих.

Распространенное утверждение о том, что контакты не могут привести к возникновению вторичного, аллогенетического родства языков нуждается в оговорке: тесные и продолжительные языковые контакты могут существенно увеличить степень материальной близости на относительно более поздних этапах взаимоотношений не только типологически близких (например, агглютинативных), но и разносистемных (например, тюркских и иранских, тюркских и финно-угорских и т.д.) языков.

К наиболее распространенным последствиям долговременных и интенсивных контактов двух (или нескольких) языков специалисты относят возможность изменения системы фонем одного или обоих контактирующих (или исторически контактировавших) языков, либо всей фонологической системы в целом.

Одновременное совпадение структуры фонологической системы, части обиходного словаря, некоторых грамматических категорий (при возможности их выражения разными средствами в каждом из контактировавших языков) характеризуют *языковые союзы*, возникающие при активных и долгосрочных контактах. К таким языковым союзам, по последним исследованиям, относится и алтайская языковая общность.

Раздел 2

ПРЕДЫСТОРИЯ ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИХ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Предыстория тюркско-монгольских этноязыковых контактов на первый взгляд, казалось бы, не имеет прямого отношения к собственно казахско-монгольским лексическим параллелям. Но при ближайшем ознакомлении с данной проблемой нетрудно заметить, что это далеко не так. Современный казахский общенациональный разговорный язык сформировался относительно поздно, уже в постмонгольскую эпоху этноязыковой истории Центральной Азии. Однако это ни в коей мере не означает, что общая для казахского и монгольского языков лексика сформировалась так поздно. В данном вопросе прежде всего следует выделить два основных аспекта проблемы: 1) лексика монгольского происхождения в казахском языке и 2) лексика тюркского происхождения в монгольском языке. Всеми другими аспектами, скажем, такими, как общие заимствования из иносистемных (сино-тибетских, древнеиранских, персидского, арабского и т.д.) языков, случайные совпадения, конвергентное развитие и т.п., хотя они тоже имеют важное научно-познавательное значение в ходе выяснения реальных исторических взаимоотношений между казахскими и монгольскими языками, в данном случае на время можно и пренебречь.

Нет никакого сомнения в том, что активное воздействие монгольских языков на казахский начался не ранее рубежа XII–XIII веков. А вот тюркское, прежде всего огурское, влияние на весь строй монгольского языка началось гораздо раньше эпохи возвышения монголов при Чингисхане. И эта сторона проблемы требует наиболее пристального внимания. На первый взгляд может показаться, что воздействие со стороны огурского *R*-языка булгаро-чувашского типа, отошедшего от общетюркского ствола задолго до нашей эры, к проблеме казахско-монгольских лексических параллелей имеет косвенное и весьма отдаленное отношение. На самом деле это не так. Актуальность изучения ранних этапов огурско-тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений для истории казахского языка обусловлена рядом обстоятельств.

прямые рефлексы этого слова представлены именно в восточноиранской и памирской группах языков.

Индоевропейское название самца крупного рогатого скота **uk^wsen-* / **ukson-*, **uk^{[h]o}s-en-* «бык» компаративистами обычно выводится из **ueks-* / **uks-* «расти», или из корня **uk^ws-* «увлажнять», «брызгать», «проливать», ср. др.-инд. *ukṣāti* «увлажняет», «окропляет», авест. *uḫṣeyeti* «окропляет» (Pokorny, 1959, I, 1118; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, II, 566). Это индоевропейское слово хорошо представлено в индоарийских, германских и тюркских языках, ср.: др.-инд. *ukṣan-*, ном. ед.ч. *ukṣā* «молодой бычок» (<*vaks-* : *uks-*); др.-иран. **uk/ḫsan-* (м.р.), ном. ед.ч. **uḫsā*, **ukṣā* «бык»; авест. *uḫṣā*, *uhšan-* «самец крупного рогатого скота» (<*vaxṣ-* : *uḫṣ-*); в текстах Риг-Веды *ukṣan-* «подросший бычок в возрасте между 5-9 годами, который используется как жертвенное и тягловое животное, а также выращиваемое на убой» (Kiehnle, 1979); тох. В *okso* «бык», «тягловой вол»; герм. **uḫs-u-z*, **uḫs-an*, мн.ч. **uḫsn-iz* «бык»; гот. *auhsa*, *auhsus* «бык»; др.-в.-нем. *ohso*, н.-в.-нем. *ochs*, нем. *Ochse*, др.-англ. *oḥa*, англ. *oḥ*, др.-саксон. *ohso*, исланд. *oḫi*, *uḫi* «бык» (германские когнаты индоевропейского слова почти всегда обозначают подростшего кастрированного бычка); ср. также кельт.: брет. *ouhen*, корн. *ohan* «быки», валл., кимр. *uḫ* «бык».

Наиболее вероятным является толкование индоевропейского **ukson-* «бык» как производное от глагольной базы **uks-* «расти(ть)». Следовательно, первоначально это слово должно было обозначать не племенного быка или осеменителя, как оно обычно толкуется при выведении из глагольной основы *uk^ws-* «увлажнять», «смачивать» (Pokorny, 1959, I, 1118), а подростшего бычка (Kiehnle, 1979). Еще А. Мейе предполагал, что данное обозначение быка представляет собой древний эпитет типа «взращаемый» (Meillet, 1934. 393). Как бы там ни было, этимология данного слова для нас не столь существенна, как выяснение путей его миграции по языкам Старого света.

Данное индоевропейское слово очень рано проникло в общекартвельский: и.-е. **uks-/*uk^[h]s-* «бык» → картв. **usχ-* «жертвенный бык»; оно засвидетельствовано в грузинском и сванском языках, что дает основания соотнести его архетип с общекартвельским состоянием, ср.: груз. *usχ-* «бык, корова (предназначенные на убой)»; сван. (лашх.) *usχwaj-* «бык (жертвенный)»; рачин. *usχ-* «нетель»; тушин. *sa-osχ-e-j* «животное, предназначенное на убой»; в.-бальск. *usχwāj*, н.-бальск. *wisχw-* (< **ūsχ-* < **usχ-*) «жертвенный бык до четырех лет»; лашх. *usχwob-* «праздник приношения жертвенного быка» и т.д. (подробности см. Климов, 1994, 63–68).

Вероятнее всего рассматриваемое слово проникло в пракартвельский из древнейших индоевропейских диалектов переднеазиатского ареала, распространенных непосредственно к югу от картвельской языковой области. Т.В. Гамкрелидзе датирует общекартвельское состояние периодом IV–III тысячелетий до н.э. и локализует в горных местностях западной и центральной части Малого Кавказа (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, II, 880–881). Следовательно, примерно к этому периоду можно отнести и проникновение индоевропейского названия самца крупного рогатого скота **ukson-* («взращенный, откормленный, жертвенный) бык» в пракартвельский вместе с соответствующей ритуально-культовой практикой.

По всей вероятности к индоевропейскому **uk^wsen-/*ukson-* «бык» восходят и названия самца крупного рогатого скота в дагестанских языках, ср.: авар. *os, os*, охвах. *unča, ūča*, карат. *unsa, ūsa* тинд. *mūsa, musa*, чамал. *musa*, багул. *musa*, ботлих. *unsa, ūsa*, годоб. *unsa, ūsa*, анд. *unso*, бежт. *ons, ōs*, цез. *is*, хварш. *eḋs, īs, əs*, гинух. *iš, ūš*, гунзиб. *ōs*, дарг. *unc, ūc, us*, лак. *nic, nič*, арч. *ans*, лезг. *jac*, табас. *jac, jic*, агул. *wec, wic, bec, bic, jacw*, рутул. *jas, jac*, цахур. *jac*, удин. *us*, «бык», хиналуг. *liχ, liχiz* «бык», *lac* «корова» (см.: Гасанова и др., 1971, 149; Хайдаков, 1973, 24; Климов, Халилов, 2003, 225).

Инициальные *b-, j-, l-, m-, n-* и *w-* исследователями дагестанских языков трактуются как окаменелые классные показатели, а конечный *-a* в андийских языках рассматривается

как эпитеза. Основа *os ~ *oc является общедагестанской, она не отмечена только в будухском и крызском языках, то есть на крайнем юге дагестанской языковой области. Внешние связи дагестанских названий самца крупного рогатого скота не изучены, но, тем не менее, есть основания предполагать их скифское происхождение. Отсутствие слова в южных дагестанских языках (будухском и крызском), если, конечно, оно не выбито там поздним азербайджанским влиянием, вроде бы указывает на северные пути проникновения данной лексемы.

Прямые когнаты индоевропейского *uk^ws-en- «бык» и его древнеиранского продолжения uxšan- «бык» представлены только в восточной группе иранских (главным образом в группе памирских) языков; ср.: ягноб. *kišok* «холощенный бык, вол» (< *(u)kəšā-ka-), ср. также топоним *Šabug* (< *uxšā-pr)tu- «бычий/коровий брод»); мундж. *kūyō*, вер. *kūwō* (< *ukəšā-ka-) «вол, бык»; йндга *qīāy* «вол»; шутн. *χṽ*, руш. *χṽṽ*, хуф. *χṽṽ*, барт., рошорв. *χṽṽ*, сарык. *χṽṽ* (все < *uxša-ka-) «бык, вол»; язг. *χān* «корова» (< *uxšān- + суфф. ж.р. *-ā); ишк. *kəžuk*, сангл. *kužūk* «бык, вол» (< *ukəšā-ka- < *ukšan-); вах. *wəšəng* (< *uřšanaka-), *d(ы)rukš* (< *druya- «здоровый, крепкий, сильный» + *ukšan-) «бык»; ср. также вах. *yukš* «горный козел».

Подчеркиваем, что в других иранских языках, за исключением авестийского, рефлекс индоевропейского *uk^ws-en- «бык» не засвидетельствованы, а это свидетельствует о том, что вероятным источником общетюркского *öküz «вол, бык» скорее всего был некий восточноиранский язык, который очень рано, задолго до рубежа новой эры, был ассимилирован прототюркским языком. Произошло это, по крайней мере, еще до первичного распада прототюркской этноязыковой общности на огурский (с его R-языком) и стандартный («огузский» с его Z-языком) ветви, то есть до выхода на широкую историческую арену сюнну, дунху и других древних кочевников Центральной Азии.

Восточноиранские (туранские) племена, занимавшие до рубежа нашей эры практически всю аридную полосу от Причерноморья на западе до Байкала на востоке, несомненно знали индоевропейское название самца крупного рогатого животного **ukson-* «бык», а если быть более точным, своих собственных когнатов древнеиранского **uk/χšan-* «бык». Кроме сохранившихся до наших дней прямых продолжений данного слова в современных восточноиранских и памирских языках, о широком распространении в «скифскую» эпоху рефлексов этого слова свидетельствует его проникновение в финно-угорскую этноязыковую область.

Исследователи истории финно-угорских языков волжско-пермское название самца крупного рогатого скота **uska* «бык, вол» единодушно относят к разряду ранних (индо)иранских заимствований. Данное слово хорошо представлено в марийском и пермских (коми и удмуртском) языках, ср.: мар. Л *üškaž*, *üšküž*, мар. Г *üškuž* «бык» (-*üž* – марийский аффикс, ср. мар. *uškal* «корова»); коми-перм. *oš*, коми-зыр. *oš* «бык», «вол»; *oška* «бычок»; *oškašan/oškeččan oš* «бык-производитель»; в.-сысол. *oška* «стельная», *ošköd-* «случать (корову); удм. *oš* «бык», «вол»; *ošak* «бычок», *oša-* «случать (корову)» (< общеперм. **ošk-* < **uska* < раннеперм. **uksa* «бык» ← иран.); ср. еще манс. *üška*, *üška* «бык» (← перм.) (подробнее см.: Collinder, 1955, 134; 1960, 400; Лыткин, Гуляев, 1970, 213; Joki, 1973, 334). Причастность финского *heiho*, *ehko* «телка, теленок» к этому ряду не ясна (об этом слове см.: Uotila, 1938, 75; Toivonen, 1955, 72).

Контакты между индоевропейскими (индоиранскими, иранскими) и финно-угорскими языками продолжались очень долго и отразили несколько этапов развития индоиранских, а также самих финно-угорских языков. Ограниченность ареала данного слова марийским и пермскими языками дает основание отнести волжско-пермское **uska* «бык, вол» к заимствованиям, проникавшим в Волго-Камье после обособления североиранской (скифо-сарматской) группы. Очевидно, это слово проникло в марийский и общепермский из языка иранских

Во-первых, когнаты ранних огурских заимствований в монгольском сохранились в современном казахском языке, и мы не можем исключить их из числа казахско-монгольских лексических параллелей; во-вторых, некоторые ранние огурские заимствования из монгольского языка распространились в ряде тюркских (в том числе и в казахском) языках; в-третьих, без достаточно полного учета всех коррелятов казахско-монгольских лексических параллелей в других родственных и исторически контактировавших языках мы не получим достаточно полной картины исторических этноязыковых взаимоотношений в интересующем нас регионе в доступный обзорно хронологический период и, наконец, в-четвертых, только на фоне достаточно широкой панорамной картины исторических взаимоотношений политий, народов, языков, культур и т.д. на всем доступном обозрению с высот современной исторической науки пространственно-временном континууме, мы получаем возможность с достаточной степенью объективности реконструировать реальную историю собственно казахско-монгольских этнолингвокультурных взаимоотношений. В мире все взаимосвязано, взаимно интегрировано, и поэтому понять одно без другого невозможно. По отношению к историческим судьбам языков, народов, культур, рас обширной аридной полосы Евразийского континента, и в особенности к ее Центральноазиатскому региону, который на протяжении всего доступного обозрению исторического периода был «плавающим котлом народов», актуальность этой аксиомы возрастает во много крат.

Центральная (Внутренняя, Срединная) Азия, в узком смысле этого термина, была родиной кочевников за много столетий до того, как мир узнал о монголах. Далекие исторические предки тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других народов, которых традиционно объединяют в алтайскую семью, происходят с обширной территории между горной системой Хинган, отделяющей степь от Маньчжурии на востоке, и Алтаем, Тянь-Шанем и вкраплениями пустынь на западе. Северная часть, прилегаю-

щая к Саянам, Алтаю и другим горным хребтам у Байкала и в Забайкалье, состоит из покрытых лесом гор и плодородных равнин, пересеченных многочисленными реками и озерами, принадлежащими бассейну реки Селенги, которая впадает в Байкал, а также бассейнам рек Шилка, Керулен–Аргунь, которые далее образуют Амур. Очевидно, племена, говорящие на «алтайских» языках – прототюрки, протомонголы, прототунгусы – искони обитали на этой северной лесостепной полосе Центральной Азии и с незапамятных времен занимались охотой, рыбной ловлей и собирательством. На западе этой обширной территории были расселены тюркские, далее – монгольские и на востоке, в бассейне среднего и нижнего течения Амура – тунгусо-маньчжурские племена. Такая последовательность расселения «алтайских» народов с запада на восток до сих пор наблюдается там, где народности остались в лесах и рядом с ними, но в открытой степи все перемешалось в результате многочисленных миграций и завоеваний.

Кочевой образ жизни в степях Центральной Азии не развился непосредственно из первобытно-охотничьего, как считали недавно, благодаря приручению диких овец, коз, крупного рогатого скота и лошадей, которые до этого служили им объектом охоты. В настоящее время можно считать уже доказанным, что скотоводство было привнесено в степи Центральной Азии волнами индоиранских кочевников из западных районов аридной полосы Евразии, прежде всего с территории Казахстана и прилегающих регионов на рубеже II–I тысячелетий до н.э., возможно даже несколько ранее. Хорошо известно, что уже создатели афанасьевской археологической культуры (XXV–XVIII вв. до н.э.) имели развитое скотоводческое хозяйство. Однако больше оснований считать, что прототюрки освоили навыки скотоводческого хозяйства от создателей карасукской археологической культуры (XIII–VIII вв. до н.э.). Во всяком случае в Туве, Монголии, Ордосе и даже в Северном Китае были распространены карасукские изделия. Распространение карасукских бронзовых изделий на

огромной территории от Волго-Камья на западе до Северного Китая на востоке, а внутри этого ареала особенно на Енисее, в Монголии и Забайкалье, то есть на территориях формирования ранних тюрков, археологи объясняют не случайностью и не как следствие массовых миграций, а взаимным культурным обменом племен этих территорий. В сложении карасукской культуры важную роль сыграли потомки андроновских племен (XIV–XI вв. до н.э.) и значительные инфильтрации населения багазы-дандыбаевской культуры с территории Казахстана.

В этноязыковом отношении карасукцы, по общему мнению специалистов самого разного профиля, принадлежали к индоиранцам. Если быть более точным, андроновский и багазы-дандыбаевский компоненты карасукцев скорее всего говорили на восточноиранских диалектах.

Первые контакты прототюрков с индоиранцами или, точнее, с восточноиранскими племенами скифо-сакского круга, судя по языковым материалам, начались в эпоху бронзы. Об этом, в частности, свидетельствуют довольно многочисленные древнейшие индоиранские и восточноиранские лексические заимствования в прототюркском (см. Егоровы, 2000/2001, 185-204; 2002, 140-154; СИГТЯ, 2006, 766 и след; Дыбо, 2007). Особо показательны в этом отношении индоиранские (восточноиранские) связи тюркских названий некоторых металлов и домашних животных. Так, например, название желтой меди **jez*, каз. *žez* «латунь» в конечном счете восходит к индоевропейскому **Haies-/Haios-*, ср.: арий. **aias-*, др.-инд. *áyas-*, *áyah*, род. п. *ájasah* «металл», «железо», «железное орудие», «меч», «нож»; авест. *ayah-*, род. п. *ayaṇhō* «металл», «железо», лат. *aes*, род.п. *aeris* «медь», «бронза», гот. *aiz* «руда» (см.: Рокотну, 1959, 15-16; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, 458, 709, 712, 713, 868; Расторгуева, Эдельман, 2000, 146; Егоровы, 2001, 191; 2002, 141-142); название красной меди **baqır*, каз. *baqır*, чув. *päyār* «медь» (красная) – к индоевропейской основе **bhāgh-* «темно-коричневый», «рыже-красный» и т.п., сохранившейся в славянских языках, ср.

общеслав. **bagrь*, рус. *багровый* «темно-красный», «густо-красный с синеватым металлическим отливом», др.-рус. *багрь*, *багърь*, *багрь* сущ. «багрец», «червлённый цвет»; ср. еще южно-рус. *багно* «болото», «топь», чеш. *bahno*, польск. *bagno* «болото» (см.: ЭССЯ, 1974, I, 130-132; Черных, 1993, I, 63-64); к семантике ср. и.-е. **r(e)udʰ-* в значениях «красный металл», «медь», «красный цвет», рус. *руда*, укр. *руда* «руда», «кровь», белор. *рудá* «грязь», «кровь», лит. *rūdas* «бурый», авест. *raoidita* «рыжеватый» и т.д. (см. Фасмер, 1987, III, 513; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, 711-712); название железа **tāmīr* ~ **tāmūr*, каз. *temir*, чув. *timēr* «железо», «металл» – к индоевропейской основе **temes-* «темный», ср.: скр. *tāmra* «медь», «цвета меди», «темно-красный»; «темно-красная сыпь» (ср. каз. *temiretke* «лишай», тат. *timrāw*, чув. *timre* «экзема», «лишай»); скр. *tāmra* «медь», *tāmratā* «цвет меди», «краснота», *tāmra-dhūmra* «темно-красный», «красно-серый» (Кочергина, 1987, 240); ср. также скр. *tāmas* «мрак, тьма, темнота»; *tamaṣā* «темный»; «серого цвета»; *tāmaṣa* «темный»; *tāmraḥṣa* (<*tāmra-akṣa*) «красноглазый», «ворона» (ср. каз. *temir-kök* «вороной» – масть коня), др.-инд. *tāmah*, авест. *tamah-*, перс. *tām* «тьма», «темнота»; др.-в.-нем. *dēmar* «тьма», «темнота», «мрак», рус. *тьма* и т.д.; к семантике ср. рус. *черный металл* (см. Pokorny, 1959, I, 1063; Черных, 1993, II, 276; Абаев, 1979, III, 336); первоначально тюркское **tāmūr*, очевидно, было названием «меди (красной)», затем «металла» (вообще), и уже в эпоху железа за этим словом утвердилось значение «железо».

Из названий домашних животных особый интерес представляет общетюркское название самца крупного рогатого скота **öküz*, каз. **ögiz* ~ огур. **ökür* > чув. *vāGār* «вол»; «бык», во-первых, потому, что данное слово индоевропейского корня имеет широкую и разветвленную сеть соответствий во многих языках Евразии и, во-вторых, по той немаловажной причине, что его индоевропейское происхождение признается всеми авторитетными исследователями (см. СИГТЯ, 1997, 439-440; Дыбо, 2007). Немаловажным, весьма показательным является, кроме всего прочего, тот факт, что в иранском мире

племен, оставивших памятники срубной культуры, то есть в конце II тысячелетия до н.э.

Высказанное Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым предположение о возможном заимствовании волжско-пермского **o/uška* «бык» из тохарского (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, II, 937) исключается по ареально-географическим соображениям – исторические пути тохаров и волжских и пермских финнов никогда не соприкасались: предки финнов проникли в Восточную Европу через Северный Урал, а прототохары мигрировали в Восточный Туркестан через Среднюю Азию и Южный Казахстан. Вообще все приведенные в указанном труде тохарско-финно-угорские лексические сближения требуют пересмотра и иной трактовки.

Общeturкское название самца крупного рогатого скота **öküz* «бык, вол» еще со времен Б.Мункачи считается индоевропейским, а точнее – тохарским заимствованием (Munkácsi, 1901). Носители тохарских диалектов, по современным представлениям, очевидно, были первой, самой ранней миграционной волной, проникшей далеко на восток. В историческую эпоху, в I тысячелетии до н.э., тохарские диалекты, судя по данным китайских источников, обнаруживаются в Восточном Туркестане. В связи с ранним засвидетельствованием тохарских языков далеко на востоке идея о тохарском вкладе в лексику тюркских языков в свое время была подхвачена венгерским тюркологом А. Рона-Ташем (Róna-Tas, 1974. 499-504), но затем он от нее отказался (Róna-Tas, 1990).

Согласно Дж. Клаусону, который ссылается также на справку профессора В. Винтера, тюркское *öküz* или *ököz* «почти наверняка заимствовано из тохарского», причем скорее не из тохарского В, а из тохарского А, для которого данное слово должно быть реконструировано в форме **ökeş*, откуда и происходит тюркское **ökez* / **ököz* (Clauson, 1972, 120). Строгое приурочение к одному из тохарских языков, записи которых относятся к VI–VIII вв. н.э., не должно ввести в заблуждение, поскольку «тохарско-тюркское языковое взаимодействие началось на востоке или северо-востоке

Средней Азии – или в Центральной Азии (по В. Винтеру) – еще в пратюркскую эпоху (по-видимому, в I тысячелетии до н.э.)» (Иванов, 1992, 15; СИГТЯ, 1997, 440).

К этому следует заметить, что в тохарском А слово **ökes* (ср. тох. В *okso* «бык», «тягловой вол») вообще не зафиксировано, а опереднение восточноиранских задне-рядных форм в тюркском вполне закономерно. Поэтому возведение прототюркского **öküz* «вол» к восточноиранскому **ukasa* «олощенный бык, вол», на наш взгляд, является более приемлемым. Во II–I тысячелетиях тохары были расселены в районе Восточного Тянь-Шаня и занимали примерно южную часть современного Синьцзян-Уйгурского автономного района, главным образом Таримский бассейн и Турфанскую впадину. Территория формирования прототюрков локализуется в Восточной Монголии и Забайкалье. Между тохарами и прототюрками простирается огромная и труднопроходимая территория, покрытая грядями Монгольского и Гобийского Алтая и обширными пустынями. Следовательно, предполагаемые некоторыми компаративистами исторические контакты между тохарами и прототюрками практически маловероятны. Древние исторические контакты между носителями раннеиранских диалектов и прототюрками могли происходить не позднее начала II тысячелетия до н.э. гораздо севернее, в ареале наложения «оленных камней» на культуру плиточных могил. Археологические и антропологические исследования последних десятилетий показали, что хозяйственно-культурный тип кочевых скотоводов был привнесен на территорию Монголии с запада носителями раннеиранских и восточноиранских диалектов, оставивших такие широко известные археологические культуры, как андроновская, афанасьевская, какрасукская, тагарская, пазырыкская и ряд других родственных им. В настоящее время больше всего оснований полагать, что ряд названий домашних животных индоевропейского происхождения был заимствован прототюрками не позднее рубежа II–I тысячелетий из восточноиранских диалектов создателей карасукской культуры. Тюркско-восточноиранские этноязыковые

контакты в степной полосе Евразии с тех далеких времен продолжались почти до рубежа I–II тысячелетий нашей эры, но это уже совершенно самостоятельная проблема.

До недавнего времени ранняя история народов Центральной Азии рассматривалась в основном как непрерывное и прямолинейное эволюционное развитие, как преемственность археологических культур от эпохи неолита до эпохи раннего металла, от карасукско-тагарского времени до культур периода плиточных могил, от плиточных могил до сюнну и дунху и, наконец, до древних тюрков и монголов. В настоящее время на территории Центральной Азии (даже при узком понимании этого географического термина) выделяются различные этнокультурные регионы, которые довольно хорошо прослеживаются с рубежа III–II тысячелетий до нашей эры.

Уже с конца III тысячелетия до н.э. на территории Монголии довольно четко выделяются два этнокультурных региона, отличающихся друг от друга по многим дифференцирующим признакам. На востоке страны была распространена культура охотников-собирателей и рыбаков, на западе — культура скотоводов-номадов. Эти две археологические культуры резко отличались друг от друга материальной культурой, обрядом захоронения, ритуалами, хозяйственно-культурным типом и, что особенно важно, антропологическим обликом населения: монголоидами северной, палеосибирской ветви, брахикранами с сильно уплощенным лицом и слабо выступающим носом на востоке и европеидами афанасьевского типа на западе. Условная граница между двумя этнокультурными районами проходила по котловине Великих озер, пересекающей Монголию с севера на юг.

На востоке Монголии, за котловиной Великих озер, в III–II тысячелетиях до н.э. обитало монголоидное по антропологическому типу население, которое хоронило умерших в плиточных могилах, огражденных круглыми или квадратными каменными оградками. В эпоху бронзы колесниц и вообще колесного транспорта здесь не знали, бронзовые ножи и кин-

жалы с характерными скульптурными навершиями в виде голов диких животных также не встречались. Для культуры бронзы на востоке Монголии характерны глиняные сосуды на трех ножках – триподы, бронзовые ножи с барельефными изображениями нескольких животных на рукояти. Восточно-монгольские племена на рубеже III–II тысячелетий до н.э. имели значительное сходство с забайкальскими и вообще с восточноазиатскими культурами. В последующие эпохи плиточные могилы, меняя лишь незначительно инвентарь, сохраняют свою внешнюю традиционную форму вплоть до раннего средневековья. Вопрос об этнической принадлежности людей, оставивших культуру плиточных могил, достаточно спорен: одни исследователи считают их монголоязычными (Г.Н. Румянцев, В.В. Волков и др.), другие – тюркоязычными (Э.А. Новгородова, Н.Н. Диков, А.П. Окладников, Л.Н. Гумилев и др.). Так, например, А.П. Окладников считал плиточников одним из предков курыкан, Л.Н. Гумилев рассматривал культуру плиточных могил «как ранний этап гуннской культуры» (Гумилев, 1960, 46), С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов – племенами жунов и дунху и т.д. Заметим также, что ареалы наиболее густого скопления исследованных археологических памятников культуры плиточников и сюнну практически совпадают: и те, и другие сосредоточены в бассейне реки Селенги. Именно здесь, по мнению специалистов, и локализуется историческая прародина тюрков.

Культура плиточных могил получила свое название по специфическим погребальным сооружениям из камня – оградкам из плит, врытых на ребро, и каменным выкладкам. Форма могильных оград чаще всего прямоугольная, встречаются также округлые, овальные и квадратные. У восточной стороны плиточных могил отдельно врыты так называемые сторожевые камни. Внутри ограды имеется могила, перекрытая сверху каменными плитами, могильные ямы нередко забутованы камнями. Имеются и могилы в виде каменных ящиков (Членова, 1992, 247 и след.).

Похоронный обряд, как давно замечено этнологами, отличается устойчивой консервативностью. Сложившаяся еще в эпоху бронзы традиция сооружения каменных оградок, выкладки могильной ямы каменными плитами и забутовки камнями, установления намогильных каменных стел и т.д. у многих тюркских народов, в том числе и у казахов, сохранилась вплоть до недавней этнографической действительности. Чтобы не быть голословным, приведем здесь несколько выдержек из книги Рихарда Карутца «Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке».

«Могила представляет четырехугольную яму около полтора метров глубиною; верхние края этой ямы выступают внутрь и суживают ее... Тело... опускают в могилу...; на выступ наваливают камни, закрывая таким образом могилу, причем тело покойника лежит в могиле совершенно свободно. Чтобы на него не попала земля, камни покрывают кошмой и затем уже набрасывают землю, поверх которой, для защиты могилы от зверей, снова кладут камни» (Карутц, 1910, 119).

«Я уже сказал, что для защиты от животных на засыпанные землю могилы накладываются еще камни; иногда это мелкая галька, носящая на могиле как бы случайный характер, иногда же большие плиты, наложенные друг на друга; у туркмен встречаются обтесанные наподобие саркофага четырехугольные плиты с лежащим на них камнем... Здесь, как мы видим, памятники играют уже роль отличительного знака, в первоначальной же стадии их назначение было служить для защиты могилы; они представляли просто положенный на могилу валун, и лишь впоследствии память умершего находит себе более достойное выражение в обтесанных плитах, надписях, в искусно орнаментированных камнях» (Карутц, 1910, 120-121).

«Первоначально назначение намогильного камня было защищать труп от пасущихся животных, которые своими копытами могли бы разрыть и осквернить могилу. С этой целью на могилу кладут плашмя на землю один или несколько камней, иногда складывают из камней четырехугольные кучи или

складывают из них низкий вал вокруг могилы в виде четырехугольника или круга. Последний способ допускает вариации, сооружения из камня совершенствуются, камни выбираются по возможности большие и ставятся ребром, так что получаются настоящие надмогильные ящики. Из них уже, при соприкосновении с городской культурой, развивается постройка настоящих стен, представляющих зачаток мавзолея. Вначале эти сооружения представляют не что иное, как четырехугольный, открытый наверху, ящик или, вернее, высокую каменную ограду, подобно сооружениям из больших камней, о которых мы уже говорили, с тою только разницею, что такие ограды богаче, больше и заключают в себе и окружающее могилу место; образуется как бы двор, в центре которого могила обозначается одним, лежащим на земле, и другим, поставленным вертикально у изголовья, камнем» (Карутц, 1910, 121).

Если отвлечься от некоторых комментариев самого Ф. Карутца, получается полная аналогия с описаниями плиточных могил, принадлежащими перу современных археологов. Таким образом, описанные Ф. Карутцем в начале XX века надмогильные сооружения казахов практически во всех конструктивных деталях совпадают с плиточными могилами, распространенными в степных участках Восточной Монголии в эпоху бронзы и позднее. Это является еще одним весомым аргументом в пользу прототюркской идентификации создателей культуры плиточных могил.

В первой трети I тысячелетия до н.э. в Восточной Монголии происходят кардинальные экономические и культурные преобразования, а также большие социальные перемены. Именно тогда восточные племена, создатели культуры плиточных могил, от охотничье-собирацкого хозяйственно-культурного типа переходят к кочевому скотоводству, у них происходит разложение первобытного общинного строя, и все эти революционные преобразования получают отражение во всем облике культуры.

Тем не менее, сохраняются, однако, традиционные плиточные могилы с оградками из подручного песчаника или гранита. Более того, в эту эпоху плиточные могилы распространяются далеко за пределами Восточной Монголии – в Забайкалье на севере, в Гоби, Ордосе и на Северном Тибете на юге. Это, несомненно, связано с демографическим взрывом, наступившим в результате перехода охотников-собираателей предшествующей эпохи к более производительному, интенсивному хозяйственно-экономическому типу – кочевому скотоводству.

В антропологическом отношении Восточная Монголия в это время по-прежнему представлена населением палеосибирской ветви классического монголоидного типа.

Наиболее густая сеть плиточных могил представлена в бассейнах рек Селенги, Онона и Ингоды. Надо полагать, что именно эта территория была изначальной прародиной тюркских народов и что археологическая культура плиточных могил была одной из прототюркских.

Археологические памятники Западной Монголии с рубежа III–II тысячелетий до н.э. обнаруживают черты сходства с примыкающими к ним с запада культурами Тувы, Алтая и Южной Сибири. Здесь умерших хоронили под невысокими каменными курганами. Характерным для западномонгольских памятников середины и конца II тысячелетия являются бронзовые ножи и кинжалы прекрасной работы с орнаментированными рукоятками и навершиями в форме голов диких животных.

В горных районах западной и северо-западной частей Монголии плиточных могил вообще нет. Господствующая здесь форма погребальных комплексов – каменные курганы (херексуры), аналогичные пазырыкским курганам Алтая и уюкским курганам Тувы. Наскальные рисунки первой половины I тысячелетия до н.э. представлены типичными «скифосибирскими» оленями в позе «летающего галопа»; бронзовый инвентарь и оружие – кинжалы, акинаки, чеканы, наконечники стрел, а также глиняная посуда напоминают инвентарь

синхронных «скифско-сакских» памятников Тувы, Алтая и Восточного Казахстана.

Внимательное знакомство со специальной археологической и антропологической литературой показывает, что на западе Монголии археологические памятники афанасьевского типа с курганами сменились памятниками окуневского типа, а затем карасукской, которая славилась высокоразвитой цветной металлургией и бронзовыми орудиями со звериными наверхшиями и изображениями на скалах эпических сражений на боевых колесницах. На базе карасукской культуры сложилась культура ранних кочевников Центральной Азии и сопредельных территорий (Новгородова, 1989; 1981, 2007-215).

В эпоху карасукской культуры (XIII–VIII вв. до н.э.) в Центральной Азии зарождается звериный стиль, который позднее находит яркое воплощение в гравировках на оленных камнях. В этот период в Западной Монголии появляются изображения боевых колесниц, очень сходных с его изображениями на горах Тувы, Алтая, Киргизии, Памира, Казахстана, Южной Сибири, Таджикистана и т.д. Необходимо отметить, что все колесницы и их изображения найдены на территории расселения индоиранских племен. Самый восточный рубеж распространения изображений боевых колесниц в Евразии в настоящее время – это горы Монгольского и Гобийского Алтая (знаменитая «Гобийская квадрага»), а также на севере Монголии, вдоль реки Чулуут (Чулутын-гол), притока Селенги. И территориально, и по времени распространения изображений боевых колесниц в Западной Монголии совпадает с расселением племен карасукского круга. Скотоводы-карасукцы были самыми восточными соседями родственных им раннеиранских племен, населявших Южную Сибирь, Казахстан, Восточный Туркестан, Памир, Среднюю Азию, Афганистан со II тысячелетия до н.э. Показательно то, что на изображениях карасукской эпохи все колесницы запряжены лошадьми.

С европеоидным по антропологическому типу и восточноиранским по языку населением западномонгольской архео-

логической культуры карасукского типа, по мнению многих специалистов, связаны знаменитые «оленные камни» – монументальные каменные изваяния, сплошь покрытые изображениями стилизованных фигур оленей в позе «летающего галопа»; хищников из семейства кошачьих, куланов, лошадей, лосей и т.д. (Волков, 2002). Основная масса оленных камней монгольско-забайкальского типа датируется периодом с XII по V (по другим данным, с XI по IV) вв. до н.э. и относится к рубежу эпох бронзы и ранних кочевников.

Территория распространения оленных камней четко ограничена: от Забайкалья до Гоби, где известны единичные находки, от Большого Хингана на востоке до Центрального Казахстана, где найден один аналогичный памятник. Иногда территория распространения так называемых «оленных камней» чрезмерно расширяется до степей Восточной Европы (Членова, 1984) за счет однотипных каменных стел, но памятники с изображениями оленей с клювовидной мордой «в позе летающего галопа» представлены только в центре Азии, на западе изображения оленей не встречаются вообще. Поэтому, говоря об оленных камнях мы имеем в виду только монгольско-забайкальский тип подобных памятников. Для настоящих оленных камней монгольско-забайкальского типа характерны пышный декор и тщательность оформления многочисленных деталей, причем это является, по мнению специалистов, признаком их архаичности.

Прежде раскопки оленных камней не проводились, поэтому от внимания исследователей была скрыта под землей самая интересная нижняя часть памятника. После проведения раскопок перед учеными впервые предстали выбитые углубленным силуэтом изображения кинжалов разных форм, кривых ножей, копий, луков, стрел, колчанов, боевых топоров, щитов и т.п.

В настоящее время у специалистов не возникает сомнений по поводу местного центральноазиатского происхождения оленных камней монгольско-забайкальского типа. В пользу такого заключения свидетельствует большое количе-

ство находок такого типа оленных камней именно в Центральной Азии, наличие на них многочисленных изображений предметов карасукского типа – висящих на поясе ножей, кинжалов, акинаков, боевых топоров, чеканов с навершиями, выполненными в зверином стиле, со скульптурными навершиями в виде голов диких животных, а также фигур оленей, выполненных в традициях звериного стиля аржаномайэмирского этапа.

Особенно интересными для определения этнокультурной принадлежности оленных камней оказались изображения кинжалов со скульптурными навершиями на ручках, на которых в лучшей карасукской реалистической манере выполнены головы горного козла, барана, оленя, коня; встречен также кинжал с навершием в виде головы животного из породы кошачьих. Эти изображения несомненно указывают на западные, карасукские истоки создателей оленных камней. Известно около трех десятков изображений карасукских кинжалов на монгольско-забайкальских оленных камнях; они показаны вместе с втульчатыми топорами, двойными крючьями, пятиугольными «щитами», специфическими серьгами и ножнами.

Некоторые исследователи находят параллели этому инвентарю в археологических памятниках Северного Китая, и на этой основе пытаются связать оленные камни с деятельностью древних кочевников жун и дунху, которые, согласно китайским летописям, населяли в XII–IV вв. до н.э. восточно-монгольские степи (Кляшторный, 1982, 172). Сыма Цянь *жунами* называет предков сюнну до воцарения у последних Туманя. Кочевники, населявшие Центральную Азию в VII–VI вв. до н.э. именуется Сыма Цянем *жунами* и *ди*, позднее их стали называть *ху*, т.е. просто кочевниками или варварами. В то же время в отрогах Большого Хингана и близлежащих степях жили «горные жуны» и родственные им *дунху*, букв. «восточные варвары». Радикальные изменения общей этнополитической ситуации в Центральной Азии, согласно Сыма Цяню, произошли в «период воюющих царств» (403–221 гг. до н.э.). Вместо прежних *жунов* на севере и *ди* на западе по-

являются сильные объединения кочевых племен, соответственно: сюнну – на востоке и юэчжи – на западе, а про дунху сообщается, что они «достигли расцвета» и у них появился единый правитель (Кляшторный, Султанов, 1992, 53-55). В конечном счете С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов пришли к такому заключению: «Теперь, накладывая сведения письменных источников на археологическую карту, логично заключить, что носителями культуры плиточных могил были племена жунов и дунху. Культура курганных захоронений Западномонгольского и Саяно-Алтайского регионов, датируемая V–III вв. до н.э., принадлежала восточнокифским племенам – юэчжам и усуням» (Кляшторный, Султанов, 1992, 56-57).

В довольно большой специальной археологической и историко-лингвистической литературе вопрос о происхождении и распространении в древности колесного транспорта в степях Евразии связывается с расселением древних индоевропейцев и индоиранцев (см. Кузьмина, 1974; Ковалевская, 1977; Шер, 1980; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, II, 717-738 и др.). Древнейшие изображения колесниц обнаружены на Ближнем Востоке, в Месопотамии и датируются IV в. до н.э. Во второй половине III тысячелетия до н.э. ареал распространения колесных повозок значительно расширяется: свидетельства о бытовании колесного транспорта и колесниц обнаруживаются на Северном Кавказе, в Северном Причерноморье, на Дунае, в Приуралье и Мохенджо-Даро на востоке. Около рубежа III–II тысячелетий колесный транспорт распространяется в Волго-Камье, близ Казани, а колесничные изображения на скалах появляются в Южной Сибири и на гадательных костях в Шанском Китае (середина II тысячелетия до н.э.). Предполагаемый путь продвижения колесного транспорта из ближневосточного очага его возникновения в восточном направлении в сторону Средней Азии и далее на восток, вплоть до центральных районов Монголии, действительно отмечен многочисленными наскальными изображениями запряженных лошадьми колесных повозок, датируемыми

эпохой бронзы, то есть III–II тысячелетиями до н.э. Они обнаружены в обширном ареале от Ферганского хребта (Саймалы-Таш) и далее на восток до Южной Сибири, Минусинской котловины и Центральной Монголии (Шер, 1980, 194 и след.). Такая картина распространения колесной повозки практически полностью совпадает с диффузией иранского названия самца крупного рогатого скота **uxšan-* «бык, вол» в евразийском этноязыковом континууме: одна ветвь древнеиранских племен (скорее всего это были срубники) занесла колесный транспорт, а вместе с ним и название одного из упряжных животных – вола, далеко на север, в Волго-Камье (ср. волжско-перм. **uška* «бык, вол»), а другая – через Среднюю Азию и Южный Казахстан далеко на восток – в Западную Монголию и Восточный Туркестан. По всей вероятности, это были создатели афанасьевской и родственных с ней археологических культур карасукского типа. Есть достаточно много аргументов в пользу мнения о карасукском происхождении общетюркского слова **öküz* «бык, вол». Наличие ротацированной огурской (булгаро-чувашской) формы **ökür* «бык, вол» (ср.: монг. **üker* ← огур. **ökür*; венг. **ökör* ← др.-булг. **ökür*; чув. *văġär* «бык») однозначно свидетельствует, что данное слово появилось в прототюркском языке очень рано, во всяком случае до его первоначального распада на огурскую и стандартную (огузскую) ветви. Параллельные, синхронные интерференции названий меди (латуни, бронзы) дают основание датировать восточно-иранско-прототюркские контакты эпохой палеометалла (бронзы) в центральноазиатском регионе, то есть приблизительно рубежом II–I тысячелетий до н.э.

Распространение изделий из бронзы в Монголии происходит в середине–второй половине II тысячелетия до н.э. Наиболее яркие и массовые памятники эпохи раннего металла в Западной Монголии относятся к карасукской культуре и уже оттуда распространяются далее на восток. В I тысячелетии до н.э. в Монголии начинается железный век, что по времени совпадает с периодом расцвета культуры плиточных могил. При этом следует иметь в виду не время появления

бронзовой металлургии в Центральной Азии вообще, и не время появления бронзовых предметов в ареале культуры плиточных могил, а следует ориентироваться на время возникновения собственной бронзовой металлургии у прототюрков. Такая осторожность, надо полагать, языковедам-компаративистам должна быть понятна. Когда заимствуются готовые изделия, вместе с ними проникают в язык названия именно самих готовых вещей, а не названия материала, из которого они изготовлены. Готовые бронзовые изделия в прототюркскую среду, по всей вероятности, начинали проникать гораздо раньше, чем сама технология бронзовой металлургии. Любого человека в первую очередь интересует функциональное применение нового предмета, а технологией его изготовления он начинает интересоваться гораздо позднее. Во всяком случае, между временем появления у плиточников первых карасукских бронзовых ножей и развития собственной металлургии существовал определенный хронологический разрыв.

Несколько иначе обстоит дело с названиями домашних животных – они проникают из одного языка в другой вместе с самими обозначаемыми ими реалиями. Следовательно, название быка в пратюркский могло проникнуть даже несколько раньше, чем названия цветных металлов. Но в данном случае это не суть важно; гораздо важнее установить причину заимствования прототюрками такого, казалось бы банального слова, как обозначение самца крупного рогатого скота. В прототюркском языке, конечно же, было слово для обозначения самцов диких и, возможно, некоторых домашних животных, скажем, оленя, лося, дикого быка или собаки. Для заимствования слова **öküz* «бык» из восточноиранского должна была существовать какая-то веская причина. И она действительно была. Прототюрки позаимствовали у своих соседей не просто название самца крупного рогатого скота, а специализированное, «культурное» слово для обозначения вола, то есть кастрированного, выхолощенного самца домашнего крупного рогатого скота, укрощенного таким образом и приспособленного для использования в хозяйстве в качестве тягловой силы.

При внимательном прочтении источников по древним и живым тюркским языкам всплывает именно значение «вол», а не «бык-производитель» (для обозначения последнего существует специальное слово *buqa*), хотя составители лексикографических справочников и переводных словарей не всегда придают значение различию между «быком-производителем» и «волоком – кастрированным быком», ср.: др.-тюрк. **öküz* «бык, вол» (QBN, 385; ДТС, 383); *ögüz* «вол, бык» (ДТС, 382), но ср. *buqa* «бык-производитель» (МК, QBN; ДТС, 125); енис., др.-уйг., карах.-уйг. **öküz*, ср.-уйг. *ök(k)üz*, ср.-кыпч. *öküz* «вол, холощенный самец домашнего крупного рогатого скота», «кастрированный бык»; туркм. **öküz* «бык»; «вол»; но *buya* «бык-производитель»; тур. **öküz* «бык, вол»; но *boğa* «бык»; аз. *öküz* «бык, вол», но *buya* «бугай, бык-производитель»; гаг. **öküz*, *jöküz* «вол», но *buya* «бык»; «дикий бык»; *buyaja getir* «вести на случку к быку»; уйг. *ökuz*, *hökuz* «вол», но *buqa* «бык»; узб. *hukiz* «вол»; *quş hukiz* «пара волов, запряженных в соху (омач)», но *buqa* «нехолощенный бык, бык-производитель»; тат. *ügěz* «бык, бугай», но *buya* «молодой нехолощенный бык»; башк. *ügëd* «бык, вол», *ajyār ügëd* «некастрированный бык», но *buya* «бык-производитель», «телец»; кумык. *ögüz* «вол», но *buya* «бугай»; к.-балк. *ögüz* «вол», *ögüz arba* «подвода на волах», но *buya* «бык, бугай»; кар. *ögüz* «бык», *ögüz* «рогатый скот», «бык»; *egiz* «бык, вол», но *buya* «бык, бычок, телец»; ног. *ögiz* «вол, бык», но *buya* «бык»; каз. *ögiz* «вол», но *büqa* «бугай, бык-производитель»; к.-калп. *ögiz* «бык, вол», но *buya* «бык-производитель»; кирг. *ögüz* «вол, кастрированный бык», но *buqa* «бугай, бык-производитель»; с.-юг. *ok'us*, *ufkus* «корова»; *kus*, *k'us* «як, бык, корова (вообще крупный рогатый скот)»; *už* «бык, вол», *už jyl* «год быка», но *boqa*, *puqa* «бык»; якут. *oγus* «бык», *at oγus* «холощенный бык, вол», *aīr oγus* «бык-производитель», *qur oγus* «вол, находившийся в нагуле в течение года»; чув. *văGār*, диал. *măGār* «бык», *kastarnă văGār* «вол» (см.: ЭСТЯ, 1974, 521-523; СИГТЯ, 1997, 439-440; 2006, 132; EDAL, 2005, 1168-1169; там

же литература). В этимологических исследованиях на семантическую сторону обычно обращали мало внимания. Приведенный материал не оставляет никакого сомнения в том, что в прототюркский это слово было заимствовано в специализированном культурном значении «вол», а не в значении «бык-производитель», то есть в качестве «культурного» термина. В этой связи следует обратить особое внимание на то, что в восточноиранских и памирских языках (см. выше) уже было представлено именно значение «холощенный бык, вол», а в язгулямском даже «корова». Очевидно, в восточноиранских говорах слово **ixʃan* употреблялось и в более широком значении – для обозначения используемого в качестве тягловой силы крупного рогатого скота вообще и это расширенное значение получило отражение в монгольском, но об этом будет сказано ниже.

Также не было обращено достаточного внимания на полное отсутствие каких-либо следов данного слова в хонгорайской и тобаской группах тюркских языков сибирского региона, включая и (горно)алтайский. Считать этот факт утерей слова на поздних этапах развития данных языков не приходится, так как тотальная утеря этого важного в хозяйстве скотоводов слова маловероятно. Создается впечатление, что в хонгорайской и тобаской группах тюркских языков слова **öküz* «вол» никогда не было. Это, очевидно, связано с тем обстоятельством, что далекие предки современных сибирских тюркоязычных народов в доступную обзорению историческую эпоху обитали гораздо севернее от прототюрков, в горно-таежной полосе Южной Сибири, занимались в основном охотой и собирательством и использование крупного рогатого скота в качестве тягловой силы для них никогда не было актуальным. Заметим также, у большинства сибирских тюркских народов вплоть до этнографической истории сохранился характерный для охотников-собирателей хозяйственно-культурный тип.

Приведенные аргументы и факты, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствуют в пользу мнения о про-

никоновении прототюркского слова для обозначения кастрированного самца домашнего крупного рогатого скота **öküz* «вол» из несохранившегося восточноиранского языка в карасукскую эпоху (XIII–VIII вв. до н.э.). При достаточно осторожном подходе проникновение восточноиранского **uksā* «вол» в прототюркский относится ко времени не позднее рубежа II–I тысячелетий до н.э. или к первым векам I тысячелетия до н.э. Во всяком случае, это должно было произойти до конца VIII века до н.э., так как примерно с этого времени карасукская культура перестала существовать. В пользу мнения именно о карасукском происхождении тюркского **öküz* «вол» можно привести следующий факт: на карасукских поселениях остатков крупного рогатого скота найдено столько же, сколько костей мелкого рогатого скота и лошадей вместе взятых (Ермолова, 1983, 106; Вадецкая, 1986, 59).

В дренеиранских языках, как и в праиндоевропейском, видимо, имелся только один спирант – глухой *s*, его звонкий аллофон *z* выступает только перед звонкими смьчными (Семереньи, 1980, 62-63; Расторгуева, Эдельман, 2000, I, 286). Тюркские языки такого ограничения не знали. Более того, в медиальной и ауслатной позициях в стандартном тюркском преобладает звонкий спирант *z*. Именно эта особенность фонетической структуры стандартного тюркского языка и способствовала озвончению глухого спиранта *s* при заимствовании восточноиранских слов в пратюркский, ср.: арий. **aīças-*, др.-инд. *áyas-*, др.-иран. **aīçah-* (<**aīças-*) «металл» (простой, поделочный, в отличие от дарагоценного)), предположительно, первоначальное значение «бронза» (Расторгуева, Эдельман, 2000, 146) → прототюрк. **jez* «медь (желтая)», «латунь»; др.-иран. **basaka*, др.-инд. *vatsá-h*, скр. *vaska*, хот.-сак. *basakä*, осет. *wæx / väss* «теленок» → прототюрк. **buzayu* «теленок»; др.-иран. **uksā* «вол» прототюрк. *öküz* «вол» и т.д. (см. Егоровы, 2001, 185-204). Древнейшие индоевропейские (индоиранские, восточноиранские) лексические заимствования в прототюркском дают, таким образом, веское основание для однозначного решения дилеммы тюркского «ротацизма» – «зета-

цизма»: прототюркский бесспорно был стандартным Z-языком, а огурский (протобулгарский) R-язык развился на базе стандартного тюркского языка огузского типа. В свое время чувашский языковед Н.И. Егоров на защите своей докторской диссертации в Алма-Ате высказал интересную идею о возможном развитии огуро-булгаро-чувашского ротацизма в результате наслоения прототюркского языка на предположительно восточноиранский субстрат (Егоров, 1992, 28). В своем научном докладе он, в частности, пишет: «Распад прототюркского этноязыкового единства вызван, на наш взгляд, революционными изменениями, происходившими в хозяйственно-экономическом укладе жизни прототюркских племен на рубеже II–I тысячелетий до н.э. Первоначально прототюрки были охотниками-собираателями и обитали в районе Забайкалья и Восточной Монголии. На рубеже II–I тысячелетий до Центральной Монголии докатились волны индоарийских племен, скорее всего, восточноиранского круга. Прототюрки начинают осваивать от них навыки скотоводства. Об этом можно судить, в частности, по тому факту, что ряд тюркских названий домашних животных (*at* «лошадь», *inek* «корова», *öküz* «бык», *taj* «жеребенок», *tana* «телка», *keçe*, *eñke* «коза», *tewe* «верблюд» и др.) (иранские этимологии этих и других слов см.: Егоровы, 2001, 185-204. – Ж.Т.) имеет индоиранскую, а точнее – восточноиранскую этимологию.

В связи с переходом от потребляющей системы экономики к производящей, значительно улучшилась материальная основа жизни, что в свою очередь привело к стабильному росту численности населения. Историками и этнографами установлено, что охотнику-собирателю для нормальной жизнедеятельности требуется не менее 10 км² территории на душу населения, а скотоводу достаточно менее 1 км². К тому же надо учитывать, что жизнь охотника-собирателя во многом зависит от случая и удачи, а номад всегда имеет под руками высококалорийную белковую пищу. Переход к производящему типу хозяйственно-экономической жизни имел революционное значение в жизни прототюрков, он привел к демогра-

фическому взрыву и вызвал Великое переселение народов. Уже в середине I тысячелетия до н.э., если не ранее, в поисках удобных пастбищ прототюрки начали покидать свою прародину и волна за волной выходить в широкие степные просторы.

Первыми экстенсивное скотоводство начали осваивать, очевидно, племена, размещавшиеся на западной периферии прототюркской эйкумены. Оказавшись в близком соседстве с восточноиранскими номадами, они вошли с ними в тесные контакты, усвоили их систему хозяйствования и скотоводческую культуру, вскоре превзошли их в численности и начали ассимилировать своих соседей. Видимо, в результате наслоения прототюркского языка на предположительно восточноиранский субстрат и совершались процессы ротацизма и ламбдацизма, до сих пор не получившие какого-либо приемлемого объяснения. Обычно такие резкие сдвиги в фонетической системе возникают при наложении одного языка на другой в результате приспособления иноязычных звуков произносительному узусу субстратного языка» (Егоров, 1992, 29-30).

Столь пространная цитата в данном случае вполне оправдывает себя. В ней выражено совершенно новое и, на наш взгляд, наиболее конструктивное решение проблемы так называемого «алтайского», вернее, огуро-булгаро-чувацкого ротацизма и ламбдацизма. С учетом отсутствия в индоевропейском, а также в иранском, звонкого спиранта *z*, предложенное Н.И. Егоровым решение проблемы огурского ротацизма получает дополнительное обоснование и логически вполне завершенный вид.

Таким образом, совершенно определенно можно констатировать, что на востоке Монголии происходило непрерывное эволюционное развитие от эпохи неолита к эпохе культуры плиточных могил, которая в симбиозе с карасукской культурой переросла в культуру ранних кочевников центра Азии, ставшей фундаментом этнических объединений жунов, сюнну, дунху и др., а затем и древнетюркских племен.

Даже из столь беглого изложения истории восточно-иранско-тюркских этноязыковых контактов III–I тысячелетий до н.э. вытекает заключение, что длительное и активное взаимоотношение между карасукцами и плиточниками привели к кардинальным изменениям этноязыковой, социально-экономической, политической и культурно-исторической ситуации в Центральной Азии.

Предложенная Н.И. Егоровым в тезисном изложении концепция ранних этапов тюркского этноглотогенеза хорошо согласуется данными археологической истории Центральной Азии в I тысячелетии до н.э. Если исходить из постулата прототюркской идентификации археологической культуры плиточных могил и (восточно)иранской–карасукской культуры, вырисовывается логически довольно стройная концептуальная парадигма:

1) на рубеже II–I тысячелетий до н.э. прототюрки заимствуют от карасукцев бронзовую металлургию и пастушеское скотоводство; в прототюркском языке складывается определенный пласт «культурной» лексики восточноиранского происхождения, в том числе названия некоторых домашних животных, терминология бронзовой металлургии и т.д.;

2) в первых веках I тысячелетия до н.э. прототюрки осваивают скотоводство, становятся номадами, начинается процесс ассимиляции прототюрками восточноиранских племен карасукского культурного типа; в результате наложения стандартного прототюркского Z-языка на восточноиранский субстрат начинает формироваться R-язык огуру-булгаро-чувашского типа, который к рубежу VIII–VII вв. до н.э. занимает господствующее положение в степях всей Монголии; в результате скрещивания карасукских традиций звериного стиля с культурой плиточных могил в степях Монголии начинают появляться оленные камни монгольско-забайкальского типа;

3) в VII–IV вв. до н.э. идет ассимиляция стандартных тюркских Z-диалектов огурским R-языком булгаро-чувашского типа;

4) начиная с рубежа IV–III вв. на арену истории выходят R-язычные тюркские племена, известные по древнекитайским источникам под политонимами сюнну, дунху и т.д.; стандартные тюркские диалекты постепенно оттесняются на юго-западные и северо-западные периферии монгольских степей;

5) в период с III в. до н.э. по II в. н.э. в Центральной Азии господствуют сюнну и соперничающие с ними родственные племена – ухуани, сяньби, мужуны, жуань-жуани и т.д.; в первых веках н.э. в степях начинается очередной засушливый период и Империя сюнну распадается, население монгольских степей расселяется в периферийные предгорные и горно-таежные районы, основная масса сюннуских племен мигрирует на запад – в Семиречье, на территорию Южного Казахстана, в Приаралье и далее – за Волгу, в южнорусские степи, вплоть до Подунавья;

6) на рубеже IV–V вв. засушливый период завершается, степи Центральной Азии вновь оживают и заселяются теперь уже тюркскими племенами, говорящими на Z-языках; начинается древнетюркская эпоха в истории Великой Степи.

«Туцзюе (тюркаты. – Ж.Т.) есть особое племя сюнну. Их родовое имя Ашина», – так повествует древнекитайская историческая хроника «Чжоу шу» о выходе на широкую историческую арену в середине IV века в Восточном Туркестане кёк-тюрков или тюркютов. Очевидно, это были древнетюркские племена, говорившие на стандартном тюркском Z-языке. По всей вероятности, они сохранились в отрогах Восточного Тянь-Шаня с древнейших времен. Видимо, в эпоху господства в степях Центральной Азии сюнну ассимиляция со стороны огурского языка до них не дошла. Надо полагать, что вторгшиеся в Восточный Туркестан в первых веках нашей эры сюннуские племена сами были ассимилированы аборигенным населением.

Согласно китайским историческим хроникам, группа древнетюркских племен, обосновавшаяся на рубеже III–IV веков в степях севернее Нань-Шаня, в конце IV века была вы-

теснена на Восточный Тянь-Шань, в район Турфана, где продержалась до 460 года. Это были древнетюркские племена Ашина. В 460 году на них напали жуань-жуани – остатки одного из известных в свое время племен группы дунху, уничтожили созданное тюрками рода Ашины владение, переселили покоренные ими племена на Алтай и заставили их выплачивать дань железом. На Алтае тюрки вскоре объединились с местными племенами и создали крупное племенное объединение, которое уже в 545 году установило дипломатические отношения с одним из северо-китайских государств. Наиболее крупным объединением племен, говоривших на языке огузского типа, была конфедерация древнетюркских племен, получившая в китайских исторических хрониках название *теле* (от др.-тюрк. *tegreg* «круг, округ»). В специальной литературе название этого племени обычно толкуется как «тележники», но такое объяснение ошибочно. Древнетюркское *tegreg* значит «ободок, обруч, круг» (МК, I, 477; ДТС, 549; Clouson, 1972, 485), ср. также *tegire* «вокруг, кругом», *tegirme*, *tegirmi* «круглый» (ДТС, 548), а значение «телега» в известных древнетюркских памятниках не отмечено. Нам представляется, что в этнониме *теле* китайских источников скорее всего отражается значение «круг»: «круг родственных племен», «объединение племен», «союз племен одной округи» и т.п., ср. чув. *tavra* (< **tegre*) «все вокруг, все кругом»; «родня», «родственники»; *tavraš* (< *tavra-šě* < **tegre-si* – форма принадлежности 3-го лица) «род, клан, фамилия»; «близкие», «окружение», «среда» и т.п. Следовательно, термин *теле* китайских источников и его собственно тюркский прототип *tegire* ~ *tegre*, как, кстати, и термин *oγuz*, скорее были соционимами, чем собственно этнонимами, и означали просто «союз племен».

Тюрки рода Ашина, усилившись за счет объединения с родственными огузскими племенами, восстали против жуань-жуаней и изгнали их за пределы Внутренней Азии. Часть жуань-жуаней бежала на восток, в Северный Китай и Корею, часть мигрировала далеко на запад, где они стали известны

под именем аваров (обров в русских летописях). Включив в состав своих орд часть древнебулгарских племен Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Приазовья, западные жуаньжуани получили название аваров (от др.-булг. *owär < *oγur); в 558-568 годах они прорвались к границам Византии и создали в долине Дуная свое государство – Аварский каганат. Авары, несомненно, говорили на тюркском R-языке огурского типа. Отсюда можно заключить, что отдельные группы огурских племен сохранились в Центральной Азии вплоть до середины VI века. Вполне возможно также, что на северо-востоке современной Монголии, в бассейне Керулена и западных отрогах Большого Хингана сохранились довольно значительные остатки ухуаней, сяньбийцев, мужунов, тоба, шивэй и других племен, некогда входивших в конфедерацию сюнну и группу племен дунху. К ним мы еще вернемся, а пока поговорим о древних тюрках.

На территории Саяно-Алтая в III–V вв. выделяется ряд археологических культур, которые по некоторым характерным элементам, могут быть с различной степенью достоверности атрибутированы как раннекыргызская, раннетелеская (= раннеогузская) и раннекыпчакская (Кляшторный, Султанов, 1192, 82).

Так, в таштыкской археологической культуре (I–V вв. н.э.), сложившейся на территории Среднеенисейской низменности, четко прослеживается ряд элементов (обряд трупосожжения, некоторые конструктивные особенности погребальных склепов, отдельные виды украшений и керамики), получивших дальнейшее развитие в культуре енисейских кыргызов.

Памятники брельского типа на Горном Алтае (III–V вв.) отличаются сопроводительными захоронениями коней и на этом основании справедливо трактуются как раннеогузские (= раннетелеские).

В синхронных памятниках Северного Алтая, входящих в круг конгломератной верхнеобской культуры, достаточно рано начинают проявляться элементы, характерные впослед-

вии для культуры раннесредневековых кыпчаков (Кляшторный, Султанов, 1992, 82).

Таким образом, на современном этапе изученности выделяются три самостоятельные археологические культуры, различающиеся нормами погребального обряда, характерным оформлением артефактов и их декором: культура енисейских кыргызов, культура алтайских тюрков и сроткинская, т.е. кимакско-кыпчакская культура Восточного Казахстана и Северного Алтая (Кляшторный, Султанов, 1992, 83).

Исходя из этих фактов можно заключить, что этническая основа носителей современных стандартных тюркских языков огузского, кыпчакского и сибирского (хонгорайского, тобаского) типов изначально формировалась и развивалась в горно-таежной зоне Южной Сибири. Это были остатки тех прототюркских племен, которых практически не задело ассимилирующее воздействие со стороны огузского *R*-языка в сюннускую (хуннскую) эпоху. Создается впечатление, что предки носителей современных огузских, кыпчакских и сибирских тюркских языков в Империю сюнну не входили, а потому и сумели сохранить свой прототюркский *Z*-язык в чистом виде. Предки носителей современных карлукских языков в данную эпоху, видимо, обитали в Восточном При-тяньшанье. Однако эти соображения требуют самого серьезного изучения с привлечением всего доступного комплекса эмпирической базы.

В середине VI века четыре основные группировки древнетюркских племен вошли в состав нового политического образования, зачинателям которого по стечению обстоятельств суждено было стать переселенным жуань-жуанями с Восточного Тянь-Шаня на Алтай тюркам рода Ашина, то есть кюк-тюркам. В этой связи уместно напомнить, что слово *Ашина*, сохраненное китайскими источниками (по реконструкции С.Е. Яхонтова, иероглифы, составляющие китайскую транскрипцию имени, читались в это время как *āṣinā* ~ *āṣanā*) имеет восточноиранское происхождение, ср.: др.-перс. *aḫṣaēna*, согд. *'χs'yn'k* (= *aḫšēnē*, хот.-сак. (письмом брахми) *āṣṣeiṇa* (=

āššena), тох. *A āšna-* (← хот.-сак. или согд.) «синий, темный». Именно восточноиранская этимология имени *Ашина* является фонетически и семантически (ср. др.-тюрк. *kök türk* «голубые, синие, небесные и т.п. тюрки») наиболее безупречной. Согласно интерпретации С.Г. Кляшторного, «явное калькирование имени (тюрк. *kök türk.* – Ж.Т.) предполагает неутраченное значение его первоначального смысла и чужеродного (согдийского. – Ж.Т.) происхождения, вполне совместимого с полиэтническими слагаемыми культуры Первого Тюркского каганата...» (Кляшторный, 1997, 162). К этому следует добавить, что на территории, где жили кёк-тюрки Ашина с конца III в. до 460 года, преобладало иранское (согдийское) и тохарское (индоевропейское) население, оказавшее значительное влияние на язык и культуру «синих тюрков» Ашина.

С середины VI века начинается новый этап тюркского этнолингвогенеза, который протекал на фоне изменившихся социально-политических условий. В это время, в связи с переходом большей части древнетюркских племенных объединений к кочевому скотоводству, активизируются процессы социальной дифференциации древнетюркских обществ, власть тюркских правителей распространяется не только на все степное пространство Монголии, но проникает и на казахстанскую и среднеазиатскую регионы Великой Степи, зона политического влияния древних тюрков проникает на запад и доходит до южнорусских степей.

Во второй половине VI века этнополитоним *türk* впервые попадает в анналы истории и вскоре получает широкое распространение в аридной полосе Евразии: восточноиранское (согдийское) слово *turk* (от др.-иран. **turyaka* «туранец», «житель Турана», в противопоставление **aryaka* «иранец», «ариец», «житель Ирана») в форме множественного числа **turkut* проникает не только в тюркскую среду и становится собирательным алло-, а несколько позднее, и автоэтнонимом древнетюркских племен, но попадает и на страницы китайских исторических хроник в иранизированной форме множественного числа *туцзюе* (← тюрк. *türküit* ← согд. *turkut* < *turk*

«туранец» + суфф. мн.ч. *-it*), так как дипломатические и письменные сношения между древними тюрками и Китаем в то время осуществлялись при посредстве согдийцев или владеющих согдийским языком тюрков, и согдийского письма. Вскоре политоним *türk* получает широкое распространение по всей Евразии и попадает на страницы византийских, сирийских, персидских, арабских, тибетских, китайских и т.д. исторических источников. Это связано с возникновением в середине VI века первых тюркских каганатов и расширением сфер их политического, экономического и культурного влияния.

Динамика этнического развития основных группировок древнетюркских племен в дальнейшем происходила в недрах раннефеодальных государств – Первого Тюркского каганата (551–630 гг.), Второго Тюркского каганата (682–745 гг.), Уйгурского каганата (745–840 гг.), Кыргызского каганата (IX–X вв.) и т.д.

Здесь необходимо особо подчеркнуть, что, вопреки устоявшейся в исторической литературе традиции, никаких монгольских племен в степях Центральной Азии, начиная от Большого Хингана и далее на запад, ни в сюннускую эпоху, ни в эпоху древнетюркских каганатов не было. Об этом красноречиво свидетельствует полное отсутствие следов монгольских языков во всех известных древнетюркских письменных памятниках, включая и знаменитый «Дивану лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгари. Древнемонгольские племена до первых веков II тысячелетия н.э. обитали в бассейне Среднего Амура, существовали в основном за счет охоты, рыболовства и собирательства. Переход древнемонгольских охотников-собирателей на скотоводческий тип хозяйства произошел только в первых веках II тысячелетия новой эры, то есть буквально накануне появления на арене истории харизматической личности Темучина–Чингисхана (подробнее об этом см. в следующих главах).

Смена этноязыковой ситуации в Центральной Азии в начале II тысячелетия н.э., по нашему мнению, связана с очередным природным катаклизмом. В X веке происходит крат-

ковременное перемещение увлажнения из аридной зоны в гумидную и наблюдается перемещение кочевых племен Центральной Азии на запад: печенеги под давлением мигрирующих с востока огузов покидают Приаралье и уходят в южное Поднепровье. Кыргызы под напором киданей в 915–916 гг. отходят на север за Саяны. Но уже в начале II тысячелетия н.э. цветущая степь вновь начинает притягивать к себе людей и начинается заселение обезлюдивших было степей Центральной Монголии татарами, керейтами, найманами и др. Рубеж XI–XII веков характеризуется кульминацией увлажнения в степях Центральной Азии. В степях Монголии в это время складываются оптимальные условия для кочевого скотоводства. Именно в это время монгольские племена начинают осваивать навыки скотоводческого типа хозяйства.

Родиной монголов являлось Восточное Забайкалье севернее реки Керулен, бассейны Онона и Шилки, вплоть до верховьев Амура. Ниже по течению Амура располагались тунгусо-маньчжурские племена – предки современных улчей, нанайцев и др. Предки монгольских племен продолжали обитать в бассейне Онона до начала X века. Начиная с этого времени происходит перелом в судьбах монголов, что было вызвано изменением хозяйственно-экономического уклада их жизни – освоением кочевого скотоводства.

Темучин родился в урочище Делюн-Болдох, в 8 км к северу от современной российско-монгольской границы. Эта местность сочетала лесные дебри и степные просторы, удобные и для лесной охоты, и для скотоводства. Южнее, в бассейне Керулена, расстилалась бескрайняя степь, постепенно оправлявшаяся от засухи X века. По мере восстановления пастбищных угодий тюркские племена вновь начали переселяться в долины Онона, Керулена, Орхона и Селенги. К ним примкнули и монголы, освоившие к этому времени навыки кочевого скотоводства.

Исследователи давно заметили, что базовая часть разветвленной терминологии развитого животноводства в монгольских языках, включая и наименования всех основных ви-

дов домашнего скота, является тюркской по происхождению, причем она была заимствована не из стандартного тюркского Z-языка, а из R-языка огуро-булгаро-чувацкого типа (Рона-Таш, 1974, 36). А. Рона-Таш приводит 25 монгольских терминов высокоразвитого животноводства, отмеченных печатью огурского (=булгаро-чувацкого) ротацизма и ламбдацизма. Среди них находим и тюркское, вернее – огурское по происхождению, название кастрированного самца домашнего крупного рогатого скота **öküz* «вол», разумеется, в огурском ротацизованном звучании, ср.: тюрк. *öküz* ~ огур. **ökür* «вол» → ср.-монг. **üker* (Lessing, 1960, 1003): п.-монг. *хүкер* (SH), *хүгер* (HY, 10), *ükär* «крупный рогатый скот»; «вол», «корова»; ср.-монг. *üker* «крупный рогатый скот»; х.-монг. *üхёр* «крупный рогатый скот: бык, корова, вол» (БАМРС, 2001, III, 434-435); бур. *üхёр* чаще употребляется как родовое название «крупный рогатый скот»; «вол, кастрированный бык»; «корова»; калм. *ükër* «корова»; редко «бычий»; ойр. *ükër, ükür* «корова»; орд. *ükër*, могол. *ükär, okär* дагур. *хүкур, хүкүре*, дунс. *fugie(r)*, монгол. *fugor, хүкур*, «крупный рогатый скот»; «бык», «вол», «корова» (EDAL, 2203, II, 1168-1169; там же основная литература).

Для полноты общей картины распространения восточноиранского по происхождению названия кастрированного самца домашнего крупного рогатого скота **uksan* «вол» сюда следует добавить тувинское *üger* «корова», «созвездие Тельца»; «большой, крупный» (в атрибутивных синтагмах типа *üger bõ* «пушка», букв. «корова-ружье» или «бык-ружье»; из монг. *üхёр* «крупный рогатый скот») и, далее, тунгусо-маньчжурские соответствия, ср.: эвенк. *hukur, ukur, hukul, ukun, ekun, uku* «корова», «рогатый скот», эвен. *höken, hökön* «корова», солон. *ихур, ukur(u)* «рогатый скот», которые в сущности являются относительно поздними (не ранее конца XIII в.) заимствованиями из монгольского (Sinor, 1962, 315-318).

Таким образом, индоевропейское по своему происхождению название кастрированного самца домашнего крупного

рогатого скота, совершив долгое путешествие по степным просторам Евразии, добралось, наконец, до бассейна Амура. Схематически путь миграции индоевропейского слова **ukson-* «бык, вол» выглядит примерно следующим образом:

и.-е. **ukson-* «бык, вол» [→ картв. **usx-* «жертвенный бык»] > авест. *uhšan-* «кастрированный бык, вол» > вост.-иран. **uxša-* [скиф? → дагест. *ūca ~ ūsa* «бык, вол»; сармат.? → волж.-перм. **ūksa* «бык. вол»] → прототюрк. **öküz* «бык, вол» > огур. (протобулг.) **ökür* «бык, вол» [др.-булг. → венг. **ökör* «вол»] → монг. **üker* «крупный рогатый скот» [→ тув. **üger* «корова»] → т.-маньчж. **ükür* «рогатый скот, корова».

Отсюда вытекают несколько выводов принципиального характера:

1) монголы становятся номадами не ранее первых веков II тысячелетия н.э.;

2) монголы заимствуют терминологию развитого скотоводства не ранее рубежа I–II тысячелетий н.э. из тюркского *R*-языка болгаро-чувашского типа (который мы называем для краткости огурским);

3) огурский (=протобулгарский) *R*-язык болгаро-чувашского типа сохранился в бассейне Керулена вплоть до начала II тысячелетия н.э.;

4) известный нам по сохранившимся письменным памятникам XIII века среднемонгольский язык сформировался в результате наложения неизвестных нам древнемонгольских родо-племенных диалектов на огурско-тюркский *R*-язычный субстрат;

5) на территории современной Монголии в I тысячелетии н.э. обитали преимущественно тюркоязычные племена; во всяком случае до рубежа I–II тысячелетий в данном регионе монголоязычных племен не было.

Следовательно, вся концептуальная парадигма древней и раннесредневековой этноязыковой истории Центральной Азии требует кардинального пересмотра.

Раздел 3

ТЮРКСКИЕ ВЛИЯНИЯ НА МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Тюркское влияние на монгольские языки имеет многовековую и чрезвычайно сложную историю. На разных исторических этапах и на разных территориях монгольские языки контактировали с самыми разными тюркскими языками и диалектами – от якутского на востоке до чувашского на западе. Начавшись в глубокой древности, тюркско-монгольские языковые взаимодействия местами продолжают и в наши дни.

Наиболее ранний пласт тюркизмов в монгольском носит тотальный характер, что свидетельствует о его субстратном происхождении.

Разновременные сложные субстратно-адстратно-суперстратные взаимоотношения, контактные взаимозаимствования, перезаимствования, общие заимствования из третьих языков, охватывающие почти целиком отдельные тематические группы лексики, создают видимость существования регулярных фонетических соответствий и закономерных исторических переходов и тем самым усугубляют и без того чрезвычайно сложную картину тюркско-монгольских языковых взаимоотношений.

Уже сейчас ясно, что из всех языковых групп алтайской общности наиболее интенсивными, сложными и многослойными в диахроническом и диатоническом отношениях были взаимоотношения между тюркскими и монгольскими языками. Тюркско-монгольские параллели на всех строевых уровнях языка, прежде всего на уровнях лексики и фонетики, настолько тесны, что действительно создают иллюзию об их возможном изначальном генетическом родстве.

Все исследователи алтайских языков сходятся во мнении, что при изучении многочисленных тюркско-монгольских лексических параллелей следует различать диахронические пласты, восходящие к домонгольской эпохе, от более поздних, складывавшихся после XIII в. Мнения алтаистов расходятся в том, следует ли рассматривать пласт тюркско-

монгольских лексических параллелей, сложившийся до XIII в., монолитным, или же следует различать в этом пласте разновременные диахронические наслоения.

Приверженцы традиционной алтайской гипотезы предполагали, что ранний пласт тюркско-монгольских соответствий, относящийся к эпохе до XIII в., является монолитным, и относили его к праалтайской эпохе. Их оппоненты, отрицающие само существование гипотетической алтайской общности, полагали, что ранний пласт тюркско-монгольских лексических параллелей сложился до XIII в. в результате контактных заимствований из определенного древнетюркского диалекта болгаро-чувацкого типа в древнемонгольский.

Выделение материальных взаимозаимствований в тюркских и монгольских языках ведет к относительно четкому разграничению собственных лексических фондов в обеих лингвистических семьях и не оставляет никаких сомнений в их изначальной самостоятельности и разнородности.

Тюркско-монгольская языковая общность является продуктом длительного взаимодействия и активных взаимных контактов. Своеобразие данной общности предопределено значительной смешанностью монгольских языков тюркскими интерференциями и, вследствие этого, заметным сближением их с тюркскими языками, происходившими в конце I тысячелетия н.э. преимущественно в ходе влияния в одном направлении, которое и обусловило появление мощного инновационного пласта в лексике. Активное воздействие со стороны тюркских языков на прамонгольский происходило, по всей очевидности, еще до его распада и имело тотальный характер. Поэтому есть достаточное основание предполагать субстратно-адстратно-суперстратный характер ранних тюркско-монгольских контактов.

Проблема тюркских заимствований в монгольских языках еще более осложняется тем обстоятельством, что здесь приходится считаться с разновременными лексическими напластованиями, проникшими на протяжении последних двух тысячелетий из самых разных тюркских языков, начиная

с наиболее ранних прабулгарских (огурских) и древнетюркских диалектов и кончая современными тюркскими языками. Несколько проще обстоит дело с относительно поздними (с XIII века) монгольскими заимствованиями в тюркских языках.

Детальное изучение ранних тюркско-монгольских лексических параллелей показывает их неоднородность. Даже с чисто теоретической и исторической точек зрения трудно себе представить, чтобы за весь огромный период от распада алтайской общности и до начала XIII в. н.э. древнемонгольский язык контактировал только с каким-то одним тюркским диалектом. Возможно, ранних тюркско-монгольских контактов было несколько и в разные периоды своей истории древние монголы сталкивались с носителями разных тюркских диалектов. Но все это пока только предположения.

А. Рона-Таш полагает, что однозначно утверждать, будто исторические пути тюркских и монгольских языков разошлись очень рано и сошлись только незадолго до XIII в., а до этого были разделены непроходимой стеной, нельзя (Róna-Tas, 1982, 137).

Конечно, говорить о различных диахронических и диатопических пластах ранних тюркских заимствований в монгольском просто; все дело в том, как выявить критерии определения и разграничения этих пластов, как установить пространственно-временные параметры этих контактов и хоть как-то связать их с реальными социально-политическими, культурно-историческими и т.п. процессами в истории этих народов. Однако, если не поставить перед собой таких далеко идущих задач, мы будем еще долго топтаться на месте в изучении древнейших этапов истории алтайских народов и языков.

Органическая связь истории языка с историей народа очевидна, но эта связь в разных уровнях языка отражается по-разному. Лексика занимает здесь особое место. Лапидарный тезис Якоба Гримма «наш язык есть также наша история» оправдан главным образом в применении к уровню лексики.

Именно здесь особенно зримо и непосредственно жизнь и судьбы народа налагают свой отпечаток на язык. При сравнительно-историческом изучении лексики исследователь должен обращать самое пристальное внимание помимо чисто лингвистического материала также на этногенетические, исторические, этнографические, археологические, антропологические и т.д. стороны проблемы.

История слов, то есть выяснение генетических связей данного слова с другими однокоренными словами того же языка, с генуинными словами родственных (относительно казахского языка – это прежде всего тюркских), а также исторически контактировавших иносистемных языков, неразрывно связана с историческими и этногенетическими исследованиями. Язык и закономерности его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка. Если такой подход справедлив в отношении языка в целом, то особенно наглядно и осязаемо выступает связь языка с историей самого народа, когда мы изучаем словарный состав языка, его внешний связи.

История формирования лексического фонда теснейшим образом связана с историей самого народа гораздо более тесными узами, чем история развития грамматического строя. Словарный состав языка наиболее чувствителен к внешним социально-политическим изменениям и находится в состоянии непрерывного, постоянного пополнения существующего лексического фонда новыми словами как за счет внутренних ресурсов, так и за счет внешних заимствований, так как в связи с изменением социального строя этноса, с развитием производства, культуры, науки и т.п. появляются новые реалии и понятия, и возникает насущная необходимость их выражения вербальными средствами.

Предметы и явления объективной действительности проходят в коллективном сознании народа стихийную обработку, включающую, по крайней мере, три основные опера-

ции: селекцию, абстракцию, классификацию. Лексика языка – результат многовекового процесса освоения действительности с помощью применения этих операций. Объем и структура лексики соответствуют объему и структуре общественной практики и коллективного сознания в прошлом и настоящем. И когда мы говорим о языке как историческом источнике, мы имеем в виду в первую очередь лексику.

Что же касается базового, исконного фонда лексики, то он сохраняется во всем основном на протяжении всей жизни данного этноса и используется как основа словарного состава языка. Базисный словарный фонд, благодаря тому, что он живет очень долго, в течение ряда тысячелетий, имеет исключительное значение для суждения о происхождении народа и его родственных связях с другими народами. Остальной словарный состав, относительно более новый по своему происхождению, благодаря своей чувствительности к внеязыковым изменениям в жизни этноса, оказывается особенно ценным для суждения о процессах, связанных с изменениями этнополитической ситуации, социального строя, развитием хозяйства, экономики, торговли, транспорта, науки, техники, культуры и проч. Остальной словарный состав языка, как уже было отмечено, перманентно пополняется как за счет внутренних ресурсов, так и за счет внешних заимствований.

Особо следует подчеркнуть историческое, источниковедческое значение заимствованной из других языков групп лексики. Они дают ценнейший материал о прошлых культурных связях данного этноса с другими исторически контактировавшими народами.

Все это свидетельствует об одном: подлинно научное компаративное изучение лексики должно иметь широкую опору на всестороннем изучении социальной, политической и культурной истории этноса. Исследование лексики становится наиболее ценным и результативным только тогда, когда оно является одновременно также историческим исследованием. Отсюда вытекает еще один вывод: исследователь истории лексики должен быть вооружен самыми разнообразными

сведениями в области истории, культуры, этнографии, археологии, антропологии, фольклористики, искусствоведения и т.д. не только по носителям исследуемого языка, но и по целому ряду исторически контактировавших народов.

Сравнительно-историческая лексикология в проблеме межъязыковых контактов выходит за рамки лингвистики в узком смысле и становится дисциплиной историко-культурологической, а добытые ею результаты получают широкий общегуманитарный резонанс. Успех такого рода изысканий может быть обеспечен только в том случае, когда анализ – двусторонний, диалектический: от языка к истории и от истории к языку; от слов к реалиям и от реалий к словам. А это значит, что специалист, изучающий диахронические межъязыковые контакты должен быть вооружен не только хорошим знанием приемов и методов общего и компаративного языкознания, но и широкой осведомленностью относительно исторического прошлого контактировавших народов, а также их материальной и духовной культуры.

Если ранние тюрско-монгольские лексические параллели считать многослойными, то только один, наиболее древний из них, может относиться к праалтайскому состоянию, а все остальные следует квалифицировать как отдельные случаи разновременных исторических заимствований из различных древнетюркских диалектов. На современном уровне изученности проблемы можно говорить по крайней мере о двух диахронических и диатопических пластах тюркизмов – огурском (прабулгарском) и древнетюркском (стандартном тюркском).

Следовательно, в общей истории тюркского языкового влияния на монгольский следует выделить два хронологически и качественно отличающихся друг от друга периода:

- 1) период огурско(=прабулгарско)-монгольских этноязыковых контактов и
- 2) период монгольско-тюркских (огузских) этноязыковых контактов.

В дальнейшем изложении материала первый из них будем называть для краткости и удобства «периодом огурско-монгольских этноязыковых контактов» и, соответственно, второй – «периодом монгольско-тюркских этноязыковых контактов», имея в виду в последнем случае взаимоотношения между среднемонгольским языком и древнетюркскими диалектами стандартного типа.

* * *

Период огурско-монгольских этноязыковых взаимоотношений является насколько интересным, настолько и трудным для изучения. Интерес к огурско-монгольским этноязыковым взаимоотношениям обусловлен прежде всего тем обстоятельством, что огромный пласт заимствованной из тюркского R-языка болгаро-чувацкого типа лексики монгольских языков в свое время был положен в основу алтайской теории. Вместе с тем, установление неоалтаистами огурского (=прабулгарского) происхождения наиболее раннего пласта тюркских заимствований монгольских языков настойчиво требует пересмотра многих устоявшихся представлений на этноязыковую историю степей Внутренней Азии и даже всей аридной полосы Евразии в раннем средневековье. В связи с этим требуют принципиального пересмотра такие неизменно запутанные проблемы, как происхождение «алтайского» ротацизма и ламбдацизма и тюркского R-языка болгаро-чувацкого типа, этноязыковой идентификации целого ряда ранних кочевых племен центра Азии, таких, например, как племена группы дунху – ухуани, сяньби, мужуны, жуаньжуани и др., азиатских гуннов, эфталитов, населения государственного образования Юэбань и т.д. Эти и другие сопряженные с ними проблемы имеют непосредственное отношение к раннесредневековой истории Казахстана и, в частности, к проблеме ранних этапов тюркизации населения Семиречья, бассейна Сырдарьи, Приаралья и т.д. Выявление огромного (более 1000 слов) пласта огурских лексических заимствований в монгольских языках по-новому ставит вопросы о месте

и роли тюркского компонента в формировании монгольского этноса в эпоху средневековья и т.д. В этой ситуации отнюдь не сакраментальным и нелепым выглядит вопрос: а был ли монголом Темучин из рода кият-борджигин?

Огромные трудности и массу вопросов вызывает установление места, хронологических рамок и характера огурских (прабулгарских) лексических проникновений в монгольский язык. В настоящее время на эти вопросы можно ответить в самых общих чертах: масса огурских слов могла попасть в прамонгольский язык где-то в Северо-Восточных районах современной Монголии не позднее XI–XII вв. н.э., то есть до начала контактов монгольских племен со стандартными тюркскими языками, сначала интерстратными (контактными), а позднее – адстратно-субстратно-суперстратными путями.

Между тюркскими и монгольскими языками наблюдается большое структурно-типологическое сходство. По этой причине трудно установить более или менее конкретные хронологические рамки древних огурских заимствований в монгольских языках. Ситуация усугубляется еще и нашими скудными знаниями о древнемонгольских языках, которых, видимо, было много. Среднемонгольские источники в этом отношении также мало информативны, так как все они практически являются моноязыковыми и отражают состояние только одного древнемонгольского языка-предка.

Становление империи Чингисхана привело к объединению монгольских племен и слиянию их языков. Древнемонгольские племена до рубежа XIII века, судя по всему, разговаривали на своих, потом уже исчезнувших, племенных языках, которые, к сожалению, не были зафиксированы письменными источниками. Скудные сведения сохранились только по языку киданей, которые, вероятно, являются омонголившимися относительно поздно племенами огурского круга. Во всяком случае, нам известно, что некоторые незаангажированные монгольские и бурятские историки склонны к такому мнению.

Из всех инородных лексических элементов в монгольском тюркские заимствования стоят на первом месте как по количеству, так и по значению. Во второй половине прошлого века алтаисты пришли к общему убеждению, что наиболее ранний из выявленных пластов тюркских лексических заимствований монгольских языков имеет четко выраженные отличительные признаки, характерные для древнего тюркского R-языка болгаро-чувацкого типа, которые условно принято называть огурским или прабулгарским. Специалисты пока не пришли к единому мнению относительно хронологических рамок огурско-монгольских контактов. Предлагаемые разными исследователями с большой осторожностью датировки ранних тюркско-монгольских языковых контактов колеблются в рамках очень широкого временного диапазона от середины I тысячелетия до н.э. до конца I тысячелетия н.э. Ранние датировки огурско-монгольских контактов скорее всего обусловлены тем обстоятельством, что огуро-булгарские племена довольно рано, уже в IV–V вв. н.э. появляются далеко на западе, в степях Юго-Восточной Европы, и попадают на страницы анналов античных и византийских историков. Однако анализ определенных тематических групп заимствованной из прабулгарского языка лексики монгольских языков, прежде всего терминологии развитого животноводства, свидетельствует о более позднем времени огурско-монгольских контактов.

Появление огуро-булгарских племен в составе кочевой орды западных гуннов в Восточной Европе в IV веке н.э. еще не свидетельствует о том, что в степях Центральной Азии не остались определенные, очевидно довольно значительные, группы прабулгарских племен. Есть много достаточно весомых исторических фактов, свидетельствующих о том, что многочисленные огуро-булгарские племена, объединяемые китайскими источниками в группу дунху, в частности, ухуани, сяньби, жужани и другие, продолжали вести достаточно активную политическую жизнь в степях Центральной Азии

вплоть до образования первых тюркских каганатов (VI–VII вв.) и даже до выхода монголов на широкую историческую арену в эпоху Чингисхана. Многие исследователи склоняются к мнению, что язык центральноазиатских хунну (сюнну) также следует относить к тюркским языкам булгаро-чувашского типа (см., например, Дыбо, 2006, 53-61, где доказывается наличие следов ламбдацизма в известном хуннском четверостишии).

Прабулгарские по своему происхождению элементы составляют значительную и весьма весомую по важности часть лексики практически всех известных монгольских языков. Они пронизывают весь словарь как древних, так и современных монгольских языков, охватывают все сферы жизни, начиная от самых обыденных, конкретных понятий и кончая высокими абстракциями. В числе ранних тюркских заимствований монгольских языков обращает на себя особое внимание разветвленная терминология животноводства, указывающая на развитое скотоводческое хозяйство кочевого типа.

Исследования историков показывают, что монголы вплоть до X века н.э. обитали в лесах и вели экстенсивное хозяйство, то есть занимались в основном охотой и собирательством. Так, например, К.А. Иностранцев считает монголов относительно молодым народом, появившемся на широкой исторической арене лишь в XII–XIII вв. и заселившим территорию современной Монголии позднее тюрков (Иностранцев, 1926, 93-94, 108). По мнению В.С. Таскина, кстати, причисляющего к монголам древние этнические группы дунху, мужун и др., «...древние монгольские племена первоначально обитали в верхнем течении Амура и только позднее, а именно в первом веке н.э., появились в центральноазиатских степях... Сначала переселению монгольских племен на юг мешали тюркоязычные сюнну, господствовавшие в степных просторах, но с ослаблением сюнну продвижение на юг стало приобретать все более широкие масштабы» (Таскин, 1979, 450). К этому следует добавить, что древние тюрки, потомки сюнну,

продолжали господствовать в степях Восточной Монголии и в эпоху первых тюркских каганатов, и в период процветания Уйгурского каганата (745-840 гг.), и даже несколько позднее.

Более аргументированным в этом отношении представляется заключение известного исследователя древней истории народов Центральной Азии Л.Р. Кызласова. «До начала X в., – пишет он, – всю территорию современных Монголии и Джунгарии, а также Восточного Туркестана (ныне Синьцзян) заселяли тюркоязычные племена... Вторжение монголоязычных киданей в центральноазиатские степи, которое началось походом 924 г., привело к кардинальным изменениям на этнической карте Центральной Азии. Монголоязычные племена древности – это обитатели лесов, занимающиеся преимущественно рыболовством и охотой. Расселялись они в горно-таежной полосе между северо-восточной оконечностью Яблоневого хребта, по обеим сторонам Хингана и вплоть до северной оконечности Хэйлуунцзяна, в основном по рекам Шилке, Ингоде, Аргуни и бассейну Амура в его среднем и нижнем течении» (Кызласов, 1992, 147-149).

Между тем имеются серьезные основания считать ранних киданей, по крайней мере до рубежа I–II тысячелетий н.э., тюркоязычными племенами, ассимилированными монголами только в первых столетиях II тысячелетия н.э. Во всяком случае, инструментальное исследование артикуляторных навыков, свойственных носителям современного монгольского языка, дает основание считать, что монголы центральных аймаков Монгольской Народной Республики – тюрки по происхождению. Об этом, в частности, свидетельствует артикуляционно-акустическая база современных халха-монголов, которая, по мнению авторитетных специалистов, является преобразованной не ранее XI века артикуляционно-акустической базой древних тюрков с тройным противопоставлением согласных звуков по степени мускульного напряжения речевого аппарата: сильные / слабые / сверхслабые (Селютина, Уртегешев, Рыжикова, 2005, 9). Отчетливо выраженные следы

именно такого тройного противопоставления согласных сохраняются в системе консонантизма чувашского языка до нашего времени.

Современные представления о ранних этапах этнической истории монгольских племен наиболее рельефно сформулированы С.И. Вайнштейном: «Есть серьезные основания полагать, – пишет он, – что... монгольские племена сравнительно поздно, вероятно, лишь в I тысячелетии н.э., переселились из лесов в степи Центральной Азии, восприняв от своих соседей – тюркских племен – их традиции разведения домашнего скота и некоторые другие элементы материальной культуры, свойственные степнякам. Ареал, занятый лесными предками монголов до их продвижения в степи, некоторые авторы связывают с обширным горно-таежным регионом в бассейне Амура от его верховий до среднего течения, включавшего значительную часть Большого Хингана. В пользу этого предположения говорит ряд существенных факторов, и прежде всего специфические лексические заимствования в монгольских языках из тюркских» (Вайнштейн, 1991, 287).

В самое последнее время чувашский языковед Н.И. Егоров на основе изучения древнейших этноязыковых взаимоотношений в центральноазиатском регионе пришел к следующим заключениям:

«1) в I тысячелетии до н.э. в степях Центральной Азии активно взаимодействовали по крайней мере три основные археологические культуры: херексуров (восточноиранская), плиточных могил (прототюркская) и хэнтэйская (протомонгольская);

2) не позднее середины I тысячелетия до н.э. в результате наслоения стандартного тюркского языка на восточноиранский субстрат на западной окраине ареала культуры плиточных могил сформировался новый тюркский язык булгаро-чувашского типа (протобулгарский, огурский) со специфическими признаками (ротацизм, ламбдацизм и др.);

3) начиная примерно с середины I тысячелетия до н.э. тюркский язык булгаро-чувашского типа (протобулгарский,

огурский) начинает оказывать мощное воздействие на прамонгольский (в современных монгольских языках насчитывается более тысячи протобулгарских лексических заимствований); этот процесс особенно активизируется в сюннускую (хуннскую) эпоху; в эпоху возвышения монголов (на рубеже I–II тысячелетий н.э.) тюркизмы булгаро-чувацкого типа начинают проникать в тунгусо-маньчжурские языки уже в монгольском фонетико-морфологическом облике;

4) после миграции основной массы протобулгар на Запад оставшаяся в Монголии часть огурского населения в X–XIII вв. вливается в состав монгольского народа (ойраты), что еще больше увеличивает долю протобулгарских заимствований в монгольском» (Егоров, 2006, 160).

Эти интересные выводы, на наш взгляд, требуют некоторых уточнений относительно хронологии огурско-монгольских языковых взаимоотношений. Из процитированных выше заключений историков следует, что номадизация монголов происходила в исторический период между серединой I тысячелетия н.э. и началом II тысячелетия н.э. (Вайнштейн, 1991, 287; Иностранцев, 1926, 93-94, 108; Кызласов, 1992, 147-149; Таскин, 1979, 450). Данные языкознания также показывают, что ассимиляция тюркского (огурского?) субстрата монгольским произошла не ранее XI века н.э. (Селютина, Уртегешев, Рыжикова, 2005, 9). Суммируя выводы историков и лингвистов, наиболее активные тюркско-монгольские языковые контакты, выразившиеся в окончательной ассимиляции огурского субстрата, следует относить к рубежу I–II тысячелетий н.э. Но это ни в коей мере не исключает возможности и более ранних контактов огурских племен с прамонголами. Надо полагать, что монголы-охотники должны были ознакомиться с навыками животноводства намного раньше того времени, когда они выходят на арену истории уже как вполне сложившиеся кочевые скотоводы.

Примерно с рубежа XII–XIII веков начинается качественно новый этап истории тюркско-монгольских языковых

взаимоотношений: завершаются субстратно-адстратные связи с огуро-булгарскими племенными диалектами; начинаются преимущественно контактные (интерстратные) взаимосвязи среднемонгольского языка с тюркскими диалектами стандартного типа, причем контакты эти приобретают обоюдный характер и, наконец, во многих регионах Монгольской империи развивается процесс ассимиляции монгольского адстрата и суперстрата тюркским языковым субстратом.

Суммируя исторические и лингвистические факты, можно констатировать следующие основные положения:

1) огуро-булгарские племена (например, ухуани, сяньби, тоба, теле и др. китайских источников) благополучно дожили в Центральной Азии (по крайней мере в степях Восточной Монголии) до выхода на широкую историческую арену монголов;

2) остатки центральноазиатских огуро-булгарских племен влились в состав монголов и были окончательно ассимилированы последними не ранее рубежа I–II тысячелетий н.э.;

3) наиболее ранний пласт тюркизмов монгольского языка, отмеченный ярко выраженными специфическими булгаро-чувашскими признаками, скорее всего имеет субстратное (а не контактное, интерстратное) происхождение;

4) следов ранних контактов с тюркскими Z-языками стандартного типа в монгольском не обнаруживается; нет следов ранних контактов с монголами и в стандартных тюркских языках;

5) контакты монгольского языка со стандартными тюркскими Z-языками (уйгурским) начинаются не ранее рубежа XII–XIII веков;

6) до XIII века тюркско-монгольские языковые контакты были преимущественно односторонними: тюркские (огуро-булгарские, древнеуйгурские) слова проникали в монгольский; обратных заимствований практически не было;

7) в эпоху Чингисхана, в конце XII – начале XIII вв. происходит процесс массовой ассимиляции древнетюркских племен монголами, который в степях Внутренней Азии продолжался примерно до середины XIII века.

В начале XIII века объединение собственно монгольских, тюркских и иных племен в империи Чингисхана привело к очень важным этноязыковым последствиям в Центральной Азии. Была разрушена прежняя система родоплеменной обособленности тюркских, монгольских и других племен, естественно складывавшаяся веками структура кочевого общества в процессе военной экспансии монголов была заменена централизованной военно-феодальной. Покоренное население Великой степи было перераспределено вместе с материальной добычей членами императорской фамилии и крупным военачальникам, получившим уделы в разных частях империи.

Политическое господство монголов, а также их численное преобладание на востоке Великой степи активизировало ассимиляционные процессы и распространение ставшего более престижным в глазах местного населения монгольского этнокультурного стереотипа и языка. Покоренное, большей частью тюркоязычное, население степей Монголии вынуждено было вступать в смешанные браки с победителями. Объединение в рамках единого централизованного государства многочисленных тюркских, монгольских и иных племен создало благоприятные условия для формирования и развития единой монгольской народности и единого монгольского языка.

В эпоху Чингисхана и единой Монгольской империи в степях Внутренней Азии активно развивались интеграционные процессы. В силу известных хозяйственно-экономических и социально-политических процессов монголы постепенно становились гегемонами на востоке Великой степи, и интенсивно шли процессы ассимиляции монголами многочисленных тюркских и других этноязыковых объединений. Но эти события ознаменовали уже начало новой эпохи в истории народов Центральной Азии.

Период монгольско-тюркских этноязыковых взаимоотношений, если отвлечься от более ранних огурско-монгольских контактов, начинается, видимо, не ранее последней четверти XII века. В этот период монголы контактируют в основном с носителями тюркских диалектов стандартного типа – огузами, карлуками, уйгурами, кыпчаками, кыргызами и др. Следовательно, этот период имеет непосредственное отношение к формированию многих тюркских народов Казахстана и Средней Азии, в том числе, конечно же, казахов и их исторических предков – «кочевых узбеков» и других племен канглыйско-кыпчакского круга. Начало этого периода характеризуется бурными политическими событиями, связанными с возвышением и выходом на широкую историческую арену монгольских племен и созданием Чингисханом Великой Монгольской империи. Эти события в корне перекроили этноязыковую карту Внутренней Азии и оказали мощное воздействие на дальнейшую судьбу практически всех народов аридной зоны Евразии. Волею исторических судеб, предки казахского народа оказались в самом центре империи Чингисхана и возникших после ее распада более мелких государственных образований.

Монгольские завоевания начала XIII века полностью изменили политическую карту региона, внесли определенные коррективы также и в этноязыковую ситуацию на территории современного Казахстана и смежных территорий. В самом начале XIII века, до начала монгольских завоеваний, на степных просторах Северного Казахстана от Иртыша и далее на запад простирались кочевья кыпчаков. Империя гурхана каракытаев охватывала земли от области уйгуров в Восточном Туркестане до Аральского моря. В десятые годы XIII века восточную часть этих земель захватил предводитель найманов Кучлук, а северную часть Семиречья – предводитель карлуков Арслан-хан. В этот период земли между Таласом, Чу и озером Иссык-Куль занимали канглы. Бассейн Сырдарьи с его

цветущими городами-крепостями и прилегающими районами, а также Мавераннахр с примыкающими к нему округами принадлежали хорезмшаху Мухаммаду. После нашествия монголов мы видим иную этноязыковую картину, новые политические структуры, но об этом будет сказано несколько ниже.

В конце XII века на обширной территории, протянувшейся от Байкала до Великой китайской стены, произошло объединение различных кочевых скотоводческих племен и образовалось крупное раннефеодальное государство под властью Темучина. Известность Темучина возросла, когда он, выступая в качестве вассала кереитского хана, принял столь деятельное участие в войнах с татарами, найманами и меркитами, за что был пожалован почетным титулом. В 1203 году были разгромлены тюркоязычные кереиты и часть их ушла на запад, в Восточный Казахстан; в 1204 году монголы покорили тюркоязычных найманов и меркитов, часть их, переправившись через Иртыш, ушла в Семиречье.

Покорив в результате военной кампании 1204–1205 годов главных своих соперников, Темучин завершил объединение под своей властью всех главных тюркских и монгольских племен Монголии. Весной 1206 года у истоков Онона состоялась курултай монгольской феодальной знати, на котором Темучин был провозглашен повелителем всех монголов и получил титул Чингисхана. Выход на широкую историческую арену монголов и образование в начале XIII века Монгольской империи оказали огромное воздействие на судьбы многих народов и государств Евразии, в первую очередь Казахстана и Средней Азии.

Консолидация Монгольского государства в период правления Чингисхана (1206–1227 гг.) завершилась разгромом крупных тюркских племенных объединений татар, меркитов, найманов и подчинением многих других монгольских и тюркских племен. Соперничество между различными племенами в Монголии в основном завершилось в 1208 году, ко-

гда были окончательно разбиты меркиты и кочевавшие в Западной Монголии найманы: и те, и другие переселились на юг, в страну уйгуров.

В 1208 году на Иртыше окончательно были разгромлены остатки найманов. В 1209 году владетель обширного Уйгурского Турфанского княжества с центром в Бешбальке идикут Барчук нанес поражение беглецам и направил посольство к Чингисхану с выражением покорности и признал себя вассалом монголов. Его княжество в дальнейшем имело статус своего рода пятого улуса в составе Монгольской империи в дополнение к четырем улусам, выделенным в удел сыновьям Чингисхана. Это время можно считать условным ориентиром для начала отсчета **уйгурско-монгольских этноязыковых контактов**.

Во всяком случае известно, что примерно в это время, в период формирования Монгольской империи, монголы заимствовали уйгурскую систему письма. Уйгурское письмо скоро распространилось среди монголов и каждый уважающий себя князь старался приобрести личного секретаря (*bičēči*). В первой половине XIII века эти секретари в основном были выходцами из уйгурской среды. Они образовали ядро монгольской канцелярии, но уже действовали и первые монгольские ученики. По свидетельству Рашид ад-Дина, у кагана Угедея был «наиб из уйгуров по имени Чинкай», а у его брата Чагатая были два писца. В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина упоминается целый ряд безымянных писцов и знаменитых знатоков уйгуро-монгольских грамот: Чинкай, Бала-Яргучи, Вязир, Хабаш-Амид, Махмуд Ялавач, Коркуз и др. (Рашид ад-Дин, 1952, I, 142-143). Плано Карпини упоминает имена первых секретарей Балы (Бала-Яргучи у Рашид ад-Дина), Чинкай «и многих других писцов», не называя их имен (Карпини, 1911, 58). Ильханские письма сохранили нам десяток имен секретарей и писцов (подробнее см. Кара, 1972, 15 и след.). Сказанное не оставляет никакого сомнения в том, что влияние стандартного тюркского языка (в его уйгурском варианте) на

среднемонгольский получает развитие в самом начале XIII века.

В 1210–1211 годах под власть Чингисхана попала обширная карлукская область в Восточном Тянь-Шане Каялык, а в 1217 году под власть монголов перешла область Алмалык.

В 1211 году монголы завоевали Северный Китай. Походы в Китай имели большое значение для усиления государства Чингисхана. В Китае монголы познакомились с высокой для того времени военной техникой, что позволило Чингисхану лучше вооружить свою армию.

Вслед за походом в Китай Чингисхан организовал ряд набегов в Казахстан и Среднюю Азию. В 1218 году двадцатитысячный отряд монголов под начальством Джебе разбил войско Кучлука. Ликвидация власти Кучлука открыла монголам пути для дальнейшего завоевания Казахстана и Средней Азии, которое началось в 1219 году. Монголы прошли через богатые области Семиречья и осенью прорвались к Мавераннахру, направив первые удары на присырдарьинские города Отрар, Сауран, Сыгнак, Барчылыгкент, Сыгнак Дженд, Ургенч, Бухару, Самарканд и др. С 1219 по 1221 год войска Чингисхана огнем и мечом прошли всю территорию Южного Казахстана и Средней Азии, разграбив и уничтожив основные городские центры. Преследуя бежавшего харезмшаха Мухаммеда, войска Чингисхана прорвались в Иран, завоевали Закавказье и Северный Кавказ, разрушая все на своем пути и вторглись на земли кыпчаков-половцев.

Таким образом, в результате нашествия 1219–1221 годов Казахстан и Средняя Азия были завоеваны монголами и вошли в состав империи Чингисхана. Вся огромная территория завоеванных стран была распределена Чингисханом в удел своим сыновьям. Старшему сыну Джучи он отдал земли от Иртыша до Урала и дальше на запад – «куда доходили копыта монгольских коней», к югу – до Аральского и Каспийского морей. В улус Джучи вошла практически вся территория современного Казахстана, включая также низовья Сырда-

рьи и Амударьи (Северный Хорезм). Второму сыну Джагатаю достались Мавераннахр, Семиречье и Кашгар. Третьему сыну Угедю были выделены земли Западной Монголии и Тарбагатай. И, наконец, младшему сыну Тули достался в наследство отцовский улус – собственно Монголия.

Одной из ведущих причин военных успехов Чингисхана и первых его преемников было объединение экономических ресурсов и военных сил значительной части тюркских, монгольских и др. кочевников Центральной Азии при несомненном политическом главенстве монголов, во всяком случае, на первых этапах завоеваний Чингисхана. Тюркская конница составляла главную военную силу монгольской армии, тюркская социально-политическая традиция была основой организации империи Чингисхана в виде военно-административной системы, сложившейся у сюнну уже во времена правления шаньюя Модэ. В улусах найманов, керейтов, джалаириров, конгратов и др. население и войска были разделены, как в Империи сюнну и древнетюркских каганатах, по десятичной системе на десятки, сотни, тысячи и тумены («тьмы», десятки тысяч). Монгольские правители XIII века свято придерживались даже внешних ритуальных сторон инаугурации или, говоря проще, вхождения на трон, перенятую у своих предшественников в степях Центральной Азии – древнетюркских каганов и сюннуских шаньюев (Кычанов, 1992; Скрынникова, 1997; Трепавлов, 1992).

Характер и структура Монгольской империи Чингисхана соответствовали сложившимся к рубежу XII–XIII веков в монгольском кочевническом обществе патриархально-феодальным отношениям, заимствованным в основе своей от субстратного древнетюркского (огурского) населения.

Великий Монгольский улус (*Jeke Mongyol ulus*), созданный Чингисханом, во многом повторил ситуацию, разворачивающуюся в степях Монголии при формировании своего предшественника – Тюркского каганата VI века, когда сложилось правящее сословие, уже не связанное с каким-либо одним племенем, когда на смену традиционным родо-

племенным социальным институтам пришли новые – государственные. Начиная с этого времени в Великой степи, в империи Чингисхана и государствах его наследников, на много веков возобладала традиция передачи верховной власти по наследству. На самом верху иерархической лестницы многонациональной Монгольской империи и возникающих в ходе распада более мелких государственных образований оказались те группы военной знати, которые были генеалогически связаны с «золотым родом» Чингисхана. Чингизиды представляли собой подплеменную группировку высшей монгольской аристократии, регулировавшую систему властных, внутриполитических отношений в государствах-наследниках Монгольской империи вплоть до ранних Казахских ханств.

Все монгольские племена (ср.-монг. *irgeen* ~ чув. *jërGe*) считались улусом (ср.-монг. *ulus* «удел» ← тюрк. *uluš, ulut* «народ» ~ каз. *ýlt* «народ» < **ül* «основа», «основание», «ствол»; см.: Севортьян, 1974, 449-451, 592-593) Чингисхана, а территория, на которой они кочевали – нутугом (ср.-монг. *nuntuх* ~ *nutuу* ~ тюрк. **jürt*, каз. *žurt* «кочевье», «стоянка»). Подвластное Чингисхану население распределялось между членами его рода: матери своей он выделил 10 тысяч семей, сыну Джучи – 9 тысяч, Джагатаю – 8 тысяч, Угедю – 5 тысяч, Тули – 6 тысяч. Им подчинялись нойоны (ср.-монг. *nojan, nojon* «господин», «князь» ~ тюрк. *beg*, каз. *bij*) со своими дружинами (ср.-монг. *nökör, nökur* «дружинник» → каз. *nöker* «свита», «дружина») и феодально зависимыми людьми (ср.-монг. *boγol* «вассал, прислужник»; *žalaу* ~ *žala'u* «раб, служитель, прислужник», *χараџи* «чернь»). Все монгольское население было разделено на два крыла: правое (*barayun γar*) и левое (*žegün ±ar*). Крылья делились на десятки тысяч (*tümen*), тысячи (*mingyan*), сотни (*žayun* ~ *ža'un*) и десятки (*arban*). Самой крупной административной единицей было владение, которое могло выставить 10 тысяч воинов в полном боевом снаряжении (подробнее см. Владимирцов, 1934; Федоров-Давыдов, 1973).

Образование государства способствовало консолидации ранее мало связанных самостоятельных племен в единый народ и унификации племенных наречий и языков. В XI–XII веках, перед эпохой Чингисхана, восточная часть Великой степи представляла собой сложнейший конгломерат родов, племен, народов и языков. Разобраться в этом смешении народов и языков чрезвычайно трудно, а в ряде случаев с позиций нашего времени вряд ли возможно. Главная причина невероятного смешения разноязычных кочевников коренится в самой сущности кочевничества: постоянные перекочевки по степи, смена кочевков, разделение разросшихся племен и переход отдельных родов под покровительство другого племени – суть кочевого образа жизни. Хотя существовали определенные границы родоплеменных кочевий и постоянные маршруты сезонных миграций, но вследствие демографического роста племен, давления со стороны соседей и, наконец, просто стремления части родоплеменной аристократии (обычно их повзрослевших наследников) выделиться в отдельные самостоятельные группы, этническая и языковая ситуация в степи постоянно менялась.

Великая степь в силу специфики господствующего в ней кочевого образа жизни всегда была настоящей мешаниной народов. Разноязычные племена и роды постоянно перемещались, переходили из одного подчинения в другое, воспринимали от соседей элементы их культуры и языка, часто полностью ассимилировались. В таких условиях точно определить этноязыковую принадлежность племени и народа достаточно сложно, а иногда и практически невозможно.

На рубеже I–II тысячелетий в степях Центральной Азии произошли серьезные климатические катаклизмы, вызвавшие пересыхание степи и, как следствие, массовый падеж скота и гибель людей от голода. Господствовавшие до этого в степях Монголии древние тюрки в это время ослабели и бежали от природного бедствия на запад, где засуха была не так сильна. Именно в этот период далеко на западе, в степях Юго-

Восточной Европы один за другим появляются печенеги, огузы (гузы русских летописей), половцы (кыпчаки, куманы) и др. Оставшиеся в центре Азии древнетюркские племена – незначительные осколки населения некогда процветавшего Великого Тюркского каганата, вынуждены были сосредоточиться на проблеме физического выживания и в этот период не представляли никакого интереса для соседей. Отсюда и период молчания исторических источников о народах Центральной Азии. Невольно создается впечатление, что в этот период степные народы куда-то исчезли. Разумеется, это вовсе не так. Время испытаний проходит, засуха заканчивается и степь вновь оживает. И изумленные соседи – китайцы, согдийцы, иранцы – вдруг обнаруживают у своих границ многотысячные армии кочевников, взявшихся как бы ниоткуда.

Но ничто не возникает из ничего, а значит, жизнь в степи продолжается и в эти тяжелые «темные времена». На окраинах степей Центральной Азии благополучно сохранились пусть даже сначала немногочисленные, но окрепшие в суровых испытаниях потомки огуров, хуннов (сюнну), тюркютов, уйгуров, татар, огузов и многих других древних тюркских этносов и политий.

Наступившим на рубеже I–II тысячелетий демографическим кризисом в степи тут же поспешили воспользоваться протомонголы: они вышли из лесов в степи, восприняли от тюркских (преимущественно огурских) племен традиции кочевого скотоводства и стали быстро размножаться.

После перехода от присваивающего охотничье-собираательского хозяйственно-культурного типа к гораздо более производительному кочевому скотоводству обычно происходит резкий рост населения – так называемый демографический взрыв. Такая закономерность прослеживается на протяжении всей истории номадов: стоит только в каком-либо определенной ареале появиться кочевому скотоводству, как вскоре последует массовая экспансия номадов за пределы этого ареала. Демографический взрыв подготавливал резервы

для миграций, а импульс миграциям давал социальный фактор – экспансионистские устремления кочевой знати (Еремеев, 1982, 26).

Постоянная потребность в новых пастбищах толкала кочевые общества к экспансии. Возглавляла это движение кочевая феодальная аристократия, так как концентрация в ее руках огромных масс скота требовала перманентного расширения пастбищных угодий. Кочевая элита направляла племена на захват чужих территорий. При таких завоеваниях возникали гигантские кочевнические империи.

В эпоху становления империи Чингисхана происходит активная ассимиляция тюркоязычных племен. Исключительно важным фактором при этом было военно-политическое господство монголов в формирующемся государстве. Распространение языка господствующей народности в том или ином государственном образовании – исторический факт, характерный не только для кочевнических держав. Однако не менее важным фактором ассимиляции древнетюркских языков в эпоху возвышения монголов было и то, что язык последних стал использоваться в качестве языка межэтнического общения среди многочисленных тюркских племен, говоривших на разных диалектах.

Высокая ассимиляторская оперативность монголов обусловлена также их родоплеменной сплоченностью, неограниченной патриархальной властью родоплеменных старейшин. Большое значение, конечно же, имело количественное превосходство говорящих по-монгольски над носителями отдельных тюркских диалектов и говоров. Надо полагать, что рассеянные по периферии степи древнетюркские племена к этому времени разошлись относительно далеко и взаимное общение их на родных племенных наречиях уже было затруднительным. Во всяком случае в эпоху возвышения монголов большинство покоренных ими тюркских племен было двуязычными и общалось с монголами на их языке.

В определенные периоды истории вся культурная элита и политическая верхушка тюркских и монгольских народов

были двуязычными, владея речью соседа так же свободно, как своей родной, а двуязычие, как известно, всегда создает особенно благоприятные условия для широкого проникновения элементов чужого языка в родной, а в конечном счете приводит к ассимиляции одного языка другим, более активным и престижным.

Следует обратить особое внимание на тот непреложный факт, что возвышение монголов в эпоху Чингисхана началось в результате политического объединения тюркских племен Центральной Азии под эгидой монголов. Без обеспечения тюркско-монгольского симбиоза для глобальных завоеваний огромных просторов Евразии у Чингисхана и его преемников не хватило бы военной мощи, людских, интеллектуальных, экономических и военных потенциалов.

Отдельные тюркоязычные племена, перейдя под покровительство возглавивших государство монголов, постепенно вливались в него на правах младшей ветви, усваивая язык и принимая соответствующее племенное или патронимическое название. Таким образом формировались новые смешанные родоплеменные образования, основанные на брачных, союзнических и т.п. связях и подкрепляемые мифической генеалогией. Здесь необходимо подчеркнуть, что монгольские родоплеменные генеалогические сказания в большинстве своем имеют тюркские истоки, восходящие еще к хуннской эпохе.

Раздел 4

РОДОПЛЕМЕННАЯ ЭТНОНИМИЯ – ВАЖНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИХ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Родоплеменная этнонимия – важный показатель тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений. Для кочевого мира родоплеменные названия были чрезвычайно актуальны как в древности, так и в средневековье. Более того, многие тюркские и монгольские народы в той или иной степени до сих пор сохранили реликты традиционного родоплеменного деления. В историческом прошлом этот фактор играл чрезвычайно важную роль в социальном структурировании кочевого общества. Обобщая опыт изучения этнического состава тюркских народов, Н.А. Аристов пишет: «роды не только пользовались всеобъемлющим значением в бытовой жизни тюрков-кочевников, но и играли весьма важную роль в их политической истории. Естественно, что при таком значении родов, когда вся жизнь и судьба кочевников определялись принадлежностью к роду, родовые имена должны были пользоваться необыкновенной прочностью. Роды могли входить в разные союзы целиком или частями, но должны были твердо сохранять свои исконные имена» (Аристов, 1896, 11). Однако действительность, как всегда, бывает намного сложнее. Роды разрастались, распадались, перераспределялись и объединялись в новые социальные структуры. Племя в одних случаях могло включать в свой состав несколько гнуинных и даже гетерогенных родов, в других случаях оно могло быть лишь осколком, малой частью рода. Политические и социальные катаклизмы постоянно приводили то к объединению, то к распаду, то к перераспределению и даже к смене этноязыкового состава нового социального образования. В целом же дробная и многоступенчатая детализация кочевого общества не способствовала осознанию общетнического единства и консолидации даже родственных племен в единую народность. Для этого должны были выработаться в обществе новые механизмы консолидации родоплеменных образований более высокого иерархического уровня – в масштабах государственных образований.

Даже в эпоху расцвета Великого Тюркского каганата реально существовали крупные племена огуз, теле, уйгур, кыргыз, кыпчак, карлук, аргу, чигил, татар и т.д. с более дробными родовыми подразделениями в их составе (например, огузы состояли из следующих родов: *qınıq, qajır, bajandur, jawa, salıur, afsar, bajat, jazır, ejmür, alqa bölük, tuturya, tüger, beçenek, igdir* и др.), но не тюрки как единая народность (тюрки или, вернее, тюркюты древнетюркских, китайских, арабских и других источников были рядовым племенем; *türküt* – форма мн. ч. от иран. **turyaka*, букв. «житель Турана», «туранец»). Точно также даже в XIII веке еще не было монголов, а были найманы, нируны, дарлекины, джалаиры, джуркинцы, тайджиуты, хонгираты, меркиты, онгуты, татары, кидани и т.д., и т.п.

Первое точное упоминание этнонима *монгол* относится к 1206 году, когда на великом курултае (*iç xural*) Чингисхан провозгласил создание Великой Державы Монголов (*Jeke Mongyol Ulus*), объединившей Восточную степь, заселенную в то время многочисленными тюркскими и монгольскими племенами (Доманин, 2007, 34-35).

Исследователи степных цивилизаций давно заметили чрезвычайную запутанность родоплеменных отношений у кочевых народов Великой степи. Между тем, и тюрки, и монголы придавали исключительное значение своим родословным преданиям: каждый человек должен был знать своих предков по мужской линии по крайней мере до седьмого колена, четко определить свое племя (каз. *tajpa*, монг. *irgen*), род (каз. *rıw*, монг. *oboу ~ отоу* ← огур. **obaу*, др.-тюрк. *oba* «род», «племя»), поколение (каз. *tuqıt*, монг. *üje*), помнить мифологизированную генеалогию своего рода и племени и т.д., и т.п.

Родоплеменные подразделения казахов, их названия, а также связанные с ними исторические традиции в известной мере сохраняются до сих пор. Они совершенно отчетливо указывают на формирование казахского этноса из разных, в основном тюркских и рано тюркизированных монгольских

родоплеменных подразделений. Значительная часть названий казахских родов и племен в той или иной степени встречаются у каракалпаков, ногайцев, узбеков (особенно у кочевых), киргизов, башкир и некоторых других тюркоязычных народов.

У этнологов всегда вызывало некоторое удивление сложное переплетение родоплеменных подразделений кочевых тюркских и монгольских народов. Общность значительного числа родоплеменных названий несомненно свидетельствует о сильном смешении этих народов. С этим все согласны. Проблемы возникают тогда, когда исследователь начинает идентифицировать первоначальную этноязыковую принадлежность того или иного родоплеменного подразделения, скажем, казахов или монголов.

В традиционной родоплеменной этнонимике казахов и монголов (названия родоплеменных подразделений приводятся в той графической форме, в какой они зафиксированы в источниках; от отсылок на источники, ввиду их многочисленности, пришлось отказаться) действительно много общего, ср.:

монг. *баргут* ~ каз. *барак*, *баратай*, *барас*, *баргана*; ср. также: кирг., ног., узб., туркм. *барак*, кирг., кыпч. *барат*, кирг. *барга*, *барге*, *барги*, *баргы* и др.;

монг. *барлас* ~ каз. *барлыбай* (найман); ср.: к.-калп. *барлы*, узб. *барлас*, *баллос*, якут. *барылас*;

монг. *борджигин* (< **bordigin*) ~ каз. *баржакы*, *баржаксы* (уак), *бордок* (албан), *боршы* (аргын), ср.: кирг. *борча*, полов. *бурджи*, узб. *бурджеган*, кыпч. *бурджоглу*, *бурджогла*, *бурджоглы* (< *бурджи-оглы*);

монг. *джалаир* ~ каз. *джалаир*, *жалайыр*, каз., к.-калп. *жалаир*; ср.: узб. *джалаир*, *джалайыр*, *джелаир*;

монг. *джаджират* (< **ɬadirat*) ~ каз. *джадык* (жетыру), *джадыгер* (аргын, суан), *жадык* (керей), *жедигер* (байулы); к.-калп. *жадик*; кирг. *джедигер*, *джедыгер*, *жедигер*;

МОНГ. *джуркин* ~ каз. *джурга* (алимулы), ср.: кр.-тат. *джургун*, узб. *джуркун*, кирг. *джури*, *джуру*, *жору*, узб. *жор-гак*;

МОНГ. *дулат* ~ каз. *дулат*, *дулат*; ср.: кирг. *дуулат*;

МОНГ. *кара-кидань* ~ каз. *кара-кетя*, *кара-китя* (алимулы); ср.: кирг. *кара-кытай*;

МОНГ. *катакин* ~ каз. *катаган* (уйсунь); ср.: к.-калп., ног. кирг., узб. *катаган*, кирг. *каткан*, *катаган тобу*, узб. *катакан*, *каттан*, башк. *катка*;

МОНГ. *кераит* ~ каз. *карайча* (кирей), *кереит*, *керейт*, *керейит*, *киреит*, *керейлы*, *керет*, *херит*, *кирей* (жетыру); ср.: узб. *кераит*, *карай*, *кереит*, *керей*, *кирай*, кирг. *керейит*; к.-калп. *кераит* (кирей), ног. *кирейт*;

МОНГ. *кидань* ~ каз. *кытай*, *ктай* (найман), *китя* (алимулы); ср.: к.-калп. *к(и)тай*, *кытай*, кирг. *китай*, *кытай*, *ктай*, *хытай*, *кутай*, ног. *к(ы)тай*, узб. *ктай-юз*, *кытай*, кр.-тат. *кытай*;

МОНГ. *кият* ~ каз. *кияс*, *кыйат*; ср.: к.-калп. *кият*, *кыят*, узб. *кият*, *кыйат*, кр.-тат. *кият*, *кыят*, тат. *киять*, *кыят*;

МОНГ. *мангит* ~ каз. *мангытай* (конрат), *мангтай* (найман); ср.: к.-калп., узб., ног., кирг., кр.-тат., туркм. *мангыт*, узб. *мангит* и т.д.;

МОНГ. *меркит* ~ каз. *меркит*, *меркыт* (керей); ср.: алт. (телеут.), кирг., узб., туркм. *меркит*, алт.-кижи *мерет*, башк. *мерки*, *миркит*, узб. *меркиф*, алт. *меркут*, *мёркүт* и т.д.;

МОНГ. *найман* ~ каз. *майма* (кирей), *найман*; ср.: алт., башк., кирг., ног., узб., кр.-тат. *найман*, алт. *майма*, *майман*, *найма(н)*, кирг. *майна*, *майнасар*, туркм., каз. (байулы) *маймак*;

МОНГ. *нирун* ~ каз. *нарын-улы*, ср.: узб. *нарин*, *нарын*; к.-калп., кирг., башк. *барын*, узб. *барин*, *байрин*, кр.-тат. *барын*, *барин*, *барун*; кирг. *нарай-найман*;

МОНГ. *олхунут* ~ каз. *улгун* (саяк);

МОНГ. *онгут* ~ каз. *онгут*, *унгут* (байулы); ср.: ног. *онгит*, узб. *онг*, *онгкой*, *онгкот*, *онгут*, *унгут*, кирг. *ондокой*, *ондон*;

монг. *салдэжиут* (< **saldiyut*) ~ башк. *салъют, салъюгут, салъягут, салчэжиут*, тув. *салджак, салчак*; кр.-тат. *седже(в)ут, седжют, сиджеут*; ср. также: *сельдэжуки*; туркм. *салтык, салтак* (эрсары), узб. *салтык* (> монг. **saldiy* + суфф. мн. ч. -*ut*);

монг. *тайдэжиут* (< **tajdiyut*) ~ каз. *тажике* (байулы); ср. к.-калп. *тажсек*, кирг. *тайтынг* (адыгине); ср.: каз., к.-калп., кирг., туркм. *тайлак* (?);

монг. *тангут* ~ каз. *танат* (байулы), *таны* (алимулы), *танас* (аргын), *танатар* (найман, чапрашты); ср.: алт. *тангду, тангды*, узб. *тангут*, к.-калп. *танке*, башк. *танкей*, узб. *танкут, танкыт*;

монг. *татар* ~ каз. *татан* (аргын), *татрак* (алимулы); ср.: алт., башк., кирг., туркм., хак. *татар*; кирг. *тата*, к.-калп. *татар-муйтен* и т.д.;

монг. *тумат* ~ каз. *тума* (кирей, найман); ср.: кирг. *тума*, алт., тув., якут. *тумат*, кирг. *тума-тукум*, туркм. *тумач*; кирг., узб. *кара-тума*, алт. *кара-тумат* (ср. монг. *хоритумат*);

монг. *урут* ~ каз. *урус* (байулы, жетиру, кирей), *орус* (суан), *орыс* (алимулы, жетыру); ср. кирг. *орус*, к.-калп., узб. *орыс*, кирг. *орус уулу*, туркм. *орусколи, орус-кошчи*, кирг. *орусар*, кыпч. *урусона*, полов. *урусоба*, узб. *урустай, урыс*, туркм. *урот* (эрсари);

монг. *хонк/гират* ~ каз. *конград, конграт, конрад, конрат, конур*; ср.: туркм. *конгор*, к.-калп. *конград, конграт, кунград*; кирг. *конграт, конгур*, узб. *конграт, конгурат*, ног. *конгыр, конгырат* и т.д.; и т.п.

Исследователи конца XIX – начала XX вв. большей частью полагали, что этнолингвистическая карта Монголии в XIII веке мало чем отличалась от современных и что еще до Чингисхана вся нынешняя Монголия была населена народами монгольского происхождения. Впоследствии многие этнографы и историки старались разобраться в сложных этнолингвистических процессах, имевших место в Центральной Азии в первых веках II тысячелетия, и пытались доказать тюркское

происхождение многих монгольских племен. Дальше всех в этом направлении пошел Х. Ховорс, признавший тюркское происхождение целого ряда древнемонгольских племен, в частности, *кераитов, найманов, меркитов* и др. (Howorth, 1876, 700-703). Идею о тюркском происхождении многих среднемонгольских племен развил дальше Н.А. Аристов. По его теории, Монголия вплоть до Чингисхана была населена тюркоязычными племенами, «за исключением ее крайней северо-восточной части, где появились монголы». Они постепенно ассимилировали тюрков и населяли их земли, при этом «значительная часть тюрков Монголии осталась на своих местах, но омонголилась окончательно вероятно еще в XIII столетии» (Аристов, 1897, 31-32). На казахском материале родоплеменной этнонимии эту архисложную проблему разрабатывали С. Аманжолов (1956, 1997), В.В. Востров (1961, 1962), М.С. Муканов (1968, 1974), С.М. Ахинжанов (1976), Т.Ж. Жанузаков (1980), М. Танышпаев (1925) и др. Не вдаваясь в подробности данной проблемы, ограничимся напоминанием следующего высказывания Рашид ад-Дина: «в настоящее время, вследствие благоденствия Чингис-хана и его рода, поскольку они суть монголы, – [разные] тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кераитам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище (т.е. родовой племенной этноним. – Ж.Т.), – все они из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются [этим] именем, – а это не так, ибо в древности монголы были [лишь] одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен» (Рашид ад-Дин, 1952, I/2, 103).

Сказано яснее ясного, тем не менее споры об изначальной этноязыковой принадлежности этих и многих племен до сих пор не затухают.

О вхождении значительной части древнетюркских племен в состав монголов и об их последующей ассимиляции говорит, например, и такой факт. У западномонгольских племен зачинов и элетов до сих пор бытует обычай разбрызгивать первую пробу чая или молока в жертву предкам. При этом они приговаривают: «Предки наши найманы и родственные нам трехречинцы!» Этот обычай свидетельствует о том, что некогда предками захчинских и элетских родов были найманы и что они в те далекие времена находились в родственных отношениях с племенами Трехречья, т.е. бассейнов рек Онона, Толы и Орхона в Центральной Монголии (Чулууны Далай, 1983, 10).

Между тем все исторические источники недвусмысленно свидетельствуют о том, что до выхода монголов на историческую арену бассейны Онона, Толы и Орхона были родиной древних тюрков. Именно здесь формировались первые тюркские каганаты. Потомки легендарного Ашины господствовали в монгольских степях вплоть до середины VIII века, пока на смену им не пришли басмылы, уйгуры и карлуки. Немыми свидетелями славной истории древних тюрков являются самые крупные образцы памятников рунического письма, сосредоточенные главным образом в Северной Монголии в бассейнах рек Орхона, Толы, Селенги. Они были воздвигнуты в эпоху Второго Тюркского (689-744 гг.) и Уйгурского каганатов в Монголии (745-840 гг.). Все это свидетельствует о том, что родственные захчинам и элетам трехречинцы искони были тюрками.

Определить, какие из известных по письменным источникам среднемонгольских племен были собственно монголами, а какие имели тюркское происхождение – задача весьма трудная. Попытки ряда исследователей установить этноязыковую принадлежность того или иного средневекового племени на основе этимологизации их этнонимов не привели к ожидаемым результатам. Большинство общих тюркско-монгольских родоплеменных этнонимов не поддается сколько-нибудь достоверной этимологизации на основе как тюркских, так и монгольских языков. Существующие версии этимологического объяснения этих этнонимов, мягко говоря, не выдерживают филологической крити-

ки. Значительная часть общих тюркско-монгольских родоплеменных этнонимов, как это нетрудно заметить, оканчивается на *-t(-d)*, ср.: ср.-монг. *алакчут, арулат, асуут, баил, баргут, батут, баятут, бесут, бурят, дархат, джаджират, джарджилут, джурьят, дуглат, дунхаит, енкегут, исут, керейит, кият (кыят), килингут, конгират, кыют, манкгут (мангыт), меркит, ойрат, олхунут, онгират, онгут, салджиут, тайджиут, тангут, тархут, тонкгоит, тохураут, тумат (тумет), тутукульют, урат, урут, урянхат, хархат, хорлат (хорлад), хотогойт, хонгират, хошут, хулабат, чанишигит (чанишут), чжадарат, чжаоуреит* и т.д.

Этот этнонимический формант *-t(-d)* логичнее всего объяснить как аффикс множественного числа, или, вернее, как показатель собирательной множественности, следы которого обнаруживаются во всех трех классификационных группах алтайских языков. Существует огромная литература о категории и показателях множественности в тюркских и других алтайских языках, но, тем не менее, в этом вопросе остается еще много неясного (подробности см.: Алексеев, 1948, 121-135; Антонов, 1961, 56-57; Владимирцов, 1926; Козин, 1946, 120-135; Кононов, 1969; 1980, 147; Мелиоранский, 1889, 80; 1906, 17; Никифоров, 1963, 89-92; Панфилов, 1977, 250-272; Рамстедт, 1957, 57-59; Санжеев, 1953, 127-139; СИГТЯ, 1988, 12; Серебренников, 1974, 159-165; Томанов, 1981, 138; Цинциус, 1946, 73-119; 1949; Цинциус, Летягина, 1978, 197-231; Щербак, 1970, 87-99; 1977, 87-88; Daschzedden, 1969, 475-480; Doerfer, 1962; Harmatta, 1972, 272-273; Gabain, 1950, 85; Kowalski, 1936; Menges, 1968, 111-119; Pelliot, 1915, 687; Poppe, 1952, 65-83; 1955, 175-184; Sinor, 1951, 203-230; Ramstedt, 1904; 1907; Veitze, 1969, 481-512 и др.). Мы исходим из того положения, что в монгольских языках показатель множественного числа **-t* (*-ūt/-ūt, -nūt, -čūt* ~ х.-монг. *-ud/-iid* и т.д.) имеет тюркское происхождение. В пользу первичности тюркского форманта плюралиса *-t* свидетельствует прежде всего тот факт, что он зафиксирован задолго до появления монголов на исторической арене в ряде древнетюркских рунических памятников, ср.: д.-тюрк. *oγul* «сын» ~ *oγl-it* «потомки, отпрыски»;

qayan (мн. ч. *qaya-t*) «каганы»; *tarqan* «титул правителя» ~ *tarqa-t* «тарханы»; *tegin* «принц» ~ *tegi-t* «принцы»; *orun* «место» ~ *oru-t* «места жительства» и т.д.; ср. также *türkün* (мн. ч. от *türk*) «тюрки», восстанавливаемая с учетом китайских источников (прототипом кит. *t'u-küe*, по мнению Ё. Харматты, явилась согдийская форма множественного числа *turkit*; см. Harmatta, 1972, 272-273; Pelliot, 1915, 687; Menges, 1968, 111). П.М. Мелиоранский считает тюркский аффикс множественного числа *-t* очень древним, возникшим в «доорхонское» время (Мелиоранский, 1906, 17).

Современные исследователи полагают, что остатки словоформ на *-t* со значением множественного числа присутствуют не только в общей тюркско-монгольской лексике, но и в собственно тюркской (СИГТЯ, 1988, 13). Вместе с тем, еще П.М. Мелиоранский указывал, что древнетюркские формы *tegit* «принцы», *tarqat* «тарханы», в которых обычно констатируется наличие аффикса плюралиса *-t*, на тюркской языковой почве неразложимы (Мелиоранский, 1889, 80). А.М. Щербак полагает, что подобные приведенным формы на *-t* не являются тюркскими по происхождению (Щербак, 1977, 87). По мнению А.Н. Кононова, формант *-t* происходит из согдийского; мнение о возможном происхождении его из монгольских или тунгусо-маньчжурских языков он считает маловероятным (Кононов, 1980, 47). Плюралис на *-t* (*-īt*, *-āt*, *-tā*) широко распространен в восточноиранских языках, ср.: согд. *-īt*, *-āt* (ОИЯ, 1981, 426), язг. *-āθ* (<**-at*; наряду с *-ēn* (*-gen*, *-yep* после основ на гласный) (ОИЯ, 1987, 382), вав. *-īst* (< др.-иран. **-ī-šwa-* + *-tā-*), *-t* (<**-tā*, осет. *-ad*; парф. *-īfī*, согд. *-yšt*) (ОИЯ, 1987, 446), ишк. *-d* (реликтовый аффикс <**-tā-*) (ОИЯ, 1987, 503), осет. *-t*, *-tæ* (ОИЯ, 1987, 662) и т.д. Все это указывает на поиски этимонов общих тюркско-монгольских родоплеменных этнонимов на *-t* на эмпирическом материале восточноиранских языков.

Другая группа общих тюркско-монгольских родоплеменных этнонимов оканчивается на *-n*, ср.: *барын*, *борджигин*, *булагачин*, *дарлекин*, *джуркин*, *дурбан*, *иджин*, *илдуркин*, *кидань*, *катакин*, *конкотан*, *мудан*, *найман*, *нирун*, *нунджан*, *нуйкин*, *керемючин*, *кешиктен*, *сукан* (*сугэн*), *теймен*, *татар-чаган*, *хангин*,

хархатан, тукараун, тикин, ушин, харакин, хорчин, хадаркин, хартакан, хиркун, хойин, хушин, элджигин, юркин и т.д. По всей вероятности, в этнонимах подобного типа также выделяется показатель множественного числа или собирательной множественности *-n*, (Щербак, 1977, 88-89; СИГТЯ, 1988, 15-16), который впервые был выделен в тюркских языках еще Махмудом Кашгари в таких словах, как *eren* – мн. ч. от *er* «муж, мужчина», *oylan* – мн. ч. от *oɣul* «сын» и т.п. (МК, I, 39, 70). Из замечаний Махмуда Капгари следует, что в XI веке в тюркских языках аффикс *-n* в значении собирательной множественности активно не использовался (Кононов, 1969, 16) и формы типа *eren* «мужи», *oylan* «сыновья», *örten* «пламя» (Gabain, 1974, 171) воспринимались как обычные, нейтральные в отношении грамматического числа (Кононов, 1980, 146-147); аффикс *-n* в значении множественности в тюркских языках никогда не был продуктивным (Кононов, 1969, 15-16, 18), поэтому некоторые исследователи колеблются в однозначном определении его функционального значения (Zajaczkowski, 1932, 19; Brockelmann, 1954, 472; Рамстедт, 1957, 196 и др.). А. Габен сопровождает весь параграф, посвященный этому аффиксу, знаком вопроса, так как значение множественного числа для *-n* не считает окончательно установленным (Gabain, 1950, 61).

Ряд исследователей выделяет этот аффикс в составе таких тюркских этнонимов, как *suvar-in* (Pritsak, 1957, § 35), *kuman* < *kuba-n* (Nemeth, 1940, 100), *qırqın* – китайское наименование кыргызов (Sinor, 1952, 208-210), др.-тюрк. *türkän* «тюрки», ст.-узб. *qalmaqan* «калмыки» (Щербак, 1977, 89) и др. А.Г. Гулямов высказал идею, что «слова *уғлон, ёрон, эрон, боён*» включают в себя персидский аффикс множественного числа *-aⁿ* (Фуломов, 1944, 38-42). Эта идея поддержана впоследствии А.М. Щербакком (1977, 88-89) и А.Н. Кононовым (1980, 146).

Правда, А.Н. Кононов разграничивает аффикс *-an/-än* (< иран.) в *er-an* «мужи» и т.п. и аффикс *-n, -in, -un* (< монг.; ср. тунгус. *-na*) в *bod-un* «племена», «народ» (Кононов, 1980, 146), но для такого разграничения мы не видим оснований, так как в самих иранских языках представлены фонетические варианты

аффикса плоралиса как с широкими, так и с узкими гласными, ср.: ср.-перс. *-ān*, редко *-īn*, *-ūn* (< иран. **-ānā^om* – формант род. п. мн. ч.), парф. *-ān*, редко *-īn* (*-yn*) (ОИЯ, 1981, 61, 188).

Аффикс множественного числа *-ān* характерен для западной группы иранских языков, но изредка он встречается и в восточноиранских языках, ср.: клас. перс. *-ān*, *-gān*, *-yān*, *-vān*, перс., тадж. *-a^on*, *-ya^on*, *-va^on* (ОИЯ, 1982, 103-104), татск. *-un* (южн.), *un-и* (сев.) (ОИЯ, 1982, 337), лар. *-un* (ОИЯ, 1982, 403), гилян. *an*, *-a^on*, мазенд. *-un*, шамерзади *-on*, Велатри *-ān* (ОИЯ, 1982, 501); шугн.-руш. *-ēn* (*-yēn*) (ОИЯ, 1987, 291) и т.д.

В специальной литературе тюркский аффикс *-n* часто сближается с монгольским показателем множественного числа *-n*, а также с тунгусо-маньчжурским аффиксом *-n*, используемым в значении множественного числа в формантах принадлежности 1-го и 2-го лица. Однако их употребление имеет специфические особенности, отличные от употребления показателя *-n* в тюркских языках.

В монгольских языках аффикс *-n* в определенных случаях является показателем множественности при основах с конечными *-či* и *-ta*, ср.: п.-монг. *ṣṣyasuci* «рыбак» – мн. ч. *ṣṣyasucin* «рыбаки», *ūsüci* «парикмахер» – мн. ч. *ūsücin* «парикмахеры»; п.-монг. *ṣṣgürtün* «пернатые» (< *ṣṣgür* «перо, крыло» + *-tü-en*), *moritan* «всадники» (< *morin* «конь» + *-tu-an*), ср. *moritu kümün* «конный человек» (подробнее см.: Санжеев, 1953, 133 и след.). Надо заметить, что в монгольских языках показатель множественности *-n* самостоятельно не употребляется, а функционирует только в составе неделимых и неразложимых показателей множественности *-čin* и *-tan/-ten* (Санжеев, 1953, 133-134).

Г.Д. Санжеев дает следующее объяснение такому нетривиальному поведению аффикса множественности *-n* в монгольских языках: «Этот показатель *-n* превратился в показатель множественности не потому, что он стал наращиваться на основу с конечным *-či* ~ *ша*. Здесь дело обстоит совершенно иначе, нежели с другими показателями множественности, ибо в монгольских языках форма *-či* ~ *ша* как форма единственного числа

сложилась позднее: первоначально имена с окончаниями *-čin* обозначали наименования целых коллективов, целых социальных групп и употреблялись, в частности, в качестве родовых и племенных названий (*керемүчин* «керемучины» от *керемү* «белка», *булагачин* «булагачины» от *булага* «соболь» и т.д.). И лишь потом путем отсечения или выпадения конечного *n* образуется форма единственного числа на *-či* ~ *-ша*. Таким образом, в данном случае сначала было множественное число, а потом – единственное. Иными словами, суффикс *-čín* ~ *-шан* с исторической точки зрения является неделимым и неразложимым показателем множественности» (Санжеев, 1953, 133).

Это, конечно, не совсем так, или, вернее, совсем не так. Здесь, во-первых, надо разобраться, действительно ли аффикс *-n* в составе монгольского *-čín* выражает идею множественности. Тщательное исследование исторического развития категории числа в тюркских и монгольских языках убеждает в том, что одной из отличительных особенностей этих языков является максимальная экономия выразительных средств. По этой причине в данных языках, в частности, показатели множественности используются крайне экономно. Еще К. Грёнбек обратил внимание на то, что в орхонских надписях даже такой частотный в наше время аффикс множественного числа *-lar/-ler* используется редко, преимущественно в терминах родства. Наблюдая случаи употребления форм на *-lar/-ler* рядом с формами на *-gün*, *-(a)n*, К. Грёнбек пришел к выводу, что аффикс *-lar/-ler* в древнетюркском языке выражал не число, а собирательность, и что различие единственного и множественного числа было чуждо его носителям. То, что мы рассматриваем в наше время как множество, воспринималось в древнетюркскую эпоху как некая нечленимая совокупность, как род (Genus), и именно род, совокупность, а не индивидуум, лежали в основе восприятия древними тюрками реальной действительности (Grönbech, 1936, I, 57-83; см. также: Brockelmann, 1954, 150; Pritsak, 1963, 38; Щербак, 1977, 90 и след.).

В древнеуйгурском языке, – продолжает К. Грёнбек, – отразилось уже иное мировосприятие, и это объясняется главным

образом тем обстоятельством, что уйгуры, оказавшись в Восточном Туркестане, столкнулись с «новой духовной культурой, европейской» (Grönbech, 1936, I, 61). Для западного мировоззрения характерно восприятие множества как совокупности отдельных индивидуумов (Щербак, 1977, 92). В древних и современных тюркских языках основа слова и без специального морфологического показателя имеет значение неопределенной или совокупной множественности, ср.: каз. *awılyǵa žaqındayanda at qojdıq* «приблизившись к аулу мы пустили лошадей» (каз. *at* «лошадь», ед. ч.) галопом»; *mıñ žılqı* «тысяча коней» (каз. *žılqı* «конь», ед. ч.); *Qoj mañırap, tije bozdap, žılqı kisinep, kūs šıwlap, ... degendej, ajnala azan-qazan edi.* – «Блеяли овцы, кричали верблюды, ржали кони, шумели птицы, ... кругом, как говорится, стоял разноголосый шум». В тюркских и монгольских языках там, где нет необходимости в специальном выражении множественности, показатель плюралиса отсутствует. В приведенных примерах все существительные даны в форме единственного числа, тем не менее, множественность здесь является сама собой разумеющейся. Для русского языка употребление формы единственного числа имен в значении множественного допустимо в ограниченных размерах и нередко кажется несколько необычным, ср.: *вишня нынче крупная, здесь разводят птицу, соболь сейчас линяет* и т.п. В алтайских же языках в значении множественного числа часто выступают неоформленные имена, причем в таких случаях, которые для большинства индоевропейских языков просто недопустимы. Следовательно, монгольские *±iyasuči* одновременно может означать, в зависимости от контекста, и «рыбак» (ед. ч.) и «рыбаки» (мн. ч.), поэтому дополнительное наращивание показателя множественности *-n* на собственно монгольской почве совершенно излишне.

Во-вторых, надо учитывать, что в современном монгольском языке аффикс *-č(in)* является деривационным и образует имена, обозначающие профессию, временное или постоянное занятие человека (Тодаева, 1951, 53), ср.: х.-монг. *ažılč(in)* «рабочий» (< *ažıl* «работа»; *žinč(in)* «возчик» (< *žin* «клад, груз»),

bürēc «трубач» (*bürē* «труба»), *tariač* «крестьянин» (< *taria* «посев, пашня») и т.д. Монгольский аффикс имени деятеля вне всякого сомнения является тюркским заимствованием, ср. тюрк. *čil/-čī ~ -ču/- čü* (Щербак, 1977, 103-106; 1997, 185; Кононов, 1980, 84-87; СИГТЯ, 1988, 144-146). К этому аффиксу в тюркских языках вплотную примыкает вариант *-čīn/-čīn*, который имеет «приблизительно такое же значение» (Щербак, 1977, 104), но встречается он редко, в виде исключения, ср.: др.-тюрк. *balıqčīn* «белая птица, ловящая рыбу, цапля» (ДТС, 80), *kökčīn* «седой» (ДТС, 313); каз. *qulaqšīn* «шапка-ушанка», *šīlapšīn* «голубь», *šergiršīn* «вяз» и т.п., но генетические связи между этими двумя аффиксами остаются невыясненными.

Рассмотренный репрезентативный материал скорее всего показывает, что показатель множественности *-n*, если он действительно является таковым, был наращен в самом монгольском языке, хотя наличие в тюркских языках редкого аффикса *-čīn/-čīn* оставляет место для предположения о возможности его достаточно активного функционирования в том тюркском диалекте, который оказал мощное влияние на формирование среднемонгольского языка.

Чтобы подробнее разобраться в природе монгольского показателя множественности *-n*, рассмотрим генезис другого монгольского аффикса — *-tan/-ten* (чит. *-tān/-tēn*), который, по словам Г.Д. Санжеева, обозначает категорию животных (*žīgürten* «пернатые» < *žīgür* «перо, крылья») и людей (*maltan* «скотовладелец» < *mal* «скот»). Далее Г.Д. Санжеев пишет, что «суффикс *-ta* (классич. *-tu ~ -tuʷ*...) собственно не употребляется при именах с субстантивным значением и поэтому не может считаться полновесным антиподом по отношению к *-tan* как форма единственного числа, ибо имена с этим окончанием употребляются лишь атрибутивно без дифференциации в отношении числа; например: классич. *morıtu kǰmǰn* «конный человек», *morıtu kǰmǰs* «конные люди» (Санжеев, 1953, 133). Этим примерам в казахском языке формально соответствуют синтаксические конструкции *atı kisi* или *žılqılı kisi* «конный человек; человек, обла-

дающий конями» и, соответственно, *attī (zīlqīli) kīsiler* «конные люди; люди, обладающие конями». Монгольский аффикс *-tu/-tū* (~ х.-монг. *-tān/-tēn, -tōn/-tōn*), образующий «мена существительные, обозначающие группу людей и животных, обладающих тем, что выражено в основе» (Тодаева, 1951, 53) полностью совпадает с тюркским аффиксом обладания * *-lı/-lig* (~ др.-тюрк. *-lı/-lig* ~ каз. *-lı/-li, -dı/-dı, -tı/-tı*) и по существу является ранним заимствованием из тюркского языка (ср. более позднее заимствование из уйгурского *-lāg/-lēg, -lōg/lōg*; х.-монг. *tömör* «железо» – *tömörlög* «железный» и т.п., см. Тодаева, 1951, 54). Вопрос о происхождении и исторической трансформации аффикса обладания *-lı/-lig* в тюркских языках чрезвычайно запутан, но для нашей темы не столь суть важен (поэтому мы ограничиваемся отсылкой на наиболее авторитетные исследования по этой проблеме, см.: Кононов, 1956, 150-163, 237-238; 1960, 108-114, 147; Котвич, 1963, 109-116; Севортян, 1966, 20-53; Щербак, 1977, 99, 109-112; СИГТЯ, 1988, 137-141, 149-152, 337-338).

В монгольских аффиксах *-čin* и *-tan/-ten* трудно выявить значение множества как совокупности отдельных индивидуумов, то есть собственно множественного числа. Поэтому прав Г.Д. Санжеев, когда пишет, что «суффикс *-tan*, хотя он и является средством образования имен с собирательным значением..., не может собственно считаться показателем формы множественного числа. Еще меньше оснований считать показателем множественности конечный согласный *n*, ибо суффикс *-tan* является цельным и неразложимым» (Санжеев, 1953, 134). Все это наводит на мысль, что конечный *-n* в составе ряда деривационных субстантивных аффиксов, в том числе и в составе показателей *-čin, -tan/-ten, -lan/-len, -bčin, -yan/-gen* и др., не что иное, как показатель именных основ. Этот именной показатель *-n* в большинстве монгольских языков характеризуется неустойчивостью (о нем см. Владимирцов, 1929, 351-358; Санжеев, 1953, 139-145), что наблюдается и в функционировании некоторых аффигированных форм, ср., например, х.-монг. *ažılč(in)* «рабочий», *žılč(in)*

«возчик», но *yatalč* «сапожник», *bürēc* «трубач» и т.д. (Тодаева, 1951, 53). Все это свидетельствует о том, что квалифицировать конечный *-n* в деривационных аффиксах *-čin* и *-tan/-ten* как аффикс множественного числа не совсем корректно.

Во всяком случае показатель *-n* в составе среднемонгольских родоплеменных этнонимов имеет другое происхождение.

В свете всего сказанного выше создается примерно такая картина исторической динамики общих тюркско-монгольских этнонимов на *-t* и *-n*:

1) этнонимы эти сформировались первоначально в восточноиранской языковой среде, на что указывает иранское происхождение показателей множественности *-t* и *-n* (< иран. *-ān*, *īn*, *-īn*);

2) в ходе ассимиляции восточноиранских племен прототюрками в I тысячелетии до н.э. древние иранские родоплеменные этнонимы попали в тюркскую этноязыковую среду и стали названиями тюркоязычных племен огурского круга;

3) в эпоху первых тюркских каганатов часть огурских племен в центре Азии была ассимилирована тюркютами, говорившими на тюркских диалектах стандартного типа;

4) в эпоху возвышения монголов определенная часть тюркоязычных племен попадает под власть монголов и ассимилируется, а непокорившиеся монголам племена мигрируют на запад, в пределы современного Казахстана;

5) в период завоеваний Чингисхана определенная часть монгольских племен (в их числе и омонголившиеся тюркские, и тюркоязычные) оседает на просторах Великой степи и ассимилируется местными, большей частью кыпчакоязычными племенами.

Таким образом, чрезвычайно сложные исторические перипетии судеб иранских, тюркских и монгольских народов на протяжении двух с лишним тысячелетий создали невероятно сложную, многоплановую и запутанную картину этноязыковых взаимоотношений на просторах Евразийских степей в период с I тысячелетия до н.э. по начало II тысячелетия н.э.

Детальное изучение этимологии общих тюркско-монгольских родоплеменных этнонимов в рамки нашего исследования не входит; это – тема для самостоятельного монографического исследования. Здесь же, в качестве рабочего предположения можно высказать следующую идею: по всей вероятности, значительная часть общих тюркско-монгольских этнонимов на *-t* и *-n* имеет очень глубокое дотюркское происхождение и восходит к восточноиранскому субстрату. В монгольскую среду они начали проникать в ходе ассимиляции остатков огурских племен хуннской эпохи, которые, очевидно, представляли собой тюркизированные прототюрками еще в I тысячелетии до н.э. восточноиранские племена скифо-сакско-усуньского круга. Если это предположение окажется верным, то следует полагать, что под общими тюркско-монгольскими родоплеменными этнонимами на *-t*, *-n* и др. скрываются прежде всего племена огурского круга, отчасти, возможно, освоившие в древнетюркскую эпоху тюркский язык стандартного типа. Окончательное омонголивание тюрков, по всей вероятности, произошло в монгольских степях уже после образования империи Чингисхана. Об этом, в частности, свидетельствует тюркское происхождение большинства личных имен, зафиксированных в среднемонгольских письменных источниках.

В этой ситуации снова встает вопрос о происхождении этнонима *mongyol (mongyul)*, а в более широком смысле – проблема этноязыковой идентификации раннесредневековой народности, вышедшей на арену истории в самом начале XIII века под этим названием. Парадоксальный вопрос: а были ли монголами (в современном понимании этого этноязыкового термина) монголы времен Темучина–Чингисхана? – современной наукой все еще не решен. Более того, историки, как правило, «от него стараются дистанцироваться или не рассматривают вовсе, хотя для правильного понимания феномена империи Чингисхана он представляется весьма немаловажным» (Доманин, 2007, 35).

В связи с такой постановкой вопроса следует вспомнить, что первое точное упоминание этнонима *mongyol* относится к 1206 году, когда на великом курултае сам Темучин (1162-1227)

провозгласил создание Великой Державы Монголов (*Jeke Mongyol Ulus*). Отсюда некоторые монголоеды делают допущение, что само понятие «монгол», до этого не существовавшее вообще, было введено Чингисханом как единое название для народов объединенной им степи (Доманин, 2007, 35). Из китайских источников известно, что начиная с 1211 года государство Чингисхана впервые получило официальное наименование *Да мэнь-гу го* «Великое монгольское государство», что является калькой с монгольского *Jeke Mongyol Ulus*. Это название в его монгольском написании впервые зафиксировано в надписи на печати Гуюк-хана, скрепляющей грамоту, направленную через Иоанна де Плано Карпини папе Иннокентию IV.

Название *mongyol* до XIII века не было известно ни в этническом, ни, тем более, в политическом смысле, и происхождение его до сих пор не выяснено (о разных попытках толкования термина *Mongyol* см.: Serrius, 1982, 476-479; Hambis, 1970, 125-133; Pelliot, 1923, 22 et pl.; Рыкин, 2002, 61). Соседние народы все объединенные Чингисханом племена по инерции называли татарами по имени могущественного племенного союза *otuz tatar*, кочевавшего в Восточной Монголии с древнетюркских времен.

В специальной литературе широко распространено предположение о том, что этническое название *mongyol*, относившееся к одному из племен, было принято для всего монгольского этнополитического объединения только после создания монгольского объединенного государства при Чингисхане. К концу XII века отдельные племена, говорившие на разных наречиях, занимали обширную территорию от Великой китайской стены на юге до верховьев реки Селенги на севере. Крупнейшими племенными союзами в это время были татары, тайджинуты, джалаиры, кериты, найманы, меркиты, а также нируны, кияты, борджигины дарлекины и др., этноязыковая принадлежность которых до сих пор вызывает споры.

Предприняв ряд успешных военных походов, энергичный и находчивый стратег Темучин уже к 1204 году сумел объединить вокруг себя и своего племени кият-борджигин почти все кочевые племена Монголии. В специальной литературе слож-

лось априорное представление, что все объединенные Темучином-Чингисханом племена в этноязыковом отношении искони принадлежали к монгольской группе.

Другие исследователи вполне резонно возражают, что и в куда более поздние времена часть этих объединенных племен в число монголов не входила, и считают, что к «монголам» Темучина относилась лишь та часть населения, которая была связана общим родословным древом, и которую впервые объединил прадед Чингисхана *Кабул-хан*, а следовательно, формирование этнического понятия *mongyol* относится к сороковым годам XII века (Доманин, 2007, 35-36). Рашид ад-Дин настоящими монголами называет народность *nirun*, ко времени Чингисхана включавший уже десятки, если не сотни родов и племен. Именно нируны, согласно монгольской генеалогии, все являются потомками Алан-Гоа: «Чингиз-хан и его род происходят из племени монголов, – пишет Рашид ад-Дин, – и от них возникло много ветвей, особенно со времени Алан-Гоа, около трехсот лет тому назад возникла многочисленная ветвь, племена которой называют нирун и которые сделались почтенны и возвеличены, – [то] все стали известны как племена монгольские, хотя в то время другие племена не называли монголами» (Рашид ад-Дин, 1952, I, 103). К нирунам, состоящим из двух подразделений, Рашид ад-Дин относит 16 родов собственно нирунов: катакин, салджиут, тайджиут, хартакан, сиджиут, чинос (нукуз), нуякин, урут, мангут, дурбан, баарин, барулас, хадаркин, джирьят, будат, дуклат, йисут и кингият, а к нирунам, которых также называют киятами, – роды кият, юркин, чаншиут, кият-ясар и кият-бурджигин, что означает «синеекине»; их ветвь произошла от отца Чингисхана (Рашид ад-Дин, 1952, I, 78-79).

Алан-Гоа принадлежала к племени куралас, являющегося одной из отраслей дарлекинов, ведущих свое происхождение от остатков монгольских племен нукуз и кият, еще до времени Добун-Баяна и Алан-Гоа ушедших на Аргунь (Рашид ад-Дин, 1952, I, 152, 178).

Племена, ведущие свое происхождение от Алан-Гоа и трех ее сыновей, делятся на три подразделения: 1) те, которые происходят непосредственно из рода Алан-Гоа до шестого ее поколения (в котором был и Кабул-хан), называются нирун; 2) те нируны, которых называют кият, и которые ведут свой род от шестого поколения Алан-Гоа, от рода Кабул-хана; 3) те, которые происходят из племени нирун-кият и чистого рода Алан-Гоа и появились от прямого ее потомка в шестом колене Кабул-хана; они народились от внука Кабул-хана – Есугей-бахадур, отца Чингисхана, и назывались кият-борджигин (Рашид ад-Дин, 1952, I, 152-153).

Таким образом, прадед Чингисхана, Кабул-хан, происходит из рода *кият* (род *қыйат* представлен в составе кочевых узбеков, каракалпаков, крымских татар). Впоследствии все потомки *Кабул-хана*, выделившиеся в отдельные роды, к названию своего рода (*оюу*) присоединяли название коренного племени *кийат*: *кийат-джиркин*, *кийат-борджигин*, *кийат-куралас* и т.п. Отец Чингисхана, Есугей-багатур, выделился от своих сородичей и его новый род стали называть *кийат-борджигин* (Владимирцов, 1934, 71). Предки Чингисхана «все принадлежали к одной ветви и к роду тех двух людей, которые некогда ушли на Эргунэ-кун (Аргунь. – Ж.Т.)..., от них появились ... племена, называемые монгол-дарлекины» (Рашид ад-Дин, 1952, I, 155).

Все монгольские племена к началу эпохи Чингисхана разделились на две главные ветви: потомство Алан-Гоа стало называться нирун (букв. «чресло», что, по свидетельству Рашид ад-Дина, значит, что они появились из непорочного чресла и чрева Алан-Гоа, см.: 1952, I/2, 15), все остальные монголы – дарлекин. К концу XII века эти ветви настолько обособились друг от друга, что перестали считаться родственными.

Третья версия происхождения монголов опирается на упоминание в китайских исторических хрониках VI века названия племени *мэн-гу*, входившего в группу из тридцати племен народности *шивэй*. Принято считать, что от них потом и пошла та группа родов, которая называла себя единым именем – монголы (Доманин, 2007, 35-36).

В рассказах о племенах *шивэй* в китайских источниках «Синь Тан-шу» и «Цзю Тан-шу» находим сведения об их кочевьях по реке Аргунь. Кочевья *мэн-гу* (*меньу*) или *мэнъва шивэй* находились к югу от реки Аргунь. Некоторые историки считают, что эти глоссы в китайских династических хрониках представляют собой иероглифическую транскрипцию этнонима *monggol*, и это де является первым достоверным упоминанием о монголах (Таскин, 1984, 56).

В сочинении Е Лунли «Цидань го чжи» читаем: «Прямо на севере земли киданей доходят до владения *Мэнгули*. В этом владении нет правителя, который бы управлял народом. Население не занимается земледелием, [основным] занятием является охота. Люди не живут постоянно на одном месте, а кочуют все четыре сезона года в поисках хорошей травы и воды. Пищей служат только мясо и кумыс» (Таскин, 1984, 56). Лю Сюй в «Старой истории династии Тан» оставил такие сведения о *мэн-гу*: «...севернее больших гор имеются кочевья *да шивэй* (большие шивэй). Эти кочевья живут по р. Ванцзяньхэ. Река вытекает из озера Цзюйшу (Далай-нор. – *В.Т.*), лежащего на северо-восточной границе *туцьюэсцев* (тюркютов. – *Ж.Т.*), извиваясь, течет на восток, проходит по землям *си шивэй* (западные шивэй), далее на востоке течет к северу от *мэнъу шивэй* и к югу от *лоцзу шивэй*. Затем она течет далее на восток и сливается с реками Нахе и Хуанхэ... и, продолжая течь на восток, впадает в море» (Таскин, 1984, 139). Реку Ванцзяньхэ обычно идентифицируют с р. Аргунь (Таскин, 1984, 363-364). В «Новой истории династии Тан», принадлежащей перу или, вернее, кисти Оуян Сю, этот пассаж выглядит следующим образом: «На севере этого кочевья (*нобэйчжи шивэй*. – *Ж.Т.*) большие горы, за которыми по берегам Шичзяньхэ (р. Аргуни. – *Ж.Т.*) живут *да шивэй* (большие шивэй). Река вытекает из [оз.] Цзюйлунь (Далай-нора. – *Ж.Т.*) и, извиваясь, течет на восток. К югу от реки находится кочевье *мэнва* (*мэн-гу, мэнъу*. – *Ж.Т.*), а к северу – кочевье *лотань...*» (Таскин, 1984, 141).

Этноним *monggol* иногда сближают также с именем легендарного раба *Мугулюя*, захваченного в плен жуаньжуаньцем

Юйцзюлюем, ставшего впоследствии родоначальником первого предводителя жуаньжуаней (подробности см. Таскин, 1984, 267). В научной литературе встречается ряд попыток этимологизации эпонима *Мугулюй* (см.: Таскин, 1984, 398-399), среди которых представляет определенный интерес высказывание Комай Ёсиаки, согласно которому *mongulij* первоначально являлось прозвищем выдающейся личности, а затем в форме *монгол* было перенесено на целое племя. Если это так, заключает он, этноним *монгол* возник значительно раньше эпохи Тан (Таскин, 1984, 399). Подробно проследив расселение и переселения племен, которых он считает прямыми предками монголов, пришел к заключению, что в VIII веке *мэнью шивэй* обитали по южному течению реки Амур, западнее места впадения в нее реки Сунгари и восточнее хребта Малый Хинган, то есть по среднему течению реки Амур. Л.Л. Викторова размещает монголов VIII века в нижнем течении реки Онон, то есть в верховьях Амура (Викторова, 1958; 1980, 161). Разногласия между исследователями по вопросу локализации ранних монголов связаны с неопределенностью и известной противоречивостью самих китайских источников.

Другой японский историк Фудзита Таёхати замечает: «Если прародитель жуаньжуаней, относящихся к чистым монголам, имел прозвище *мугулюй*, это заставляет думать, не являются ли этнонимы *мэнгу* и *мэнью* искаженной формой *мугулюй*» (цит. по: Таскин, 1984, 399).

По этому поводу В.С. Таскин совершенно справедливо замечает: «Название «монгол» впервые встречается в китайских источниках в «Цзю Тан-шу», составленной в 945 г. (здесь речь идет собственно не об этнониме *mongyol*, а о кочевьях *мэнью шивэй*. – Ж.Т.), и, если бы мнение японских ученых было доказано, историю монголов надо было бы начать на семь веков раньше. Однако вряд ли эта соблазнительная точка зрения заслуживает доверия, будучи основанной лишь на некоторой фонетической близости слов *мугулюй* и *монгол*» (Таскин, 1984, 399).

Между тем, сближение *мэн-гу* (*мэнью*, *мэнва*) с этнонимом *mongyol* также «основано лишь на некоторой фонетической бли-

зости». Так, например, французский ученый Л. Гамбис (L. Hambis) транскрибирует переданную китайским иероглифическим письмом глоссу *мэнью* как *tung-ngut*, считая ее идентичной этнониму *tongyol* (Hambis, 1970, 126-127). Однако китайские иероглифические транскрипции иноязычных слов трудно поддаются идентификации, и реконструкции фонетического облика по ним всегда проблематичны. Так, на основе китайского *tung-ngut* с одинаковым успехом можно реконструировать для монгольского языка формы *tungyut*, *tongyut*, *mangyut* и т.п. Если принять эти реконструкции за формы монгольского множественного числа на *-t*, то идентификация китайского *мэн-гу* с известным этнонимом *tongyol* окажется более чем сомнительной, так как форма множественного числа от *tongyol* будет не *tongyut*, а *tongyolču'ud* < **tongyol-čyul-d*. Эти сомнения еще больше усугубляются, если учесть, что в «Сокровенном сказании» наряду с монголами упоминаются мангуты (*manqut*) (Козин, 1941, 207), а в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина находим целых три народа с фонетически схожими этнонимами: *монгол*, (*усуту*) *мангун* и *мангут*. В связи с этим более перспективной выглядит сближение *мэн-гу* (*tung-ngut*) китайских династических хроник с мангутами, имеющими генеалогические связи с монголами. Согласно родословным преданиям, мангуты считались потомками Ширату Хабичи-батара – старшего сына Бодончара. Земли мангутов располагались восточнее владений кочевавших по Онону борджигинов, из среды которых вышел сам Чингисхан. Мангуты были близкими соседями тунгусо-маньчжурских племен среднего Приамурья. Последние называли Амур *Mang-tū* «Большая река», а по реке получили название и некоторые приамурские племена: *tangtu* «поречане», откуда монголизированная форма множественного числа *tangyut*. В древности их считали то частью племен *мохэ* (кит. *хэйшуй тохэ*), то частью *дада* (кит. *шуй дада*, где *шуй* «вода», *хэй шуй* «черная вода», т.е. Амур). Л.Л. Викторова считает, что мангуты позаимствовали многие черты от своих соседей, и китайским авторам VIII–XII вв. трудно было их различать, тем более что и

фонетически этнонимы очень близки (Викторова, 1980, 161-162).

Что же касается термина *tongyol* (ср.-монг. *tongyul*), то поиски его следов в источниках дачингисовской эпохи нам кажутся малоперспективными. Во всяком случае, термин *ten-gu* в этническом значении «монгол» в китайских источниках появляется не ранее XIII века. Китайские дипломаты, несомненно, знали официальное название династии Чингисхана и истинное название жителей империи, но в силу традиции продолжали использовать термин «татары» (в китайских источниках этот этноним в форме *да-да* в первый раз встречается в 842 году в письме китайского сановника Ли Дэ-юя, адресованном уйгурскому кагану). Очень показателен в этом отношении факт, приведенный Ли Синьчуанем: «Когда монголы (*мэнь-жэнь*) вторглись в государство Цзинь, они называли себя Великим Монгольским государством (*да мэнь-гу го*). Поэтому пограничные чиновники прозвали их монголами (*мэн-гу*) (Мэн-да бэй-лу, 1975, 123). Позднее последнее название было заменено на *мэн-да*, т.е. «монголо-татарь».

Подобные замены были обязательны для официальных текстов даже при описании непосредственных контактов. Так, в отчете сунского посольства 1211-1212 гг. монголы последовательно именуются татарами (Franke, 1981, 170). Южносунский дипломат Чжао Хун (1221 г.) пишет: «Нынешний император Чингис, а также все его полководцы, министры и сановники являются черными татарами» (Мэн-да бэй-лу, 1975, 48), но тут же отмечает, что название династии звучит как «Великое Монгольское государство» (*да мэнь-гу го*) (Мэн-да бэй-лу, 1975, 53). В тексте «Сокровенного сказания», перетранскрибированном при помощи китайских иероглифов, этноним *tongyol* передается как *тан-хо* с надстрочным комментарием *да-да* «татары» и т.д. Все это свидетельствует о том, что в эпоху становления империи Чингисхана термин *tongyol* имел скорее политический, чем этнический смысл.

Что же касается первоначальной этноязыковой принадлежности монголов и татар, то такой хорошо осведомленный в

делах монгольских историк, каковым является Рашид ад-Дин, однозначно засвидетельствовал их тюркское происхождение: «в древности монголы (равно как и татары. – Ж.Т.) были [лишь] одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен» (Рашид ад-Дин, 1952, I/1, 103; см. выше). Это свидетельство Рашид ад-Дина направляет исследователя на поиски этнических корней монголов и татар среди раннесредневековых тюркских племен Внутренней Азии.

Этноним *tatar* впервые появляется в древнетюркских рунических памятниках, обнаруженных в Северной Монголии задолго до выхода на историческую арену монголов. В большой надписи на руническом памятнике в честь Кюль-Тегина (732 г.) находим название племенного объединения *otuz tatar* (букв. «тридцать [племен] татар» (Малов, 1951, 30; ДТС, 374). Судя по названию, в данную конфедерацию входило тридцать племен, а это говорит о том, что племя *tatar* уже к тому времени имело весьма солидную историю. В надписи памятника Бильге-кагану (Могилян) (735 г.) зафиксировано название другого племенного объединения *toquz tatar*, состоящего из девяти самостоятельных племен (ДТС, 574). Махмуд Кашгари был хорошо осведомлен о татарах, одном из тюркских племен XI века (МК, I, 28, 41; Ауэзова, 2005, 387). Из орхонских надписей известно, что татары были одним из самых активных племенных союзов в составе тюркского каганата (VI–VIII вв.). В «Худуд ал-алам» татары названы частью токуз-огузов, а у Гардизи – частью кимаков (Бартольд, 1968, V, 559-561). В китайской политической традиции решительно преобладало поименование монголов татарами. Китайские дипломаты XIII века, совершавшие поездки ко двору монгольских ханов, в своих отчетах наименовывали татар словом *да-дань*. Термин *tatar* транскрибировался китайскими иероглифами также как *та-тань* или *да-да*.

В эпоху Чингисхана термин *tatar* в Монголии и Средней Азии был полностью вытеснен политонимом *mongyol*, официально введенным Чингисханом. Империя была открытой системой, ориентированной на включение и адаптацию новых родоплеменных групп самого разного этноязыкового происхождения.

Вследствие престижного характера правящего этноса, термин *mongyol* превращается в общеимперский политоним. Монголами прежде всего стали называться все те, кто обрел свое место в новой иерархии власти. Причина этого стремления к омонголиванью – величие и могущество завоевателей. Рашид ад-Дин по этому поводу пишет: «Ныне дело дошло до того, что монголами называют народы Хитая и Джурдже, нангясов, уйгуров, кыпчаков, туркмен, карлуков, калачей, всех пленных и таджикские народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами» (Рашид ад-Дин, 1952, I/1, 103).

На этом фоне не остается никакого сомнения в том, что в эпоху Чингисхана термин *mongyol* употреблялся исключительно в значении политонима, и только впоследствии он перешел к разряду этнонима. Да и в наше время термин «монгол» скорее является собирательным научным термином, объединяющим все монголоязычные этносы, собственно монголы предпочитают называть себя традиционным самоназванием «халха» или более дробными племенными названиями – баиты, дариганга, дэрбэты, захчины, олеты, ойраты, торгоуты и т.п. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что в исторических источниках дочингисовской эпохи достоверных следов этнонима *mongyol* до сих пор не удалось обнаружить.

Б.Я. Владимирцов давно установил, что название *mongyol* было дано Чингисханом «золотому роду» (*altan uruy*) Есугейбагатура, которые раньше назывался кият-борджигин. Только позднее это название было перенесено на улус Чингисхана и на его державу (Владимирцов, 1922, 71-73, 76; 1934, 100).

Термин *mongyol*, очевидно, имеет тюркское происхождение. Во всяком случае, он хорошо этимологизируется на тюркском языковом материале, ср.: тюрк. *mun ~ bun* (← согд. *βwn*) «основа», «основание», «основной» (ДТС, 124) и тюрк. *yol ~ qol* «рука»; «ответвление», «рукав» (ДТС, 453). Надо полагать, во времена Чингисхана так было названо центральное, основное «крыло» монгольской армии. При Чингисхане все «войско мон-

гольское», а следовательно, и народ монгольский, по стародавнему степному обычаю, делился на два крыла: правое – *baraγun yar* и левое *žegün yar* (Владимирцов, 1934, 135). Правым крылом монгольского народа ведал наследник, один из ближайших родственников правящего хана, который носил титул *žinong* (<*žinong* ~ *žin-vang* ← кит. *чжэн-ван*) «правлящий князь» (Владимирцов, 1929, 183), а левым крылом ведал хан, который считался главой-сюзереном всех феодальных владельцев – тайшей, зайсангов и т.д. (Владимирцов, 1934, 143-144, 149).

Сохраняя внешне присущую кочевникам с хуннской эпохи систему организации, состоящую из правого (*burūnyar*) и левого (*žūnyar*) крыльев и центра (*χēl*), Чингисхан подчинил их своим ближайшим соратникам и наполнил ее новым содержанием. Формирование десятков, сотен и тысяч проводилось уже не по старому принципу родоплеменных ополчений, а по решениям высшей власти государства, то есть самого Чингисхана. Десятичные подразделения теперь формировались из разных, не обязательно родственных родов (*oboy*) и племен (*irgen*), что, помимо всего прочего, сильно ускорило процесс интеграции и ассимиляции этнически и лингвистически разнородных племен и создания единой монгольской народности вместо набора разнообразных родоплеменных объединений, а также формированию единого общемонгольского языка. Именно это обстоятельство во многом обусловило известную диалектную однородность среднемонгольского языка.

Накануне похода на государство Хорезмшахов из общего числа в 139 тысяч воинов армии Чингисхана 62 тысячи входили в левое крыло (*žegün yar* ~ *žūn-yar*), 38 тысяч составляли правое крыло (*baraγun yar* ~ *burūnyar*), корпус гвардейцев-кешиктенов (*kešigči*, *kešigtü*) и войска ближайших родственников Чингисхана – всего 38 тысяч воинов – составляли центр (*kebeli* ~ *χēl*). Именно этот центр и составлял «основу» монгольского общества, или, иными словами, представлял собственно монголов – *tongyol* (← тюрк. **mun qol* ~ **bun qol* букв. «основная рука», то есть «центральное крыло») в социально-политическом смысле

этого термина. С учетом восточноиранского происхождения древнетюркского *bun* «основа», «основной» (← согд. *βwn*), во второй части термина *tongyol* можно рассмотреть и иранский аффикс множественного числа *-gal*, сохранившийся в диалектах Фарса, ср.: бурунгуни *-äl, -yäl*, реже *-gäl*, масарми *-äl, -yäl*, сомгуни *-gäl, -yäl*, папуни *-yäl* ~ ср.-перс. *gāl* «группа, шайка», клас. перс. *gal(l)a* «стадо, табу», др.-перс. **garda-*, иран. **grda-* (ОИЯ, 1982, 337). Рефлекс древнетюркского *bun* «основа», «основной», по всей вероятности, сохранился в современном чувашском в виде *mān, mānā* «большой, крупный (по величине, силе, значимости)»; «широкий, обширный, просторный»; «толстый»; «основной, главный» и т.п. М.Р. Федотов сближает его с др.-тюрк. *buŋ ~ böŋ* «полный, толстый» (ДТС, 118, 124) и *buŋ* в составе *buŋsuz ~ buŋsiz* «безграничный, безмерный, неограниченный» (ДТС, 118, 124; Федотов, 1996, I, 349; 2002, 170). В связи с предлагаемой в качестве рабочей гипотезы версией этимологизации термина *tongyol* нельзя пройти и мимо такого факта: согласно сведениям Рашид ад-Дина, название племени нирун, «кои суть настоящие монголы», значит «чресла» – это намек на чистые, непорочные чресла Алан-Гоа, ибо она зачала трех своих младших сыновей от луча света (Рашид ад-Дин, 1952, I/1, 178; I/2, 15); монгольское слово *kebeli* (~ х.-монг. *χēl*) «центр» также означает «брюхо, живот, утроба, чрево», а также «зародыш, плод в утробе (животных)», «детеныш», «ребенок» и т.п. (← тюрк. **kebe-lig*). Таким образом, выясняется, что этноним *nirun*, соционим *kebeli* ~ *χēl* «центр» (< «живот, чрево») и политоним *tongyol* «основные», «центральное крыло» находятся в очень тесном семантическом сцеплении. Все они связаны с ведущим собственно монгольским племенным объединением *нирун*, составившим ядро и «центральное крыло» формирующейся Монгольской империи.

В нашей гуманитарной науке до сих пор господствует сформировавшееся еще в XVIII–XIX вв. прямолинейное и схематическое представление об этноязыковых процессах в Центральной Азии. На основе такого превратного представления о

сложнейших этноглобтогенетических процессах позднее сформировалась пресловутая автохтонная теория. Сущность этой теории в несколько утрированном виде заключается примерно в следующем априорном утверждении: в Монголии с незапамятных времен обитали монгольские племена, в Казахстане – тюркские и т.п. В реальности жизнь, как всегда, оказывается куда более сложной и многогранной. На протяжении всей доступной обозрению истории в аридной зоне Внутренней Азии постоянно происходили сложнейшие этноязыковые пертурбации, имевшие в разное время самое различное направление и разнообразный характер – от простых контактных и опосредованных заимствований до сложнейших взаимодействий субстратно-адстратно-суперстратного характера, которые приводили в конечном счете к полной этноязыковой ассимиляции одних этноплеменных организмов другими. Изучение этих процессов только начинается, но уже сейчас выясняются основные вехи архисложной этноязыковой истории Центральной Азии. Ограничимся для краткости и наглядности территорией современной Монголии. Здесь с неолитических времен формируется культура плиточных могил, которая в последнее время совершенно справедливо связывается с прототюрками. В конце II тысячелетия на территорию культуры плиточных могил вторгается ираноязычное население, которое связывается с карасукской культурой и так называемыми «коленными камнями», перекрывающими часть территории плиточников. В VIII веке до н.э. карасукская культура прекращает свое существование, на ее основе в Южной Сибири формируется тагарская культура. На ранних этапах контактов с карасукцами «плиточники»-прототюрки заимствуют иранскую лексику (в том числе терминологию металлургии, развитого животноводства и т.д.), а начиная с рубежа II–I тысячелетий до н.э. уже ставшие номадами прототюрки начинают ассимилировать восточноиранские племена. В результате наложения прототюркского языка стандартного типа на восточноиранский субстрат формируется огурско-тюркский язык булгаро-чувашского типа, который постепенно начинает ассимилировать племенные тюркские диалекты стандартного типа. В эпоху возвышения

хуннов (сюнну) огурско-тюркский язык начинает доминировать и вытесняет стандартные тюркские языки на периферию степей Монголии. К рубежу нашей эры в результате высыхания степей хунну начинают мигрировать на запад. К середине VI века н.э. в степях Монголии начинают доминировать переживавшие засушливый период на окраинах степи древние тюрки, говорящие на тюркских диалектах стандартного типа. В древнетюркскую эпоху начинается ассимиляция огурских диалектов, часть которых сохраняется лишь на восточной периферии монгольских степей. Именно благодаря древним огурам – этим остаткам племен хуннского круга – протомонголы Приамурья начинают осваивать навыки скотоводства. К концу I тысячелетия н.э. в степях Монголии наступает очередной климатический катаклизм и начинается упадок древнетюркской цивилизации. В начале II тысячелетия н.э. в степях Внутренней Азии уже начинают доминировать монгольские племена. Сначала они полностью ассимилируют огурские племена, о чем свидетельствует огромное число тюркских лексических заимствований в монгольском, содержащих бесспорные булгаро-чувашиские фонетические, морфологические и иные специфические признаки. Освоение протомонголами кочевнической культуры привело к быстрому росту их численности и, под давлением демографического фактора, в начале II тысячелетия нашей эры они начинают экспансию в западном направлении. В XII веке в степях Монголии разворачивается процесс ассимиляции древнетюркских племен, который достигает своего апогея в эпоху формирования Монгольской империи Чингисхана. Динамика этноязыковой ситуации в аридной зоне Евразии в XII–XIII веках нашло вполне объективное отражение в целом ряде как собственно монгольских, так и внешних, прежде всего мусульманских нарративных источников. Если подходить к источниковой базе с объективных, строго научных позиций, свободных от политической, национальной и всякой другой ангажированности, богатейшие сведения о реальных этноязыковых взаимоотношениях, проистекавших в богатую бурными событиями эпоху формирования Монгольской империи Чингисхана, донесенных до нас «Сборником летописи»

сей» Рашид ад-Дина, «Сокровенным сказанием» и другими источниками, как нам кажется, не так уж и далеки от реальной исторической действительности.

Подобно большинству своих предшественников и современников, Рашид ад-Дин называет тюрками подавляющее большинство скотоводческих племен Центральной Азии, в то же время многие племена он именуется то тюркскими, то монгольскими. В этом, на наш взгляд, нет никакого противоречия; в этноязыковом аспекте эти племена, видимо, действительно были тюрками, а в политическом – монголами, то есть представителями *Jeke Mongyol Ulus* 'а. Иначе говоря, «тюрки» у нашего автора – термин этнический, а «монгол» – политический, то есть ровно так, как это было на самом деле.

Рашид ад-Дин дает классификацию тюркских и монгольских народов, кладя в основу ее, как это было принято на средневековом Востоке, генеалогический принцип, основанный на легендарной традиции о происхождении племен (точнее говоря, племенных вождей, предводителей, князей и ханов) от общих предков-героев, при этом он приводит и соответствующие генеалогические предания. Иначе Рашид ад-Дин поступать не мог, таков был тогда уровень исторической науки.

Между тем его, как ученого-филолога своего времени, интересовали и вопросы языкового родства отдельных тюркских племен и конфедераций. Так, например, следуя традиции, он выделил две группы тюркоязычных племен: 24 племени огузов и собственно тюрков, которые считались происходившими от огузов – уйгуры, кыпчаки и др.

По генеалогическому признаку Рашид ад-Дин объединил две разветвленные группы монгольских племен: дарлекинов – «монголов вообще» и нирунов, «кои суть настоящие монголы» и князя которых, согласно легендарной генеалогии монголов, происходили от Алан-Гоа, мифической прародительницы Чингизидов. Видимо, эти две племенные группировки и являются тем собственно монгольским ядром, вокруг которого в эпоху Чингисхана сплачивались различные монголизированные племена тюркского происхождения. Кроме того Рашид ад-Дин вы-

деляет группу кочевых племен, которые по его словам, раньше не относились к монголам, но во времена автора уже стали причислять себя к монголам. Сюда он относит, во-первых, такие племена, которые раньше имели отдельное политическое бытие, то есть самостоятельное государственное образование и независимых предводителей – джалаириков, татар, ойратов, меркитов и др., и, во-вторых, племена, сами стоявшие в свое время во главе государственных объединений и племенных союзов, вожди которых были могущественными государями – керейты, найманы, онгуты, карлуки, киргизы, кыпчаки и др. (Рашид ад-Дин, 1952, I/1, 74-75; 76 и след.).

Средневековая история степной зоны Центральной Азии показывает, что в домонгольскую эпоху в этом регионе имели свои государственные образования только древнетюркские племена – тюркешы, уйгуры, карлуки, кыргызы, огузы, татары и др. Следовательно, все те племена, которые, по свидетельству Раши ад-Дина, имели свою государственность, несомненно были тюркоязычными.

Относительно этих групп Рашид ад-Дин замечает, что они «по внешнему виду и языку» были близки к монголам, а о языке ойратов пишет, что «их язык монгольский, [но] имеет небольшую разницу от языка других монгольских племен» (Рашид ад-Дин, 1952, I/1, 118). На основании сообщений Рашид ад-Дина можно утверждать с большой долей вероятности, что в XIII веке ряд племен – татары, керейты, найманы, джалаиры, барласы, меркиты, ойраты и др. были монголоязычны. Но те же сообщения скорее свидетельствуют о том, что еще в конце XII века эти племена были тюркоязычны, а не монголоязычны. Что же касается ойратов, то, судя по этимологии их этнического названия, являющегося монголизированной формой множественного числа на *-t* от *oyur* (~ станд. тюрк. *oyuz*), надо полагать, что они представляют собой монголизированных не позднее XII века тюркоязычных огузов.

Таким образом, выясняется, что на рубеже XII–XIII веков в степях Внутренней Азии развертывался процесс интенсивной ассимиляции тюркоязычных племен, который в основном за-

вершился ко времени распада Монгольской империи Чингисхана или даже немного раньше.

Тюркско-монгольский симбиоз в XIII–XIV вв. был процессом сложным, двусторонним. Накануне возвышения Чингисхана Монголия была заселена в основном тюркоязычными племенами, но уже в первых веках новой эры в центральноазиатских степях появляются монголоязычные племена, освоившие к этому времени у своих тюркоязычных соседей кочевое скотоводство. Кем были в этническом и языковом отношении кочевые племена найманов, керейтов, джалаиридов, конгратов и др., начавших в конце XII века объединяться в примитивные государственные объединения – улусы – монголами или тюрками – остается предметом научных дискуссий, однако ясно, что к этому времени они приобщились к христианству несторианского толка, овладели тюркской письменностью – средневековым «уйгурским» курсивным письмом. Все это не оставляет сомнения в том, что в формировании средневековых монголов и их культуре огромную роль сыграли тюркоязычные племена (Кычанов, 1986, 29–42).

Раздел 5

ВЛИЯНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ НА ТЮРКСКИЕ

Влияние монгольских языков на тюркские

начинается с эпохи возвышения монголов в XIII веке и в контактных регионах продолжается вплоть до настоящего времени. В отличие от гораздо более ранних тюркских влияний на монгольские, обратные лексические интерференции не были тотальными, они носили отчетливо выраженный региональный, следовательно, контактно-интерстратный характер. Принципиальное изменение направления языковых интерференций было важнейшим следствием возвышения монголов и завоевательных походов Чингисхана и его преемников, изменивших общую ситуацию в тюркско-монгольских этноязыковых контактах на всей аридной полосе Евразии.

В ходе исторического развития монгольско-тюркских этноязыковых взаимоотношений имели место как кратковременные, так и продолжительные контакты разного характера, направления и разной степени интенсивности, вплоть до полного поглощения и ассимиляции одних племен другими, причем тесные сближения разных этнических групп прежде всего отразились в языке. В процессе взаимодействия языков изменениям могут подвергаться любые области языка – и лексика, и фонетика и грамматика, но прежде всего внешние интерференции отражаются на уровне лексики.

Изучение этноглотогенеза самых разных народов показывает, что в истории человечества не было бесследного поглощения одного этноса другим, а было в известном смысле слияние двух, а иногда и большего числа, этносов в один. Во всех тех случаях, когда один этнос растворялся в другом, анализ языка, культуры всегда обнаруживает определенные следы ассимилировавшегося этнического компонента в новообразовавшемся народе. Многочисленные монгольские элементы сохранились в языке и культуре практически всех тюркоязычных народов.

Чрезвычайно сложная картина тюркско-монгольских этноязыковых взаимосвязей находит свое объяснение в исторических судьбах многих народов, объединяемых традицион-

но в алтайскую общность. Общие для тюркских и монгольских народов элементы распознаются не только в языке, но и в антропологическом типе, в археологических памятниках, в этнографических чертах, религиозных верованиях, мифологии, фольклоре, традиционной культуре и, конечно же, в общности исторических судеб. Отсюда вытекает, что тюркско-монгольские лексические параллели должны изучаться сугубо комплексными методами, во главе которых должен стоять исторический подход к проблеме в целом.

Этноязыковые взаимодействия в монгольскую эпоху в степях Евразии происходили между двумя кочевыми народами, а не между номадами и оседлыми земледельцами. Великая степь ко времени начала монгольской экспансии была заселена не обособленными оседлыми общинами, говорившими на разных языках и диалектах, а относительно монолитным тюркоязычным населением. Результаты взаимодействия тюркских и монгольских этноязыковых компонентов в степях Евразии в XIII–XIV вв. определились в конечном счете не только количественным соотношением, но и качественным состоянием смешивающихся этнических компонентов. При этническом взаимодействии двух кочевых этносов ассимилирующим оказывается не обязательно тот, кому принадлежит политическое господство. Кроме, разумеется, численного превосходства, важное значение имеет приспособленность хозяйственно-культурного типа этноса к местной экологической среде.

Кочевник всегда связан со своими стадами животных, приспособленными к той или иной экологической нише, строго специализированным условиям природы. Поэтому, хотя ареал обитания номадов и широк, но он может быть сменен только на аналогичный, а это ограничивает возможности миграций номадов определенными природно-географическими рамками.

Следует особо подчеркнуть, что военная экспансия монголов сама по себе вообще нигде не имела значительных последствий в этноязыковой истории завоеванных ими стран.

Монгольская этноязыковая струя практически повсеместно растворилась в местных народах. Определенные изменения в общей этноязыковой картине некоторых регионов Монгольской империи были вызваны в основном социально-политическими изменениями, происходившими уже в период владычества Чингизидов за счет активных перемещений населения внутри формирующихся новых государственных образований.

Монгольские завоевания и последующее владычество монгольских правителей в Средней и Западной Азии, Закавказье, Восточной Европе в XIII–XIV вв. были уже своего рода историческим анахронизмом. Ко времени монгольских завоеваний многие страны названных регионов находились на сравнительно куда более высоком хозяйственно-экономическом, социально-политическом и культурном уровне развития, чем монголы. Кочевое скотоводство, которое монголы переняли у тюрков только в XI–XII вв., было к этому времени относительно прогрессивным явлением только для самих монголов, тогда как в более западных областях Великой степи оно практически исчерпало все свои возможности для дальнейшего хозяйственно-экономического развития общества. Следовательно, нашествия монгольских кочевников на территории более развитых государств «стали исключительно фактором исторического регресса» (Еремеев, 1982, 32). После XIV века кочевничество клонится к упадку и сохраняется лишь на периферии оседло-земледельческих областей. Да и сами монголы уже с середины XIII века стали оседать в завоеванных ими странах и развивать городскую культуру, освоенную от традиционно оседлых народов Средней Азии.

Монголы, завоевав кыпчакские степи до Урала и Среднюю Азию до Амударьи и Аральского моря, не перенесли туда своих кочевий, ограничившись освоением части Джунгарии. Но даже и там, в предгорьях Тарбагатай, монголы смешались с местным тюркоязычным населением, хозяйство

которого было приспособлено к условиям сезонного выпаса скота и вертикальных перекочевок – из степей в горы и обратно. В итоге вторичной адаптации наряду с ассимиляцией, аккультуризацией и метисизацией возник новый народ, который со временем обособился от монголов, – ойраты или калмыки (Гумилев, 1970, 192; Еремеев, 1982, 35). В этногенезе ойратов участвовала значительная доля тюркского компонента, чем, видимо, и объясняется подмеченная А. Рона-Ташем значительно более высокая доля тюркизмов в ойратских говорах по сравнению с халхасскими. В данном случае надо учитывать и то обстоятельство, что в западных областях Монголии контакты с тюркскими языками никогда не прекращались и продолжают до настоящего времени. Так, например, в Баян-Ульгейском и некоторых других аймаках Западной Монголии проживает значительная казахская диаспора (Болатов, 1963, 66-76; 1969, 46-51; Мендикулова, 1997, 232-233; Казахская диаспора Монголии. Алматы, 1993).

В эпоху Чингисхана в отдельных регионах Центральной Азии стало преобладать монгольское языковое влияние, и в последующей истории таких тюркских языков, как алтайский, тувинский, хакасский, якутский, оно вызвало значительные изменения в словарном составе и морфологии, а в тувинском языке – и в синтаксисе (Рассадин, 1973; 1980; Татаринцев, 1976; Барашков, 1958; Субракова, 1975; Щербак, 1997, 249; Kałużyński, 1961). Л. Болд относительно влияния монгольского языка на тюркские языки Саяно-Алтайского региона пишет: «...несмотря на наличие некоторых древнемонгольских черт, монгольские элементы, заимствованные саянскими тюркскими языками, относятся скорее к средневековому периоду развития монгольского языка, а также к современному периоду» (Болд, 1966, 38). Примечательна в этом отношении трактовка монголизмов Б.Н. Татаринцевым в его «Этимологическом словаре тувинского языка» (Татаринцев, 2000, 2002). Автор данного капитального труда выделяет несколько диахронических пластов монгольских заимствований в тувинской лексике и при анализе конкретного материала по ме-

ре возможности стремится установить хронологические рамки заимствований.

При этом, насколько можно судить по материалам первых двух томов «Этимологического словаря тувинского языка» (Татаринцев, 2000, 2002), основная масса монголизмов в тюркских языках Саяно-Алтайского региона начинает откладываться начиная не ранее XIII века, то есть после образования империи Чингисхана (см. также: Рассадин, 1980).

При сепарации собственного лексического фонда казахского языка от монгольских заимствований определенное значение имеет ареально-географический (пространственный, лингвогеографический) фактор. Когда, например, казахско-монгольские лексические параллели имеют соответствия в киргизском, алтайском и других тюркских языках Сибири и Алтая, но не обнаруживаются в куманско-кыпчакских и огузских языках, мы сталкиваемся главным образом с относительно поздними (после XIII–XIV вв.) заимствованиями из монгольского в казахский и другие тюркские языки. Из исторической литературы известно, что предки современных тюркоязычных народов Южной Сибири уже с древнейших времен имели тесные связи с монголоязычными племенами. Особенно сильное влияние монголов на народы Саяно-Алтая началось в XIII веке, когда Чингиз-хан, став во главе Монгольского государства, принялся расширять границы своей империи. В 1207 году по его приказу состоялся «лесной» поход Джучи, направленный на завоевание и подчинение народов Саяно-Алтайского нагорья. Чингисхан передал тогда эти покоренные племена своему сыну Джучи в подданство. Таким образом, население Саяно-Алтайского нагорья и бассейна Верхнего Енисея в 1207 году попало под власть монгольских феодалов (Рассадин, 1980, 7). Поэтому в тюркских языках Южной Сибири и Саяно-Алтая чрезвычайно велико общее число монголизмов. Здесь одно из первых мест занимает якутский язык (Kałużyński, 1961). Условия развития якутского языка в период после миграции ряда тюркских племен на северо-восток, в районы расселения эвенков, были таковы, что

неоднократно возникали ситуации, способствовавшие глубокому и интенсивному взаимодействию его с монгольскими языками (Щербак, 1997, 29). По материалам С. Калужинского и В.Ч. Рассадина, в якутском языке выявляется около 2500 слов монгольского происхождения (Рассадин, 1980, 65).

Много монгольских слов проникло в тувинский язык, что объясняется и постоянными контактами монголов и тувинцев, и долговременной смежностью их территорий, и известными историческими обстоятельствами: несколько столетий Тыва была под властью монгольских правителей. В тувинском языке В.И. Рассадиным выявлено свыше 2200 заимствований из монгольского языка. По трем основным тувинским диалектам – центральному, переходному и тоджинскому – они распределены в основном равномерно (Рассадин, 1980, 58; Татаринцев, 1976).

С падением монгольской династии Юань и изгнанием восточных монголов из Китая (1368 г.) разгорается борьба между восточными и западными монголами, в результате которой наступает кратковременное господство западных монголов (ойратов), расцвет могущества которых приходится на середину XV века. После смерти ойратского хана Эсены (1453 г.) западные монголы теряют господствующее положение.

Междоусобицы и связанный с ними процесс политического дробления приводят к образованию в конце XVI века кратковременного государства Алтынханов. Территория его находилась к западу от верховьев р. Селенги и озера Хубсугул, включая Туву, до верховьев Иртыша с центром у озера Убсу-Нур. Политическое влияние государства Алтынханов распространялось и на Минусинскую котловину, то есть на енисейских кыргызов и частично на тетелутов, кочевавших в междуречье Иртыша и Оби. Государство Алтынханов пало в результате междоусобной борьбы, разгоревшейся между западными монголами (ойратами) и Дзасактухановским аймаком Монголии.

Ойратские ханы во второй половине XVII века обрзо-вали Джунгарское ханство. Господство джунгарских ханов,

длившееся вплоть до 1755 года, распространялось на все Саяно-Алтайское нагорье и значительную часть Казахстана.

С падением Джунгарского ханства Тыва была покорена Дайцинской династией Китая. Племена Алтая и Минусинской долины в это время приняли Российское подданство (Рассадин, 1973, 62). В XVIII веке усилились западно-бурятские князья и распространили свое влияние на саянские и некоторые хакасские племена. Таким образом, племена Саяна-Алтая и Южной Сбири вплоть до присоединения к России оставались под владычеством ойратских ханов (Рассадин, 1980, 8). Тыва же вплоть до свержения маньчжурской династии в 1911 году входила в состав Маньчжурской империи. Языком государственного делопроизводства и культуры в то время был старописьменный монгольский язык, средством общения между тувинцами и монголами служил разговорный монгольский язык. После образования Тувинской Народной Республики до 1930 года, когда была создана тувинская национальная письменность, монгольский язык в течение почти десяти лет оставался в Тыве письменным (литературным) языком: официальное делопроизводство в то время все еще велось на монгольском языке, первая тувинская газета «Унэн» («Правда») выходила на монгольском языке. В южных, пограничных с Монголией, районах Тывы до сих пор активно сохраняется монгольско-тувинское двуязычие (Рассадин, 1980, 8).

Довольно много слов монгольского происхождения выявлено в алтайском языке (Баскаков, 1958, 36-44; 1960, 48-55; Тадыкин, 1967, 60-69; Рассадина, 1973, 62-72; 1980, 19-34). В.И. Рассадина, проанализировав имеющуюся литературу (известные словари алтайского языка, словарь В.В. Радлова, публикации алтайского эпоса и др.), выявил более 600 монголизмов и установил, что северные (тубаларский, кумандинаский, челканский) и южные (алтайский, теленгитский, телеутский) диалекты алтайского языка довольно значительно различаются по степени насыщенности монгольскими заимствованиями. Из 614 зафиксированных В.И. Рассадиным монголизмов алтайского языка общими для всех диалектов являют-

ся лишь 117 слов, остальные же распределяются по диалектам крайне неравномерно. Насчитывается около 230 монгольских лексических заимствований, представленных лишь в южных диалектах, из них свыше 100 – только в алтайском и теленгитском. Кроме того лишь в теленгитском бытует 22, в алтайском диалекте – 9 и в телеутском – 7 слов (Рассадин, 1973, 63-64; 1980, 19). Это свидетельствует о том, что южные диалекты испытали гораздо большее языковое влияние монголов, чем северные, и при этом каждый из южных диалектов имел свои самостоятельные контакты с монгольским языком. Следует также заметить, что лексика диалектов алтайского языка отражается в литературе неравномерно и поэтому статистические подсчеты В.И. Рассадина со временем могут быть скорректированы.

Монголизмы северных диалектов алтайского языка отличаются от южных по фонетическому и морфологическому оформлению. В этом отношении северные диалекты алтайского языка сближаются с хакасским, шорским, тофаларским и частично тувинским языками. Причину этого явления исследователи видят в своеобразии фонологических систем самих алтайских диалектов (Рассадин, 1980, 20).

В монгольских лексических заимствованиях алтайских диалектов сохраняется целый ряд фонетических и морфологических особенностей, характерных для среднемонгольского языка: сохраняются шипящие аффрикаты \pm и \check{c} , смычные g и k , еще не подвергшийся перелому гласный i , не образовавшие еще долгот гласных интервокальные $-y-$ и $-g-$, а гласные первых слогов обладали еще достаточной ясностью и определенностью и т.д. Все это позволяет относить монгольские заимствования в алтайских диалектах к средневековью, а в ряде случаев даже и к более ранним периодам развития монгольских языков и датировать их XII–XIV веками (Рассадин, 1973, 71; 1980, 32). По мнению В.И. Рассадина, южные диалекты алтайского языка «развивались под сильным влиянием языка западных монголов, благодаря чему долгие гласные в них приобрели черты, схожие с соответствующими гласными со-

временных монгольских языков» (Рассадин, 1973, 72). Вместе с тем, сохранение шипящих аффрикат \pm и ζ , а также не подвергшегося перелому гласного i заставляет считать их средневековыми монгольскими заимствованиями.

В.И. Рассадин отмечает также, что монголизмы северных диалектов алтайского языка относятся к более древнему типу, а южные диалекты, например, в отношении долгих гласных стоят ближе в современным монгольским языкам и более насыщены ойратизмами. Это объясняется тем обстоятельством, что до недавнего времени многие южные алтайцы владели западномонгольским (ойратским) разговорным языком (Владимирцов, 1929, 14; Рассадин, 1973, 71). В связи с этим возникает предположение о проникновении ойратизмов в южные диалекты алтайского языка в более позднее время, а не в средние века. Об этом, в частности, можно судить по отсутствию многих монголизмов южных диалектов в северных диалектах алтайского языка. Однако В.И. Рассадин полагает, что на самом деле только отдельные слова попали в алтайский язык из современных западномонгольских диалектов (Рассадин, 1980, 32).

С. Калужинский отмечает, что основная масса монголизмов проникла в якутский язык не ранее конца XII—XIII веков, когда еще не было четкого выделения отдельных монгольских наречий, диалектов и языков. Судя по письменным источникам, несколько отличался от классического монгольского тогда только язык ойратов, а остальные языки и диалекты, по всей вероятности, обособились позже (Калужинский, 1961, 15, 21).

Раздел 6

СРЕДНЕМОНГОЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Среднемонгольские лексические заимствования казахского языка относятся к наиболее раннему пласту монголизмов, они отложились в период с XIII по XV вв. в канглийско-кыпчакском – прямом и непосредственном предке современных казахского, каракалпакского, ногайского и, в известной мере, узбекского языков. Во всяком случае, современная компаративная алтаистика не обладает никакими эмпирическими данными, позволяющими говорить о сколько-нибудь заметном монгольском влиянии на тюркские языки до XIII века.

Качественно новый этап в этнической и политической истории народов Центральной Азии и, в том числе, Казахстана начинается со времени возвышения монголов в период правления Чингисхана. *Среднемонгольская эпоха (XIII–XV вв.)* оставила глубокий след в этнополитической истории казахского и других народов региона, в его культуре и языке. В эту эпоху происходят кардинальные революционные сдвиги и изменения на этноязыковой карте всей аридной полосы Евразии: тюркские народы уступают свое политическое господство в Великой степи монголам, вследствие этого в Монгольской империи Чингисхана на определенное время резко возрастает престиж монгольского языка, полярно меняется вектор тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений. Если до рубежа XII–XIII вв. языковые интерференции были направлены от тюркского языкового мира в сторону монгольского, то с эпохи завоеваний Чингисхана потоки лексических интерференций резко меняют свое направление и монгольские заимствования устремляются в тюркские языки, заглушая встречные лексические потоки.

В силу ряда геополитических обстоятельств, в среднемонгольскую эпоху главной ареной тюркско-монгольских этнополитических, экономических, культурных и, конечно же, языковых взаимодействий становятся бескрайние просторы Дешт-и Кыпчака, занимавшие почти всю территорию современного Казахстана. Поэтому доскональное изучение эт-

нополитической ситуации на территории Казахстана в среднемонгольскую эпоху позволяет в достаточно полной степени раскрыть основные механизмы и закономерности тесного взаимодействия двух этноязыковых структур – тюркского и монгольского – в эту наполненную бурными политическими событиями эпоху. Именно этим объясняется столь подробное обращение к важнейшим этнополитическим событиям среднемонгольского, а затем и последующих ойратского, джунгарского, собственно калмыцкого и халхаского периодов в истории казахско-монгольских языковых взаимодействий и взаимовлияний.

История активных взаимных контактов средневековых тюркских племен Казахстана с монголами начинается непосредственно с рубежа XIII века.

В 1208 году разбитые Чингисханом меркиты и найманы бежали из окрестностей Байкала и затем с берегов Иртыша в казахстанские степи. Меркиты переселились в Дешт-и Кыпчаке, а найманы – в Семиречье во владения кара-кытаев. Вслед за этим в 1211 году в Семиречье впервые появились монгольские войска под предводительством Хубилай-нойона – одного из полководцев Чингисхана.

В результате нашествия 1219–1221 годов Казахстан и Средняя Азия были завоеваны монголами и оказались в составе империи Чингисхана. Вся огромная территория, захваченная монголами в первой трети XIII века, была поделена Чингисханом между своими сыновьями. Бескрайные просторы Деш-и Кыпчака в основном достались в удел трем его старшим сыновьям. Территория Казахстана вошла, таким образом, в состав трех монгольских улусов: большая часть – степные просторы севера страны и вся местность от верховьев Иртыша к озеру Алаколь и дальше на запад к Или и Сырдарье – вошла в состав улуса Джучи, Южный и Юго-Восточный Казахстан – в улус Джагатая, а северо-восточные земли – в улус Угедая. Для нашей темы наибольший интерес представляет улус Джучи, в исследовательской литературе получивший название Золотой Орды, поскольку именно на

этой территории сформировался и развивался казахский этнос. Население улусов Джучи, Джагатая и Удегея в пределах современного Казахстана было в основном тюркоязычным, причем большая его часть говорила на кыпчакских диалектах. Официальным языком Золотой Орды был кыпчакский язык. Монголы представляли здесь лишь незначительную прослойку высшей знати и часть регулярной армии.

Монголы, завоевав огромные пространства Евразии и принеся в покоренные страны гигантские перемены в социально-политической сфере, тем не менее оказались не в состоянии хоть сколько-нибудь изменить этноязыковую ситуацию и навязать свой язык другим народам. Вопреки политическому господству монголов, в степях Дешт-и Кыпчака происходили обратные этноязыковые процессы – монголы, особенно после распада империи Чингисхана, сами растворились среди завоеванных народов. На бескрайних степных просторах Казахстана они тюркизировались местными канглыско-кыпчакскими племенами, основными жителями Золотой Орды. Именно здесь монголы «перемешались и породнились с кыпчаками, а затем стали тоно кыпчаки».

Тюрки Великой степи, частью пространства которой являлись просторы Дешт-и Кыпчака, охватывавшей степную зону средневекового Казахстана и Причерноморья, в XIII–XIV вв. в свою очередь ощутили заметное влияние монголов, которые принесли в Казахстанские степи собственное общественное устройство, олицетворением которого стал политический институт Чингизидов.

Существовавшие на территории современного Казахстана государственные образования были разрушены в ходе монгольского завоевания. Территория Дешт-и Кыпчака, Хорезма, Мавераннахра в основном вошла в состав улусов Джучи и Джагатая. Позднее отдельные районы Казахстана вошли в состав Золотой Орды, а затем Ак-Орды (Белой Орды).

Таким образом в первой трети XIII века на обширной территории современного Казахстана и Средней Азии образовались улусы, принадлежащие трем сыновьям Чингисхана:

1) Улус Джучи, который охватывал степи севера Казахстана и все кочевья от верховьев Иртыша к озеру Алаколь и далее на запад к бассейнам Или и Сырдарьи;

2) Улус Чагатая, охватывающий весь Южный и Юго-Восточный Казахстан;

3) Улус Угедея, занявший все земли Северо-Восточного Казахстана.

В 1236–1242 годах новый верховный правитель Дешт-и Кыпчака Бату, Сын Джучи и внук Чингисхана, основал в низовьях Волги новое самостоятельно государство – Золотую Орду. Для обозначения этого государства мусульманские авторы средневековья употребляли различные слова и словосочетания: Улус Джучи, Дешт-и Кыпчак, Кыпчак, Страна Берке, Дом Берке, Северное царство, Токмак, Токмакский улус, Улус Узбека, Узбеково государство, Узбекский улус и т.д. (Кляшторный, Султанов, 1992, 187). В научной литературе закрепилось название *Золотая Орда*. Столицей государства был город Сарай, расположенный на Нижней Волге.

XIV–XV века в истории народов Казахстана и Средней Азии отмечены постепенным преодолением тяжелых последствий монгольского завоевания. В этот период восстанавливалось разоренное хозяйство, отстраивались города, возрождались международная торговля, укреплялось социально-экономическое положение населения. В то же время, не спаянные тесными экономическими и социально-политическими узами, основные монгольские государственные образования, такие, как Золотая Орда (Улус Джучи), улус Чагатая и другие стали распадаться на ряд фактически самостоятельных государств.

После смерти Джучи в 1127 году наследником престола в Золотой Орде был признан Бату, его второй сын. Подчиняясь требованию обычая, он, как глава государства, пожаловал уделы своим братьям Орда-Эджену, Шейбану, Тукай-Тимуру и другим взрослым Джучидам. Таким образом в золотоордынском государстве сложилась улусная система. образо-

вавшиеся в результате этого новые автономные политические структуры способствовали распаду государства на самостоятельные орды, в частности на *Кök-Орду* (Синяя Орда) и *Ак-Орду* (Белая Орда). История обеих этих орд имеет непосредственное отношение к этногенезу казахов.

Казахи стали одним из новых этнополитических сообществ, чье формирование как самостоятельной народности неразрывно связано с эпохой распада Великой Монгольской империи и консолидации новых государственных образований на ее развалинах. Значительным аккордом, ознаменовавшим конец нераздельного монгольского господства в Великой степи и начало формирования казахского этноса стал окончательный распад Золотой Орды. Сохранив ведущие принципы политической, социальной и идеологической организации Монгольской империи и Золотой Орды, казахское общество развивалось тем не менее под воздействием иных импульсов, порожденных изменившимися условиями геополитической среды и общей этноязыковой ситуации в степи.

Название *Кök-Орда* применялось для обозначения ставки Джучи в верховьях Иртыша, около озера Алаколь, позже – к владениям потомков Орда-Эджена (Орда-Ичена, 1207 – около 1252), сына Джучи от Сартак. Название *Ак-Орда* применялось к области основной части владений потомков Шейбана (Шибан, умер после 1252 г.), другого сына Джучи от Несер-хатун, расположенной между доменом первых ханов Золотой Орды в бассейне Нижней Волги и владениями Орда-Эджена, первоначально занимавшими земли на самом востоке улуса Джучи. Во второй половине XIII века политический центр Орда-Эджена переместился на Сырдарью, а владения Шейбанидов, напротив, расширились в восточном направлении и уже в XIV веке охватывали районы Среднего Прииртышья.

Ак-Орда – «первое крупное государственное образование на местной этнической основе в послеюаньский период на территории Казахстана» (История Казахской..., 1979, II, 150-151). Границы этой кочевой державы простирались от р.

Урала до Иртыша, от Западно-Сибирской низменности до среднего течения р. Сырдарьи. Основное население Ак-Орды составляли издревле проживавшие на этих землях тюркоязычные племена канглыско-кыпчакской общности, а также мигрировавшие сюда во времена возвышения монголов найманы, меркиты, конграты, кериты и другие. Столицей государства был город Сыгнак.

По вопросам времени, обстоятельствах возникновения и локализации Белой и Синей Орд в научной литературе до сих пор нет единого мнения; ясно только одно – термины *Ак-Орда* и *Кёк-Орда* означали разные части Золотой Орды. Термин *Ак-Орда* впервые упоминается при описании событий 1266–1267 гг., но из контекста ясно, что это государственное образование существовало до начала правления Менгу-Тимура, то есть до 1266 года. Судя по совокупности источников, *Ак-Орда* входила в состав правного крыла армии Джучидов и располагалась в области, составлявшей основную часть владений Шейбанидов, то есть между Нижней Волгой и владениями Орда-Эджена. Последние, как известно, находились на самом востоке Золотой Орды. Термин *Кёк-Орда* употреблялся еще при жизни Джучи (умер в 1227 г.) для обозначения его ставки в верховьях Иртыша, около озера Алаколь. Позднее Синей Ордой называли владения потомков Орда-Эджена, простиравшиеся от верховьев Иртыша до Сырдарьи. *Кёк-Орда* относилась к левому крылу армии Джучидов (Юдин, 1983; 1992).

Во второй половине XIV века термины *Ак-Орда* и *Кёк-Орда* уступили место политониму *Узбекский улус* (*Улус-и Узбек*) и сошли со сцены (Кляшторный, Султанов, 1992, 189–195). Белая Орда распалась на ряд владений, наиболее крупными из которых были Ногайская орда и Узбекское ханство (Трепавлов, 2001).

Границы между уделами Джучидов были определены в самых общих чертах; в зависимости от политической ситуации они то сужались, что расширялись. Во второй половине XIII века политический центр улуса наследников Орда-

Эджена переместился на Сырдарью, в XIV веке в состав их владений входили города Сыгнак, Сарайчук, Сауран, Дженд, Барчкент, Отрар и др. Владения Шейбанидов расширились в восточном направлении и уже в XIV веке занимали районы Среднего Прииртышья.

К середине XIV века правители Ак-Орды не только окончательно порвали с номинальной зависимостью от золотоордынских ханств, но и сами стремились захватить ханский престол в Золотой Орде. В середине XIV века, в период смут и дворцовых переворотов в Золотой Орде, владения Орда-Эджена при Урус-хане (сын Бадына, 1315–1378; в 1368–1378 гг. – хан Кбк-Орды) получают независимость.

В этот период часть Казахстана была известна как Узбекский улус, а другая – как Могольское ханство или Моголистан – государственное образование, основанное в середине XIV века потомком Джагатая Тоглук-Тимуром (Туглук-Тимур-хан, 1329–1362; в 1347–1362 гг. – хан Моголистана, в 1360–1362 – хан Мавераннахра). Территория Моголистана охватывала Восточный Туркестан, Семиречье, часть Южной Сибири и др.).

После смерти хана Джанибека (1342–1357) в Золотой Орде начинается полоса политических неурядиц и государство начинает распадаться. Ослабление центральной власти в середине XIV века было использовано Урус-ханом (1315–1378) для выделения формально зависимых владений Орда-Эджена в самостоятельное государство. С именем Урус-хана связан родословный список обеих ветвей предков казахских ханов. Он взшел на сыгнакский престол в 1368 году и умер в 1377 году. После него в Сыгнаке недолго, всего три месяца, правил его старший сын Токтакия, а после его смерти ханом стал Тимур-Малик-оглан. Затем при поддержке и содействии Тамерлана, Токтамыш нанес сокрушительное поражение Тимур-Малику, и взшел на ханский престол в Сыгнаке. Но энергичный молодой Токтамыш недолго удовлетворялся сыгнакским престолом и вскоре при поддержке того же

Тамерлана завладел столицей Золотой Орды – городом Сараем. Эти события, а также дальнейшее возвышение Токтамыша и его сложные взаимоотношения с эмиром Тамерланом, закончившиеся низвержением сыгнакского хана с золотоордынского престола, – неоднократно описывались в исторической литературе. Поскольку эти события не имеют прямого отношения к теме нашего исследования, ограничимся лишь ссылками на основную литературу (см.: Сафаргалиев, 1960; 1976, 280-526; Федоров-Давыдов, 1966; Якубовский, Греков, 1950; Howorth, 1876-1928; Roux, 1993; Woods, 1990; Кульпин, 1998; Султанов, 2006 и др.). Токтамыш «был убит рукою Едигея» в 1405 (по русским источникам, в 1406) году около Тюмени. На место Токтамыша Тамерлан посадил в 1395 году Куйручук-оглана – сына Урус-хана, однако вскоре после разорения Тамерланом Улуса Джучи его ставленник был убит в 1397 году.

Разрушение основных производительных сил Золотой Орды, всеобщее разорение страны и огромные людские потери в ходе погромов Тамерлана 1391 и 1395 годов низвели некогда процветавшее государство до второстепенного уровня. За возрождение Золотой Орды взялся Едигей (1340/1352–1419), фактически ставший эмиром этого государства. Однако начавшиеся смуты между мангытским эмиром и его новыми ханами привели после гибели Едигея и хана Кадырберди в 1419 году к распаду Золотой Орды на несколько самостоятельных государств, правители которых развернули отчаянную борьбу за верховную власть.

В начале XV века центральная власть в Ак-Орде перешла к потомкам сына Джучи – Шейбана (Шибана, Сыбана). После занятия престола Абулхаир-ханом в 1428 году Ак-Орда получила название «Узбекский улус», в исторической литературе встречается также более корректное название «Государство кочевых узбеков» (Ахмедов, 1965).

В первой четверти XV века в процессе распада Золотой Орды на территории современного Западного Казахстана воз-

никли самостоятельные владения, в числе которых наиболее крупными были Ногайская орда и Узбекское ханство.

Ногайская орда была одним из сравнительно крупных государственных образований, возникших в Западном Казахстане и Нижнем Поволжье. Основу населения Ногайской орды составляли тюркоязычные племена мангытов, кыпчаков, аргынов и др., названные позже «ногаями» или «ногайцами» (*ногай*) по имени владевшего им в 70-х годах XIII века ставленника золотоордынских ханов – темника Ногая (Йису-Нохой, убит в 1299; правитель Ногайской орды – 1273–1299; хан Золотой Орды – 1296–1299). Ногайская орда занимала степи между Волгой и Уралом, но временами ее границы на северо-востоке достигали Тобола. Основу населения Ногайской орды составляли мангыты, которые часто вторгались и в степи правобережья Волги. Во второй половине XVI века Ногайская орда распалась на ряд самостоятельных владений – Большую Ногайскую орду, Малую Ногайскую орду, Алтыульский и Казиев улусы, часто враждовавшие между собой.

К востоку от Ногайской орды были расположены земли **Узбекского ханства**, которые простирались от Сырдарьи и Аральского моря до Тобола и Иртыша. Часть бассейна Сырдарьи от Отрара до Сыгнака в первое время находилась в составе государства Улутбека – внука Тамерлана, и только позднее была присоединена к Узбекскому ханству.

Этнический состав населения Казахстана в это время уже был почти однородным. На территории Узбекского улуса в основном жили тюркоязычные и в большинстве своем уже тюркизированные монгольские племена – канглы, кунграты, кенгересы, карлуки, найманы, мангыты, уйсуну, аргуны, алчины, кытай, кыпчаки и др.

В первой четверти XV века на власть в Золотой Орде претендовали различные враждебные друг другу султанские роды, искавшие поддержки в Мавераннахре у Тимуридов. В числе претендентов на золотоордынский престол на страницы исторических источников попадает внук Урус-хана, сын Ку-

юрчука – Барак-оглан (погиб в 1429 году) – отец одного из основателей Казахского ханства. Заручившись поддержкой внука Тамерлана Улугбека, Барак-оглан сумел нанести поражение Улуг-Мухаммеду и взойти на золотоордынский престол, однако у власти он удержался недолго. Вскоре Улуг-Мухаммеду удалось собрать значительные силы и завладеть Сараем. Потерпев поражение от соперника, Барак-хан отошел на восток и, обосновавшись в казахских степях, начал отвоевывать у Улугбека бывшие владения Джучидов, но вскоре погиб в бою с ногайцами.

Согласно генеалогии Джучидов, у Барак-хана было три сына – Мир-Сайид, Мир-Касым и Абу-Сайид, «которого называют также и Джанибек». Именно Джанибек (убит в 1357 году, хан Золотой Орды – 1342–1357), младший сын Барак-хана, волею судьбы стал основателем собственно Казахского ханства. Здесь следует напомнить, что в середине XIV века одна часть территории современного Казахстана входила в Узбекский улус, а другая – в Моголистан. Образование Моголистана связано с распадом Джагатайского (Чагатайского) государства, образованного монголами в Средней Азии и получившего свое название по имени второго сына Чингисхана – Джагатя (Чагатая, 1184–1242).

Джагатайское государство сформировалось в самостоятельную политическую единицу в период правления Хайду (1230–1301), объявившего себя в 1269 году монгольским великим ханом. Однако это государство просуществовало относительно недолго, в середине XIV века страна распалась на полтора десятка владений. В западной части фактическая власть перешла в руки тюркско-монгольских эмиров, среди которых выделился Тамерлан (1370–1405) из тюркизировавшегося к этому времени рода Джагатая. Кочевники восточных земель Джагатайского государства называли себя *моголами*, так произносилось тогда в Средней Азии народное название монголов. Отсюда и было образовано иранизированное название государства Моголистан, в состав которого входила

вся территория современного Южного и Юго-Восточного Казахстана.

Государство Моголистан возникло в восточной части по существу распавшегося в середине XIV века улуса Джагатая. Основателем его явился сын одного из монгольских эмиров Тоглуг-Тимур-хан (1348–1363). В XIV–XV вв. границы Моголистана простирались от Турфана и Хами (Комула) на востоке до Туркестана и Ташкента на западе. На юге ханы Моголистана владели Ферганской областью, северная граница достигала верховий Иртыша (Акимушкин, 1984, 156) Юго-Восточный Казахстан (без областей Хами и Турфана) и обширные области Средней Азии входили в состав Моголистана. Хотя название страны происходит от местного произношения этнонима *mongol* (в Средней Азии он звучал как *тоул* или *тоул*), монгольский этноязыковой компонент уже в XIV веке был ассимилирован местным тюркоязычным населением (Юдин, 1965, 52-65), но оставил в коренных тюркских языках значительный пласт лексики монгольского происхождения.

Узбекский улус включал в свой состав большую часть современной территории Казахстана. Для обозначения кочевого населения Узбекского улуса употреблялось собирательное название *узбек*, которое в то время еще не имело этнического значения.

* * *

Образование самостоятельного Казахского ханства было долгим и сложным процессом. Предыстория собственно Казахского ханства начинается с формирования на востоке Дешт-и Кыпчака государства «кочевых узбеков» во главе с Шейбанидом Абулхайр-ханом (Абу-л-Хайр-хан, 1412–1468). К концу первой четверти XV века на территории Узбекского улуса существовало несколько относительно самостоятельных владений: к северу от Арала находился улус Джумадукхана, западнее – Мангытский улус Гази-бия, на Атбасаре правил Мустафа-хан, в области Туры простирались кочевья Ке-

пек-бия и Адаб-бека. В такой политической обстановке в 1428 году на арену истории выдвинулся юный Абулхайр-хан – «основатель могущества» кочевых узбеков Деш-и Кыпчака. Он был провозглашен ханом в возрасте 17 лет в области Тура в Западной Сибири. Согласно сохранившимся источникам, в церемонии провозглашения Алухайра ханом присутствовали не только султаны, предводители племен и родов, бахадуры, но и представители мусульманского духовенства. Среди приверженцев Абулхайра упомянуты представители следующих племен: кыятов, мангытов, чинбай, йиджан, каанбайлы, табгут, дурман, кошчи (кушчи?), утарчи, найманов, украш-найманов, тубай, таймасов, чат, хытаев (кытай), барак, уйгуров, карлуков, кенегесов, уйсунув (уйшунов), конгртов, курлаутов, ички, мингов, туман-мингов, туманов и др. Судить однозначно об этноязыковой принадлежности этих племен невозможно, но все же, думаем, не будет большой ошибкой, если сказать, что подавляющее большинство подвластного Абулхайру населения в это время говорило на тюркском языке канглыйско-кыпчакского типа. Нет сомнения, что среди перечисленных племен некоторые имели монгольское происхождение, но, судя по дошедшим до наших дней письменным памятникам, они к этому времени почти все были полностью отюречены. Общие казахско-монгольские родоплеменные названия и, в еще большей степени, значительный пласт лексики монгольского происхождения в казахском языке не оставляет никакого сомнения в том, что в формировании казахского этноса участвовали различные монгольские племена средневековья.

Абулхайр-хан подчинил себе обширную территорию – от Сырдарьи до Сибирского ханства. По словам «Тарих-и касыра», власть Абулхайра в годы его могущества распространилась вплоть до пределов Булгара». В 40-х годах XV века в состав Узбекского ханства были включены присырдарьинские города Сыгнак, Сузак, Ак-Курган. Овладение крупными ремесленными и торговыми центрами и земледельческими районами Мавераннахра усилило экономический потенциал Уз-

бекского ханства. Абулхайру удалось удержаться у власти в Узбекском ханстве в течение 40 лет, с 1428 по 1468 год. Именно при царствовании Абулхайр-хана среди населения Узбекского ханства произошел тот раскол, в результате которого обитатели степей отделились от остальной части населения и с тех пор получили название «казак» (*qazaq*).

Термин *qazaq* в то время еще не имел этнического значения. «Казаками» называли кочевых узбеков, состоявших в основном из тюркских и тюркизированных монгольских и, отчасти, иранских племен. В XV–XVI вв. термины *özbek* и *qazaq* мало разграничивались, население Дешт-и Кыпчака чаще называли собирательным термином *özbek*. Среднеазиатский ученый XVI века Ибн Рузбихан писал об этом времени: «Три народа относятся к узбекам, кои суть славнейшие во владении Чингисхана. На сегодняшний день один из них – все племена, относящиеся к Шейбану..., второй народ – казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третий народ – мангыты, кои суть цари астраханские...»

В начале своей политической карьеры Абулхайр едва ли мечтал, что ему удастся объединить весь Восточный Дешт-и Кыпчак в единое государство и в течение сорока лет править этим государством самодержавно. Однако поддержка наиболее влиятельных кругов кочевого общества и большинства племен Узбекского улуса, а также первые победы над ослабевшими к этому времени Джучидами значительно упрочили власть и расширили сферу влияния Абулхайра в степи. Именно в период правления Абулхайр-хана Узбекский улус стал тем плавильным котлом, в котором происходило «переплавление» многочисленных родоплеменных диалектов в единый кыпчакский язык канглийского типа, который и составил основу современного казахского языка.

Абулхайр-хан проводил политику, отвечающую интересам влиятельных кругов большинства племен ханства, чем в немалой мере объясняется его «долгожительство» на престоле Узбекского ханства. Менее всего затронутые влиянием оседлой городской культуры подданные Абулхайр-хана остались

более всего верны воинственным традициям кочевников и поэтому могли относительно долгое время господствовать в степи в такое время, когда могущество Чингизидов почти везде находилось в полном упадке (Бартольд, 1968, V, 135).

После изгнания из Китая последнего великого монгольского хана Тогон-Тэмур (1333–1368) в Монгольской империи разгорелась ожесточенная борьба между претендентами на ханский трон, и центральная ханская власть утратила всякий авторитет и значение. Монгольская империя фактически распалась на два независимых друг от друга владения – Восточную Монголию, находившуюся под властью потомков бывших юаньских императоров, и Западную, где стали господствовать ойраты.

В соседнем Моголистане в это время господствовали внутренние усобицы, а после смерти Ваис-хана (1428) улус моголов пришел в полное расстройство и попал в зависимость от Тимуридов. В середине XV века значительно усилился союз дурбетов, торгутов и других монгольских племен. В то время они занимали территорию, ограниченную западными склонами Хангайских гор на востоке, гобийскими поксами на юге, Моголистаном на западе, верховьями Иртыша и Енисея на севере. Еще в конце XIV века объединение ойратско-монгольских племен начало давление на восточные рубежи Моголистана, но тогда монголы особых успехов не имели. В 20–30-х годах XV века ойраты или, по-тюркски, калмаки, в своих набегах доходили до Иссык-Куля, а в 50-х годах дошли уже до Сырдарьи. В 1452–1455 годах ойраты-калмаки вторглись в Моголистан и прошли через него в Дешт-и Кыпчак, а затем вдоль Сырдарьи добрались и до Ташкента.

К середине XV века Абулхаир-хан контролировал обширную территорию от Сырдарьи до Сибирского ханства Шейбанидов, он жестоко расправлялся с претендующими на власть в Узбекском улусе Джучидами. В середине XV века династическая борьба в ханстве обострилась, но претендовавшие на власть сыновья Барак-хана – султаны Джанибек и

Гирей потерпели поражение и вынуждены были откочевать со своими приверженцами в Семиречье. Это событие привело в конечном счете к этническому выделению собственно казахов и возникновению Казахского ханства.

* * *

История собственно Казахского ханства начинается со второй половины XV века. Важнейшей вехой в истории образования Казахского ханства является откочевка между 1458 и 1462 годами части населения Узбекского ханства, так называемых «узбеков-казаков» во главе с непокронными султанами Джанибеком (Абу Саид, Аз-Джанибек, до 1429 – после 1473; в 1462–1473 гг. – казахский хан) и Гиреем (Кирей, Керей, умер около 1473; в 1462–1473 гг. казахский хан) – потомками Урус-хана – в пределы Моголистана и распадом государства «кочевых узбеков» после смерти Абулхайр-хана в 1468 году (Кляшторный, Султанов, 1992, 217, 230 и след.). О значимости факта переселения части населения в Моголистан во главе с Дажинбеком и Гиреем в исторической литературе высказаны разные точки зрения, да и о времени раскола в Узбекском ханстве существуют противоречивые мнения (от 1450 по 1465 гг.). Не менее спорным является и вопрос о начале Казахского ханства, дате его образования. Некоторые ученые откочевку Джанибека и Гирея рассматривают как начало возникновения Казахского ханства, другие считают, что Казахское ханство образовалось на рубеже XV–XVI веков, третьи дату формирования самостоятельного Казахского государства относят к еще более позднему времени – к 30–40-м годам XVI века. Некоторые историки сходятся во мнении, что собственно Казахское ханство было основано в 1465–1466 годах, т.е. в 870 году хиджры. Такое положение требует более подробного рассмотрения данной проблемы.

По мере усиления Узбекского улуса, захвата Абулхайром обширных районов Дешт-и Кыпчака и Средней Азии, его активного вмешательства в события, происходящие в Мого-

листане, начались столкновения между Абулхаиром и его премменниками и ойратскими тайшами. В 1457 году произошла ожесточенная битва войск Абулхаира с вторгшимися в пределы Узбекского улуса ойратами во главе с Уз-Тимур-тайши. Неподалеку от Сыгнака, в местности Нур-Тукай, ойратский предводитель Уз-Тимур нанес тяжелое поражение войскам Абулхаира. Победители разорили города Яса (Туркестан), Ташкент, Шахрухию и их окрестности. Спасшийся за стенами Сыгнака Абулхаир вынужден был признать верховную власть ойратского тайши. Разграбив и опустошив завоеванные земли, основная часть ойратов возвратилась в Западную Монголию. Оставшаяся в Узбекском улусе незначительная часть ойратов вскоре растворилась среди местного населения, но оставила в языке аборигенов некоторое количество монгольской лексики.

Поражение Абулхаира повлекло за собой серьезные социально-политические последствия. Потомки правителя Ак-Орды Урус-хана – султаны Джанибек и Гирей, воспользовавшись поражением Абулхаира, во главе части недовольного бесконечными войнами и ростом различного рода налогов населения Узбекского улуса, откочевали в Семиречье. Хан Моголистана Есен-Бука, не имея силы оказать сопротивление и рассчитывая использовать этих мигрантов в борьбе с Тимуридами и ойратами, радушно принял их и предоставил им во владение номинально зависимые от него районы Западного Семиречья. После этого между потомками Урус-хана и Чагатидами Моголистана установились союзнические отношения.

Среднеазиатский историк Мухаммед Хайдар так рассказывает об этих событиях в своем сочинении «Тарих-и Рашиди»: «Абулхаир-хан властвовал во всем Дешт-и Кыпчаке. Некоторые из султаонов Джучиева потомства (живо) ощущали носами предвидения исходившие от него запахи интриг и войн (с ними) и каждый желал предотвратить это. Группа таких сулатнов, как Кирей-хан, Джаныбек-султан и другие, с небольшим числом народа бежали от Абулхаир-хана в Моголистан. В Моголистане же пришла пора ханствовать

Исен-Буга-хану, который хорошо принял беглецов и назначил им для обитания один угол в Моголистане, где они нашли (для себя) безопасность, и время для них пошло спокойно. После смерти Абулхайр-хана в Узбекском улусе возникли такие неурядицы, что степной обитатель ради своей безопасности и благополучия искал убежища у Кирей-хана и Джаныбек-хана, так что последние усилились (этим наплывом беглецов). А так как вначале они, а после того еще многие, убежав, отделились (от своего улуса) и некоторое время были людьми неимущими и скитальцами, то их называли казахами (*qazaq*. – Ж.Т.), и это прозвище за ними и утвердилось».

Откочевки «узбеков-казаков» на территорию Семиречья продолжались и в последующие годы. После смерти Абулхайр-хана в 1468 году в Узбекском улусе начались распри и взаимные набеги борющихся за власть султанов. В результате этого бегство населения из Узбекского ханства в Семиречье приняло массовый характер.

«Когда Джанибек и Кирей-хан сделали длительную остановку на той территории, – пишет среднеазиатский историк Махмуд бен Эмир Вали, – каждый человек, (как) из правителей, (так) и из войска, кто начинал питать отвращение к Абул-Хайр-хану, находил у них убежище. Особенно после смерти Абул-Хайр-хана, когда в областях Дешт-и Кыпчака возникли беспорядки, большая часть узбекских воинов (кошунат-и узбек) собрались под сенью знамени могущества царевичей» (МИКХ, 352-253).

Поселившиеся в Западном Семиречье, на реках Чу, Козы-Баши и Таласе, кочевые узбеки Джанибека и Гирея, получившие впоследствии название «узбек-казаков» или просто «казаков», основали здесь самостоятельное государственное образование – *Казахское ханство*.

Этническую основу населения Казахского ханства составляли пришедшие в Семиречье приверженцы Джанибека и Гирея – так называемые «кочевые узбеки» или «узбек-казаки», в составе которых доминировали кыпчаки, аргыны,

конграты и другие племена, а также местные семиреченские племена – канглы, уйсуну, джалаиры, керейты и другие (Юдин, 1965, 53-61; Пищулина, 1977, 236-243).

Образование Казахского ханства, конечно же, не было каким-то единовременным актом, а было сложным по характеру и продолжительным по времени многоаспектным процессом. Для нашей темы важно отметить, что политические процессы развивались одновременно и в тесном переплетении с процессами этническими и языковыми. Отложение около 1459 года Джанибека и Гирея с частью племен и родов «кочевых узбеков» от Абулхайра способствовало восстановлению традиционного союза между потомками Урус-хана и Джагатаидами Моголистана. В этноглоттогенетическом аспекте важнейшим последствие этого акта стало закрепление за приверженцами Джанибека и Гирея этнического названия «узбеки-казаки» или просто казахи (*qazaq*). Появление нового этнонима свидетельствует о появлении нового этнического самосознания и самоидентификации, а значит, о появлении нового этноса. Возвращение Джанибека и Гирея с их приверженцами в 1468 году в Узбекский улус и захват там верховной власти ознаменовали сложение новой этнополитической структуры, нового государственного образования под названием Казахское ханство. Таким образом, после событий 1459–1468 годов уверенно можно говорить о сформировании нового этнолингвополитического образования, вошедшего в историю под названием *qazaq*.

Здесь имеет смысл напомнить этимологию этнонима *qazaq*. В специальной литературе существуют самые разнообразные толкования происхождения слова *qazaq*. Одни выводили его из тюркских глаголов *qaz-* «рыть, копать», *kes-* «резать», *kez-* «скитаться», *qac̣-* (каз. *qaṣ-*) «бежать, спасаться», другие предлагали еще более невероятные этимологии от слов *qaz* «гусь» и *aq* «белый» или же от монгольских и калмыцких *ko* «латы, панцырь» и *закуль, закичи, кицаучи* «сторож», полагая, что «соединение *ko* и *закичи* или *ko* и *зах* дает *козак*, что имеет значение крепкого охранителя границы или

военного стража» (Коков, 1965). Были попытки выводить этноним *qazaq* из монгольского *χasay tergen* – «название колесного транспорта, вид повозки» и т.д.

Не вдаваясь в разбор множества курьезных и спорных этимологий этого термина, ограничимся указанием основной литературы (Благова, 1970, 143-159; там же список литературы до 1970 года; Ибрагимов, 1960; Джанузаков, 1982, 67-75; Жанузаков, 1980; Казахи, 1995; Кляшторный, Султанов, 1992, 250-258 и др.) и остановимся лишь на историко-филологическом аспекте формирования и бытования этнонима *qazaq*. Первоначальный ареал тюркского слова – это в основном степи центральных и юго-восточных территорий современного Казахстана – древний Дешт-и Кыпчак – и сопредельные районы современного Узбекистана (Мавераннахр).

Одно из ранних упоминаний слова *qazaq* в тюркских письменных памятниках встречаем в анонимном тюркско-арабском словаре, составленном, по всей вероятности, в Египте, известном по рукописи 1245 года и изданном М.Т. Хоутсмой в Лейдене в 1894 году (Houtsma, 1894). А.Н. Самойлович, основываясь на показаниях данного словаря, считал «старейшим, засвидетельствованным на турецкой (то есть тюркской. – Ж.Т.) почве значением слова *қазақ* «бездомный, бесприютный, скиталец, изгнанник» (XIII в.)» (Самойлович, 1927, 9-14). В издании А.К. Курышжанова читаем: «*қазақ* «один, одинокий». В рукописи ... «обнаженный, голый, простой, лишенный чего-л(ибо)». Хт. (то есть Houtsma, 1894. – Ж.Т.) «Landstreicher», «бродяга». Тз. (то есть Atalay, 1945, – Ж.Т.) *қазақ башлы* «холостой, неженатый» (Курышжанов, 1970, 154). Сохранившиеся данные старописьменных тюркских языков и иные исторические сведения позволяют думать, что первоначально апеллатив *қазақ* заключал в себе определенный социальный смысл: «человек или известный коллектив, по злой необходимости отделившийся от своего рода-племени и ставший свободным, скитальцем, бродягой, изгнанником» (Благова, 1970, 144; Кляшторный, Султанов, 1992, 250 и след.). По этому поводу следует вспомнить А.Н.

Самойловича, который придерживался мнения, «что слово *казак*, каково бы ни было его происхождение, появляется в турецкой (то есть тюркской. – Ж.Т.) среде в данном его фонетическом составе не ранее XI века и прежде всего в той части турецкого (то есть тюркского. – Ж.Т.) мира, в которой в эту эпоху господство принадлежало племени кыпчак, в XI веке продвинувшемуся из Средней Азии в Восточную Европу и положившему конец господству между Каспийским и Черным морями хазаров, а в XIII веке подвергнутому нападению и завоеванию со стороны монголов» (Самойлович, 1927, 13).

Одно из ранних обстоятельных толкований трансформации социального термина *qazaq* в этнонимический, интересное своим конкретно-историческим контекстом, принадлежит среднеазиатскому историку Мухаммеду Хайдару (умер в 1551 году). В сочинении «Тарих-и Рашиди» в связи с описанием резко обострившихся в середине XV века феодальных междоусобиц в Узбекском ханстве он пишет: «После смерти Абулхайр-хана в Узбекском улусе возникли такие неурядицы, что степной обитатель ради своей безопасности и благополучия искал убежища у Кирей-хана (то есть Гирей-хана. – Ж.Т.) и Джаныбек-хана (отложившихся от Узбекского ханства ранее), так что последние усилились (этим наплывом беглецов). А так как вначале они, а после того еще многие, убежав, отделились (от своего улуса) и некоторое время были людьми немущими и скитальцами, то их называли *казаками* (выделено нами. – Ж.Т.), и это прозвище за ними утвердилось» (Цит. по: Благова, 1970, 145; см. также История Казахской..., 1957, I, 140). Не имея, таким образом, ни политического значения, ни этнического содержания, термин *qazaq* на первых порах обозначал всякого вольного человека, отколовшегося от своего народа и племени, или сбежавшего от своего господина, и принужденного вести «вольную жизнь». Кстати, отсюда же слово *казак* в русском языке: *казаками* на Руси называли людей без определенных занятий и постоянного местожительства, вольных, гулящих людей, а также вольнонаемных батраков или зехребетников. В русский язык это слово, по всей ве-

роятности, попало из языка кыпчаков-половцев. Сохранились, например, сведения о том, что «великия и удельные князья Российские, имея войну между собой и порубежными державами, нанимали в помощь свою козаков, известных по летописям под именем *половцев*» (Георги, 1799, IV, 198). Добавим к этому, что и «нагаи всех военных людей своей орды называли *казаками*» (Бутков, 1822, 193); «нагаи говаривали о некоторых мурзах, вытесненных по раздорам из своих улусов: «живут казаком..., казакуют..., ездят в казаках..., скитаются в казаках»...» (Бутков, 1822, 198).

Отсюда выясняется, что казаками становились не только отдельные «свободолюбивые» индивидуумы, но и значительные социальные группы, прежде всего члены династии, потерпевшие неудачу в борьбе за престол, но не отказавшиеся от своих прав и вынужденные на отпределенное время откочевать в более безопасные места. Именно в условиях постоянных междинастических распрей и рождается институт казначества (*qazaqlıq*) и слово *qazaq* приобретает вторичные, производные значения вольнолюбивого, удалого, отважного молодца, ищущего свободы и богатства в добычах на войне и тем самым снискавшего почет и уважение степняков-кочевников» (Благова, 1970, 145-146).

Первоначально слово *qazaq* использовалось исключительно в социальном смысле: так назывался человек, отделившийся от своего рода, лишившийся средств к существованию, своего скота, а поэтому вынужденный стать бродягой, скитальцем, вольнонаемным воином и т.п.

Общество казаков (*ǰama'at-i qazaq*) обычно состояло из потерпевшего поражение и спасшегося бегством претендента на престол и его преданных приверженцев, которые, оказавшись в роли изгоев, вели жизнь искателей приключений и служили людским ресурсом для найма легковооруженных мобильных наездников. Слово *qazaq*, таким образом, служило для обозначения группы непокорных кочевников, отделившихся от того государства, к которому они принадлежали до этого и находившихся с ним в состоянии войны. Вот таким

«обществом казаков» и были кочевники Абулхайр-хана, восставшие против него и в 1459 году ушедшие из-под его подчинения «на вольную», чтобы во главе с потомками Урус-хана Джанибеком и Гиреем искать счастья в Могольском ханстве. Выше уже упоминалось, что эта группа отложившихся от Узбекского улуса людей какое-то время «казаковала» в степях Семиречья и получила название *özbek-qazaq*. Упомянутый выше Мухаммед Хайдар, употребляя этот парный термин, не вкладывал в него никакого этнического смысла, он просто напоминал своим читателям, что «узбеки-казаки» Джанибека и Гирея и их потомков являются *казаками* (в социальном смысле этого термина), отложившимися именно из Узбекского улуса. Термины *uzbek* и *qazaq* в XV–XVI вв. еще не имели этнического значения. Так, например, Мухаммед Шейбани-хан (1451–1510), правитель кочевых узбеков, не делал «никакого различия между казаками и узбеками», рассматривая их в этническом отношении как единое целое. Тем не менее, именно после откочевки «узбеков-казаков» в 1459 году в Западное Семиречье начался процесс этнонимизации термина *qazaq*, именно с этого времени происходит слияние в нерасторжимое единство истории людей, приверженцев Джанибека и Гирея, и истории слова *qazaq*.

С кончиной Абулхайра в 1468 году для «узбеков-казаков» открылся путь в родные края. Джанибек и сын Гирея Бурке решили воспользоваться созданным положением и возвратиться вместе со своими приверженцами из Моголистана в Узбекский улус, и включились в борьбу за власть. После непродолжительного противостояния главный претендент на трон – сын Абулхайра Шейх-Хайдар был убит вместе со всеми его родственниками, но Джанибек и другие султаны не сумели укрепиться на троне Узбекского улуса. После ожесточенной борьбы власть захватил энергичный внук Абулхайр-хана Мухаммед Шейбани (1451–1510), который объединил под своей властью «узбеков-казаков» и захватил владения Тимуридов. Завоевание Шейбани-ханом практически всей

Средней Азии способствовало расширению территории Узбекского ханства и объединению племен кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кыпчака и казахов под крылом единого государственного образования, а в целом – к формированию казахского этноса. Замена одной правящей династии другой ветвью Чингизидов в сущности не привела к сколько-нибудь значимым переменам в экономической и социально-политической структуре государства кочевых узбеков. Однако это событие в конечном счете привело к изменению названия государства и страны, к приобретению термином *qazaq* нового – этнического и политического содержания: на новое государственное образование было перенесено название *qazaq* «казах». В начале 70-х годов XV столетия на страницах письменных источников появляются первые упоминания о «Казахском улусе» и «Казахском ханстве». Так, например, Ибн Рузбихан пишет: «И в улусе казахов султаны претендовали на ханскую власть».

Завоевание Мухаммедом Шейбани-ханом государства Тимуридов в Средней Азии и, вследствие этого, уход значительной части кочевых узбеков, принадлежащих к различным кыпчакским родам и племенам (кыпчак, кытай, уйсунь, канглы, кераит, минг и др.), на новые земли привело к заметным изменениям на политической и этноязыковой карте региона: на покоренные области Средней Азии, бывшего государства Тимуридов со столицей в Самарканде, было перенесено название *özbek* «узбек». С этого времени наименования *qazaq* и *özbek* стали служить не только для различения старой знати Шайбанидов и потомков Урус-хана, Джанибека и Гирея, но и для разделения сородичей по месту их жительства, для определения политических, а позже и этнических границ. После завоевания тимуридских владений Шейбани-хан постепенно начал терять свое влияние в казахстанских степях. Пользуясь этим, стали усиливаться казахские султаны.

Спустя несколько десятилетий после обоснования «узбек-казаков» Джанибека и Гирея в Семиречье Казахское ханство превратилось в сильное государственное образование,

правители которого Бурундук (1480–1511) и Касим (1511–1518/1523?) значительно расширили территорию своих владений как за счет мирного присоединения соседних земель, так и в результате завоевательных походов в Центральный и Южный Казахстан, а также в северные районы Средней Азии. Число подданных Касим-хана, по некоторым данным, достигало миллиона человек.

Таким образом, в связи с формированием самостоятельного Казахского ханства во второй половине XV века термин *qazaq* приобрел значение этнополитонима. Племена бывшего Узбекского улуса стали различаться: появились казахи (*qazaq*), собственно узбеки (*özbek*), мангыты (*noʻʻaj*). С разграничением племен название *qazaq* «казахи» закрепилось за кыпчакоязычными племенами, которые после ухода узбеков-шейбанидов в Мавераннахр остались кочевать в степях Восточного Дешт-и Кыпчака и Семиречья.

После смерти Джанибека в 1480 году ханский престол перешел в руки сына Гирея Бурундука (1480–1511). Он значительно расширил границы ханства за счет восточных степных районов. В исторических источниках этого времени отмечается существование на территории Дешт-и Кыпчака владений других султанов – сыновей Джанибека: Касым хана (1509–1519) – в районе озера Балхаша и реки Каратала, Джаныш-султана (умер после 1513 года), Таныш-султана (около 1453 – после 1513), сына Джаныша – Ахмад-султана (убит в 1508 году) и др.

Время правления Бурундук-хана (1463–1509) было периодом ожесточенной борьбы за власть в казахских степях между двумя династическими линиями – Шейбанидами и Джучидами. Борьба эта шла с переменным успехом и закончилась временным миром. Казахские ханы заключили договор с Шейбани о прекращении военных действий. Это укрепило положение Шейбани-хана в Туркестане и позволило ему начать походы в Мавераннахр против Тимуридов. В 1500 го-

ду Шейбани захватил Бухару и Самарканд, а в 1501–1502 гг. завоевал всю Среднюю Азию.

В начале XVI века, еще при Бурундук-хане, в казахских степях выдвинулся сын Джанибека Касым-хан, который в 1509 году пришел к власти и стал ханом всего Дешт-и Кыпчака. В годы правления Касым-хана (1509–1519) многие общины, находившиеся под властью ногайских мурз, подчинились казахским султанам. По данным современников, число подданных Касым-хана достигало 1 млн челвек. В этот период обострилась борьба между Шейбанидами и казахскими султанами за овладение экономически важными присырдарьинскими городами и плодородными землями. В 1509 году казахские султаны из династии Тукай-тимуридов – Джаньш и его сын Ахмад с 50 тысячами конницы произвели набег на Мавераннахр. Шейбани-хан в 1509 и 1510 годах предпринял ответные походы на казахские ханства, но они успеха не имели и завершились полным поражением.

После гибели Шейбани-хана в 1510 году во время сражения с вторгшимися в Хорасан войсками иранского шаха Исмаила I его преемники, занятые борьбой за власть, потеряли контроль над степными районами. Этим незамедлительно воспользовались казахские ханы и султаны, которые восстановили свою власть на территории Узбекского улуса, подчинили не откочевавших за Шейбани-ханом племена кочевых узбеков и значительно расширили границы Казахского ханства. Ушедшие с Шейбани в Среднюю Азию кочевые узбеки были вскоре ассимилированы, большая часть их перешла к оседло-земледельческой жизни, смешалась с коренным населением и переняла их культуру и язык.

Таким образом, к рубежу XV–XVI вв. в основном завершился начальный этап формирования собственно казахского этноса. Образование на казахстанских землях огромной Монгольской империи Чингисхана и сформировавшихся после его распада целого ряда относительно более мелких государственных образований, таких, как Улус Джучи, Золотая

Орда, Улус Чагатай, Моголистан, Ак-Орда, Узбекское ханство, Казахское ханство, Ногайская орда и проч., способствовали перегруппировкам, активному смешению и взаимной ассимиляции многочисленных тюркских, монгольских, иранских и других племен в рамках этих государственных образований и консолидации их в новые самостоятельные этноязыковые образования, давшие начало таким современным народам, как казахи, узбеки, каракалпаки, ногайцы и др.

Важнейшим итогом бурных социально-политических и чрезвычайно сложных, многоаспектных и многоплановых этноязыковых процессов в истории народов Центральной Азии, вызванных монгольским нашествием и установлением политического господства Чингизидов на долгие годы, является консолидация разрозненных тюркоязычных племен Дешт-и Кыпчака в крупные этнополитические образования и полная этническая, культурная и языковая ассимиляция монгольских завоевателей в относительно короткие сроки.

* * *

Этноязыковые последствия монгольских завоеваний на территории Казахстана еще не получили всестороннего научного содействия, но уже сейчас ясно, что они были достаточно сильными и в свое время оказали мощное воздействие на все стороны жизни местного тюркоязычного населения. Что же касается собственно монгольского воздействия на формирование общенационального казахского языка, то оно прежде всего проявляется на уровне лексики. В словарном составе современного казахского языка, по предварительным подсчетам, выделяется около тысячи среднемонгольских лексических заимствований. Установить более точные данные по объему среднемонгольских заимствований можно только после тотального и углубленного этимологического изучения лексики казахского языка. В этом отношении огромную трудность представляет сепарация прямых среднемонгольских заимствований от опосредованных другими тюркскими языками а также от более поздних ойратско-джунгарских, кал-

мыцких и халхаских. Влияние среднемонгольского языка на другие строевые уровни казахского и других тюркских языков, в частности, на уровни фонетики, морфологии и синтаксиса, было незначительным.

Переселение ряда монгольских племен после завоевательных походов Чингисхана и его преемников на территорию Казахстана и Средней Азии и участие их в этногенезе казахов, киргизов, ногайцев и других тюркских народов региона не имело столь значительных последствий для их языков, какие они имели место в Сибири, но сыграло значительную роль в обогащении словарного состава.

Относительно монгольского влияния казахский язык во многих отношениях занимает уникальное место среди всех остальных тюркских языков. Обширные степные просторы Казахстана и смежных территорий были той историко-географической ареной, на которой в течение ряда столетий II тысячелетия н.э. происходили интенсивные взаимосвязанные контакты между носителями тюркских и монгольских языков. Казахам и монголам объединяет многое: близкое соседство, общность исторической судьбы, образа жизни, этнических компонентов, вхождение в определенные исторические периоды в единые государственные образования, многовековая историко-культурная и этнолингвистическая взаимосвязь. Эти взаимосвязи и взаимные контакты особенно были активными в период вхождения казахских земель в составе улусов Чингизидов. Монгольская империя в период своего возвышения оказала громадное воздействие на дальнейшее этнополитическое развитие всех тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана. В эпоху Чингисхана и его первых наследников особенно ярко проявился этнолингвокультурный симбиоз тюркских и монгольских народов. Одной из причин военных успехов Чингисхана и его первых преемников было объединение сил монгольских и тюркских племен Центральной Азии, причем основой организации военно-административной системы империи Чингиса была тюркская традиция, сложившаяся уже в сюннускую эпоху.

Монгольские нашествия не сопровождались массовым оседанием кочевников в завоеванных странах. Монголы в основном ограничивались захватом добычи, рабов, уводом в плен ремесленников. В завоеванных и обложенных ясаком странах оставались лишь небольшие гарнизоны монгольских войск, то есть в основном мужская часть населения.

Даже завоевав огромные пространства и привнося кардинальные перемены в общественно-политическую сферу, монголы не смогли навязать покоренным народам свой язык. Наоборот, сами монголы, особенно после распада империи Чингисахан, стали растворяться среди завоеванных народов.

Первая половина XIII века в Казахстане была периодом бурного дробления, слияния, расхождения, гибели, объединения и миграции разнообразных тюркских, монгольских, иранских и других этнических, расовых, языковых и культурных компонентов. В конечном счете в степях Дешт-и Кыпчака все же взял верх тюркский, вернее, канглыско-кыпчакский этноязыковой компонент. Относительно небольшое число монгольских племен, оставшихся на захваченных территориях кыпчакских степей, вскоре было ассимилировано и приняло язык и обычаи коренного населения.

В завоеванных странах монголы не стали вводить какую-нибудь принципиально новую систему управления, они занимались главным образом сбором ясака с покоренных народов. Представители местной феодальной знати перешли на службу к монгольским правителям. Они назначались наместниками определенных областей и были обязаны собирать ясак с подвластного им населения и своевременно доставлять его монгольским правителям. Союз местной и монгольской феодальной знати со временем становился все более тесным, что способствовало развитию двуязычия, а затем и ассимиляции монголов коренным тюркоязычным населением.

Управление населением завоеванных стран монголы осуществляли через посредство местной феодальной верхушки. Тюркская знать, стремясь сохранить свои привилегии и власть над народом, охотно шла на службу к монголам, род-

нилась с монгольской аристократией. Все это способствовало ассимиляции монгольских завоевателей коренным тюркским населением. С течением времени монголы постепенно стали переходить на местный кыпчакский язык. С усилением влияния местной феодальной знати среди монгольской аристократии стала распространяться мусульманская религия.

После возвращения основной массы монгольских завоевателей на родину их остатки в кыпчакских степях были быстро тюркизированы кыпчаками и другими тюрками, явно превосходившими монголов по численности. В данном случае следует иметь в виду то немаловажное обстоятельство, что монгольская экспансия на запад имела в целом характер военных набегов, а не массовой миграции всего населения. На запад прорывались главным образом лишь военные силы монголов, а основная часть населения при этом оставалась на своей родине. Поэтому монгольское завоевание нельзя представлять как массовую миграцию монголов на завоеванные земли. На территории Казахстана осела сравнительно небольшая часть собственно монголов, их основная масса осталась на родине, в Монголии. Осевшие в Дешт-и Кыпчаке монголы были быстро ассимилированы местным тюркским населением и влились в состав кыпчакских племен – исторических предков современных казахов, каракалпаков, ногайцев, отчасти кочевых узбеков и некоторых других тюркоязычных народов.

Централизованная единая Монгольская империя, как и все другие средневековые государственные объединения кочевников, оказалась недолговечной. К середине XIII века созданная Чингисханом Монгольская империя уже приближалась к своему распаду. После поразительных побед Чингисхана история монголов утратила импульс и ни один из его преемников не мог похвастаться особо выдающимися достижениями в области войны и государственного строительства. Практически вся аридная полоса Евразии была уже завоевана и не было особого стимула для дальнейших военных походов

в дальние страны: номадов прежде всего интересовала степь – основа их хозяйственно-экономического благополучия.

Основанная Чингисханом единая Монгольская империя просуществовала очень недолго – всего четыре десятилетия. Создание государства явилось результатом усилий харизматического лидера и было обречено на распад после его смерти. Уже в 1260 году империя Чингисхана распалась, от нее выделились западные улусы Чагатай, Джучи, Угедея, Хулагу. На рубеже XIII–XIV вв. монголы западных улусов приняли ислам и либо тюркизировались, смешавшись с кыпчаками, уйгурами, огузами, булгарами и другими тюрками в Средней Азии, Закавказье, Крыму, Поволжье, либо иранизировались, слившись с народами Ирана и Афганистана. Последние монголоязычные группы западных улусов окончательно исчезли в XVII веке.

Дивергентные процессы в Монгольской империи особенно усилились после смерти Монкэ-хагана (1251–1259). Централизованная империя начала распадаться на части и вскоре окончательно разделилась на ряд государств, каждое из которых стало жить и развиваться своим путем. Когда империя вступила в полосу глубокого политического кризиса, престижность монгольского языка резко упала. Прекратилось ассимиляционное воздействие монгольского языка на тюркские и вскоре начался обратный процесс – процесс ассимиляции относительно незначительного в количественном отношении монголоязычного населения на обширных пространствах Евразийских степей.

На просторах Казахстана и смежных территорий монголы быстро тюркизировались местными кыпчаками, составлявшими основную часть населения Золотой Орды. Растворившись в местном кыпчакском субстрате, монгольский суперстрат, тем не менее, оставил заметный свой след, который отчетливо проявляется практически во всех современных тюркских языках, сформировавшихся на среднекыпчакской основе. Особенно высокая доля монгольских лексических за-

имствований в казахском, каракалпакском, ногайском, киргизском и алтайском языках. Во всяком случае, объем монгольского элемента в канглийской группе кыпчакских языков на порядок выше, чем в куманской группе.

В обширном историко-географическом труде ал-Омари (1301–1349) – секретаря при Египетском султани ал-Малик ан-Насире – «Пути взоров по государствам разных стран» сохранилось красочное описание этнолингвистических процессов, происходивших в Дешт-и Кыпчаке после монгольского завоевания: «В древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары (т.е. монголы. – Ж.Т.), то кипчаки сделались их подданными. Потом они (монголы. – Ж.Т.) смешались и породнились с ними (кыпчаками. – Ж.Т.), и земля одержала верх над природными и расовыми (т.е. этноязыковыми. – Ж.Т.) качествами их (монголов. – Ж.Т.), и все они стали точно кипчаки, как будто от одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить на земле их (кыпчаков. – Ж.Т.). Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природе...» (Тизенгаузен, 1941, 235; История Казахстана в арабских..., 2005, I, 174).

Уже на рубеже XIII–XIV вв. монголы на землях Казахстана «перемешались и породнились с кыпчаками и стали точно кыпчаки». После падения Золотой Орды из массы раздробленных кыпчакских племен, в которой в свое время растворилась монгольская этноязыковая струя, сформировались казахский, башкирский, ногайский, татарский, киргизский, карачаевский, балкарский, кумыкский, крымско-татарский и другие этносы и языки. К этому времени относится наиболее ранний диахронический пласт монгольских заимствований казахского и, шире, всех тюркских языков. С позиций истории казахского языка этот период условно можно назвать периодом кыпчакско-монгольских языковых взаимоотношений.

Сложившийся в этот период относительно небольшой пласт лексических интерференций удобнее всего обозначить как *среднемонгольские лексические заимствования в казахском языке*.

При этом следует особо подчеркнуть, что ко времени формирования собственно казахского языка в XV веке среднемонгольский язык на территории Казахстана и прилегающих регионов давно прекратил свое функционирование. Следовательно, среднемонгольские лексические заимствования XIII – первой половины XIV веков могли проникнуть только в те среднекыпчакские диалекты, на основе которых позднее сформировались казахский, узбекский, каракалпакский, ногайский и некоторые другие современные тюркские языки. Поэтому при строго научном подходе следует говорить о *лексике среднемонгольского происхождения в казахском языке*.

Заметным этноязыковым последствием нашествий монголов в эпоху Чингисхана на традиционные территории тюркоязычных народов явилось образование нового монголоязычного этноса – ойратов, чьими современными потомками являются калмыки. В специальной литературе средневековых ойратов по географическому признаку часто называют западными монголами, а по политическому – джунгарами. В этнолоттогенезе ойратов значительную роль сыграла тюркская струя, состоящая из целого ряда древних и средневековых племен, начиная от огузов до канглыско-кыпчакских предков казахов.

Казахско-монгольские языковые взаимодействия продолжались и в последующие периоды истории. В XVI веке в силу исторических обстоятельств развиваются интенсивные ойратско-казахские этноязыковые контакты, которые способствовали внедрению в казахский язык качественно нового и более значительного пласта лексики монгольского происхождения в формирующийся казахский язык. В этот период казахский язык начинает активно контактировать с западномонгольскими или ойратскими диалектами. При всей слабой дифференцированности монгольских языков в это время, все

же следует различать относительно поздние ойратские лексические заимствования от хронологически более раннего пласта лексики среднемонгольского происхождения. Во всяком случае, дальнейший ход исторического развития монгольско-казахских этноязыковых взаимосвязей требует дифференцированного подхода к среднемонгольскому и ойратскому пластам лексики казахского языка.

Раздел 7

ОЙРАТСКО-КАЗАХСКИЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Ойратско-казахские этноязыковые взаимоотношения начинают разворачиваться, как мы видели выше, уже в первой половине XV века. После изгнания из Китая последнего великого монгольского хана Тогон-Тэмура (1333–1368) в Монголии ханская власть утратила всякое значение; Монголия фактически распалась на два независимых друг от друга владения: Восточную Монголию, находившуюся под контролем потомков бывших юаньских императоров, и Западную, где стали доминировать ойраты. В период правления у ойратов Тогона (1434–1438), а затем его сына Эсена (1439–1455) ойраты стали весьма активной силой на севере и западе – в Восточном Туркестане, Моголистане, степях Дешт-и Кыпчака и Средней Азии и оказали значительное влияние на ход сложных исторических событий, разворачивавшихся в этом регионе. Первые набеги ойратов на казахские земли ойраты совершали на рубеже XIV–XV вв., а начиная с 20-х годов XV века ойратские вторжения принимают систематический и прогрессирующий характер.

Примерно с середины XV века начинается качественно новый этап во взаимоотношениях казахских и монгольских племен, который можно назвать ойратским или ойратско-джунгарским. Хронологические рамки этого периода определяются временем установления систематических контактов ойратов с казахами в середине XV века и временем падения Джунгарского ханства в 50-х годах XVIII века. Упорная борьба между Джунгарским и Казахским ханствами на протяжении двух столетий оказывала огромное влияние на внутреннее и внешнеполитическое положение самих этих ханств, а также на положение других племен и государственных образований Центральной и Средней Азии и соседних регионов от Цинского Китая до Российской империи. Проблема казахско-джунгарских политических взаимоотношений имеет достаточно богатую историографию (Сулейменов, 1983, 8-34; Златкин, 1983; Моисеев, 1988, 134-150; 1991; Абусейтова, 1998; и др.), что значительно облегчает нашу задачу. Тесные взаимо-

отношения с монголоязычными ойратами, продвинувшимися еще в конце XVI века в Восточный Казахстан и в XVII веке занявшими важное место в политической жизни Казахских ханств, оставили глубокий след в казахском языке. Прежде чем перейти к краткому изложению истории политических, этнокультурных и языковых взаимоотношений между ойратами и казахами необходимо остановиться на существующей в специальной литературе терминологии.

Этноним *ojrät* – это самоназвание западных монголов, которые известны также под термином *джунгары* (монг. *ᠵᠢᠨᠭᠠᠷ*). Мусульманские народы, а в их числе, прежде всего, тюркоязычные, западных монголов называли *калмыками* (тюрк. *qalmaq*, калм. *ᠬᠠᠯᠡᠮᠠ*), отсюда происходит русское *калмык*. В китайских источниках ойраты называются *элютами* (*eleuth, ölot*), что в сущности является искаженным китайским произношением автоэтнонима *ojrät*.

Ойраты издревле составляли население Западной Монголии. Первое упоминание ойратов в письменных источниках относится к 1204 году. Обитавшие в горно-таежных районах Монголии и Южной Сибири отдельные племена ойратов в это время признали над собой власть Темучина и вошли в состав его владений. В ранний монгольский период ойраты представляли собой объединение четырех основных племен – *олёт*, *батут*, *хойт* и *кэргуд* (последнее название представляет собой монголизированную форму множественного числа на *-t* от тюркского этнонима *qırız*, что свидетельствует об участии в этногенезе ойратов древних енисейских кыргызов), а также из более мелких родоплеменных подразделений. Этот союз четырех ойратских племен традиционно назывался *dörben ojrät* (от монг. *dörben* «четыре»). Согласно гипотезе Д. Банзарова, поддержанной рядом монголоведов, этноним *ojräd* образовался из сочетания двух монгольских слов: *oj* «лес» и *arad* «народ», что де соответствует понятию «лесной народ» в «Собрании летописей» Рашид ад-Дина. Однако такая этимология сталкивается с серьезными фонетическими трудностями и больше смахивает на так называемую вульгар-

ную (народную) этимологию. Существует другая, более правдоподобная версия, согласно которой этноним *ojrād / ojrāt* является монголизированной формой множественного числа на *-i* прабулгарского термина *oγur* ~ тюрк. *oγuz*, употреблявшегося в значении «племенной союз» (Максуди, 2002, 198-203, 314-320; Радлов, 1893; Ramstedt, 1935, 305; Фасмер, 1971, III, 127; Róna-Tas, 1999 и др.). Идентификация этнонимов *oγuz*, *oγur* и *ojrāt* чрезвычайно важна с точки зрения понимания исторических взаимосвязей между прототюрками (огузами) и прабулгарами (огурами), с одной стороны, и между огурами и прамонголами (ойратами) – с другой. Турецкий ученый татарского происхождения Садри Максуди (Арсал) выяснил, что в древнетюркскую эпоху слово *oq* «стрела» в сочетаниях типа *on oq*, *on uγur* и т.п. употреблялось в значении «племя, союз племен» (ср.: др.-тюрк. *on oq* «[народ] десяти родовых подразделений, десяти стрел»; *on uγur* «объединение десяти уйгурских родов». – ДТС, 367). Далее он пишет, что слова *oγuz* и *oγur* не являются собственно этнонимами, а обозначали структурные подразделения народов (Максуди, 2002, 198-199, 317); ср.: др.-тюрк. *oγuṣ* «род, племя»; «каста»; «род, класс, порода»; *oγuṣ bodun* «родовые подразделения и народы» (ДТС, 365); *oγul* «ребенок, мальчик», «сын» (ДТС, 364), т.е. «продолжатель рода»; *oγuz* «племя и объединение племен» (ДТС, 365); *sekiz oγuz* «одно из племенных объединений огузов» (ДТС, 494); *toquz oγuz* «объединение тюркских племен (родов?)» (ДТС, 578). Во всех приведенных примерах выделяется основа *oγ* (<*oq*) «племя» ~ чув. *jāχ* «род, племя» (→ монг.: п.-монг. *uγ*, х.-монг., бур. *uγ/uγ* «начало, основание, происхождение»; «корень»; «род, родословная, предки»); др.-булг. → ост. (хант.) *jaχ* (Ашмарин, 1902, 47; Кононов, 1958, 82-84, там же лит.; Федотов, 2002, 93; EDAL, II, 1491; ЭСТЯ, 1974, 582-583; Clouson, 1972, 76).

Общетюркский термин *oγuz* «родоплеменное объединение» в булгарской группе тюркских языков представлен в закономерном ротацированном варианте, ср. др.-булг. *on oγur* «объединение десяти племен», *sari oγur* (сарагуры) «желтые

(т.е. западные) племена», *otur oγur* (утригуры) «объединение тридцати (ср. тюрк. *otuz* ~ булг. **otur*, чув. *vāDār* «тридцать») племен» и др. В этих формах выделяется древний тюркский аффикс собирательной множественности *-uz* ~ булг. *-ur*, который до сих пор функционирует в формах множественного числа местоимений 1-го и 2-го лица, ср.: тюрк. *ben* (<**bi* «я» + афф. склоняемой посессивной основы *-en*) ~ *biz* «мы» (<**bi* «я» + афф. собирательной или посессивной множественности *-iz*); тюрк. *sen* «ты» (<**si* + *-en*) ~ *siz* «вы» (<**si* + *-iz*), а также в соотносительных именных и глагольных формах 1-го и 2-го лица множественного числа ср.: каз. *qız-īm-iz* ~ чув. *χёр-ём-ёр* «наша дочь»; *qız-ñ-iz* ~ чув. *χёр-ёр* «ваша дочь»; каз. *bi^oz žazam-iz* ~ чув. *eBir širatp-ār*; каз. *si^oz žazas-iz* ~ чув. *eZ ir siraD-ār* «вы пишете» и т.д.

Прабулгарская форма *oγur* проникла в монгольский язык и трансформировалась в **ojār*, а форма собирательной множественности **oγurut* ~ **oγurit* на монгольской почве закономерно стянулась в *ojrāt*. Тюркское, вернее огурское (прабулгарское) происхождение этнонима *ojrāt*, по всей вероятности, указывает на участие в этногенезе ойратов древних огуρο-булгарских племен. Чувашский языковед Н.И. Егоров даже склонен считать ойратов омонголившимися в эпоху возвышения монголов огурами (Егоров, 2006, 144-163). Участие огуρο-булгарских племен в этногенезе не только ойратов, но и всех монгольских племен, в общем то, не может подвергаться сомнению. Об этом красноречиво свидетельствует огромное число ранних тюркизмов с явно выраженными булгаро-чувашскими отличительными признаками, проникших во все монгольские языки. Что же касается ойратских диалектов, то в них, по подсчетам венгерского алтаиста А. Рона-Таша, число тюркизмов булгаро-чувашского облика значительно выше, чем в диалектах халхаского и других монгольских языков. Это служит достаточно веским аргументом в пользу мнения Н.И. Егорова, но вопрос требует дальнейшего изучения именно в этом аспекте. Добавим к этому несомненный факт участия в этногенезе ойратов древних кыргызов, о чем свиде-

тельствует наличие племени *kərgud* (мн. ч. от тюркского *quryız*) в союзе *dörbən ojrād*. В свете сказанного обращает на себя внимание полная структурная идентичность данного этнонима с древнетюркскими и древнебулгарскими названиями племенных союзов типа *sekiz oγuz*, *toquz oγuz*, *otuz tatar*, *on oγur*, *otur oγur* и т.п.

Принятое в мусульманских странах название ойратов и других западных монголов *qalmaq* (по-видимому, впервые встречается в «Мукаддима», то есть во вводной части к «Зафар-наме» Шариф ад-Дина Али Йазди, завершённому в 1425 году) обычно выводится из тюркского глагола *qalmaq* (ср. каз. *qal-*) «оставаться», что якобы обозначает оставшихся в язычестве ойратов. Есть и другое толкование, согласно которому после возвращения в 1771 году части ойратских племен в Джунгарию так назвали оставшихся в России калмыков. Однако тюркская версия этимологизации термина *qalmāq* является народной и не даёт достоверной картины его возникновения и развития. В настоящее время наиболее достоверной следует признать предложенную В.П. Дарбаковой версию, согласно которой этноним *qalmīq* происходит от монгольского *χalimāg* ~ *χolimōg* «смешанный», «смесь», ср. калм. *χolēmāg* «смешанный», *χalēmāg* «калмык», х.-монг. *χalimāg* «калмык». В языке халха-монголов слово *χolimāg* употребляется при характеристике национального состава полиэтничных регионов. Действительно, этноплеменной состав дёрбен-ойратов был смешанным, в основном тюркско-монгольским. Смешанный характер калмыков ещё долго проявлялся также и в пределах России и побуждал исследователей обращать внимание на различия этнических компонентов в культуре калмыков и даже назвать поволжских ойратов «калмыцкими народами» или «калмыцкими племенами».

В.П. Дарбакова обратила внимание на то, что у ойратов Монголии слово *хальмг*, в монгольской орфографии *халимаг*, и его синоним *халимаг* обозначает «смешанный»; в калмыцком языке употребляется только слово *хальмг* «смешанный» (Дарбакова, 1970, 267, см. также сноску 4 на той же стр.). Да-

лее она пишет, что «Слово *хальмг* в значении «смешанный» употребляется в монгольском языке при характеристике национального состава какого-нибудь района, т.е. на вопрос, какое население живет в Кобдо, отвечают *халимаг* (смешанное). Действительно, в центре аймака (как и в сомонах этого аймака) живут дербеты, торгоуты, хошеуты, элеты, урянхайцы, *казахи* и др. Подтверждением именно такого значения этнонима *хальмг* может служить этническая карта Кобдоского аймака, составленная академиком Б. Ринчэном» (Дарбакова, 1970, 267). «Кроме этого, термином *халимаг* именуется гибрид животных (*халимаг мал*); а также мясное блюдо, приготовленное из баранины, говядины и свинины (*халимаг хоол*)» (Дарбакова, 1970, 267, прим. 5).

Весьма показательным в данном случае является тюркское, вернее – огурское (прабулгарское), происхождение самого монгольского слова **qolimag* «смесь», «смешанный», в котором однозначно выделяется глагольная основа **qoli-* «смешивать» (← огур. **qol-*, ср. чув. *χilla-* «оплодотворять» < **χilā-la* – букв. «смешивать (кровь)» ~ тюрк. *qoş-* «соединять», «прибавлять», «смешивать») и именной деривационный аффикс *-maq* ~ огур. *-maq*, чув. *-ma*. Следовательно, монгольское слово *qolimag* ~ х.-монг., бур. *χolimäg* «смесь» является ранним тюркским заимствованием, проникшим в прамонгольский язык из языка огурских племен в цельнооформленном виде. Между тем, в монгольских языках самостоятельно функционирует и глагольная основа **qoli-* «смешивать», ср.: ср.-монг. *qoli-*, п.-монг. *qoli-*, х.-монг. *χoli-*, калм. *χolē-*, бур. *χoli-* «смешивать», «примешивать» и т.д.; ср. также производную глагольную форму **qolbu-* «объединять, соединять, связывать, сочетать», ср.: ср.-монг. *qolbu-*, *qulba-*, *qolba-*, п.-монг. *qolbu-*, х.-монг. *χolbo-*, бур. *χolbo-*, калм. *χolwā-*, орд. *χolbo-*, дагур. *χolbo-*, *χolbu-* «соединять» и т.п. (подробнее см. Ramstedt, 1935, 184; 1957, 109; Street, 1980, 287; Doerfer, 1967, 364; 1985, 61; Räsänen, 1969, 283; Clauson, 1972, 670; Clark, 1980, 41-42; ЭСТЯ, 2000, 90-94; СИГТЯ, 1997, 611-612; EDAL, 2003, I, 836).

Однако наличие в монгольских языках формы *χalimag* «смешанный» (с гласным *a* в первом слоге) вызывает некоторые сомнения. Во всех доступных лексикографических справочниках по монгольским языкам приводятся только формы с губным гласным *o* в первом слоге, ср.: ср.-монг. *qulba*- «смешивать» (MA), *qolba'ara*- (SH); п.-монг. *qolbu*- «смешивать», *qolimaγ* «смешанный», «смесь» (Lessing, 1960, 957); х.-монг. *χoli*- «смешивать, перемешивать, примешивать, подмешивать»; «путать(ся)»; *χolimog* «смешанный», «смесь» (Лувсандэндэв, 1957, 534); *χolbo*- «соединять, связывать; увязывать, сочетать» (Лувсандэндэв, 1957, 533); но: *χalimag* «калмык»; «мужская стрижка»; *χali*- «переливаться через край»; «парить»; «падать»; «скончаться, умереть» (Лувсандэндэв, 1957, 503, 504); *χoli*- «смешивать, подмешивать»; «путать», *χolbo*- «связать»; «собрать (детали)»; «соединить», *χolbos* «супруг»; *χolio* «лигатура»; «смесь», *χolbō* «союз»; «связь» (Ринчинэ, 1947, 265); но: *χali*- «переливаться через край посуды»; «выходить из берегов»; «умирать»; *χalia* «наледь; вода, появившаяся поверх льда» (Ринчинэ, 1947, 255); *χoli*- «смешивать, перемешивать, примешивать, подмешивать»; «путать(ся)»; «быть причастным к какому-либо делу»; *χolimog* «смешанный, комбинированный, разнообразный»; «смесь, помесь; ассорти; винегрет» (БАМРС, 2002, IV, 100), но: *χali*- «переливаться через край (посуды)»; «выходить из русла, из берегов, разливаясь (о реке)»; «выступать поверх льда, снега (о воде)»; «парить, взлетать, взвиваться кверху, летать, подниматься вверх»; «падать», «скончаться, умереть»; *χalimag* «калмык»; «мужская стрижка волос»; *χalim* «верхний, поверхностный слой жирового покрова»; «сорочье мясо» (слой жирового покрова на небрежно снятой коже)»; «наледь; вода, выступившая поверх льда» и т.д. (БАМРС, 2002, IV, 27); ойр. *χolimāγ* «смешанный»; *χolī*- «смешивать, перемешивать; подмешивать, разбавлять» (Тодаева, 2001, 400); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., хеш., харч., тум. *χōli*- (<*χoli- <*qoli-); уцаб., чах., ордос. *χoli*- «смешивать, перемешивать, примешивать, под-

мешивать»; хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., кеш., харч., тум. *χōlmoγ* (<**χolimoγ* <**qolimaγ*), уцаб., чах., сун. *χol'moγ*, ордос. *χolimoγ* «смешанный» (Тодаева, 1981, 235); калм. *χolē-* «смешивать, перемешивать, разбавлять»; *χolēmāg* «смесь», «смешанный»; но: *χalē-* «парить», «умереть, скончаться»; *χalēmāg* «калмык»; бур. *χolī-* «смешивать, примешивать»; *χoli'mog* «смешанный», *χolimol* «смешанный», *χoliso* «смесь, примесь»; «соединение»; но: *χalī-* «переливаться через край (посуды)»; «выходить из русла, из берегов»; «падать, срываться»; *χalīma* «льющийся через край, переполненный»; *χalīngī* «тж.» и т.д.

Кстати, основы этих слов имеют тюркское происхождение: монг. *qali-* «подниматься», «переливаться через край» восходит к тюрк. **qal(i)-* «подниматься», «подпрыгивать», «всплывать» и т.п., ср. каз. *qalqī-* «плавать» (Räsänen, 1969, 226; Ramstedt, 1935, 163, 176, 177; ЭСТЯ, 1997, 224-226; ср. EDAL, 2003, I, 635, 658, 756, где разные значения монгольских слов разводятся и сближаются с разными тюркскими словами), а монг. **qoli-* «прибавлять, примешивать, смешать» – к огурскому **qol-* ~ общетюрк. *qoš-*, каз. *qos-* «прибавить, присоединить, добавить» (см. ЭСТЯ, 2000, 90-94).

К этому следует добавить, что в монгольских языках чередование *a ~ o*, вернее, историческое развитие *a > o* или *o > a* не отмечается. Редкие случаи перехода *a > o* (но не *o > a!*) наблюдаются только рядом со смежными губными согласными *b ~ w*, ср.: п.-монг. *jabu-* «идти» > могол. *jobu-*, ару-хорч. *job-*, х.-монг. (зап.) *jaw-* ~ *jow-*, калм. (баит., дерб., торг. *jow-* ~ *jom-* «идти»); п.-монг. *baγalžayur* ~ *boγalžayur* «глотка»; п.-монг. *balyasun*, квадр. *balayan* ~ *bolayan* ~ *bolyan* «город», х.-монг. *balyās*, бур. (унгин.) *bulyāhāñ* «юрта» и т.д. (Владимирцов, 1929, 146-147).

Это наводит на мысль, что отмеченные В.П. Дарбаковой формы с гласным *a* в первом слого (ойр. *χalīmāg*, монг. орф. *χalimāg* «смешанный»), если они действительно существуют реально, то, скорее всего, имеют узколокальный характер в

некоторых говорах ойратов Монголии, и вряд ли они могли послужить основой этнического наименования калмыков. Нам представляется более вероятной идея о фонетической трансформации *χolimag* «смешанный» в *qalmaq* ~ *qalmiq* и этнонимизации этой последней формы на тюркской почве в ойратско-джунгарский период истории западных монголов.

Название **qolimāg* «смесь, смешанный», по всей вероятности, было приложено к населению западных регионов Монголии уже в конце XII века, где в ходе бурных событий в период возвышения Чингисхана действительно происходило неимоверное смешение и ассимиляция собственно монгольских, тюркских (огурских и огузских) и других племен (см. выше). Однако в этот период термин *qolimāg* «смешанный», очевидно, еще не имел выраженного этнонимического значения. Этнонимизация данного термина, по всей вероятности, произошла позднее, в джунгарский период истории ойратов, причем не на монгольской, а на среднеазиатской, тюркско-иранской почве. Корреляция *qolimāg* ~ *qalmiq* ~ *qalmaq* могла произойти только при участии иносистемных языков – тюркских (*qalmiq*) и иранских (*qalmaq*). Следовательно, *qalmiq* ~ *χalēmāg* ~ *qalmaq*, вероятнее всего, является аллоэтнонимом, данным ойратам коренным населением Средней Азии в период джунгарских завоеваний. Поэтому данный этноним привился только у западной группы ойратов – калмыков Нижнего Поволжья.

В начале XIII века ойратская конфедерация племен *Dörben ojrāt* («союз четырех племен») была захвачена монгольской экспансией, и после длительного сопротивления правитель ойратов Худуха-беки в 1207 году был вынужден подчиниться Чингисхану и был пожалован главой четырех тысяч ойратов. В «Сокровенном сказании» об этом читаем: «В год Зайца [1207] Чжочи (Джучи. – Ж.Т.) был послан с войском правой руки к лесным народам... Подчинив ойратов, бурятов, тархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов, Чжочи подступил к Тумен-Киргизам... Чжочи принял под власть монгольскую все Лесные народы... За то, что ойратский Ху-

духа-беки первый вышел навстречу Чжочия с выражением покорности вместе со своими ойратами, государь пожаловал его и выдал за сына его Инальчи царевну Чечейген. Царевну же Олуйхан выдал за Инальчиева брата – Торелчи, а царевну Алаха-беки отдал в замужество к онгудцам. Милостиво обратясь к Чжочи (Джучи. – Ж.Т.) Чингисхан соизволил сказать: “Ты старший из моих сыновей. Не успел выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми Лесные народы. Жалую их тебе в подданство”...» (Козин, 1941, 174-175).

Владения Худуха-беки простирались от Селенги до Малого Енисея. К концу первой трети XIV века, ко времени падения династии Юань, ойраты составляли четыре тумена (*tümen*).

В эпоху Чингисхана ойраты стали называться *dörben tūmēn ojrat* «четырёхтуменные ойраты», так как они были обязаны выставлять в общемонгольскую армию четыре тумена (40 000) конницы. Общую численность ойратов в начале XIII века современные калмыцкие историки определяют примерно в 200 тысяч человек (Авляев, Санчилов, 1984, 44). Усиление ойратов на рубеже XII–XIII веков вызвало значительные миграции тюркоязычного населения Центральной Азии на север, в бассейны Лены и Вилюя, куда курыканы увели с собой часть монгольско-ойратских племен, и которые со временем влились в состав формирующегося якутского этноса. Одновременно усилились контакты ойратов с древними бурятскими племенами хори-тумат и эхирит-булагад, а также с тюркскими и самодийскими племенами Саяно-Алтайского нагорья.

По сведениям персидского историка Рашид ад-Дина, в первых веках II тысячелетия ойратские племена занимали территорию *Segis muren* – «Восьмиречья».

В эпоху Чингисхана ойратские тумены вошли в состав левого крыла (*ᠰᠦᠨ ᠶᠠᠷ*) монгольской феодальной империи. По этой причине они получили очередное название *ᠰᠦᠨᠶᠠᠷ* (отсюда русские названия Джунгар, Джунгария, Джунгарское

ханство, в старых документах – *Зенгория, Зенгорская земля, Зюнгор, Зюнгорское ханство* и т.п.

Установленная в Монгольской империи десятичная военная система подорвала традиционные родоплеменные связи монгольских этносов и привела к перераспределению населения по территориальному принципу – образованию «сотен», «тысяч» и т.п., новых улусов – феодальных уделов, владельцы которых находились в вассальной зависимости от самого великого хана и его потомков. В частности, Чингисхан организовал отборный гвардейский корпус из 10 тысяч торгоут-кешигтенов, с которым, вероятно, связано происхождение феодальной верхушки средневековых ойратов и их потомков – калмыков-кешиктенов и калмыков-торгоутов. Ойраты-хошоуты и ойраты-торгоуты вплоть до XVII века составляли основное население Западной Монголии и Джунгарии и сохраняли общее с объединениями дербетов и зюнгаров название – *dörbĕn ojrat* «четыре ойрата», то есть «объединение четырех родственных племен». В состав ойратских племен в монгольскую эпоху влились отдельные группы коренных халхаских племен, переселенные на Алтай по приказу Чингисхана из улуса темника Хорчи.

После падения империи Юань во второй половине XIV века Монголия разделилась на ряд самостоятельных крупных и мелких владений. Более сильные правители стремились подчинить себе более слабых, захватить их кочевья, скот и подданных. В этих условиях власть и авторитет всемонгольского хана сильно ослабли. Кризис в сфере политики усугублялся экономической слабостью Монголии, которая после отпадения единственного в то время китайского рынка оказалась в полной экономической изоляции.

В этот период сформировались три большие этнотерриториальные группы монголов: северные (халха), южные монголы и ойраты. Отделенные друг от друга обширными пространствами, они не были зависимы друг от друга ни в политическом, ни в экономическом отношении.

Конец XIV – первая половина XV века были временем политического господства ойратов в монгольских степях. Период правления у ойратов Тогона-тайши (1334–1438), а затем и его сына Эсена-тайши (1439–1455) ознаменовался ростом внешнеполитической активности ойратов в борьбе против восточномонгольских феодалов, походах против Минского Китая и Моголистана, в создании объединенного государства с централизованной системой власти.

После распада Монгольской империи в конце XIV века началась эпоха феодальной раздробленности. Во второй половине XIV века ойратский союз племен вышел из-под власти всемонгольского правителя, им стали управлять свои собственные предводители (тайши). В то время владения ойратских тайш располагались на территории, ограниченной западными склонами Хангайских гор на востоке, пустыней Гоби на юге, Моголистаном на западе, верховьям Иртыша и Енисея на севере.

В течение XV–XVI вв. ойратские князья, с одной стороны, вели войну с Восточной Монголией за независимость и за главенство над всей страной, а с другой стороны – войну с Китаем и Казахскими ханствами за расширение пастбищных угодий и рынков сбыта. В результате этих войн к концу XVI века ойраты значительно ослабли.

Период с конца XIV до конца XVII века в истории Монголии характеризуется как период расцвета феодализма. Для данного периода характерно обострение внутренних противоречий: Монголия вступила в полосу феодальной раздробленности, и исчезли всякие следы былой централизации. На смену единовластному хану пришли борющиеся между собой удельные ханы, называемые монгольскими источниками «малыми ханами». В этот период монгольских ханов было так много, что порой невозможно уследить за их сменой. Во второй четверти XV века к власти пришел ойратский правитель Тогон-тайши (1418–1440), а через некоторое время – его сын Эсэн-хан (1440–1455), в 1467 году на монгольский престол

взошел *Бату-Мункэ* (1460–1543), известный под именем Да-ян-хана. В 1488 году он практически завершил объединение монгольских земель под своей властью. На некоторое время утихла междоусобная война, улучшилось экономическое положение страны, наладились дипломатические и торговые связи с Китаем и Тибетом.

В послеюаньский период ойратские племена впервые упоминаются источниками в годы правления Эльбек-хана (1392–1399), правнука последнего юаньского императора Тогон-Тэмура, то есть спустя четверть века после изгнания монгольских завоевателей из Китая. В течение всего этого времени, а возможно и раньше, в период пребывания Юаней у власти, ойратская знать находилась в тесном сотрудничестве с восточномонгольскими правителями, к которым ойратская племенная аристократия относилась как вассалы к своим сюзеренам (Златкин, 1964, 39-40).

В этот период ойраты представляли собой этнически и политически единое целое, население одного объединенного феодального владения, во главе которого стояли единоличные правители и иногда соправители. Китайские летописи свидетельствуют, что первым ойратским правителем был военачальник, находившийся на службе у потомков юаньских императоров, что при нем ойраты были объединены в одном владении, которое разделилось лишь после его ухода из жизни (Златкин, 1964, 41).

Монголия того времени распадалась в основном на два самостоятельных владения: западный – ойратский, где главенствовал Ма-ха-му, и восточный, находящийся под властью А-лу-тайя. Между правителями этих двух соперничающих владений происходила постоянная и упорная борьба за господство в степи. Тот из правителей, который добивался временной гегемонии, тотчас спешил узаконить свое положение, поддерживая одного из потомков юаньских императоров (Покотилов, 1893, 37).

Официальная история Минской династии «Мин ши» свидетельствует, что один из юаньских военачальников Мункэ-Тэмур еще до свержения Юаней объявил себя правителем ойратов и оставался им до своей смерти, после чего его владение разделилось на три части и управлялось тремя его приемниками – Махмудом (*Махаму*), Тайпином и Бату-Болотом. Эти правители, по свидетельству «Мин ши», были первыми из монгольских князей, искавших мира с Китаем и направившими с этой целью в Пекин послов с данью (Златкин, 1964, 40).

Первым открытым выступлением ойратских правителей против восточномонгольских ханов принято считать убийство Эльбек-хана в 1399 году – через шесть лет после смерти ойратского тысячника Хутхай-Тафу (об этом см. Алтан Тобчи, 1858, 55-57; Bawden, 1955, 69-71). После этого события ойраты фактически вышли из-под власти монгольского хана. В монгольской летописи об этом сказано, что сыновья Хутхай-Тафу «взяли четыре тумена ойратов и, отделившись, сделались непримиримыми врагами. Таким образом власть монголов перешла к ойратам» (Алтан Тобчи, 1858, 57; Bawden, 1955, 71).

В это время владения ойратских правителей располагались на сравнительно небольшой территории северо-западной части Монголии, ограниченной западными склонами Хангайских гор на востоке, пустыней Гоби на юге, верховьями Енисея и Иртыша, а также южными склонами Алтая на севере и Моголистаном на западе. Таким образом, ойратские кочевья оказались со всех сторон окруженными скотоводческими кочевническими ханствами, широкой полосой отделившими их от оседлых земледельческих стран и народов. В этих условиях Китай был единственным потенциальным рынком сбыта излишков скотоводческой продукции ойратов и источником снабжения продуктами земледелия и ремесленного производства. Отношения с Китаем облегчались еще и тем обстоятельством, что минские императоры в начале XV века были заинтересованы использовать ойратские силы в борьбе за престол,

начавшейся после смерти Чжу Юань-чжана в 1399 году, а также для борьбы против восточномонгольских ханов, представлявших в то время серьезную опасность для молодой Минской династии.

Вооруженные столкновения между ойратами и восточными монголами начались еще в 1402–1408 годах. В 1409 году китайский император Чжу Ди пожаловал трем ойратским правителям почетные титулы. Послы из Джунгарии направлялись в Китай постоянно, с определенной периодичностью, и таким образом поддерживались дипломатические и торговые взаимоотношения. В этот период ойратская конфедерация усилила свое политическое влияние в Западной Монголии и сопредельных территориях. После подчинения всей Монголии своей власти дружественные и мирные отношения с Китаем уступили место вооруженным вторжениям ойратов в китайские пределы.

После получения почетных титулов и ценных даров от китайского императора ойратские правители вскоре совершили очередное нападение на восточных монголов, а в 1412 году, как сообщает китайская хроника «Мин ши», убили хана Бэнь-я Ши-ли и возвели на престол Дельбек-хана (1415–1428). В 1413 году ойратский правитель Махмут (Махаму), недовольный установлением дипломатических отношений между восточными монголами и Минской династией, начал военные действия против Китая, но в 1414 году потерпел поражение (Златкин, 1964, 46).

После ряда поражений в противоборстве с восточными монголами Махмут (Махаму) начал переговоры о мире с минцами и направил в Пекин послов с данью. Переговоры затянулись, а Махмут тем временем скончался. В 1418 году в Пекин прибыли послы, направленные уже его сыном Тогоном. Тогон просил китайского императора пожаловать ему те почетные титулы, коих был удостоен его отец. Пекин удовлетворил просьбу Тогона и он не тревожил китайские рубежи до 1422 года.

По сообщению «Мин ши», в 1422 году ойраты совершили вооруженный набег в пределы Китая и разграбили район Хами. Но немедленно после этого направили в Пекин специальное посольство с извинениями по поводу хамийского инцидента. Через год, в 1423 году, ойраты под предводительством Тогона нанесли поражение восточным монголам.

Надо заметить, что в первой половине XV века взаимоотношения ойратов и восточных монголов отнюдь не сводились исключительно к военному противостоянию; в промежутках между вооруженными противостояниями у них развивались разносторонние, иногда довольно тесные связи – взаимные браки, побратимство (*anda*), политическое и военное сотрудничество. Во взаимоотношениях ойратов и Китая в это время продолжала преобладать тенденция развития торговых связей, которые лишь изредка и на непродолжительное время нарушались конфликтами местного значения вроде ойратского набега на Хами. Главная линия вооруженной борьбы ойратов в 30–40-х годах XV века проходила на западе, в направлении Моголистана и Восточного Казахстана. К 1434 году под владичеством ойратского правителя Тогона, сына Махмуда, оказывается не только Западная, но и Восточная Монголия. При его преемнике, сыне Эсене (1440–1455), было завершено объединение монгольских земель вокруг дэрбэн-ойратов.

К середине XV века ойратские племена возглавил энергичный сын Тогона (1440–1455) Эсен-тайши. Он сумел воссоединить все ойратские племена и поколения в один союз и даже распространить свою власть на Восточную Монголию, однако со смертью Эсен-тайши в 1455 году реальное политическое могущество ойратов в степях центра Азии фактически закончилось. Отрезанные от Китая, потерпевшие поражение в борьбе за Восточную Монголию ойраты, тем не менее, стали весьма активной силой на западе и севере.

В истории ойратов середины XV века годы правления Эсена, сына Тогона, занимают особое место. Унаследовав от

отца пост правителя ойратских кочевий, Эсен проводил политику укрепления централизованной власти и стремился распространить свое господство на всю Монголию. На пути реализации своих планов наряду с мероприятиями сугубо военного характера Эсен систематически устранял восточномонгольских правителей. После убийства монгольского хана Мункэ, по свидетельству «Алтан Тобчи», «владычество монголов перешло к ойратам» (Алтан Тобчи, 1858, 76).

Правление Эсен-хана является важной вехой в истории Монголии. Опираясь на военную силу объединенных под своей властью ойратских племен, он выступил в роли объединителя всей страны. В наполненные бурными политическими событиями годы правления Эсен-хана было создано эфемерное объединенное Монгольское государство, политические и экономические интересы которого вскоре были устремлены на запад, в сторону Восточного Казахстана. В дальнейшем Эсен развязал войну с Китаем, но это было опрометчивым шагом. Монгольская экономика находилась в зависимости от китайского рынка и война с Китаем могла подорвать экономическое положение ойратских правителей. Поэтому уже в 1450 году по инициативе Эсена начались переговоры о восстановлении мирных торговых отношений между двумя государствами.

Среди монгольских заимствований казахского языка имеется определенный пласт слов китайского происхождения. Значительная часть такого рода монголизмов проникла в казахский язык не в среднемонгольскую, а в более поздние ойратский и джунгарский периоды. Поэтому выяснение реальных исторических взаимоотношений ойратов с Китаем, с одной стороны, и с казахскими ханствами, с другой, имеет важное значение для хронологической стратификации монгольских лексических заимствований казахского языка.

После смерти Эсен-хана в 1455 году в истории Монголии начинается «темный» период. Сначала прервали повествование об ойратах монгольские летописцы, а потом замолчали и китайские. Большинство историков пришло к мнению,

что с уходом из жизни энергичного и активного Эсен-хана закончился период ойратской гегемонии в Монголии (Златкин, 1964, 54 и след.). По мнению Н.Я. Бичурина, промежуток в полтора столетия «ойраты провели в отдохновении после бурного потрясения могущества своего. Посему-то с половины XV до XVII века история их почти ничего в себе не содержит, кроме имен некоторых ханов и владетелей поколений – без обозначения даже лет их царствования» (Бичурин, 1834, 23).

Однако в распоряжении историков имеются тюркоязычные источники, освещающие историю ойратов в период со второй половины XV по первую половину XVII вв. Тюркоязычные источники показывают, что после смерти Эсен-хана ойраты не сошли с исторической арены, но изменилось направление их внешнеполитической активности. Отрезанные от Китая и потерпевшие поражение на восточном направлении, ойраты стали весьма активно действовать на западе и севере, в Восточном Туркестане, степях Дешт-и Кыпчака, Средней Азии и Казахстана, оказав значительное влияние на сложные исторические события, происходившие в этом регионе (Златкин, 1964, 63).

Важнейшие этнополитические события XV–XVI вв. на обширных степных просторах Дешт-и Кыпчака и сопредельных территорий были связаны с активными процессами формирования казахского и узбекского народов и их борьбой за создание и укрепление своей государственности, за сохранение своей самобытности и независимости, за дальнейшее развитие экономики и культуры.

Завершающие этапы этнолоттогенеза казахов, узбеков и других народов данного обширного региона происходили в борьбе против династии Джагатаидов, еще удерживавшей в своих руках Мавераннахр и Моголистан, где активно взаимодействовали оседло-земледельческие культуры с традиционным кочевым скотоводческим хозяйством степей. Внешним проявлением сложных и противоречивых этногенетических процессов была активная борьба различных правящих дина-

стей за господство над торговыми путями («Жібек жолы») и за обладание важными экономическими и культурными центрами.

Необходимость концентрации всех сил и средств казахских правителей для борьбы за свою независимость объясняет тот факт, что с ойратами и некоторыми другими соседями они в то время старались поддерживать мирные и добрососедские отношения. Так, в течение целого столетия отношения казахов с ойратами не были омрачены серьезными конфликтами.

В течение второй половины XV и первой трети XVI вв. между Казахскими ханствами и Моголистаном, с одной стороны, между казахами и ойратами, с другой, сохранялись довольно спокойные добрососедские отношения. В то же время взаимоотношения ойратов и Моголистана в середине XV века обострялись. Сложные политические отношения, развивавшиеся между ойратами и Моголистаном, с одной стороны, и Моголистаном с Казахскими ханствами, с другой, имеют самое прямое отношение к завершающему этапу казахского этногенеза и отложению в казахском языке значительного пласта монгольских лексических элементов, и требуют самого пристального внимания. Только опираясь на ход реальных исторических событий можно составить объективную диахроническую шкалу особо активных периодов казахско-ойратских политических, культурных, экономических и, разумеется, языковых взаимоотношений, и на этой основе произвести диахроническую стратификацию монгольских заимствований казахского языка.

На западном пути ойратов к торговым рынкам оседлых земледельческих народов Средней Азии серьезным препятствием было Могольское ханство, которое занимало тогда весь Восточный Туркестан, а также территорию от Иртыша и Эмеля до Тяньшаня, от Баркуля до Балхаша и Ферганы. Вооруженная борьба ойратов за овладение пастбищными угодиями Моголистана началась еще в конце XIV века, но особого успеха она тогда не имела. Именно в это время энергичный правитель Могольского ханства Туглук-Тимур-хан полностью

завладел всей территорией Семиречья от Или до Болора и Куньлуня.

Западномонгольские племена жили в постоянных междоусобных распрях, но бывали времена, когда они объединялись и представляли значительную силу. В периоды усиления ойраты предпринимали набеги на владения соседей. Чаще всего от нападений ойратов-калмыков страдали восточноказахстанские территории, в частности – Моголистан.

Первые документально зафиксированные контакты ойратов с правителями Средней Азии и Казахстана относятся к концу XIV века. В 1397 году Тамерлан принял ойратских послов в местности Акташ. Ойратские дружины принимали участие в походах правителей Ак-Орды в Среднюю Азию (Султанов, 1982, 8-11; Моисеев, 1991, 11). Первые набеги на Моголистан ойраты совершили в конце XIV века, а начиная с 20-х годов XV века их вторжения в Восточный Казахстан приняли систематический характер. Китайские источники сообщают, что в 1408 году ойраты овладели Бешбалыком. Это положило начало ойратско-моголистанскому военному противостоянию, которое тянулось с переменными успехами и поражениями в течение всего XV и начала XVI веков.

Особенно упорная борьба между ойратскими тайшами и моголистанскими беками разгорелась в период правления в Моголистане Вейс-хана (Увейс-хана, 1418–1428). Известный среднеазиатский историк Мухаммед-Хайдар сообщает, что этот правитель имел 61 сражение с ойратами (Моисеев, 1991, 9-10). В 1422 году Вейс-хан занял Турфанский оазис, расположенный к югу от ойратских кочевий, и перенес столицу Моголистана в город Турфан. В это же время ойраты захватили Хами. Это, по всей вероятности, отражает борьбу между ойратскими и могольскими правителями за господство над торговыми путями (Жібек жолы). В 1425 году в Моголистан вторгся с севера Улугбек, внук знаменитого Тамерлана. Зимние месяцы он провел в горах Юлдуза – в непосредственной близости от южных и западных рубежей ойратских кочевий.

В середине XV века Моголистан разделился на восточную часть с центром в Турфане и западную с центром в Кашгаре, которые фактически стали независимыми друг от друга, часто враждовали и объединяли свои силы только для борьбы с общим противником – формирующимся узбекским государством. В этой обстановке борющиеся в Моголистане правящие группировки искали и находили в лице ойратов союзников, способствуя тем самым последним овладению торговыми путями и захвату новых пастбищных угодий.

Правителем Восточного Моголистана в середине XV века был сын Вейс-хана Эсен-Бука (1446–1462). Одной из причин, побудивших моголистанского хана Эсен-Буку (умер в 1462 г.) приютить кочевых узбеков во главе с Джанибеком и Гирей-ханом в Семиречье, была надежда использовать их силы в борьбе против ойратов. Следовательно, с самого начала своего возникновения Казахскому ханству пришлось отстаивать свое право на существование в борьбе с ойратами. По свидетельству среднеазиатского историка Махмуда бен Эмир Вали, кочевые узбеки во главе с Джанибеком и Гиреем «проводили время в набегах на калмаков (то есть ойратов. – Ж.Т.) и киргизов и грабежах (их) и на окраинных областях занимались разбоем, (поэтому) к этому народу (тайфи) пристало имя казак...» (МИКХ, 1969, 353).

В этот период началось усиление Восточного Моголистана с центром в Турфане. В связи с этим переклестнулись интересы турфанских правителей и ойратских ханов, между ними развернулась длительная борьба, сопровождавшаяся частыми встречными войнами. Еще при жизни Эсен-хана, в 1452 году ойраты предприняли большой поход против Восточного Моголистана, который закончился только в 1455 году. Ойратские войска прошли через всю территорию Моголистана и вторглись в Семиречье. Продвигаясь по долине Сырдарьи, ойратские войска достигли рубежей Мавераннахра, разграбили Ташкентский и другие оазисы, после чего с богатой добычей вернулись обратно.

В 1457 году ойратский хан Уз-Тэмур, сын Эсен-хана, разбил войска Абулхайра в окрестностях Сыгнака, разграбил ряд туркестанских городов в бассейне Сырдарьи и удалился к себе в джунгарские степи. При этом был увезен в качестве заложника трехлетний внук Абулхайра и последний вынужден был тогда признать верховную власть ойратского правителя (Ахмедов, 1965, 71).

В рассматриваемый период яблоком раздора ойратских правителей, Моголистана и Китая становится Хамийский округ, расположенный на главном торговом пути, связывавшем Китай со странами Запада, и игравший роль главных ворот в Китай. Трехсторонняя борьба за владение этим важным стратегическим пунктом длилась с переменным успехом на протяжении всего XV столетия.

В 1470 году войска моголистанского хана в очередной раз захватили Хами, напали на ойратские кочевья и захватили в плен около 10 000 ойратов. В 1472 году ойраты предприняли встречный поход на Моголистан, разгромили на берегах Или армию хана Юнуса (1466–1496) и преследовали противника до берегов Сырдарьи. Борьбу за освобождение казахстанских земель от ойратских захватчиков возглавил сын Юнуса Ахмед-хан (1496–1504), прозванный Аладжи-ханом, то есть «истребителем (ойратов)», (от монг. *alayçi* «истребитель, убийца» < *ala-* «истреблять, убивать»), за активную борьбу с ойратами. Его преемник Мансур-хан (1504–1544) в свою очередь также ревностно продолжал ставшую традиционной свободительную борьбу против ойратов. В 1513 году Мансур-хан отбил Хамийский округ у ойратов, но через пять лет ойраты снова предприняли поход против Мансура. Война эта закончилась примирением сторон и совместным походом на китайский город Сучжоу.

Но мир этот длился недолго, уже в 30-х годах XVI века могольские войска под предводительством Мансур-хана нанесли сокрушительное поражение ойратам, вынудив многих из них покинуть родные кочевья и бежать на юг, в степные

районы Кукунора и Ганьсу, а это привело к обострению отношений между ойратами и восточными монголами.

К середине XVI века Моголистан стал клониться к упадку. На арене истории все активнее начали проявлять себя «кочевые узбеки», начавшие борьбу за освобождение оазисов и городов Средней Азии и Казахстана от тимуридских и моголистанских наместников и создание своей самостоятельной государственной структуры.

В Могольском ханстве начали обостряться внутренние противоречия, участились вспышки междоусобной борьбы. Претендующие на власть группировки начали искать поддержку на стороне и все чаще стали приглашать ойратских князей с их войсками. Ойратские тайши не заставляли себя уговаривать, так как это давало им возможность поживиться за счет богатств противоборствующей могольской аристократии и за счет народных масс этого распадающегося государства.

Начиная с 30-х годов XVI века резко обостряются взаимоотношения казахов и ойратов и начинается двухвековая борьба казахского народа против вторжения на их земли ойратских феодальных правителей. Видимо, решающую роль в переходе от мирных отношений к вооруженной борьбе играли стремление обеих сторон расширить свои пастбищные территории и намерения ойратских правителей захватить в свои руки присырдарьинские плодородные оазисы и города. Натиск казахских ханов и султанов на ойратов объясняется, прежде всего, опять-таки, растущим дефицитом пастбищных территорий, покрыть который они намеревались за счет восточных степей, занятых ойратами. Политическая обстановка в конце XVI века благоприятствовала казахам. Объединенные под властью Тевеккеля, они добились значительных успехов в борьбе против Могольского и Бухарского ханств, упрочили свои позиции в долине Сырдарьи, овладели Туркестаном и Ташкентом. Кроме того казахские правители разгромили и подчинили себе некоторые ойратские княжества. В сложив-

шихся условиях изгнание ойратов с бассейна Иртыша должно было стать первоочередной задачей казахских правителей.

В истории Центральной Азии середина II тысячелетия н.э. характеризуется климатическим оптимумом. Благоприятные климатические условия способствовали быстрому росту численности поголовья скота и экономическому благополучию населения аридной полосы. Бурный рост экономического благосостояния приводил к росту численности населения. Под давлением демографического фактора начинаются процессы дробления уделов и миграции населения в относительно свободные районы. А это несомненно приводило к межэтническим и межгосударственным столкновениям. Казахские, узбекские, монгольские, ойратские правители в равной мере испытывали острую потребность в расширении пастбищных угодий, а это стимулировало военное противостояние между этими народами. В 30-х годах XVI века Моголистан наносит сокрушительный удар ойратам, в результате многие из них начали покидать свои насиженные места и мигрировали на юг, стали заселять степные районы Кукунора.

К этому времени обострились отношения ойратов с казахами. Причину смены длившихся без малого столетие добрососедских отношений следует объяснить все возрастающим дефицитом пастбищных угодий. Соперничество казахских и ойратских правителей за овладение пастбищами и богатыми городами долины Сырдарьи на этот раз завершилось поражением ойратов.

Одной из основных причин обострения казахско-ойратских взаимоотношений в XVI веке было именно давление демографического фактора. Быстрый рост численности населения и, следовательно, поголовья скота, вынуждало номадов расширять пастбищные угодия и искать рынки сбыта продукции. Но к этому времени вся степная полоса Евразии уже была полностью занята номадами и свободных пастбищных угодий в степи почти не было. В XVI веке все кочевые народы Центральной и Средней Азии испытывали дефицит пастбищных угодий.

Середина и особенно вторая половина XVI века характеризуется значительными продвижениями монгольских племен и расширением занимаемых ими территорий. К середине XVI века восточномонгольские правители стали полновластными хозяевами Ордоса, откуда туметский Алтан-хан в 1559 году проник в Кукунор и Амдо. Эти земли он передал в наследственное владение своим сыновьям. Сюда затем переселились и другие восточномонгольские правители. Таким образом, восточные монголы из густонаселенной метрополии стали мигрировать в обширные северо-западные области застенного Китая, которые в те времена были относительно слабо заселены.

Что же касается ойратов, то они, окруженные со всех сторон кочевыми скотоводческими народами и государствами, оказались, образно выражаясь, «меж двух огней»: с востока их теснили монголы, а с запада – казахи и другие тюркоязычные народы. Естественно, они вынуждены были выбираться из этого своеобразного «кругового окружения» с боями. Рассматривая всю цепь конфликтов между восточными монголами и ойратами в XVI–XVII вв., нетрудно заметить одну общую для всех них тенденцию – стремление оттеснить ойратские кочевья возможно дальше на запад, за линию Алтайских гор.

Первыми подверглись нападению восточных монголов их ближайшие соседи – хойты, вслед за ними пришла очередь тогоутов и чоросов. Источники не отмечают ни единого случая нападения восточных монголов на хошоутов и дэрбэтов, кочевья которых в это время находились на западной окраине ойратских территорий. Все это свидетельствует о том, что восточные монголы под давлением демографического фактора постепенно начали оттеснять ойратов на запад.

Между тем положение ойратов ухудшалось и на западе: здесь против них выступали правители Турфана, ханы и султаны Казахстана. Ойратские правители, втянутые в межклановые распри, не могли вести активные боевые действия на два фронта и терпели неудачи.

В середине XVI века усиливалось давление на Казахское ханство со стороны ойратов. Объясняется это обстоятельство тем, что в начале 50-х годов ойраты потерпели поражение со стороны тумэтских монголов Алтын-хана и в результате этого были вынуждены продвигаться на запад. В годы правления хана Хакк-Назара (1538–1560) в результате упрочения государства казахи на некоторое время сумели остановить продвижение ойратов на запад.

Активная внешняя политика первых казахских ханов по расширению своих земель и быстрое прогрессивное развитие Казахского ханства в середине XVI века за счет внутренних ресурсов и притока родственных кочевых племен неизбежно привели к военным столкновениям с ойратами. Сведения об одном из таких военных столкновений между казахскими ханами и ойратскими тайшами находим в сочинении турецкого историка XVI века Сейфи Челеби «Тарих» («История»): «По ту сторону от страны Кашгар обитает народ, называемый казахами. У них нет ни городов, ни селений. Это кочевой народ. Их двести тысяч кибиток. Их хана зовут Тевеккель. Они однажды ограбили какую-то местность страны калмаков и вернулись обратно». Ойратские тайши организовали погоню, которая преследовала султана Тевеккеля (в то время Тевеккель еще не был ханом, как ошибочно пишет о нем Сейфи Челеби, казахским ханом тогда был Хакк-Назар) вплоть до Ташкента. Тевеккель был вынужден обратиться за помощью к правителю Ташкента Борак-хану, но тот ответил отказом. События эти происходили в период между 1551–1556 годами (Санчи-ров, 1987, 16). В.В. Бартольд полагает, что набег султана Тевеккеля на ойратские земли имел место в 1552 году (Бартольд, 1963, II/1, 96).

В середине и второй половине XVI века казахские ханы получили перевес в борьбе против ойратских тайшей, ослабленных поражениями, понесенными от могольских ханов, и внутренними междоусобицами. По свидетельству русских источников, к 1570 годам казахи были уже настолько сильны

и подчинили своей власти ойратов, а автор «Тарих-и Рашиди» писал: «Эпохой, с которой началась собственно власть султанов казацких, надобно считать год 870 (1465/1466); впрочем бог лучше знает» (Златкин, 1964, 68).

В самом начале второй половины XVI века вспыхнули новые военные столкновения между восточными и западными монголами. Первая стычка между ними произошла в 1552 году, когда Алтан-хан разгромил ойратов и вынудил остатки данной ойратской группировки бежать к озерам Зайсан и Балхаш. В 1562 году против ойратов выступил правитель Ордоса Хутухтай-Сэцэн и разгромил на Иртыше кочевья торгоутов, в 1572 году он же вместе с двоюродным братом разгромил и подчинил хойтов, батутов и чоросов; остатки ойратских племен бежали в казахстанские степи. В 1588 году правитель Турфана нанес очередное поражение ойратам и вынудил их бежать на восток, в Наньшань и район города Синика.

Таким образом, вторая половина XVI века была наиболее тяжким временем в истории ойратов. Окруженные со всех сторон сильными кочевыми и оседло-земледельческими государственными образованиями, стремившимися преградить ойратам пути к меновым рынкам, завладеть их кочевыми угодьями, ойратские правители в течение второй половины XVI века терпят военные неудачи. Отступая от одного противника и попадая под удар другого, ойраты с трудом отстаивали свою самостоятельность. Положение усугублялось растущим под давлением демографического фактора недостатком пастбищных угодий и полной изоляцией от меновых рынков Китая. Отчаянные попытки прорваться к рынкам Средней Азии встречали отпор со стороны могольских и казахских ханов и султанов.

К концу XVI века ойратские правители, кочевья которых непосредственно соприкасались с казахскими владениями, в результате военного поражения оказались вынужденными признать власть казахского хана и в течение некоторого времени служить ему. Во всяком случае, русские источники, датированные 1595 годом, свидетельствуют, что казахский хан

Тевеккель Кулмагмет «учинился еси царем на дву ордах на Казатцкой да на Колматцкой» (Златкин, 1964, 108-109). Временными подданными Тевеккеля Кулмагмета в это время могли быть жители владений торгоутских и дэрбэтских князей, которые находились на западе ойратских территорий.

На рубеже XVI–XVII веков началась длительная, растянувшаяся на целое столетие вооруженная борьба халхаских правителей, известных в специальной литературе под именем Алтын-ханов, против ойратов. В отличие от вооруженных конфликтов второй половины XVI века, имевших в основном характер локальных приграничных инцидентов, противостояние восточномонгольских и ойратских правителей в XVII веке превратилось в большую войну, в которую постепенно были втянуты все ойратские кочевья от востока до запада. Превратившись в довольно мощную военно-политическую силу, держава Алтын-ханов вышла из-под подчинения своего сюзерена Джасакту-хана, стала проводить относительно самостоятельную политику и в течение примерно трех четвертей XVII века играла заметную роль в истории Южной Сибири (Златкин, 1964, 110).

Зачинателем халхаско-ойратской войны считают Шолой-Убаши хунтайджи, который в 1587 году выступил против ойратов с 80-тысячным войском. Ойратские правители, объединившись, выставили против Шолой-Убаши 50-тысячное войско. Согласно «Сказанию о дэрбэн-ойратах», «ойратский витязь по имени Саин-Серденкой (сын Манхая, торгоут) убил монгольского хана Убуши-хунтайджия на берегу реки Иртыша при переправе Мани» (Златкин, 1964, 112).

Война 1587 года стала поворотным пунктом в истории ойратов: низшая точка падения ойратов с этого момента осталась позади, началась новая стадия объединения и возвышения.

На рубеже XVI–XVII веков ойратское общество находилось в состоянии общего кризиса, вызванного демографическим взрывом. Преодоление этого кризиса было возможно

только через объединение сил раздробленных и разобщенных ойратских владений в одно государственное образование с твердой централизованной властью. Других путей отстоять самостоятельность своих владений и расширить пастбищные территории у ойратских правителей просто не было. Объективная необходимость содействовала, таким образом, появлению харизматических деятелей, способных объединить раздробленные владения и возглавить централизованное государство.

В это время среди ойратов лидировали две группировки: во главе одной стоял хошоутский правитель Байбагас, другую возглавлял чоросский правитель Хара-Хула. Крупнейшую роль в объединении всех основных ойратских владений и образовании Джунгарского ханства суждено было сыграть правителю Чаросского ханства Хара-Хула-хану.

В начале XVII века среди ойратов появились энергичные и предприимчивые предводители. Одним из таких вождей был чоросский тайши Хара-Хула (Каракула), который сумел объединить основную часть ойратских племен, кочевавших в районе среднего и верхнего течения Иртыша, по Ишиму и Оби. Хара-Хула возглавил кампанию против Казахских ханств. Энергичные военные действия Хара-Хула-тайши привели к становлению самостоятельного ойратского княжества. Но объединение разобщенных ойратских владений под единоначалием Хара-Хулы и его преемников было достигнуто в ходе чуть ли не полувековой внутриойратской борьбы между удельными князьями. Хара-Хула перманентно собирал ойратских князей на курултай, где они клятвенно обязывались, что «не только они сами, но и потомки их из рода в род, из поколения в поколение не будут наносить вред друг другу», однако эти обещания нарушались так же легко, как и давались (Златкин, 1964, 166). Центробежные тенденции, подстегиваемые меркантильными интересами удельных князей, в ойратском обществе все еще были весьма сильны. Каждый из местных правителей стремился найти выход из кризиса за

счет других путем их вытеснения или даже физического устранения.

Проблема расширения пастбищных территорий в конечном счете была решена откочевкой ряда владетельных князей с подвластным им населением в новые районы, овладение которыми не требовало особых военных усилий, экономических потерь и людских жертв. Часть ойратов переселилась в степи Кукунора, другая мигрировала в низовья Волги. Откочевка 50 000 семейств, принадлежавших дэрбэтским, торгоутским и некоторым другим ойратским владетельным князьям, по всей вероятности, началась уже на рубеже XVI–XVII вв., однако только спустя примерно четыре десятилетия они окончательно обосновались в низовьях Волги и образовали Калмыцкое ханство.

Данные сибирских летописей свидетельствуют, что уже в 90-х годах XVI века рубежи некоторых ойратских кочевий достигли верховьев Ишима и Оми. К этому времени кочевья ойратов помимо собственно Западной Монголии распространились на обширные степные пространства левобережья Иртыша от озера Зайсан до линии современной транссибирской железной дороги между городами Петропавловском и Новосибирском. В 1598 году на реку Обь прикочевали с юга 500 калмаков. С этого времени ойраты становятся на несколько лет постоянными обитателями Западной Сибири.

Миграция на северо-запад диктовалась ойратам сложившейся к рубежу XVI–XVII вв. этнополитической обстановкой. Дорога на север для них тогда была закрыта владениями Алтын-хана, на восток – халхаскими владениями, путь на запад преграждали казахские ханы и султаны, сами стремившиеся полностью вытеснить ойратов из Семиречья и сопредельных территорий. Ойраты пошли по единственному более или менее свободному пути через районы, прилегающие к современным городам Семипалатинску, Павлодару и к северо-востоку от Астаны.

К началу XVII века передовые улусы ойратов настолько продвинулись на запад, что имели возможность совершать набеги на Хорезм. По свидетельству Абу-л-Гази, зимой 1603–1604 гг. калмацкие войска произвели погромы среди населения, сидевшего на берегу реки Амударья от Ходжа-Куля до крепости Тук, и ушли через Бурли. Предводитель хивинцев Араб-хан организовал погоню и отнял у калмаков пленных и добычу. Это был первый набег ойратов на земли Хорезма.

По данным русских источников, в августе 1604 года «все колмацкие тайши и улусные люди пошли воевати с Казацкой ордой», но они встретили мощный отпор объединенных сил казахов и ногаев (мангытов). Казахи «разорили и повоевали калмаков и жен их и детей и животы поймали, а их с юртов разогнали».

Теснимые со всех сторон своими соседями ойраты вынуждены были продвигаться на север и вступить в сношения с русским правительством. Достижение соглашения с Москвой в первые десятилетия XVII века развязало им руки в борьбе с казахским ханством. Новый поход ойратов на «Казацкую орду», где «промеж себя люди секутца» оказался более удачным. В 1616 году «Казацья Большая орда» оказалась в подчинении у ойратских предводителей. Однако власть ойратских тайшей на самом деле была лишь номинальной и распространялась только на часть казахов. Казахи Семиречья, например, сумели сохранить автономность управления и не прекращали борьбы за самостоятельность. Казахский хан Ишим, издавна связанный с моголами и владевший в то время Семиречьем и Туркестаном, постоянно оказывал отпор в сопредельных с ойратами районах. Кроме того, по сообщению сохранившихся источников, ойратские тайши побаивались Турсун-хана, «потому что Турсун-царь силен, да и потому, что меж ими войны и наперед тово не бывало».

Ойраты, теснимые с востока монголами и китайцами, в 20-х годах XVII века оказались в очень тяжелом политическом положении, выход из которого они пытались найти в

мирных переговорах с казахами. Однако Ишим-хан, разгневанный постоянными набегами ойратов на казахские земли, не прекращавшимися даже во время переговоров, убил прибывших к нему в 1620 году послов, выдвинул против врагов большое войско и перебил много калмаков, в том числе и двух тайш.

Войны Ишим-хана с ойратами продолжались и в последующие годы. Особенно тяжело приходилось ойратам в самом начале 1620-х годов, когда они вынуждены были сражаться сразу на несколько фронтов. В эти годы на них ополчились бухарский хан Имамкули и казахи. Между тем война на несколько фронтов не мешала ойратам одерживать победы в отдельных столкновениях. Затем наступило некоторое затишье, в 1625 году ойраты помирились с казахами, а «с хоргенцами и бухарцами мира у них нет, но и войны также нет». Но это хрупкое перемирие было недолгим, уже в 1627 году состоялся поход Ишим-хана на калмаков. В следующем 1628 году ойратские тайши снова потерпели поражение от казахов и часть калмаков была вынуждена откочевать подальше от казахских владений.

В конце 20-х годов XVII века в истории ойратов произошли важные политические события. В 1627–1628 гг. прежний ойратский союз вдруг распался: хошоуты подались в Тибет, а торгоуты (около 250 тыс. человек) во главе с Хо-Урлюком отделились от остального ойратского общества, откочевали через Северный Казахстан на Нижнюю Волгу и в 30-х годах основали там Калмыцкое ханство.

Конец XVI и первая половина XVII века занимают особое место в политической истории Западной Монголии. События этого периода подготовили и обусловили образование Джунгарского ханства. Оставшиеся в степях Южной и Западной Сибири ойратские племена начали объединяться под эгидой чоросских князей и создали на берегах Иртыша Джунгарское ханство. С этого времени начинается новый период казахско-монгольских взаимоотношений.

Подводя итог изучению первого этапа казахско-ойратских взаимоотношений можно констатировать, что в XV–XVI веках они носили характер эпизодических военно-политических столкновений, которые не могли оказывать существенного влияния на состояние лексического фонда как тюркско-кыпчакско-казахского, так и монгольско-ойратско-калмыцкого языков. Можно предполагать, что в ойратский период казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений могли иметь место только относительно немногочисленные лексические взаимозаимствования в обоих направлениях.

После распада в середине XVI века Ногайского ханства в состав формирующегося казахского этноса влились достаточно многочисленные группы этнически близких ногайцев, прикочевавшие из-за Урала. Кроме того, к казахам присоединилась значительная группа тюркоязычных родов и племен Западной Сибири после падения ханства Кучума, а также отдельные роды из Семиречья, ранее входившие в Могольское ханство. Это значительно укрепило военный потенциал казахских ханств. Укрепившись в Семиречье казахи постепенно стали вытеснять оттуда моголистанских правителей. Уже в 1514 году Султан-Саид-хан вынужден был перенести свою ставку в Яркенд и обосновать в Восточном Туркестане новое Могольское государство, более известное в истории под названием Яркендского ханства.

Переход Семиречья в руки казахов после ухода моголов в Кашгарию в первой четверти XVI века явился началом постоянных военных столкновений казахских владетелей с могольскими ханами и особенно с калмаками (ойратами).

В начале XVI века термины *özbek* и *qazaq* окончательно обособились. Если прежде все племена, обитавшие в Узбекском улусе, характеризовались общим собирательным названием «узбеки», то теперь они стали разделяться на собственно узбеков (шейбанидов, *özbek*), казаков (казахов, *qazaq*) и мангытов (ногаев, *танүйі*). «Казаками» стало называться все население обширной степной территории бывшего Узбекского улуса и прилегающих к нему на востоке районов, а термин

«узбек», сохранившись за мигрировавшими в Мавераннахр и смежные территории Средней Азии «кочевыми узбеками», постепенно стал названием сформировавшегося здесь нового этноса – узбеков.

Завоевание государства Тимуридов кочевыми узбеками Дешт-и Кыпчака привело к территориально-этническому, социально-экономическому и культурно-бытовому разграничению населения бывшего Узбекского ханства. Передвижение значительной части племен Дешт-и Кыпчака в Среднюю Азию во главе с Мухаммедом Шейбани сыграло решающую роль в сложении новых этнических общностей – казахской и узбекской народностей. С этого времени казахстанские степи перестали быть местом исторического переплетения терминов *qazaq* и *özbek*. Слово *özbek* (узбек) стало обозначением группы племен, продвинувшихся вместе с Шейбанидами на территорию Средней Азии. За оставшимися кочевать в степях Восточного Дешт-и Кыпчака племенами, объединенными под властью членов ветви Джучидов, окончательно закрепилось название *qazaq* (казах), за страной – название *Qazaqstan* (Казахстан). С тех пор и до ныне коренные жители этой огромной страны называют себя *qazaq*, то есть казахами.

Образование в степях Дешт-и Кыпчака казахских ханств способствовало процессам формирования казахского этноса. Казахские ханства в начале XVI века объединяли племена и стали политической основой консолидации усуней, канглы, кыпчаков, аргынов, дулатов, кереев, найманов, конгратов, кытаев и других в единую народность, получившую название *qazaq*. В состав казахов, оставшихся кочевать в степях Дешт-и Кыпчака, влились многочисленные роды из восточных районов Ногайского улуса, отдельные группы племен и родов, присоединившиеся к казахам после падения Сибирского ханства Кучума, некоторые роды из Семиречья, находившиеся до того в подчинении у ханов Моголистана и другие этнические группы. В составе единого государства мало различавшиеся между собой, близкие друг другу и взаимопонятные племенные диалекты в относительно короткое время слились в еди-

ный общенародный язык. Завершающие этапы сложения казахского народа продолжались в казахских ханствах и в XVI веке.

На территории Казахстана издревле определились три основных хозяйственных района, в значительной мере обособленных друг от друга: Семиречье, Центральный Казахстан и Западный Казахстан.

В XVI веке после завершения процесса сложения казахского народа в Семиречье казахские племена объединились в конфедерацию, получившую название *Ulı žüz*, то есть Старшего (или Большого) жуза (букв. «большая сотня» или «большой племенной союз»). В Старший жуз входили племена усунь, канглы, дулаты, албаны, суаны, джалаиры и др. В русских источниках Старший жуз иногда назывался Большой Уйсунской ордой.

Другой обособленный район формирования союза казахских племен определился к северу от Семиречья. Это был второй крупный центр этногенеза казахского народа, который объединил кыпчаков, аргынов, найманов, кереев, конгратов и другие племена. Их зимовки (*qıstaw*) находились в районах Сырдарьи, Карату и Моюнкума, а летовки (*žajlaw*) простирались по притокам Тобола, Ишима, по Нуру, Сарысу и в степных районах Центрального Казахстана. Определенная экономическая обособленность этого обширного региона, тяготевшего к оседло-земледельческим районам Средней Азии и среднего течения Сырдарьи, способствовала образованию самостоятельного племенного союза, получившего название *Orta žüz*, то есть Среднего жуза.

В западных районах Казахстана исторически сформировался третий круг относительно замкнутых кочевий казахских племен. Зимние пастбища племен западного круга находились в низовьях Сырдарьи, в Приаральской и Прикаспийской низменностях, а летние – по притокам Урала, в районе верховьев Тобола, по Иргизу, в Мугоджарских горах и др. Объединение собственно казахских племен в самостоятельный союз здесь началось позднее, после распада Ногайской Орды во второй

половине XVI века и откочевки части ногайцев здесь сложился самый молодой из казахских жузов – *Kiṣī žūz*, то есть Младший жуз. Большинство населения этого жуза составили роды, входившие ранее в состав Ногайской Орды, главным образом алчины, отчего на первых порах Младший жуз назывался Алчин. Население Младшего жуза сложилось из трех основных родовых объединений казахов: *žeti rīw* («семь родов» – табын, тама, джагалбайлы, кердери и др.), *alimulī* (шомекей, кете, торткара, карасакал и др.) и *bajulī* (адай, тана, шекты, алчин, серкеш и др.).

На территории отдельных жузов перманентно возникали несколько ханств, но были периоды, когда тот или иной жуз находился под властью одного правителя. Тем не менее, в XVII веке Казахстан в целом представлял собой политически раздробленную страну.

Таким образом, в последней четверти XV – начале XVI вв. на значительной части огромной территории бывшего Узбекского ханства в результате захвата власти в государстве кочевых узбеков династией Тукай-Тимуридов появились Казахские ханства, управляемые ханами из потомков Гирея и Джанибека – Касымом, Джанышом, Танышом, Ахмадом и др., подданные которых уже носили этническое название *qazaq*. С этого времени начинается новая эпоха в этноязыковой истории казахского народа, которую уже без всякого сомнения следует называть собственно казахской.

Столь пристрастное внимание к эпохе формирования казахского языка в рамках разрабатываемой темы, посвященной казахско-монгольским лексическим параллелям, на первый взгляд может показаться излишним. Однако это далеко не так. Установление времени выделения из конгломерата племен «кочевых узбеков» двух самостоятельных ветвей, переросших со временем в казахский и собственно узбекский этносы, имеет принципиальное значение для разграничения ранних монгольских заимствований казахского языка от более поздних. Казахский народ волею исторической судьбы

поддерживал перманентные контакты разной степени активности с рядом монгольских племен и после рубежа XV–XVI веков, о чем будет сказано подробно чуть ниже. Что же касается собственно узбеков, то после XVI века прямых и непосредственных контактов с монголами, ойратами, калмыками и др. они не имели. Исходя из этих соображений следует полагать, что общая для казахского и узбекского языков лексика монгольского происхождения в основном сложилась в этих языках до начала XVI века, вероятнее всего в период существования Великой Монгольской империи Чингисхана (*Jeke Mongyol Ulus*) и несколько позднее, во времена господства первых Чингизидов в Дешт-и Кыпчаке. Следовательно, та часть монголизмов казахского языка, которая не имеет соответствий в узбекском языке, скорее всего относится к более поздним заимствованиям, проникшим в казахский язык уже в период его самостоятельного существования и развития. Разумеется, этот аргумент ни в коей мере не следует абсолютизировать, его следует принимать только в качестве необходимого рабочего инструмента. Действительные взаимоотношения между языками всегда оказываются гораздо более сложными, чем сугубо схематические теоретические выкладки. Поэтому в каждом конкретном более или менее проблематичном случае к анализу эмпирического материала следуют привлекать весь арсенал релевантных диагностических признаков и аргументов как за, так и против. Отсутствие соответствия казахским монголизмам в узбекском языке само по себе еще не может служить аргументом в пользу ранней (XIII–XIV вв.) датировки анализируемого слова, оно лишь указывает на направление дальнейших поисков.

Раздел 8

ДЖУНГАРСКИЙ ПЕРИОД КАЗАХСКО-ОЙРАТСКИХ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Джунгарский период ойратско-казахских взаимоотношений составляет следующий этап в истории формирования казахского народа и его языка. В этот период ойратско-казахские контакты становятся более тесными и интенсивными.

В конце XVI – начале XVII веков казахско-монгольские взаимоотношения характеризуются нарастанием борьбы Казахского ханства с джунгарской агрессией. Муза истории Клио, выражаясь фигурально, дама злопамятная: в ее анналах обычно хранятся сведения большей частью о военных столкновениях и жестокой борьбе между народами. В этом, конечно, обвинить Клио нельзя. Эпоха средневековья повсеместно была периодом формирования современных этноязыковых общностей и характеризуется ожесточенной борьбой молодых народов за место под солнцем или, как мы сейчас говорим, за сферы влияния. Но сохранившаяся до наших дней нарративная источниковедческая база требует к себе критического подхода. В письменных источниках обычно фиксируются исключительные события, а повседневная рутинная жизнь, заполненная обыденными, будничными заботами, мирные добрососедские отношения письменную традицию мало волнуют. Поэтому при первом знакомстве с документами джунгарского периода ойратско-казахских взаимоотношений у неискушенного исследователя может сложиться впечатление, что XVII–XVIII вв. в истории Казахстана заполнены сплошными военными столкновениями Казахских жузов с Джунгарским ханством.

Однако реальная жизнь в степи была куда богаче и интереснее, чем она отразилась в скупых строках исторических документов. Данные фольклора, этнографии, культурологии и, в еще большей степени, многочисленные казахско-монгольские (ойратские, калмыцкие) взаимозаимствования как в одном, так и в другом направлениях свидетельствуют о том, что взаимоотношения между тюркскими и монгольскими народами в Великой степи были не такими мрачными, как это

представляется по анналам Клио. Народы в степи выживали не за счет распрей, а благодаря взаимопомощи и взаимовыручке.

В XVII–XVIII вв. казахские жузы располагались на обширной территории от Тобола и Иртыша на севере и до Ташкента включительно на юге, от реки Эмиль на востоке до Сырдарьи на западе (Сабырханов, 1977, 63).

С первых десятилетий XVII века обострились взаимные отношения между объединенными в единый союз ойратскими племенами и раздираемым внутренними междоусобными распрями Казахским ханством. Усиление восточного соседа и его медленная, но постоянная экспансия стали для казахов реальным неприятным фактором.

В 1619–1921 годах ойратским правителям, кочевавшим по Иртышу, Ишиму и Камышлову, почти одновременно приходилось отбиваться от казахских ханов и восточномонгольского правителя Алтын-хана. Первые сражения произошли летом 1619 года. Возможно, инициатором войны был ойратский правитель Хара-Хула, но он потерпел поражение и кочевья ойратов были рассеяны от Томска до Уфы. Традиционная группировка ойратских улусов по таким крупным родоплеменным объединениям, как тогоуты, дэрбэты, хошоуты, чоросы и т.д., оказалась разрушенной: все стали кочевать вразброд, вперемешку и чересполосно. Война ойратов с Алтынханом и «Казатцкою ордою» коренным образом изменила внутреннее и внешнее положение ойратского общества, а также оказала серьезное влияние на политическую обстановку в Центральной Азии, Северном Казахстане, Южной Сибири и Нижнем Поволжье.

В 1620–1630-х годах непрерывно росла сила и влияние чаросского дома, возглавлявшегося Хара-Хулой. После 1616 года имя хошоутского правителя Байбагаса сходит со страниц исторических источников. В данный период все общеойратские кампании против монголов Алтын-хана и казахов возглавлялись Хара-Хулой; он же являлся неизменным участ-

ником и главным арбитром всех крупных внутриойратских конфликтов.

В 1622 году ойратские тайши подчинили население Кузнецкого района, занимавшееся добычей и переработкой железа, и принудили его платить дань железными изделиями: «И в том железе делают пансыри, бехтерцы, шеломы, копы, рогатины, и сабли и всякое железное, опричь пищалей; и те пансыри и бехтерцы продают колмацким людям на лошади и на коровы и на овцы, и иные есак дают колмацким людям железом же... А которые кузнецкие ж люди живут от Кузнецкого острогу далеко, и теми кузнецкими людьми всеми владеют колмацкие люди и ясак с них емлют собольми и железом всяким деланным» (Златкин, 1964, 143).

Получив таким образом подкрепление оружием ойратские правители возобновили военные действия против монголов Алтан-хана в конце 1622 или в начале 1623 года. Об этих событиях сохранились интересные сведения в русских источниках: главные джунгарские тайши «воюют де ныне с алтынными людьми и с мугальцы, и з бухарцы, и с нагайцы и промеж собою у тайшей война есть, и им де от ал[тын]овых людей и от мугальцев, и от бухарцев, и от нагайцев теснота великая, для того под сибирские города прикочевали» (Златкин, 1964, 143).

Летом 1623 года тюменский воевода получил интересные сведения о походе Хара-Хулы против Алтын-хана: «Ходил де колмацкой тайша Каракул (Хара-Хула. – Ж.Т.) к Алтын-царю войною, а людей с ним ходило 4000 и улус де у Алтын-царя повоевал, и полону взял много, и взяв де, пошел назад. И Алтын-царь послал на переём к тому Каракуле-тайше 4000 людей, а 3000 ззаде, и у тайши де Каракулы людей всех побил, только де тайша Каракула ушел с сыном» (Златкин, 1964, 143).

В 1623 году дэрбэтский тайши Далай «с товарищи ныне пошли битись против муганского Алтын-царя» (Златкин, 1964, 144). Русские источники свидетельствуют, что все джунгарские тайши, включая входившие в группировку Да-

лая, выступали единым фронтом против Алтын-хана и его союзников. Отсюда можно сделать вывод, что внутренние усобицы, разделившие ойратских правителей, отошли на задний план перед внешней угрозой, что все джунгарские тайши поддерживали тесную связь между собой и участвовали в общегосударственных предприятиях. Однако уже в 1625 году в Джунгарском ханстве вспыхнула острая междоусобная борьба, причиной которой стал дележ наследства между двумя братьями Чохуром и Байбагишем. Яблоком раздора стала тысяча аратских хозяйств, принадлежавших умершему третьему брату Чин-тайши, не имевшему прямых наследников. Междоусобица 1625 года стала подоплекой глубокого раскола северо-западной группировки ойратов, от которых отделился дэрбэтский Далай-тайша. Его место занял торгоутский Хо-Урлюк.

После событий 1625 года дэрбэтский Далай-тайша окончательно порвал с торгоутской группировкой Хо-Урлюка и начал сближаться с юго-восточной группировкой Хара-Хулы. В то же время Хо-Урлюк с сыновьями и большей частью торгоутских владетельных князей начали миграцию в Нижнее Поволжье, куда привели и улусы некоторых примкнувших к ним торгоутских правителей.

Отделение торгоутов от остального общества произошло в 1627–1628 годах. Автор «Сказания о дэрбэн ойратах» Батур-Убаши-Тюмен пишет, что ойратский союз распался в 1627 году: элты поспешно ушли на запад, хошоуты – в Тибет, а зюнгары (т.е. чоросы) остались в зюнгарском нутуке (то есть в Джунграии); ойраты получили впоследствии прозвание «халимак», то есть «калмык» (Позднеев, 1885, 54). В «Сказании об ойратах» Габан-Шараба читаем: «В году земли-дракона (1628. – Ж.Т.) было сообщено (торгоутами. – Ж.Т.) дурбэн-ойратским нойонам об их намерении отделиться. В следующем году земли-змеи (1629. – Ж.Т.) отделились» (цит. по: Златкин, 1964, 148).

В конце 20-х – начале 30-х годов XVII века, несмотря на все перипетии, в целом наблюдается укрепление внешне- и

внутриполитического положения ойратского общества; вместо характерного для начала столетия беспорядочного кочевания отдельных ойратских улусов на огромных степных просторах Южной и Западной Сибири, Северного Казахстана, Приуралья и Заволжья началась их концентрация на правом берегу Иртыша под эгидой правителей Чоросского дома. Кризис рубежа XVI–XVII веков, угрожавший самому существованию ойратского общества, постепенно изживался. Дефицит пастбищных угодий был преодолен в результате откочевки значительной части торгоутов и элétов (около 250 тыс. человек) в низовья Волги. Это в свою очередь способствовало смягчению внутренних конфликтов и создавало условия для объединения сил отдельных улусов и группировок для решения общеойратских политических задач. Таким образом, к середине 30-х годов XVII века наметился перелом в политической борьбе с внешними конкурентами, в первую очередь с монголами Алтын-хана и казахскими ханами и султанами.

Преодоление кризиса и консолидация разрозненных ойратских владений в объединенное ханство во многом происходило стихийно, но немалую положительную роль в этом сыграли и личные качества Хара-Хулы. В 1634 году Хара-Хула скончался, оставив своему сыну и преемнику Хото-Хоцин-Батуру пост второго (наряду с Байбагасом хошоутским) «первенствующего члена» ойратского чулгана (от х.-монг. *čūlyan*, п.-монг. *čiyulyan* «народное собрание»). Далай-лама пожаловал Батуру титул Эрдэни-Батур-хунтайджи; под этим именем он и вошел в историю Центральной Азии. Фактически Батур-хунтайджи стал единодержавным правителем всех ойратских владений, за исключением тех, которые под водительством Хо-Урлюка ушли на Волгу и где примерно в это же время заложили основу другого ойратского ханства – Калмыцкого.

После ухода из жизни Хара-Хула-тайши в 1634 году власть над ойратскими племенами перешла в руки его сына – Батура-хунтайджи. По официально принятой версии, в период

правления Батура-хунтайджи (1634–1653) завершилось окончательное объединение ойратских и других племен в единое политическое образование; 1635 год признан в исторической науке годом образования Джунгарского ханства. Это событие повлекло за собой усиление ойратского давления на Казахстан, Киргизию и отчасти даже на Бухарское ханство. От обыкновенных для периода средневековья грабительских набегов ойратские ханы перешли к территориальным захватам казахских земель и включению их в состав Джунгарского государства.

В русских источниках того времени читаем: в 1635 году в Тобольск прибыл татарский князь Абак, который со слов ойратов передал, что: «черные колмаки тайши: Талай-тайша, да контайша, да Кужи-тайша, да Тоургоча-тайша со всеми черными колмаки сошлись Казачьи орды с людьми, и был де у них бой великой. И черные де колмаки Казачьи орды людей побили и взяли у них царевича Янгыра (Джангира. – Ж.Т.), Ишимова сына, а Ышим (Есим. – Ж.Т.) в Казачьей орде был царь, и тот де царевич в черных калмаках» (Русско-монгольские..., 1974, I, 278). При этом Абак добавил, что ободренные этим успехом «и иные черные колмаки, те же тайши, Талай-тайша с товарищи пошли опять войною на казачью орду» (там же, 278). Русские источники сообщают: «Талай-тайша со многими колмацкими тайши ходили в поход Казачьи орды против Яныбека-царя» (там же, 175). И на этот раз поход был для ойратских правителей успешным.

Образование Джунгарского ханства и одержанные во время правления Батура-хунтайджи победы в Монголии, Восточном Туркестане и Казахстане подняли авторитет джунгарского правителя и сделали его ставку одним из важнейших центров политической жизни в Центральной Азии.

После общемонгольского съезда 1640 года острие внешней политики Джунгарского ханства повернулось в сторону Казахстана. Приход к власти в Джунгарии Батура-хунтайджи по времени почти совпал с началом правления в

Казахском ханстве сына Есима – энергичного и предприимчивого Джангира (1629–1680).

Вскоре, однако, Батуру-хунтайджи пришлось испытать горечь поражений. Зимой 1643 года ойратские владетельные князья и примкнувший к ним сын Алтын-хана Омбо-Эрдэни двинулись в Казахстан, разорив по пути кочевья кыргызов. Узнав об этом, Джангир с небольшим отрядом в 600 человек двинулся навстречу. Благодаря военной тактике, Джангиру удалось побить «тысяч с десять» джунгар. Вскоре к казахам подоспело подкрепление – войско узбекского бека Ялантуша в 20 тысяч воинов и огромной 50-тысячной армии Батура-хунтайджи пришлось отступить (Моисеев, 1991, 44-45).

Это поражение в войне с казахами имело важные последствия в дальнейшем ходе истории ойратского общества. Батур-хунтайджи решил наказать тех ойратских князей, которые не приняли участие в походе на казахские земли, в результате чего в Джунгарии вспыхнули междоусобицы. В частности, от похода на казахов отказался один из наиболее влиятельных ойратских правителей Хунделен-тайши – родной брат главы хошоутов Байбагиша-тайши. Он «на Янгира и на Ялантуша войною сам не ходил и людей своих не посылал и стоит за Янгира и называет его названным сыном» (Русско-монгольские..., 1974, II, 234, 239). Стремясь исправить положение, Батур-хунтайджи предпринял попытку заключить военный союз с ханом волжских калмыков Хо-Урлюком. С помощью калмыков он хотел расправиться с Хунделеном-тайши и нанести новый удар Казахскому ханству в два фронта. Однако посольство Батура к Хо-Урлюку было перехвачено людьми Хунделена-тайши, а сам Хо-Урлюк в 1644 году погиб в боях с горцами Северного Кавказа. Таким образом, планы Батура-хунтайджи нанести удар по Казахскому ханству одновременно с двух сторон – с востоки и запада – провалились.

Тем не менее, Батур-хунтайджи от своих экспансионистских намерений не отказался и в 1646 году предпринял новый поход на Казахское ханство, а заодно и на владения проказахски ориентированного Хунделена-тайши. Об этих собы-

тиях русские источники сообщают: «ходил контайша с войною в Казачью орду на Янгира царевича и многих людей побил, да брата Янгирова с женою и з детьми и со многими людьми в полон взял» (Русско-монгольские..., 1974, II, 277). На обратном пути Батур-хонтайджи «встретил не доехав до улусов ево за два дня Кунделен-тайша со многими воинскими людьми и тут у них был бой... да за тем боем меж себя помирился» (там же, 277).

Этот поход на казахов был одним из последних в годы правления в Джунгарском ханстве Батура-хунтайджи. Вскоре после войны 1646 года состоялись мирные переговоры и между двумя наиболее сильными кочевническими государствами Центральной Азии на некоторое время воцарился мир.

После образования Джунгарского ханства, особенно после прихода к власти хунтайши Галдана (1671–1699) и завоевания им Восточного Туркестана (1681–1685), характер политики джунгарских феодалов в Казахстане и Средней Азии изменился. Джунгарские правители стремились уже к захватам экономически выгодных земледельческих районов в Семиречье и в бассейне реки Сырдарья.

Борьба из-за обладания кочевьями между казахами и ойратами, изредка прерываемая кратковременными перемириями, переросла при Батур-хунтайши в изнурительные и непрерывные войны. Соотношение сил при этом склонялось не в пользу казахов во главе с Джухангиром, сыном Ишим-хана. Уже в год образования Джунгарского ханства в ходе крупного сражения с ойратами предводитель казахов Джанхангир-хан попал в плен и только какая-то счастливая случайность возвратила ему свободу. До конца своей жизни он остался непримиримым врагом ойратов и постоянно совершал набеги на их земли. Рассчитывая на поддержку могольского хана Абдаллаха наладил с ним добрососедские отношения и обменивался посольствами. Показательно, что во главе казахских посольств в Моголистан стояли сыновья самого Джухангира – Тауке-султан и Апак-султан. Это свидетельствует о том, ка-

кое важное значение придавал Джахангир дипломатическим отношениям с соседним Могольским ханством. Однако такого рода союзы были непрочными и недолговечными, что позволило джунгарским правителям справиться со своими противниками поодиночке.

Тем временем отношения с Джунгарским ханством все более обострились. Батур-хунтайджи, желая усмирить беспокойного соседа, собрал 50-тысячную армию и в 1643 году вторгся в кочевья казахов. В этой войне на стороне казахов выступили ополчения кыргызов и отряды эмира Бухарского ханства Ялангуш-бия Алчина. Удачный вначале поход джунгаров завершился поражением хунтайджи. После этого поражения Батур-хунтайджи начал собирать силы, но очередное выступление джунгаров состоялось лишь в 1652 году. По свидетельству Зая-Пандиты, ойратско-калмыцкого ученого XVII века, в этом походе Цэцэн-хан покорил бурутов, а семнадцатилетний Галдан убил Янгир-хана (Джахангира).

Зимой 1653 года умер основатель Джунгарского ханства Батур-хунтайджи и начались внутренние усобицы ойратских тайш за власть, которые продолжались в течение всего правления взшедшего на престол нового правителя Сенге (1653–1670). В этот период в джунгарско-казахских отношениях наблюдается относительное спокойствие, но оно продолжалось недолго.

При хунтайджи Галдан-Бошокту (1670–1699) джунгары начали новые завоевательные походы в Южный Казахстан, Среднюю Азию и Восточный Туркестан: в 1678–1680 гг. они совершали набеги на Капгарию, в 1681 году Галдан-Бошокту осадил город Сайрам, но не мог взять его, в 1683 году он повторил поход на Сайрам, но окончательно город был взят лишь в 1684 году. Отвлеченные вспыхнувшей войной с китайцами, ойраты, однако, не сумели закрепить в Сайраме, они вскоре оставили разграбленный город, а многих жителей тех краев увели в плен в Джунгарию. В 1683–1685 годах Галдан-Бошокту совершил поход на Ош и Андижан, но вынуж-

ден был отступить. Тогда он предпринял поход в Восточную Монголию, но и там потерпел поражение. Тем не менее, В.В. Бартольд подчеркивал, что после захватнических походов Галдан-Бошокту в Казахстан и северные районы Средней Азии в начале 80-х годов XVII века «власть калмыков в Семиречье, насколько известно, никем не оспаривалась и многочисленные войны их с казаками, монголами и китайцами не имели отношения к этой области» (Бартольд, 1961, II/1, 98).

В 1697 году Галдан-Бошокту кончил жизнь самоубийством и правителем Джунгарского ханства стал его племянник Цеван Рабтан (1699–1729). С этого времени казахско-джунгарские отношения вновь резко обострились и военные столкновения последовали одно за другим. Наиболее значительные наступательные действия джунгаров происходили в 1711–1712, 1714, 1717, 1723, 1725 годах.

Джунгарское вторжение на казахстанские земли в 1723–1725 гг. было продиктовано стремлением Цеван Рабтана восстановить и расширить утраченные в годы войны с Цинской империей в 1717–1722 гг. влияние в южных районах Казахстана и в Средней Азии, восстановить за счет захваченной добычи подорванное войной хозяйство. В начале XVIII в. многочисленные отряды Цеван-Рабтана продвинулись по реке Сары-Су, часть джунгарских войск вторглась в северо-восточные районы Среднего жуза. В 1710 году в районе Каракумов собрались представители всех казахских жузов для обсуждения вопросов, связанных с организацией сопротивления джунгарским завоевателям. Было создано всенародное ополчение, которое сумело отбросить захватчиков на восток, но успех оказался временным.

Вскоре джунгарские феодалы возобновили свои захватнические набеги. В 1716 году основные их войска вторглись на казахские земли. Весной 1718 года в трехдневном кровопролитном сражении при реке Аягуз казахское ополчение потерпело поражение, в том же году джунгары разгромили другие отряды казахского ополчения на реке Арысь. Весной 1723

года многочисленное джунгарское войско ворвалось в долину Таласа, в 1724–1725 годах джунгары захватили Туркестан и Ташкент.

Джунгарское нашествие первой четверти XVIII века вошло в историю казахского народа как «время великого бедствия» (*aqtaban şubırındı*). Десятки тысяч казахов погибли на полях сражений, еще большее число населения было вынуждено покинуть родные места и откочевать на юг. Не найдя в Средней Азии удобных и свободных пастбищных угодий, вступив в столкновение с местными правителями, пытавшимися использовать их бедственное положение, значительная часть казахов откочевала на запад, на территорию формирующегося Младшего жуза. Тысячи казахских аулов из южных и юго-восточных районов страны откочевали на долины рек Эмба, Яик, Илек, Орь и Уй.

Казахский народ вел упорную и тяжелую борьбу против джунгарского нашествия. В ходе многолетней борьбы в 1716–1717 годах хан Тауке, а в 1718 году Абулхаир обращались за военной помощью к России. Строительство укрепленных линий и крепостей на юге Сибири, а также дипломатическое вмешательство царской администрации в джунгарские дела в известной мере препятствовали новым набегам джунгарских завоевателей на казахские земли. Уже во второй половине 1720-х годов казахский народ собрался с силами и начал наносить джунгарским войскам серьезные поражения.

Поражения джунгарских армий в сражениях с казахскими ополчениями в 1726–1730 годах показали Галдан-Цэрэну, что, объединившись, казахские жузы представляют собой силу, способную если не сокрушить, то нанести серьезный удар по Джунгарскому ханству. В связи с этим джунгарский хунтайджи с середины 1730- годов стремился уже не к захватам новых территорий и грабежам богатых районов, а всячески старался разгромить военную силу казахов, политически раздробить объединенные казахские жузы и препятствовать сближению их с Россией.

Бесконечные перманентные войны с калмыками и другими соседями, продвигавшимися на запад в XVII и в первой четверти XVIII века, и ослабление казахских жузов ускорило сближение Казахстана с Россией. Но присоединение казахских жузов к Российской империи затянулось более чем на целое столетие: Младший жуз принимал российское подданство с 30-х годов XVIII века до середины XIX века, Средний жуз – с середины XVIII до середины XIX века, а Старший жуз – в середине XIX века. В XIX веке казахстанские земли были перераспределены между разными административно-территориальными подразделениями Российской империи.

В феврале 1731 года Младший жуз, а в конце того же года и часть Среднего жуза были присоединены к России, однако большая часть Среднего жуза приняла русское подданство только в 1740 году. Принятие российского подданства страшинами Младшего и Среднего жузов произвело впечатление и в Старшем жузе, большая часть населения которого томилась под джунгарским игом. В августе 1742 года четверо старшин казахских родов Саршего жуза также приняли присягу на подданство России. Однако политическая обстановка в «Большой казахской орде», противодействие джунгарских правителей и непрерывные войны, а в последующем и подчинение южных районов Казахстана кокандским и хивинским ханам задерживали окончательное присоединение Старшего жуза к Российской империи.

Политика русского правительства в отношении завоевательских устремлений джунгарских правителей в Казахстане была противоречивой и неоднозначной. Россия пыталась создать в Центральной Азии сбалансированную расстановку сил, чтобы обеспечить свои интересы в Сибири и сопредельных территориях. Царское правительство видело в Джунгарском ханстве определенную защиту от агрессивных устремлений Цинской империи в центральноазиатском регионе. Вместе с тем оно опасалось и чрезмерного усиления Джунгарского ханства как за счет завоевания казахских жузов, так и возможного мирного объединения кочевнических государств

Центральной Азии. Поэтому все дипломатические усилия России были направлены на противодействие сближению интересов Джунгарского ханства и казахских джузов, а также на обеспечение возможности привлечь военную силу казахов на свою сторону в случае обострения российско-джунгарских взаимоотношений. Именно такая политика сыграла исключительно важную роль при рассмотрении царским правительством вопроса о присоединении Младшего, а затем и Среднего казахских жузов России.

Характер казахско-джунгарских отношений был изменчивым и неоднозначным для разных казахских жузов. В целом это были взаимоотношения между двумя суверенными кочевыми государствами, которые определялись соотношением сил между ними.

В 1735 году Сарший жуз подвергся очередному вторжению ойратов и признал свою зависимость от Джунгарского ханства. Правители и старшины Старшего жуза вынуждены были отправлять своих детей джунгарскому хунтайджи в качестве заложников, а население обязано было платить унижительную дань. Владетелями городов назначались ставленники джунгарских хунтайджи из среды местного населения, но контролируемые и охраняемые джунгарскими военачальниками. Однако такая зависимость фактически продолжалась всего десять лет с небольшим. Говорить о политической зависимости Среднего жуза от джунгарских правителей в это и последующие времена нет достаточных оснований.

Причины временных успехов Джунгарского ханства в борьбе с народами Центральной Азии в войнах 1723–1725 и 1739–1741 годов заключались прежде всего в более высоком уровне централизации государственной власти по сравнению с рыхлыми государственными образованиями казахов, кыргызов и даже узбеков. Не уступая ойратам в уровне вооружения, военного искусства, казахские жузы действовали разобщенно, довольно долго собирали и организовывали большие ополчения, тогда как война на обширных степных простран-

ствах требовала быстрых и внезапных действий, стремительных маневров крупными военными силами.

В 1741–1742 годах джунгарские войска вновь вторглись в пределы Среднего и Младшего казахских жузов и прорвались к рекам Ишиму, Ори, Иргизу и Илеку; в 1742 году они заняли район среднего течения Сырдарьи. Казахские султаны Абулмамбет, Барак и Батыр приняли подданство джунгарского хунтайджи, дали ему заложников и обещали платить дань. Часть населения Среднего жуза оказалась таким образом на время под властью Джунгарского ханства.

В 1742–1745 годах Галдан-Цэрэн, пытаясь сорвать совместные выступления казахов против Джунгарского ханства, развил активную деятельность в борьбе с Кокандом по созданию джунгарско-казахской коалиции и стремился добиться от правителей Среднего и Младшего жузов политической и военной поддержки. Однако, несмотря на военное преимущество ойратов, сильнейший дипломатический нажим и запугивания со стороны джунгарских правителей в 1742–1745 годах, владельцы Среднего жуза фактически не платили Галдан-Цэрэну дань и ограничивались отправлением подарков. В этот период в ставку джунгарского хунтайджи в качестве заложников были отправлены два человека: сын хана Абулмамбета Абулфеиз и, на смену ему, сын султана Барака Шигай. Источники различного происхождения единодушно свидетельствуют, что отправление в ставку Галдан Цэрэна этих султанов было продиктовано прежде всего личными соображениями их родителей, но не являлось выражением воли всей аристократии Среднего жуза и не принималось на общем съезде правящих кланов (об этом см.: Моисеев, 1991, 112 и след.). Правители Среднего жуза добивались этим актом личного права владения Туркестаном и другими городами и плодородными оазисами в бассейне Сырдарьи.

Старший жуз сбросил иго джунгарских правителей фактически уже в 1745–1746 годах, решительно встав на поддержку кокандского владельца Абд ал-Карим-бия, вставшего

во главу борьбы народов региона против джунгарских завоевателей. Поражения Джунгарского ханства в войнах с организованной Кокандским бекством коалицией подорвали силы ханства, привели к резкому упадку авторитета джунгарских правителей и способствовали распаду этого государственного образования. Уже преемники Галдан Цэрэна не были в состоянии не только проводить активную внешнюю политику в Центральной Азии, но и сохранить единство в собственном государстве.

Несмотря на ослабление Джунгарского ханства в начале 1750-х годов, джунгарский хунтайджи Лама-Дорджи предпринял новые набеги на казахские земли. К этому времени в Джунгарском ханстве разгорелась внутренняя борьба за власть между Лама-Дорджи, с одной стороны, и Даваци с Амурсаной – с другой. Потерпев поражение, Даваци и Амурсана бежали в Средний жуз и нашли приют у Аблая, который в дружбе с Даваци искал личную выгоду. Однако этот акт послужил удобным поводом для вторжений Лама-Дорджи в Средний жуз в 1751–1753 годах. Аблай и другие аристократы Среднего жуза организовали ответные нападения.

В 1753 году Даваци удалось свергнуть хунтайджи Лама-Дорджи и занять джунгарский престол. Активную поддержку в этом оказал ему Аблай, который послал более 5 тысяч конных воинов, «чтобы разорить дербетов». Вскоре после этого загорелась вражда между недавними друзьями: Амурсана выступил против Даваци, но не добившись успеха, бежал к китайскому богдыхану. Оттуда в 1755 году Амурсана вместе с 90-тысячным маньчжурским отрядом вторгся в Джунгарию и сверг Даваци. Однако сбыться планам Амурсаны стать с помощью Цинов джунгарским хунтайджи не было суждено.

Феодалные междоусобицы и активное вмешательство в внутривнутриполитические дела казахских правителей окончательно деморализовали джунгарское общество, дестабилизировали политическую структуру ханства, лишили его возможности к организованной обороне. Поэтому Цинская империя в 1755

году практически не встретила в Джунгарии сколько-нибудь серьезного сопротивления.

В это время в Халхе развернулось массовое антимаңчжурское восстание. Цинские правители, боясь объединения монголов с джунгарами под предводительством популярного в народе Амурсаны, решили покончить с Джунгарским ханством. В 1756–1757 годах началась жестокая расправа с джунгарским населением. В разоренную Джунгарию несколько раз вторгался и Аблай со своими тюленгутами. В 1758 году Джунгарское ханство окончательно перестало существовать как самостоятельное государство. Войска цинского правительства вплотную подошли к восточным рубежам Среднего жуза. Часть оставшегося в живых населения Джунгарского ханства бежала на запад, в пределы России.

После первых же неудачных столкновений с маңчжурскими войсками, казахи, пытавшиеся занять освободившиеся пастбища в Восточном Казахстане, вынуждены были отступить. Аблай поспешил признать власть цинского правительства, сорокатысячная армия которого стояла в это время под Семипалатинском и вскоре вторглась на территории Среднего и Старшего жузов. В 1771 году богдыхан Тао Цзуну утвердил Аблая ханом Среднего жуза. Лавирование Аблай хана между Россией и Цинской империей не дало положительных результатов.

Внешнеполитические итоги существования Джунгарского ханства на исторической арене Центральной Азии в XVII–XVIII вв. в целом имеют неоднозначный, противоречивый характер. С одной стороны, джунгары сдерживали и на протяжении без малого столетия отбивали захватнические вторжения Цинской империи в Центральную Азию. В этом аспекте Джунгарское ханство несомненно сыграло положительную роль в сохранении ряда этнополитических образований региона, в том числе, отчасти, и казахов.

С другой стороны, Джунгарское ханство по отношению к своим тюркоязычным соседям на западе, прежде всего – к

казахским жузам, проводило захватническую политику и осуществляло перманентные широкомасштабные захватнические вторжения. Основную тяжесть борьбы за национальную независимость народов региона вынесли казахские жузы, сдерживавшие на протяжении целого столетия завоевательные устремления джунгарских правителей.

В то же время частые вторжения казахских войск на территорию Джунгарского ханства способствовали его ослаблению. Активное участие казахской феодальной аристократии в феодальных междоусобицах джунгарских хунтайджи вкупе с вторжением Цинской империи в 1755 году привели к исчезновению с исторической арены Джунгарского ханства как политической единицы и населения этого государства как этнического целого.

Падение Джунгарского ханства в середине XVIII века изменило соотношение сил, политическую, экономическую и этноязыковую ситуацию в Центральной Азии и Казахстане. На определенное время казахские жузы стали доминирующей военной и политической силой в регионе. Начался новый период в жизни народов Казахстана и сопредельных территорий.

Раздел 9

КАЗАХСКО-КАЛМЫЦКИЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Казахско-калмыцкие этноязыковые взаимоотношения при широком взгляде на эту проблему имеют глубокую историческую ретроспективу и начинаются не позже времени возвышения ойратов в Западной Монголии и в маргинальных западных регионах продолжают до настоящего времени. Однако в рамках изучения проблемы казахско-монгольских исторических взаимоотношений с методологической точки зрения более продуктивным и перспективным представляется выделение по крайней мере трех самостоятельных периодов: ойратского, джунгарского и собственно калмыцкого. Между этими тремя периодами казахско-калмыцких взаимоотношений при детальном изучении выявляются не только хронологические и топологические, но и достаточно серьезные качественные различия. Разумеется, на современном этапе изученности проблемы казахско-монгольских и казахско-калмыцких языковых взаимосвязей и лексических взаимозаимствований с чисто лингвистической точки зрения трудно выделить разграничительные фонетические и иные особенности казахско-монгольских лексических параллелей, складывавшихся на разных диахронических уровнях. Тем не менее, разграничение ойратского, джунгарского и калмыцкого диахронических и диатопических уровней, по нашему глубокому убеждению, будет иметь важное методологическое значение для дальнейших более глубоких и детальных исследований проблемы казахско-монгольских языковых взаимосвязей.

Растянувшийся на более чем три столетия период казахско-джунгарского соперничества за овладение степными просторами Евразии не мог не оставить в казахском и калмыцком языках следов их активного взаимодействия. Поэтому компаративно-контрастивное изучение казахско-калмыцких этноязыковых и культурных взаимосвязей является одним из перспективных и необходимых исследовательских направлений как с тюркологической, так и с монголоведческой точек зрения. В этом плане, к сожалению, сделано очень мало. В ка-

захском языкознании до сих пор нет серьезных исследований по изучению ойратско-калмыцкого вклада в лексику казахского языка, не предприняты соответствующие исследования и калмыцкими лингвистами.

Ареально-географическая ограниченность собственно калмыцких лексических заимствований казахского языка обусловлена историческими причинами. Калмыки (самоназвание *walēmāg*, каз. *qalmaq*, кирг. *qalmaq*, кумык. *qalmuq*, тат. *qal-tāq*) как самостоятельный этнос формируются относительно поздно на основе племен ойратской конфедерации (см. выше). Этнополитическая ситуация, в которой находились ойраты Западной Монголии в течение доступного озрению длительного времени, а также ограниченность пастбищных угодий на их исторической родине заставили их мигрировать на новые земли за пределы Джунгарии, причем с начала XVII века отмечаются два основных направления их переселений: на северо-запад – в районы Западной Сибири и Северного Казахстана, и на юг – в сторону Алашаня и Северного Тибета, что в конечном итоге привело к образованию двух государств: Калмыцкого ханства в низовьях Волги и Хошоутовского ханства на Кукуноре.

Приход калмыков на Волгу был не одновременным актом. В 1670 году в пределы России откочевало более 3000 кибиток хошеутов, около 1687 года прибыло еще 4000 кибиток дербетов и т.д.

В движении калмыков на запад выделяются три основных этапа:

1) поселение калмыков в бассейнах Иртыша, Иишма и Тобола в 1607–1630 годах;

2) оседание калмыков в Приуралье и в междуречье Яика и Волги в 1630–1637 годах;

3) оседание калмыков в правобережье Волги, по Дону, Салу, Сарпе и Манычу, выход калмыцких улусов в степи между Волгой, Доном и Кумой и на западное побережье Каспия в 1640–1660 годах, когда эти земли по указу русского царя окончательно закрепляются за калмыками. При этом в двух

первых случаях калмыки оседают непосредственно на исконные казахские земли, а в Нижнем Поволжье активно контактируют с казахами вплоть до настоящего времени.

Таким образом, собственно калмыцкий период (с XVII в.) казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений начинается со времени миграции ойратов из Джунгарии на северо-запад, в районы Западной Сибири и Казахстана. Хронологически время калмыцко-казахских контактов можно датировать началом XVII–XXI вв.

Продвигаясь на запад, калмыки вступали в контакт с различными тюркоязычными народами: казахами, каракалпаками, сибирскими татарами, башкирами, ногайцами, на берегу Каспийского моря – с туркменами, в междуречье Урала и Волги – с казахами и ногайцами. Многие из ногайцев, карагашей, алабугатских и юртовских татар, а также казахов Младшего жуза стали подданными калмыцких ханов. В. Бакунин, в частности, отмечает, что «ногайцы, джетысаны и джембулуки все были раскосованы по врознь и по калмыцким улусам» (Бакунин, 1939, 203). Немало фактов, свидетельствующих о смешении части калмыков с тюркоязычным населением Казахстана в результате интерстратных и субстратно-адстратно-суперстратных контактов.

Этногенез калмыцкого народа, как и любого другого, чрезвычайно сложен. Основу современного калмыцкого этноса составляли западномонгольские племена ойратской конфедерации, к которым присоединялись те или иные древние тюркские и монгольские племена. Формирование калмыцкой этноязыковой общности происходило на протяжении многих столетий, главным образом в средних веках и в новое время. Согласно историческим данным, на протяжении всего средневековья продолжался процесс активного взаимодействия ойратов с другими монгольскими и тюркскими этноязыковыми формированиями, обитавшими на территории западной части современной Монголии, в верховьях Енисея, на Западном Алтае, в верховьях Иртыша и прилегающих к ним территориях современного Казахстана.

Предки современных калмыков еще до переселения в степи Нижнего Поволжья представляли собой довольно сложный этноязыковой комплекс, образованный на ойратской основе из различных древнемонгольских и древнетюркских племен. В составе калмыков обычно выделяются осколки четырех ойратских поколений *dörwän ö:rdē* (*dörwän ö:rdē*) – торгоутов (*toryud*), хошоутов (*wošud*), дербетов (*dörwéd*), элэтов. Впрочем, перечень этих племен в разных источниках не совпадает, и весьма вероятно, что это лишь условное число, закрепившееся в этнонимической традиции. По мнению Б.Я. Владимирцова, название «четыре ойрата», или точнее, «четыре племени», надо понимать в смысле четыре десятка тысяч (четыре тумена), то есть 40 тысяч ойратов. По предположению же Г.Е. Грумм-Гржимайло, название *dörben ojrad* означает вовсе не «четыре ойрата», а просто союз дербетов и ойратов – двух важнейших из ойратских племен.

В первой половине XV века ойратские племена (*dörben ojrad*) составили сильное государственное объединение – Ойратское ханство, оттеснившее на второй план восточных монголов и даже соперничавшее с Минским Китаем. Это объединение вскоре распалось, но в первой половине XVII века вновь сплотилось в Джунгарское ханство и достигло большого могущества под властью ханов Харахулы, Батурхунтайджи, Галдана (подробности см. выше).

Однако вскоре разгорелись военные столкновения Джунгарского ханства с правившей в Китае маньчжурской династией. После трех походов маньчжурской армии в 1755–1757 годах Джунгарское ханство было разгромлено окончательно и значительная часть ойратского населения была истреблена. С этого времени начались массовые миграции ойратов за пределы Джунгарии, причем с начала XVII века отмечаются два основных направления их переселений – на северо-запад, в районы Западной Сибири и Казахстана, и на юг, в сторону Алашаня и Северного Тибета. Это в итоге привело к образованию двух ойратских владений: Хошоутского ханства на Кукуноре и калмыцкого ханства на Волге.

В конце 30-х – начале 40-х годов XVII века калмыки кочевали на всем пространстве североказахстанских степей от Прииртышья на востоке до Каракумов на западе. В это время калмыки имели тесные экономические, этнокультурные, языковые, а также, возможно, и политические связи с Казахскими ханствами и жузами.

Уже в начале XVII века один из влиятельных джунгарских князей – Хо-Урлюк, предводительствовавший частью торгоутов, дербетов и хошоутов, не пожелал подчиниться власти хана Харахулы и откочевал с подвластными ему группами племен на запад – сначала в Приуралье, а затем еще дальше, на Волгу. Около 1630 года калмыки перешли Волгу и начали теснить народы Кавказа, но получили отпор со стороны кабардинцев и других северокавказских народов.

К середине XVII века калмыки заняли уже не только Западный Казахстан и приволжские степи, но и оба берега Дона. Их пастбища простирались от Подуральского плато на востоке и до северной части Ставропольского плато, от реки Кумы и северного берега Каспийского моря на юге и юго-западе до нижнего течения Хопра и Медведицы на севере и верховья реки Самарки на северо-востоке.

С 40-х годов XVII века до 70-х годов XVIII века калмыки кочевали по обоим берегам низовьев Волги, включая земли современного западного Казахстана. В этот период между калмыками, с одной стороны, и казахскими и ногайскими племенами, с другой, постоянно возникали стычки за владение пастбищными угодиями, которые нередко перерастали в ожесточенные военные столкновения. Калмыцкие тайши пытались заручиться поддержкой Русского правительства, и астраханские воеводы от имени российского царя заключали договоры с калмыцкими тайшами и потворствовали калмыцко-казахскому противостоянию.

Самым известным и сильным калмыцким тайшей был Айюка, современник Петра I, который получил от русского правительства титул хана. После смерти Айюки в 1722 году в Калмыцком ханстве начались внутренние неурядицы. От-

дельным ханам удавалось на короткое время объединить калмыцкие племена под своей властью, но мало-помалу власть над калмыками переходит к Русскому правительству. Вместо прежних договоров о покорности и дани калмыцкие ханы были вынуждены приносить присягу на подданство Российской империи.

Территория, простиравшаяся от левого берега низовья Волги на востоке до современного города Волгограда на севере, Дона на западе, Ставропольского плато на юго-западе, реки Кумы на юге и северо-западного побережья Каспийского моря на юго-востоке, была закреплена за калмыками указом Павла I от 14 октября 1800 года, который был подтвержден указом от 26 октября 1801 года его сыном Александром.

К середине XVII века ойраты-калмыки представляли собою кочевое объединение племен (улусов) и подплемен (аймаков). Четыре крупных ойратских племени представляли торгоуты, хошоуты, дэрбэты и хойты.

В конце XIX – начале XX века в состав торгоутов входили меркеты, керейты, бугуты, батуты, харнуты, зюнгары, замуды, хошуты, торгуты, шаряты, цоросы, а также целый ряд тюркоязычных в прошлом родоплеменных подразделений – цаатаны, «кисик», тубанцы и т.д. Дербеты состояли их абганеров, чоносов, шарядов, шарнутов, таджиутов, цоросов, тукчинов, харнутов и др. Среди них встречались отдельные группы меркетов, керейтов, батутов, хойтов, хошутов, а также присоединившиеся к дербетам позднее тюркоязычные в прошлом тарачины, сохады, цаатаны, *казахи*, теленгиты и проч. Среди хошоутов находились также осколки меркетов, хойтов, эректеповцев, уранхусов, теленгитов и проч. Чрезвычайно пестрым был родоплеменной состав донских калмыков (*тенга хальмгуд*), в составе которых разными источниками зафиксированы такие микроэтнонимы: баага бурал, баага цоохор, баргас, барцахас, бисянкин, бургуд, бушхуд, чилиянкин, заамуд, залхус кювюд, ики цоохор, кевтюл, керяд, ковюд, кююрес, маанин зеед, мангад, меркет, монгол, нооган намчад, номочи, няр, нююрсюд, сохад, телянкен, туктун, тьячюд, укр-алачин,

улдечиняр, учкюд, харада, хоо бухас, хотход, хошут, хоод, шавад, шара монгол, шарад, хавчин, шевнер, цармуд, цорос, эркетен, бамбар, бурут, чонос, кекенурин хед и др. (Эрдниев, 1980, 51-93, особенно 69). Субэтнические группы уральских, донских, терских, кумских и других калмыков образовались за счет притока беженцев из своих улусов начиная с конца XVII века и до 60-х годов XVIII века; отдельные группы калмыков уходили на Дон из районов основных своих кочевий еще в первой половине XIX века. Этим обстоятельством объясняется невероятная родоплеменная пестрота всех субэтнических групп калмыков, в состав которых вливались и отдельные тюркские (казахские) элементы (ср. родовой этноним *казах* в составе дербетов).

Многие из наименований калмыцких родоплеменных подразделений встречаются как названия родов не только у монгольских, но и у целого ряда тюркских народов – казахов, ногайцев, узбеков, киргизов, алтайцев, тувинцев, якутов и др.

Между ойратами Джунгарии и современными калмыками существует прямая генетическая связь. Калмыки несомненно являются потомками тех ойратов, которые из-за резко ухудшившихся внутренних и внешнеполитических условий и в силу дефицита пастбищных территорий в начале XVII века были вынуждены покинуть Джунгарию. Из ойратов, занявших степи Нижнего Поволжья и Предкавказья, образовалась новая этническая общность – калмыцкий народ, во многом отличающийся от джунгарских ойратов. В формировании нового этноязыкового и этнокультурного облика калмыков важная роль принадлежала тюркскому компоненту, доминирующей в котором является казахская составляющая.

Завершающие этапы этноглоктогенеза калмыков продолжались после оседания ойратско-калмыцких родоплеменных подразделений в России – в Поволжье, на Дону и Северном Кавказе. Калмыки вплоть до начала XX века устойчиво сохраняли память о родоплеменной принадлежности своих предков, прежде всего о средневековом союзе племен *dörben öördě* («союз четырех ойратских племен»). В свою очередь

каждая из четырех частей этого союза состояла из потомков разных родоплеменных образований. В настоящее время отдельные группы калмыков, проживающие в Калмыкии, Астраханской, Волгоградской, Ростовской областях Российской Федерации, а также в Кыргызстане, сохраняют старые названия племен: дербеты (*dörwëd*), торг(о)уты (*torɣud*), кериты (*keräd*), меркиты (*merkëit*), багуты (*baɣud*), шарнуты (*šarnud*), харнуты (*χarnud*), хощ(о)уты (*χošud*) и др.

Так, например, дербеты (*dörwëd*) состояли в основном из абганеров, чоносов, таджиутов и др., однако встречались среди них и отдельные группы меркитов, кереидов (керяд), батутов, хойтов, хошутов, а также присоединившиеся к ним *казахи*, тарачины, сохады, цаатаны, теленгиты и др. Ряд этих родоплеменных этнонимов встречается и в составе других групп калмыков. Так, в состав таргоутов (*torɣud*) входили меркиты, кереиты, багуты, батуты, зюнгары, хошуты, цатаны, кисики, тубанцы и др. В «Хошеутовском улусе» кроме собственно хошутов (*χošud*) жили меркиты, уранхусы, хойты, эркетины, теленгиты и др. Многие из родоплеменных этнонимов калмыцких подразделений встречаются как названия родов у алтайцев, башкир, бурят, казахов, алтайцев, тувинцев, узбеков, киргизов и других тюркских и монгольских народов. Все это свидетельствует о сильно смешанном тюркско-монгольском происхождении как ойратов и собственно калмыков, так и соответствующих тюркоязычных племен. Такими же смешанными были субэтнические группы донских, терских и прикумских калмыков, образовавшиеся за счет бежавших из своих коренных улусов начиная с конца XVII и вплоть до начала 60-х годов XVIII века калмыков. Отдельные группы калмыков, покидая свои основные кочевья, оседали на Дону еще и в первой половине XIX века. Эта субэтническая группа калмыков получила название бузавов (калм. *buzawā*). В Киргизии сформировалась самостоятельная субэтническая группа – сарт-калмаки.

После вхождения калмыков в состав Российской империи в XVII веке происходила консолидация ойратских племен

в единый калмыцкий этнос, что привело к сглаживанию этнолингвокультурных различий отдельных субэтнических групп. Вхождение калмыков в состав России не было единоверменным актом. Оно началась еще в 1608 году, когда посольство дербетских тайшей просило царя Василия Шуйского о принятии их в русское подданство, выделении мест для кочевий и защите от казахских и ногайских ханов. К середине XVII века общая численность принявших русское подданство калмыков составила около 280 тысяч человек.

Административный статус калмыков за 400 лет пребывания в России неоднократно менялся: с 1664 по 1771 год существовало относительно самостоятельное Калмыцкое ханство во главе с ханом (позднее – наместником). В 1771 году некоторые калмыцкие тайши, недовольные все более усиливающимся гнетом царской администрации, увели около 125 тысяч калмыков обратно в Джунгарию, значительная часть которых погибла в пути. Оставшиеся в России калмыцкие улусы были переподчинены местной администрации Ставропольской и Оренбургской губерний, Терской области и Области Войска Донского. В первой половине XIX века ряд административных реформ еще больше ограничил самостоятельное внутреннее управление среди калмыков.

В третьей четверти XVIII века резко усилилось колониальное угнетение калмыков Российской империи, калмыки систематически вытеснялись из освоенных ими территорий в пустынные степи. Расширилась торговля русских колонистов калмыками и калмыцкими детьми, последних продавали помещикам отдельно от родителей. Русское правительство резко усилило свое вмешательство во внутренние дела Калмыцкого ханства, в котором в конце 60-х годов XVIII века положение стало особенно тревожным. Этим недовольством калмыков воспользовалась феодальная верхушка калмыцкого общества во главе с Убуши-ханом, нежелавшим поступиться личной властью в пользу царской колониальной администрации.

Внутренние смуты между родоплеменными подразделениями, борьба между отдельными ханами и тайшами, пре-

тендующими на власть, во второй половине XVIII века осложнились агитацией за возвращение калмыков обратно в Джунгарию. В результате этого в начале 1771 года большинство калмыков под предводительством хана Убуши откочевало обратно на восток через территорию Казахстана. На территории России остались лишь те калмыки, которые кочевали на правом берегу Волги. Русская колониальная администрация, узнав о событиях в Калмыцком ханстве, приняла меры к задержанию беженцев: за отпавшими калмыками была снаряжена погоня, на них натравливали казахов.

В январе 1771 года Убуши-хан увел большинство калмыков за пределы России – обратно в Джунгарию. По всем данным, в 1771 году с ним откочевало в Джунгарию около 30 000 кибиток. Бежавшие с Волги на восток калмыки в степях Казахстана терпели неимоверные лишения прежде всего из-за неблагоприятных погодных условий. Ситуация усугублялась противоборством казахов с вторгшимися на их кочевья калмыками, многие из которых погибли в боях с казаками, от болезней, холода и бескормицы, другие попали в плен к казахам и только незначительная часть беженцев достигла Джунгарии. Значительная часть покинувших пределы России калмыков была разгромлена снаряженной русским правительством погоней и погибла в пути. Только небольшая часть калмыков сумела добраться до Джунгарии, к этому времени находившейся уже под властью Цинского Китая. Потомками их являются теперешние дэрбэты, торгоуты и хошоуты Кобдоского аймака Западной Монголии.

Таким образом, после 1771 года собственно калмыки остались только на правом берегу низовьев Волги – на территории нынешней Калмыкии и, отчасти, смежных территорий.

Известно, что в 1771 году на территории Казахстана осталась значительная часть торгоутов, особенно представители женского пола, которая впоследствии вошла в состав казахского народа. На территории современного Казахстана рассеялись представители одного из многочисленных монгольско-ойратских племен керейтов. Они вошли в состав казах-

ского этноса относительно недавно, не раньше конца XVI и второй половины XVIII века, в основном в ойратско-джунгарскую эпоху.

В связи с казахско-калмыцкими этноязыковыми взаимосвязями весьма показательным является тот факт, что многие казахские роды считают калмыков своими *naγašī* – родственниками по материнской линии (← монг. *naγašū* «дядя по матери»), «родственник по материнской линии»), а себя – калмыцкими *žijen* – т.е. племянниками (← монг. *zigen*, х.-монг. *žē(n)* «племянник по материнской линии», «внук по дочери» ← др.-тюрк. *jegen* «племянник»). Этот факт красноречиво свидетельствует о том, что несмотря на острые политические коллизии, взаимоотношения между казахами и калмыками на обыденном уровне оставались не только дружественными, но более того – братскими, родственными. Не случайно среди западных казахов до сих пор бытует поговорка: «*Qalmaqta ār noγaj meniŋ naγašī*» – «Среди калмыков каждая собака приходится мне дядей по матери». Нет сомнения в том, что многие ойратско-калмыцкие родоплеменные группировки, волею исторических судеб оказавшиеся среди казахского населения, вступали между собой в семейно-брачные отношения и постепенно ассимилировались в казахской среде, привнося тем самым в казахский язык значительный пласт калмыцко-монгольских лексических интерференций. Во всяком случае, в народе до сих пор живы предания о том, что казахи и калмыки обменивались девушками, вступали в межэтнические брачные отношения, не говоря уже о случаях умыкания девушек друг у друга.

Среди калмыков в прошлом широко были распространены так называемые «казахские десятки» (*χasāγud arwān*). Так, например, около 60 семейств потомков казахов (*χasāγ*) жили на территории Ханатинского сельсовета Малодербетовского района. Казахский род (*χasāγ arwān*) проживал на территории современной Красносельской администрации того же района. Потомки казахов под родовым названием *χaštānar*

проживали в бывшем Багабухусовском сельсовете. Был казахский арван в Манджикиновском аймаке, располагавшемся на территории Ики-Бурульского района Калмыкии. Название *χasāg arwān* до сих пор встречается среди калмыков Яшкульского района Калмыкии и т.д. (Эрдниев, 1980, 76-77).

Широкое распространение среди калмыков родоплеменных подразделений *χasāg (arwān)* свидетельствует о том, что в этногенезе калмыков значительное участие приняли казахи. Многие ойратско-калмыцкие подразделения на протяжении их бурной средневековой истории многократно вступали в разного рода контакты с казахами, многие из них при перекочевке из Джунгарии на Нижнюю Волгу и обратно на свою историческую родину оседали на территории Казахстана и влились в состав казахского народа. Известны случаи, когда казахи и калмыки кочевали вперемешку, нередко пользуясь одними и теми же пастбищными угодьями; бывали случаи, когда они вместе совершали военные походы на общих врагов и т.д.

Среди калмыцких племен обнаружены этнонимы, указывающие на участие многих тюркоязычных элементов в образовании отдельных родовых подразделений. Так, например, среди калмыков находится довольно компактная родовая группа, известная под названием цаатанов (калм. *cātān* ← тюрк. *çayataj*), отличавшихся в недавнем прошлом по некоторым лексическим особенностям своего говора. В начале XX века их насчитывалось до тысячи кибиток, они были расселены в основном на территории Яндыко-Мочажного и Эркете-невского улусов, к югу от современного города Каспийский вплоть до границы с Дагестаном (Эрдниев, 1980, 70).

На территории Монголии обитает небольшая группа цаатанов (до 200 человек), занимающихся оленеводством и общающихся между собой на тувинском языке. Монгольские цаатаны называют себя уйгурами урянхайского происхождения, а свой язык – уйгурским (т.е. чагатайским), хотя они говорят на одном из диалектов тувинского языка. Калмыцкие цаатаны считают себя шара-монголами, то есть «желтыми

монголами» и говорят на чокающем наречии калмыцкого языка (*čä* ~ калм. *cä* «чай»; *čäsēn* ~ калм. *cäsän* «бумага»; *čäsēn* ~ калм. *casän* «снег» и тд.), что характерно для тюркских и, в частности, чагатайского языков. Примечательно, что в калмыцком языке слово *cātān* имеет также апеллятивное значение «оленеvod». Все это в совокупности свидетельствует о том, что цаатаны по своему происхождению являются омонголившимися на территории Западной Монголии тюркоязычными племенами, входившими в свое время в государство Чагатаидов. Об участии уйгурского компонента в этногенезе калмыков свидетельствует также родоплеменной этноним *тарачины*, который несомненно восходит к одному из названий уйгуров – *таранчи* «старое название илийских уйгуров».

Среди калмыков бывшего Большедербетовского улуса зафиксирован этноним *тарачнар* (калм. *täräčnär* < *täräčē* «земледелец, хлебороб» + афф. мн. ч. *-när*), что, очевидно, свидетельствует об участии в этногенезе калмыков восточных уйгуров. Ойраты могли вступать в непосредственные контакты с уйгурами-земледельцами (*таранчи*) на своей исторической прародине и, видимо, некоторая часть последних переселилась вместе с ойратами в степи Нижнего Поволжья и Предкавказья (Эрдниев, 1980, 74-75).

Продвигаясь на запад, в районе Саяно-Алтайского нагорья ойраты вступали в контакты с рядом тюркоязычных народностей и вовлекли в свой состав их отдельные родовые подразделения. На это указывает довольно значительное количество этнонимов, характерных для тюркских народов Саяно-Алтайского региона. Так, например, в составе калмыков встречается родовое подразделение *теленгут* (калм. *telengüt*). Они обитали в Хошеутовском и Большедербетовском улусах, в середине XIX века их насчитывалось до 150 кибиток. Тюркоязычные теленгиты или телеуты (самоназвание *telenget*, *telengüt*) живут до сих пор в Горном Алтае, на юге Кемеровской области Российской Федерации и в прилегающих районах. Принято считать, что самоназвание телеутов *telengüt*

представляет собой грамматическую форму «монгольского» множественного числа на *-üt* от древнетюркского этнонима *tele* (ср. *töles* в надписи на памятнике Моюн Чуру, *доланьгэ* китайских династических хроник). Таким образом, полагают, что телеуты (*telengüt*), входящие в состав южной группы горных алтайцев, являются потомками древних тюркоязычных племен конфедерации *tele* (*töles*), живших на территории Центральной Азии и Южной Сибири. Считают, что в конфедерацию *tele* входили уйгуры, доланьгэ, дубо, курыканы, байегу, сеяньто и другие древнетюркские племена, имевшие генетические связи с древними уйгурскими родоплеменными объединениями, которые впоследствии смешались частью с кыпчаками, частью с огузами. В русских актовых источниках XVII века телеуты называются также «белыми калмыками». Так называемая «Телеутская земля» в первых десятилетиях XVII века, особенно при главенстве князя Абака, была довольно сильным раннефеодальным государственным образованием, которое с 1635 года постепенно захирело и распалось на два улуса. Известно, что в 1703 году часть телеутов была насильственно угнана в Джунгарию. С падением Джунгарского ханства и неудачей попытки Цинского Китая присоединить его территорию телеуты перешли в русское подданство. Тогда же часть телеутов была переселена с южносибирских границ России на Волгу к калмыкам, другая часть расселилась на Алтае и в Кузнецкой котловине. Оставшиеся на Нижней Волге телеуты быстро растворились среди калмыков, но сохранили свое этническое название *telengüt*. К этому следует добавить, что алтайцев до революции называли иногда горными, или алтайскими, калмыками, а в 1922-1945 годах ойротами. Эти этнические наименования имели чисто историческое обоснование: до середины XVIII века население Горного Алтая находилось под властью Ойратского (Джунгарского) «контайши».

Среди донских калмыков были родовые подразделения, называвшие себя *бургутами* (*бургу-бурав*). Они проживали в Цивиднякинском, Эркетеневском, Чоносовском, Богшаргакинском, Багутовском, Бага-Бурульском аймаках, а также

среди других калмыков. Первоначально ойраты называли бурутами, или *бургутами* (*burγud, burūd*), киргизов. Предки современных киргизов были соседями ойратов с древних времен. В XIII веке ойраты расселились по Алтайско-Хангайскому нагорью и стали восточными соседями киргизов. В результате этого между ними устанавливаются тесные контакты: без участия калмыков, согласно киргизским историческим преданиям, не обходилось ни одно значительное общественное событие, будь то праздники, играца, состязания и т.п.

В составе калмыцких родоплеменных подразделений выявлены также этнические компоненты татарского (*maŋγād, χarā maŋγād*), ногайского, каракалпакского (*χarχalbāg*), туркменского и т.д. происхождения. Кстати, калмыки всех тюркоязычных народов называли «мангытами» (калм. *maŋγād* «татары»), иногда для конкретизации этноязыковой принадлежности «татар» использовали атрибутивные синтагмы, например: *χarā maŋγād* «каракалпаки» или, скорее, «караногайцы», *ištēg maŋγād* «башкиры», *ūlān maŋγād* «карачаево-балкарцы» (букв. «горные татары»), *maŋγād* «татары (казанские, астраханские, крымские и др.)» и т.д.

Все это свидетельствует о том, что этноглоптогенез современных калмыков был чрезвычайно сложным. При этнической трансформации исторических ойратов XV-XVII вв. в современных калмыков значительную роль сыграл тюркский, вернее – кыпчакский, этноязыковой компонент, в составе которого ведущей была казахская струя. В составе лексики современного калмыцкого языка выявляется огромный пласт слов тюркского происхождения, имеющих разные генетические корни – от древнейших огурских до наиболее поздних казахских, ногайских, татарских и прочих. Выяснение истинной природы и хронотопологии многочисленных тюркизмов калмыцкого языка – дело будущего, но уже сейчас ясно, что доля тюркизмов в калмыцком языке гораздо выше, чем в других монгольских языках – в халхаском, бурятском и др. Ясно также, что сепаратные тюркизмы калмыцкого языка, не пред-

ставленные в других монгольских языках, в большинстве своем имеют кыпчакское происхождение. Перед алтаистами следующего поколения стоит задача выявления всей совокупности тюркизмов калмыцкого языка и разработка приемов, методов и критериев их разграничения по диахроническим этапам и конкретным языкам – источникам заимствования.

В свою очередь перед казахстанскими лингвистами-компаративистами стоит задача выявления в словарном составе казахского языка всей совокупности монгольских лексических интерференций и последующая их дифференциация по соответствующим хронотопологическим стратам, начиная от монгольских заимствований XIII-XIV вв. до самых поздних калмыцких и, по возможности, разграничение последних от более ранних ойратско-джунгарских. К сожалению, в казахском языкознании проблема изучения казахско-калмыцких этноязыковых взаимоотношений, можно сказать, находится в зачаточном состоянии. Во всяком случае, казахское языкознание, как, впрочем, и монгольское, пока еще не обладает серьезными исследованиями по этой проблематике. Можно назвать лишь эпизодические указания на некоторые предположительно калмыцкие лексические заимствования в западных говорах казахского языка в диалектологических исследованиях. Однако и в такого рода работах их авторы предпочитают говорить о монгольском влиянии, а не о калмыцких заимствованиях. Так, например, в монографическом исследовании А. Нурмагамбетова «Западная группа говоров казахского языка» предположительно калмыцкие лексические интерференции (чуть больше десяти слов) рассматриваются под заголовком «Влияние монгольских языков на западный диалект» («Батыс диалектісіне монғол тілдерінің әсері») (Нұрмағамбетов, 1978, 148-151). Кстати, к калмыцким заимствованиям он относит следующие диалектные слова: *tas* «некаленный кирпич»; *moŋqa-* «выпытывать» (< калм. *moŋqā* «испытывать»); *ajdık* «большой, великий» (~ калм. *degēd ik* «огромный, громадный»; *aldār ik* «величественный»); *žolīm üj* «небольшая юрта из 3-4 звеньев каната» (< калм. *žolām* «жо-

ломейка, юрта из жердей и кошмы»), *zorman* «суслик» (< калм. *zurmān*, х.-монг. *zuram*, бур. *zumbarān* «суслик»; ср. тат., башк. *jōmran* «суслик»); *ojdaj* «много»; *odanī* «неприличный, непристойный», «грубый» (< калм. *udān* «медлительный, неповоротливый», *hōdān* «напрямок»); *terme üj* «юрта, кибитка» (< калм. *terēm* «стенная решетка юрты») и т.д. (Нурмагамбетов, 1978, 148-151).

Апелляция к «монгольским языкам» в такого рода исследованиях прежде всего обусловлена неизученностью казахско-монгольских языковых взаимоотношений и объективными трудностями разграничения собственно калмыцких лексических заимствований от более ранних ойратских, среднемонгольских и халха-монгольских ввиду их чрезвычайной материальной близости. Тем не менее, проблема разграничения разновременных прямых и опосредованных заимствований казахского языка из различных монгольских языков – среднемонгольского, ойратско-джунгарского и калмыцкого – разрешима, но требует углубленного анализа на основе специальной методики и привлечения самого широкого круга релевантного эмпирического материала из всех известных тюркских, монгольских и исторически контактировавших языков. К сожалению, в настоящее время проблема эта упирается на отсутствие высококвалифицированных специалистов в области компаративистики.

Калмыцкие лексические заимствования казахского языка относительно немногочисленны и составляют самый молодой пласт монгольских наслоений. Лексика собственно калмыцкого происхождения характеризуется ареальной ограниченностью и выявляется главным образом только в западных говорах казахского языка. Основным критерием для разграничения собственно калмыцких лексических заимствований от генетически родственных им более ранних джунгарских и ойратских является ареально-географический признак, дополняемый и подтверждаемый фонетическими, морфологическими, семантическими, культурно-историческими и другими релевантными критериями.

Раздел 10

КАЗАХСКО-ХАЛХАСКИЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

Казахско-халхаские этноязыковые взаимоотношения вплоть до настоящего времени развиваются в казахской диаспоре, проживающей в Монголии. Общая численность казахов Монголии до начала 90-х годов XX века достигала 65 тысяч человек и составляла около 4% от всего населения страны. Основная часть казахов Монголии проживала в Баян-Ульгейском, а также, отчасти, в Кобдоском и Убсунурском аймаках. Кроме того, значительная часть казахов работала на шахте Налайха, расположенной недалеко от Улан-Батора.

Казахи – наиболее многочисленная диаспора из тюркских народов, населяющих Монголию. В 1940 году был образован Баян-Ульгейский казахский национальный аймак, в котором была организована система общеобразовательных учреждений с преподаванием на казахском языке. Монгольские казахи в сентябре 1940 года приняли казахскую письменность на основе латинской графики, а чуть позже, с января 1942 года, перешли на казахскую письменность, разработанную на основе русской (кириллической) графики.

В Баян-Ульгейском аймаке доля казахов до начала 90-х годов прошлого века составляла почти 80%, кроме них здесь проживали тюркоязычные урянхайцы (*urianxaj*, *altajn*) (около 17%), узбеки, а также незначительные группы монголоязычных дербетов (*dörwöd*), мончаков (*moncag*), элетов (*ö:ldē*), торгутов (*toryūd*), халхасцев (*χaλχā*) и китайцев.

В Баян-Ульгейском национальном аймаке с 1960 года работает краеведческий музей истории и культуры, создан казахский музыкально-драматический театр, на казахском языке издаются книги, газеты («Жаңа өмір» – орган Баян-Ульгейского обкома и областного исполнительного комитета), журналы, работает радио и телевидение, выросли казахские национальные кадры.

Живя достаточно длительное время среди монголов, казахи сумели сохранить свою национальную самобытность и язык, хотя следует отметить и значительные монгольские ин-

терференции как в языке, так и в культуре. Определенную роль в сохранении этноязыковой идентичности казахов Монголии играет ислам.

Говор проживающих в Монголии казахов в своей основе весьма близок к северо-восточному диалекту, легшему в основу современного казахского литературного языка. Есть несколько работ, посвященных изучению диалектных особенностей языка казахской диаспоры в Монголии (Болатов, 1963, 66-76; 1970, 51-54; Базылхан, 1965, 34-50; 1966 (1967); 1991; и др.), в которых отмечены наиболее заметные фонетические и морфологические особенности баян-ульгейского говора, а также выявлен значительный пласт относительно недавних халха-монгольских лексических интерференций (см. ниже). Особенности говора баян-ульгейских казахов получили отражение также в «Монгольско-казахском словаре» (Улан-Батор, 1954).

Монокольские казахи являются выходцами из районов Черного Иртыша и верховьев реки Бухтармы. Часть казахских родов, в основном кереи и часть найманов, кочевавших по южным склонам Монокольского Алтая, в середине XIX века перекочевала на северный склон и расселилась в Западной Монголии. В родоплеменном отношении среди монокольских казахов преобладают кереи, есть найманы, уаки, встречаются представители рода жагалбайлы. Некоторые специалисты полагают, что значительная часть казахов мигрировала в Западную Монголию во время джунгарского нашествия в 1723 году, вошедшего в историю казахского народа под названием «*ақ табан шұбырынды*», или «*алқа көл сұлама*» (Болатов, 1963, 66; История... 1979, III, 18), а некоторые родовые подразделения кереев поселились там, по всей вероятности, гораздо раньше джунгарской эпохи.

Таким образом, в истории рода кереев выделяют, по крайней мере, три основных этапа миграций. Первый этап миграций начался еще в эпоху Чингисхана и продолжался до тридцатых годов XIX века. Второй этап миграции относится к последней четверти XIX века. Тогда часть рода абак-кереев в

поисках пастбищ перевалила за Алтай и откочевала в степи Монголии. И, наконец, примерно полвека тому назад началась обратная миграция кереев из Монголии на историческую родину. На этот раз керей поднялись из насиженных мест не по принуждению, не из-за социально-политического притеснения или дефицита пастбищных угодий, а исключительно по велению сердца, по зову Родины, земли предков – *Атамекен*. Последнее переселение кереев на историческую родину началось по доброй воле самих народных масс и получило в народе название «Великое переселение» («Ұлы көш»). Массовое переселение казахов из Монголии на землю предков началось в 1991 году после получения Казахстаном независимости. После открытия границы между Монголией и Казахстаном десятки тысяч семей кереев устремились на земли своих предков (Қалышев, Қозғанбаева, 1999, 81-89). Однако «Великое переселение» кереев, хотя, несомненно, принесет и уже принесло в общенациональный казахский язык не одну сотню новых слов монгольского происхождения, не имеет прямого отношения к теме данного исследования. Оставляя тему о роли «Великого переселения» кереев в обогащении лексики казахского языка на будущее, обратимся к истории развития сложных взаимоотношений между керейями-казахами и халха-монголами начиная с рубежа XII–XIII веков.

Этноязыковая и политическая история кереев имеет чрезвычайно важное значение для понимания многовековых казахско-монгольских взаимоотношений, так как в ней, как в волшебном зеркале, отразились все социально-политические перипетии, так или иначе оставившие глубокий след в формировании казахского и монгольского этносов и их языков на протяжении без малого тысячелетия. Поэтому вполне понятно, что исследователь проблемы казахско-монгольских лексических взаимоотношений не может обойти стороной историю социально-политических, экономических и культурных взаимосвязей между этими народами.

Кереи вместе с алчынами, аргынами, дулатами, жалаирами, конгратами, найманами, меркитами и уйсунами входят в число девяти основных племен казахов. В свою очередь кереи подразделяются на абак-кереев (*abaq kerej*, букв. «чистые или «белые» кереи, иногда толкуют как «великие кереи»), кара-кереев (*qara kerej*, букв. «черные кереи») и уак-кереев (*iwaq kerej*, букв. «мелкие кереи»). Кереи в целом являются одним из древнейших племенных союзов в составе казахского народа. Первые сведения о кереех попадают на страницы исторических источников уже с VIII–IX веков. Тогда они кочевали по соседству с найманами, татарами, тайджиутами, уйгурами и монголами. Роды керев, или керейтов, имеются среди алтайцев, тувинцев, кыргызов, каракалпаков, узбеков, ногайцев, башкир, крымчаков и др. Основные массы керейского племени казахов испокон веков жили в Восточном Туркестане, частью на территории Западного Китая (Синьцзяна), частью в пределах Тарбагатайских гор, на юге Алтая. На этих территориях доныне проживают казахи, ведущие свою родословную от древних кереев. По данным Н.А. Аристова, численность кереев в X веке доходила до 900 000 душ.

Х. Ховорс (Howorth, 1876), Н.А. Аристов (1894, 1896), Г.Е. Грумм-Гржимайло (1926) и другие авторитетные ученые на основе богатейших фактов доказывали тюркскую этноязыковую принадлежность древних кереев (керейтов), найманов, уйсунов, аргынов, алчинов, конгратов, дулатов, жалаиров, меркитов и других племен, составивших впоследствии основу казахского народа (подробности см. Аманжолов, 1959; 1997; Юдин, 1965; Ахинжанов, 1976; 1989; Востров, 1961; 1962; Востров, Муканов, 1968 и др.).

Выдающийся казахский языковед С. Аманжолов на основе тщательного анализа тюркских, китайских, монгольских, казахских, персидских и других нарративных и иных источников убедительно доказал, что кереи VIII–XIII вв. представляли собой конфедерацию тюркоязычных племен (Аманжолов, 1959, 46–52). Впервые эта идея была обоснована Ш. Валихановым. Он писал, что обитавшие в IX–XIII вв. на юге-

западе Алтая и в низовьях Черного Иртыша керей в сущности являются не монгольскими, а тюркскими племенами, большая часть которых волилась в состав казахского народа, так как по родовому составу, языку, территории расселения, этнографическим особенностям и т.п. между керейями и монголами наблюдаются значительные отличия (Валиханов, 1961, I, 657-658). К мнению о тюркоязычности кереев склонялся также венгерский алтаист Л. Лигети (Лигети, 1955, 133-140). Историография этноязыковой идентификации кереев и керейтов изучена достаточно хорошо (см. Аманжолов, 1959, 46-52, 91-96; 1997, 61-70, 122-129; Коновалов, 1993, 5-29; Султанов, 1982; Юдин, 1965; Востров, 1961; 1962; Востров, Муқанов, 1968; Муқанов, 1971; Мендикулова, 1997), поэтому нет особой необходимости распространяться по этому вопросу. В рамках нашего исследования гораздо более актуальным является подробное рассмотрение исторической динамики монгольско-керейских (керейтских) взаимоотношений, начало которых, судя по доступным нарративным источникам, относится к рубежу XII–XIII вв. н.э.

В специальной литературе встречаются разные точки зрения на этноязыковую принадлежность древних кереев: одни исследователи относят их к тюркским племенам, другие – к монгольским или, вернее, к ойратским. Действительно, среди ойратов в наше время встречаются керейты (*kerejid*). Исходя из этого, Б.Я. Владимирцов в свое время писал, что «в конце XII века среди монголов выделялись два племени, керейты и найманы, как более цивилизованные; они имели сношения с культурными народами Азии, с уйгурами, жившими тогда в Притяньшаньи и кара-китаями, обитавшими в Семиречьи; найманы и в особенности керейты общались также с Китаем, северной частью которого владели тогда джурджени, народ тунгусского происхождения, и с тангутским царством (Си-ся). Среди керейтов и найманов было распространено христианство несторианского толка» (Владимирцов, 1929, 19-20). Между тем, практически все исследователи придерживаются мнения, что керей и найманы сыграл

решающую роль в ведении и распространении среди монголов Чингисхана письменности на уйгурской графической основе.

* * *

Принято считать, что старая письменность монголов была введена на рубеже XII и XIII веков (Санжеев, 1953, 14; 1977, 4), «причем так и остается до сих пор неизвестным, какое же монгольское племя впервые ввело эту письменность, на основе какого языка начал складываться письменный язык. Можно только предположить, что впервые старая монгольская письменность была введена среди найманов или керейтов, наиболее передовых тогда племен, близких соседей уйгуров, от которых монголы и заимствовали их алфавит» (Санжеев, 1953, 14-15).

Г.Д. Санжеев при этом напоминает легенду о том, что в 1204 году, когда найманы были разбиты Темучином, был захвачен в плен один уйгур, служивший у найманского Даянхана в качестве «канцлера», и с помощью этого уйгура будто бы и ввел будущий Чингисхан для нужд своей государственной переписки монгольскую письменность на уйгурской основе (Санжеев, 1953, 15).

«Сокровенное сказание», секретная история монголов, упоминает о письменности впервые под 1206 годом: «Чингисхан повелеть соизволил... «Пусть записывают в Синюю роспись «Коко Дефтер-Бичик» (*Kökö Debter bičik*. – Ж.Т.), связывая затем в книги, росписи по разверстанью на части всеязычных подданных «гур-ирген», а равным образом и судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху (*Šiyi-Qutuqu*. – Ж.Т.) и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом на белой бумаге» (Козин, 1941, 160, 278).

«Синие письма на белой бумаге» (*kökö bičik čayan čärsun*), в которых были записаны указы и распоряжения Чингисхана под руководством его приемного сына Шиги Кутуку,

до нас не дошли, но они были явно уйгурского письма. Монгольские, китайские и персидские источники упоминают о нескольких уйгурских писцах, служивших при монгольских правителях. Известно, например, что приказы Чингисхана, составленные на китайском языке для населения Северного Китая, были действительны лишь за уйгурской подписью секретаря Чинкая (Pelliot, 1932, 417-418; Cleaves, 1951, 496-497).

Источники передают и любопытный рассказ об уйгурском писце и хранителе найманской государственной печати Тататонге. Его, бежавшего при покорении найманов, схватил живым Батый, и за пазухой у него нашли печать найманского государя. Тататонга объяснил пользу печати, его пощадили, и он стал писцом-хранителем печати Хасара, брата Чингисхана (по «Алтан тобчи»), или же самого Чингисхана (по китайским источникам). Тататонга учил монголов уйгурской грамоте, однако нет ясного доказательства того, что именно он был создателем монгольской письменности (Кара, 1972, 17). К сожалению, мы не знаем, на каком языке общался Тататонга с монголами; неизвестно также, были ли найманы, которым он служил раньше, и близкородственные им керейты тюркоязычны или монголоязычны, или же они в это время говорили на обоих языках (Кара, 1972, 17).

Вопрос об этноязыковой принадлежности древних кереев, найманов, канглыйцев, аргынов и других племен, вошедших в состав казахского народа, непосредственно связан с историей динамики семантического наполнения этнонима *уйгур*. В.В. Радлов посвятил уйгурской проблеме социальную работу, в которой он пишет, что еще в V веке этническое наименование *ıjuur* приобрело собирательное значение и прилагалось к довольно большой группе тюркских племен, живших по верхнему течению Енисея и Селенги, а в XI-XVI столетиях большая часть тюрков на востоке называлась уйгурами (Радлов, 1893, 17-18). Отсюда выясняется, что этноним *ıjuur*, так же, как и этнические термины *türk*, *oğuz*, *qırçaq* и др., уже с VI века перестал быть названием какого-то одного конкрет-

ного племени и приобрел собирательное значение, объединяющее целый ряд тюркских племен центральноазиатского региона. В состав уйгуров средневековые нарративные источники включали, в частности, найманов, кереев, канглыйцев, аргынов, значительные группы которых позднее влились в состав казахского этноса (см. Аманжолов, 1959, 91-92; 1997, 122-124). Таким образом, уйгуры средневековых авторов скорее всего имеют больше отношения к казахам, чем к современным уйгурам, хотя и те, и другие имеют общих предков. Для нас сейчас важно то обстоятельство, что под термином *иџуиг* в средневековье скрывались собственно керей, найманы, аргыны и некоторые другие тюркские племена.

В казахском языкознании существует достаточно аргументированное и вполне достоверное представление о том, что письменное делопроизводство в Монгольской империи возникло после покорения Темучином–Чингисханом кереев (1203 г.) и найманов (1218 г.). Первыми секретарями (*bičeči*) в ставке Чингисхана были писцы, которые раньше служили секретарями у керейских и найманских ханов. Очевидно, в начале XIII века в нарративных источниках все тюркоязычные племена объединились обобщающим политонимом *уйгуры*, хотя в этноязыковом и социальном (родо-племенном) отношениях они являлись *керейями*, *найманами* и т.д.

Во всяком случае, появление в монгольских канцеляриях уйгурской письменности произошло после покорения керейтского и найманского государств, в канцеляриях которых употреблялось уйгурское письмо, восходящее через согдийский к арамейскому алфавиту, и работали «уйгурские» писцы из керейтов, найманов и других тюркских племен. Самый ранний достоверный памятник старой монгольской письменности на уйгурском алфавите – так называемый «Чингисов камень», – найденный у реки Урулунгуй в Нерчинском округе (Забайкалье) в начале XIX века, датируется серединой первой половины XIII века (Владимирцов, 1929, 34; Санжеев, 1977, 4).

Таким образом, монголоеды полагают, что при Чингисхане монголы начали использовать уже в какой-то степени готовый литературный язык, в основу которого лег древнекерейтский язык. Однако от этого языка никаких памятников не сохранилось, более того, само существование древнейманского и / или древнекерейтского письменного языка, вообще говоря, еще точно не доказано (Санжеев, 1953, 15). Вместе с тем доподлинно известно, что уйгурская письменность получила широкое распространение у тюркских племен центральноазиатского региона задолго до монгольской эпохи. Самая ранняя из сохранившихся до наших дней тюркская надпись уйгурским письмом – так называемая Улангомская надпись на каменной стеле из местности Хар-ус в 50 км от Улангома на северо-западе Монголии – датируется первой половиной VIII века, не ранее 712 года (Щербак, 1961, 23-25). Таким образом, между наиболее ранними из известных тюркских надписей и первым монголоязычным памятником лежит огромное хронологическое пространство без малого в пять веков. Улангомская надпись подтверждает также, что на северо-западе Монголии еще в VIII веке проживали тюркоязычные племена уйгурского круга.

Уйгурская система письма вскоре распространилась среди монголов применительно к их языку, и каждый уважающий себя хан старался приобрести грамотея, личного секретаря. В первой половине XIII века эти секретари чаще всего были выходцами из тюркской среды. Они образовали ядро монгольской канцелярии, но уже появились и первые их монгольские ученики. Рашид ад-Дин рассказывает, что у Угедея был «наиб из уйгуров, по имени Чинкай», а у Чагатая, брата Угедея, были два писца: Везир, китаец «низенького роста, жалкий на вид, но очень отважный и острый на язык», и Хабаш-Амид, туркестанец, мусульманин из Отрара. По китайским источникам, Чинкай был родом из керентов (Юань ши, гл. 120). В исторических источниках, в частности, в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, упоминается целый

ряд безымянных писцов и знаменитых знатоков уйгуро-монгольских грамот (подробнее см. Кара, 1972, 20 и след.).

Вместе с тем, следует помнить одно немаловажное обстоятельство, тонко подмеченное Б.Я. Владимирцовым: «на монгольском письменном языке можно только писать; это исключительно книжный, литературный, в значительной мере искусственный язык, на котором только излагают мысли на бумаге, но которым в живой речи никогда не пользуются» (Владимирцов, 2005, 882).

Суть такого положения старописьменного монгольского языка требует объяснения. Б.Я. Владимирцов по этому поводу писал следующее: «Действительно, если сравнить монгольский письменный язык XIII в. с данными по живым говорам тогдашних монголов, с данными, сообщаемыми нам записями китайских, армянских, грузинских и персидских писателей, а также если привлечь материал из заимствований монгольских, встречающихся в разных языках, в том числе и в русском, то очень легко заметить, что уже в XIII в. монгольский письменный язык решительно отличался от живых говоров той эпохи. А мы можем установить, что в XII–XIII вв. монголы не имели одного общего языка, как не имеют его и теперь. Потом приходится констатировать, что монгольский письменный язык в XIII в. является перед нами уже вполне разработанным, со строго установленной орфографией. Вот факты, которые заставляют нас думать, что монгольский письменный язык возник в более раннюю эпоху, во всяком случае до поры Чингисхана» (Владимирцов, 2005, 884).

Гипотеза о бытовании уйгуро-монгольского письма и классического монгольского письменного языка в дочингисовскую эпоху основана на том предположении, что старомонгольский письменный язык фонетически сильно отличался от живой речи уже в XIII веке и, разумеется, во время его создания должен был отражать произношение того времени, особенно в том случае, если не было более ранней местной письменной системы. Разумеется, и то, что, если вновь приня-

тая письменная система заимствована или создана под влиянием чужого письменного языка, она носит его следы.

Исследователи обычно предполагают, что монголы Чингисхана получили готовый письменный язык (заметьте: язык, а не письменность или, вернее – алфавит) от одного из покоренных ими монголоязычных или двуязычных народов – от керейтов или найманов. Но здесь наблюдается явная подмена понятий. На самом деле монголы только приспособили уйгурский, то есть тюркский, алфавит к письменной фиксации своего языка. Ни о каком заимствовании «готового письменного языка» не может быть и речи. Во всяком случае ясно, что монголы в начале XIII века позаимствовали чужую, уйгурскую систему письма, а уйгурский язык, как известно, является тюркским. Следы тюркской системы – речь идет не о внешних, чисто графических, но и о внутренних особенностях монгольской письменности – сохранились до последнего времени. Характерно, что чужие буквы заимствованы и применены монголами и в тех случаях, когда они обозначают такие звуки, которые не являются самостоятельными фонемами в монгольском языке, а представляют аллофоны; иногда эти лишние буквы употребляются в качестве аллографов (как, например, фита, ижица или омега в дореволюционной русской орфографии). Так, уйгуры при заимствовании согдийского алфавита сохранили особые буквы для различения заднеязычных и переднеязычных смычных *q* и *k*, хотя эти звуки в их языке являлись вариантами одной и той же фонемы. Им подражали монголы, которые заимствовали (вернее, которым был навязан тюрками) весь состав уйгурского алфавита и даже орфографию, приспособленную не к их языку, а к уйгурско-тюркскому. Эти несоответствия между монгольским языком и уйгурской системой письма привели к новым случаям многозначности букв. Например, в начале древнеуйгурских слов *d* не встречалось, из зубных смычных могло стоять в таком положении только *t*, и соответственно в письме, по крайней мере в уйгурских словах, отсутствовала и инициальная форма буквы **D**. В монгольском языке обе зубные смычные

употребляются в начале слов, однако монголы, следуя уйгурским нормам, писали букву Т вместо Д. В конце уйгурских слов звук *s* был нехарактерным в отличие от звука *z* и буквы Z, кроме того, буква S финальной позиции обозначала первоначально \bar{s} – звук, не свойственный монгольскому в конце слова. Опять таки по уйгурскому образцу монголы употребляли уйгурскую букву Z в значении своего звука *s*. В начале уйгурских слов не было звука \bar{z} (хотя позже, в XIV–XV вв., возможно и это), а во многих общих с монгольскими словами господствовало соответствие уйг. *j*- ~ монг. \bar{z} , поэтому монголы использовали уйгурскую инициальную букву J в двух значениях: *j* и \bar{z} и т.д. Монгольский алфавит как каталог знаков в определенном порядке, который известен в поздней форме, также восходит к древнеуйгурскому образцу (Кара, 1972, 18-19).

Согласно одному из последних предположений о найманском происхождении старомонгольского письменного языка, у найманов, подчинивших туркестанское государство кара-китаев, был в употреблении монгольский письменный язык – киданьское наречие на уйгурской графической основе, и этот язык был передан монголам Чингисхана уйгурским писцом и хранителем найманской государственной печати Тататонгой. Однако наука пока не располагает ни одним памятником, который подтвердил бы применение уйгурского алфавита к киданьскому языку в государстве кара-китаев.

Этот процесс был возможен и в самом государстве Ляо в X веке, однако в таком случае мы должны предполагать, что поздний киданьский диалект Западного Ляо был более архаичен, чем тот, которому принадлежат дошедшие до нас более ранние глоссы в китайской иероглифической передаче. Конечно, это предположение тоже не выходит за рамки допустимого, но все же это гипотеза над гипотезой (Позднеев, 1896, I, 16-17; Pelliot, 1925, 284-289; Владимирцов, 1932, 1-17; Викторова, 1961, 137-155; Ligeti, 1962, 207-208; Ro±na-Tas, 1965, 119-121; Кара, 1972, 117-118).

До сих пор остается неизвестным, среди каких монгольских племен была впервые введена старая монгольская письменность на уйгурской графической основе. Б.Я. Владимирцовым была выдвинута рабочая гипотеза о том, что заимствованная у уйгуров система письма впервые была распространена среди торгоутов, ибо в старописьменном монгольском языке обнаруживаются некоторые фонетические черты, свойственные языку современных торгоутов (Владимирцов, 1931, 5; 2005, 885-886). Он, в частности, отмечает, что монгольский язык во всех фазах своего развития отличается от всех известных монгольских наречий, но есть одна черта, которая сближает его с торгоутским наречием, а именно – отсутствие прогрессивной лабиализации гласных (Владимирцов, 2005, 885). Б.Я. Владимирцов подчеркивает, что «торгоуты вначале не принадлежали к ойратам и присоединились к последним только в век Чингис-хана. Торгоуты (*toryūt ~ toryūd < toryayūd < toryay ~ turyay + суф. -ūd*) происходили от племени керейт (*kereyid*) и имя свое получили от названия гвардии (*toryay ~ turyay*) известного Ван-хана керейтского (Pelliot, 1930, 30). Любопытно отметить, что ойратские калмыцкие хроники (довольно позднего происхождения) сохранили память о происхождении *торгут*: все они единогласно указывают на *керейт*. А что касается племени *керейт*, то нам известно, что оно еще задолго до образования монгольской державы при Чингисхане (начало XIII в.) приняло христианство несторианского толка. Возможно, что среди керейтов распространение получил и буддизм; керейты кочевали на древней родине уйгуров, находились в сношениях с ними, а также с тангутами и другими народами Восточного Туркестана и Семиречья. В культурном отношении они стояли выше монгольских племен, из среды которых вышел Чингис» (Владимирцов, 2005, 885-886).

В заключение Б.Я. Владимирцов пишет: «Все эти данные заставляют думать, что именно у керейтов и началась монгольская письменность и образовался монгольский письменный язык на почве одного или нескольких керейтских говоров» (Владимирцов, 1931, 6; 2005, 886). Однако нет полной

уверенности в том, что характерные для торгоутского наречия черты, если, конечно, они появились уже в те времена, не были присущи и другим монгольским диалектам XIII века. Впрочем, нет и прямых свидетельств того, что в это время были монгольские диалекты какого-либо иного рода (Санжеев, 1977, 5). Суть проблемы даже не в этом. Главным изъяном в гипотезе Б.Я. Владимирцова является то, что мы ничего не знаем о языке керейтов времен Чингисхана, не говоря уже о более ранних этапах.

Б.Я. Владимирцов в своем предположении исходил из того, что, во-первых, особенности старописьменного монгольского языка напоминают черты ойратского языка (торгоутского наречия), а во-вторых, монголоязычные керейты в наше время встречаются именно среди западных монголов, то есть ойратов. Но если верно, что старописьменный монгольский язык по некоторым своим фонетическим особенностям напоминает современный ойратский, то надо сказать, что изначальная этноязыковая принадлежность средневековых кереев (керейтов) к монголам не может считаться доказанной, так как керейты, разгромленные в 1204 году Чингисханом, были рассеяны повсеместно, в том числе среди исторических предков современных казахов и других тюркоязычных народов. Гораздо больше оснований считать кереев и близких к ним найманов племенами, частично омонголившимися уже после завоевания Чингисханом, то есть в первой половине XIII века. При этом большая их часть продолжала сохранять свой тюркский язык и в монгольскую эпоху.

Попробуем рассмотреть эту проблему не с монгольской, а с тюркской стороны. Как было отмечено выше, керей начинают фигурировать на страницах нарративных источников задолго до появления на арене истории монголов Чингисхана – уже с VIII–IX вв. н.э. Основные массы племенного союза кереев кочевали в то время в Восточном Туркестане, Тарбагатае и Семиречье в соседстве с уйгурами, найманами и другими тюркскими племенами. Вплоть до конца XII века никаких монголов в этом регионе не было. Следовательно, есть все

основания считать кереев тюркоязычными племенами уйгурского круга. Не случайно этноним *керей* получил широкое распространение среди целого ряда более поздних тюркоязычных народов (см. выше). Вариант этого этнонима *керейит* (тюрк. *kerejit*, монг. *kerejid*) является древней тюркской формой собирательной множественности на *-t* от *kerей*, и он проник в монголоязычную среду из тюркского языка. Так, например, С. Аманжолов пишет, что та часть кереев, которая при нашествии монголов вынуждена была переселиться на запад, называлась керейтами, «тогда как все другие, оставшиеся на старом месте, не приняли окончания *-т*» (Аманжолов, 1959, 51; 1997, 68), то есть сохранила основную форму этнонима. Отсюда следует полагать, что «керейтами» стали называться те группы тюркоязычных кереев, которые волею исторической судьбы были вовлечены монголами на запад и, по всей вероятности, в первой половине XIII века омонголилась. Напомним, специалисты полагают, что монголы получили уйгурскую систему письма от одного из покоренных ими народов – от керейтов или найманов. Мы предполагаем, что и те, и другие в начале XIII века еще говорили на тюркском языке. Во всяком случае сохранившиеся в источниках собственные имена и титулатура у них тюркские.

Теперь обратимся к торгоутам, которые получили свое этническое наименование *торууд* от названия гвардии Ван-хана керейтского. Этот ойротский родоплеменной этноним имеет несомненно тюркское происхождение и представляет собой форму собирательной множественности на *-t* от древнетюркского *turyaq* «сторож, страж», зафиксированного, кстати, в известном караханидско-уйгурском памятнике «Кутадгу билиг» (ДТС, 587; QBK, 139; Clauson, 1967, 539) и являющегося именным дериватом от глагола *tur-* «стоять», «пребывать» и т.п. (см. Doerfer, 1965, II, 477-478, №882; ЭСТЯ, 1980, 296-301; 529, 530; EDAL, 2003, I, 404). Отсюда следует полагать, что изначально торгоуты, как и гвардейцы Ван-хана, скорее всего были тюрками-уйгурами. Известно, что в уйгурском, этом «наиболее европеизированном» тюркском языке,

очень рано начали проявляться случаи нарушения сингармонизма. Прежде всего это явление коснулось лабиальной гармонии гласных. Так, например, В.А. Богородицкий установил, что в отношении губного сингармонизма уйгурские наречия Синьцзяна, современный уйгурский и узбекский языки располагаются на шкале от максимального употребления губных вариантов до минимального на девятом, предпоследнем месте (перед языками древнетюркских письменных памятников) (Богородицкий, 1953, 129; Щербак, 1970, 72-76; СИГТЯ, 1984, 433 и след.). Отсюда напрашивается логический вывод: отсутствие прогрессивной лабиализации гласных, или, другими словами, лабиальной гармонии гласных, в письменном монгольском скорее всего отражает фонетическую (соответственно и графическую) систему древнеуйгурского языка, а в торгоутском говоре его следует объяснить как проявление тюркского (уйгурского) субстрата, полученного в процессе монголизации керейтов.

Специалистам хорошо известно, что старописьменный монгольский язык фонетически сильно отличался от живой разговорной речи уже в XIII веке и, разумеется, во время его создания должен был отражать реальное произношение того времени. Предположение о расхождении между живой разговорной монгольской речью и ее письменной формой в основном покоится на довольно поздних материалах конца XIII века. Между временем возникновения старой монгольской письменности на уйгурской графической основе в самом начале XIII века и сохранившимися письменными памятниками старомонгольского языка второй половины XIII века лежит значительное хронологическое пространство, наполненное бурными политическими событиями эпохи монгольских завоеваний. В первой половине XIII века в силу известных исторических причин, связанных с завоевательными походами Чингисхана, монголы приходили в соприкосновение со многими народами Центральной Азии, Китая, Казахстана, Ближнего и Среднего Востока, Восточной Европы, что, конечно же, не могло не привести к качественным сдвигам в самом

монгольском языке. На рубеже XII–XIII веков языки различных монгольских родоплеменных подразделений составляли известное единство, представляя близкородственные наречия единого общемонгольского языка. Изучение особенностей ранних письменных памятников монгольского языка, оставленных персидскими, арабскими, тюркскими, грузинскими, армянскими, китайскими и собственно монгольскими писцами и относящихся к первой половине XIII века, не оставляет никакого сомнения в том, что различные монгольские племена, рассеянные на громадном пространстве Евразии от Китая до Восточной Европы, говорили на таких наречиях общемонгольского языка, различия между которыми были куда более меньшими, нежели те, какие мы теперь наблюдаем между современными монгольскими языками. Все это говорит о том, что складывающаяся монгольская народность, вышедшая на широкую историческую арену в самом начале XIII века, говорила на едином общемонгольском языке, легшем в основу старописьменного, или классического, монгольского языка на уйгурской графической системе. Отсюда напрашивается логический вывод: изначальным ядром монголов эпохи Чингисхана было относительно небольшое монолитное племенное объединение борджигин или нирун, говорившее, разумеется, на едином общеплеменном языке, впоследствии получившем название монгольского. Диалектное дробление общемонгольского языка-основы начинается уже после монгольской экспансии аридной полосы Евразии, точнее – с середины XIII века. Монгольская письменная традиция способствовала консервации языковых норм начала XIII века на довольно долгое время.

Вместе с тем, в ходе завоевательных походов Чингисхана монголы вступили с самого начала в интенсивные контакты с тюркоязычными племенами, населявшими в то время всю аридную полосу Евразии от Монголии до Дуная. Одними из первых под удар Чингисхана попали керейты, татары, тайджиуты, найманы и другие тюркоязычные племена, которые частью бежали на запад, частью влились в состав формирую-

щейся монгольской народности. Уже в первой половине XIII века многие из завоеванных Чингисханом тюркских племен были ассимилированы монголами. Обильная тюркская струя, влившаяся в состав складывающегося монгольского этноса, не могла не оказать существенного влияния на качество монгольского разговорного языка. Есть серьезные основания предполагать, что существенные отличия в фонетике живых разговорных монгольских языков начали складываться уже в первой половине XIII века в результате наслоения стандартного монгольского языка на тюркский субстрат.

Таким образом, в первой половине XIII века в монгольский язык проникают лексические заимствования из стандартных тюркских Z-языков и диалектов Восточного Туркестана, в том числе, в частности, из керейтского, найманского и других. В этом пласте тюркских лексических заимствований (которые Дж. Клоусоном названы «уйгурскими») в среднемонгольском, в частности, сохраняются анлаутный *j*- и аслаутный *ǰ*- без изменений. Это уже второй (после огурского) пласт тюркских субстратных интерференций в монгольском.

Обобщая результаты интегрированного изучения исторических и собственно языковых фактов, мы пришли к заключению, что монгольский язык начала XIII века, законсервированный письменной традицией на уйгурской графической основе, имеет значительные отличия от живого разговорного монгольского языка второй половины XIII века. При этом следует особо подчеркнуть, что все изменения, касающиеся уровня лексики, а также довольно узких областей фонетики и грамматики как нельзя лучше объясняются адстратно-субстратно-суперстратными и интерстратными влияниями тюркских языков. К сожалению, наши данные пока таковы, что мы еще не можем делать на их основе какие-либо серьезные обобщения относительно более детальных особенностей различных диалектов среднемонгольского языка. И даже если мы не располагаем хотя бы немногочисленными, но красноречивыми данными о наличии диалектов в XIII веке, мы должны теоретически предполагать территориальные несоот-

ветствия в монгольском языке данной эпохи. Невозможно, конечно, и предполагать, что на огромном пространстве от берегов Хуанхэ до берегов Дуная могли встречаться лишь носители одного какого-либо монгольского наречия. После распада империи Чингисхана, а вместе с ней и некогда единой монгольской народности, вследствие рассеивания отдельных групп этой народности по разным улусам и на далекие расстояния друг от друга, распался и единый язык монголов, диалекты которого дали начало образованию ряда самостоятельных монгольских этноязыковых формирований.

В целом этноглотогенез тюркских и монгольских народов в средние века был куда более сложным и не таким прямолинейным, как это представлялось многим исследователям в недавнем прошлом.

Ранние исследователи истории тюркских и монгольских народов в основном следовали за средневековыми авторами, которых прежде всего интересовала политическая принадлежность того или иного родоплеменного социального организма, и поэтому они мало обращали внимания на их этноязыковую принадлежность. Одно и то же племя, в зависимости от того, в какую политическую конфедерацию оно входило, в разное время могло быть причислено то к тюркам, то к уйгурам, то к кыпчакам, то к монголам. Следовательно, многие раннесредневековые этнические термины носили не этническое, а политическое содержание. Для того, чтобы установить этноязыковую принадлежность древних и средневековых родоплеменных образований, требуется провести глубокие интегрированные исторические, этнологические и лингвистические исследования.

Существенным упущением ранних исследователей истории тюркских и монгольских народов является прямолинейность, выражающаяся прежде всего в игнорировании сложных, многоступенчатых и разнонаправленных адстратно-субстратно-суперстратных и контактно-интерстратных взаимоотношений между разными тюркскими и монгольскими племенами, активно развивавшихся на протяжении всего средне-

вековья. Этнические наименования подчас оказывались куда более стабильными, чем их смысловое содержание. Отдельные родоплеменные образования Центральной Азии неоднократно меняли свои языки, культуру и политический статус. Так, например, степи Монголии вплоть до конца XII века были населены исключительно тюркоязычными племенами. В начале XIII века, в связи с монгольской экспансией, происходит монголизация тюркских племен центральноазиатского региона, но уже после распада Монгольской империи Чингисхана начинается обратный процесс – ассимиляция тюрками монгольских завоевателей. Надо заметить, что это только самая общая рабочая схема в первом приближении к проблеме тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений и взаимовлияний в средних веках; на самом деле реальные взаимосвязи в каждом отдельно взятом регионе, в том числе, в частности, на территории современного Казахстана и сопредельных государств, были куда более сложными и многоаспектными.

Заложенный основоположниками российского и западного востоковедения еще в XIX веке прямолинейный подход к сложнейшим этногенетическим процессам, происходившим в среде кочевых народов на протяжении без малого трех тысячелетий, как нельзя лучше соответствовал усиленно культивируемой в приснопамятные советские времена так называемой автохтонной теории. На молодое поколение исследователей завораживающее воздействие оказывал также авторитет таких корифеев востоковедения, как В.В. Радлов, В.В. Бартольд, Б.Я. Владимирцов и др. Огромное негативное, тормозящее влияние на развитие компаративного востоковедения в Советском Союзе оказало также печально известное «новое учение о языке» Н.Я. Марра (Алпатов, 1991; 2004). Тем не менее, после восстановления в правах сравнительно-исторического метода в языкознании, уже в 50-х годах прошлого века, появляются работы замечательного казахского языковеда С.А. Аманжолова, в которых, несмотря на вполне объективные для того времени методологические издержки,

дается в целом корректное освещение этноязыковой истории девяти главных племен, составивших основу современной казахской нации (Аманжолов, 1959; 2-е изд. 1997), в том числе и кереев. Основной вывод С. Аманжолова о том, что керей, найманы, алчыны, аргыны, дулаты, жалаиры, конграты, меркиты, уйсуну и другие в домонгольскую эпоху были тюркоязычными, подтверждается современными более глубокими междисциплинарными интегрированными исследованиями.

* * *

Реальные контакты тюркоязычных кереев с монголами начались в эпоху возвышения Чингисхана, то есть на рубеже XII–XIII веков. Начало окончательной фазы борьбы монголов за гегемонию в степи исследователи относят к 1201 году, когда в урочище Алхуй-булах несколько обоков провозгласили гур-ханом Джамуху (Козин, 1941, 120; Храпачевский, 2005, 102). Значение этого нетривиального события было сразу оценено претендентами на власть в степи – и Ван-ханом керейтским, и Чингисханом.

В 1189 году (другая распространенная дата – 1190 г.) состоялись первые выборы сына Есугэй-багатура ханом монголов-нирун. Избрание Темучина ханом произошло в довольно непростой обстановке, сложившейся в то время в степях Центральной Азии. Надо прямо сказать, что полученное им громкое звание «хан» скорее выдавало желаемое за действительное. Это звание еще не было титулом в полном смысле слова; это было пока еще не более чем обозначением для выборного вождя, а не полноправного государя, которым Темучин стал позднее, уже получив имя Чингисхана в 1206 году.

Получив звание хана, Темучин провел ряд организационных мер по устройству своего улуса. Вновь провозглашенный хан оказался вождем лишь части монголов-нирун, причем племени далеко не значительного. Куда большей силой обладал Джамуха, за которым стояли тринадцать родовых подразделений. Крупную самостоятельную силу представля-

ли собой тайджиуты во главе с давним врагом Темучина – Таргутай-кирилтухом. Лидерам этих двух мощных родоплеменных группировок провозглашение ханом Темучина едва ли могло понравиться. С этого времени пути Джамухи и Темучина разошлись навсегда. Вскоре между ними вспыхнула настоящая война, и вновь избранный хан потерпел поражение при Далан-Балджутах. Это серьезно подорвало военную мощь и занчительно ослабило авторитет Темучина в монгольской степи. Очевидно, именно разгром при Далан-Балджутах привел к тому, что Темучин оказался в плену у чжурженей. Это пленение продолжалось целых десять лет и закончилось только в 1196 году благодаря вмешательству циньцев.

В свое время объединенные Хабул-ханом и Амбагаем монгольские племена нирун представляли серьезную угрозу для северных провинций Цзиньского Китая. Для сдерживания монгольских набегов чжурчженское правительство заключило союз с естественными степными конкурентами монголов – тюркоязычными татарами. Уже к моменту смерти Есугея (умер около 1164 г.) монгольская угроза силами татарских воинов была для Китая устранена, но это привело к усилению самих татар. К концу XII века ситуация в степи изменилась кардинальным образом. Монголы, расколотые на три противоборствующих лагеря – Джамуха, борджигины Темучина, тайджиуты – не представляли в это время реальной угрозы для Цзиньского Китая, а татары во второй половине XII века значительно окрепли и превратились из союзников в потенциальных врагов чжурчженских императоров. Результатом этого стало резкое изменение политической линии Китая по отношению к северным соседям. В 1196 году цзиньское правительство принимает важное решение о крупном военном походе на татар с целью ослабить чрезмерно усилившихся бывших своих союзников. Освобождение Темучина было на руку китайским политикам – они получали серьезную силу в глубоком тылу татар. Освобождение Темучина способствовало также установлению союза с керентами Тогрул-хана, на тот момент представлявшими собой самую мощную военную

силу в монгольской степи. Тогрул-хан (будущий Ван-хан) в то время был почти по-отцовски привязан к Темучину и являлся сюзереном борджигинов. После освобождения из плена и избрания ханом Темучин приступил к объединению сил всех монгольских племен под единым началом. Тогрул-хан реагировал на это спокойно и даже похвалил монголов, выбравших себе хана: «Зело справедливо, что посадили на ханство сына (читай – вассала. – Ж.Т.) моего, Темучина! Как можно монголам без хана?» (Козин, 1941, 111). Но Джамуха был встревожен и предпринял превентивные меры против чрезмерного усиления Темучина. Война между ними стала неизбежной и исход ее был решен в сражении при Далан-Балджутах. Джамуха выиграл сражение, но не сумел окончательно добить Темучина, последнему удалось сохранить значительную часть своих сил. Поражение от Джамухи на какое-то время затормозило процесс собирания сил монголов вокруг Темучина, но уже через некоторое время к нему начали присоединяться влиятельные люди степи (Козин, 1941, 112). Чтобы оправиться от поражения и более или менее вернуть силы своему улусу, Темучину понадобилось не более трех лет.

Летом 1196 года начался военный поход чжурчженей против татар. Война чжурчженей с татарами оказалась весьма кстати: кроме временного примерения с джуркинами, она давала возможность Темучину разжиться добычей и пополнить военные силы новыми людьми. Дело в том, что чжурчжени обратились за помощью в походе против татар к их давним соперникам за гегемонию в степи – керентам Тогрул-хана (ставшего впоследствии Ван-ханом). Темучин как «сын» (то есть вассал) Тогрул-хана получил возможность участвовать в войне против татар на стороне сильных керентов и поэтому ничем особенно не рискуя. Пока чжурчжени разбирались с татарами, он договорился с Тогрул-ханом о совместных действиях и вскоре вместе с присоединившимися к нему джуркинами выступил на встречу с Тогрул-ханом и совместными усилиями они разбили татар.

Цзиньский полководец, руководитель похода на татар, Вангин-чинсян к этому времени гнал татар вверх по реке Ульдже (ныне река Улдз-Гол в северо-восточной Монголии, в междуречье Онона и Керулена) и ожидал от Темучина обещанной помощи. Тот послал к керейтскому Тогрул-хану гонца с просьбой присоединиться к походу на татар: «Татары наши старые враги. Они губили наших дедов и отцов. Поэтому и нам следует принять участие в настоящем кровопролитии». Керейтский хан в очередной раз согласился помочь своему вассалу. Вскоре объединенное войско обрушилось на татар, укрывшихся в урочищах Хусуту и Нарату вблизи Ульджи. К походу были привлечены и силы джуркинцев, но не все из них явились к месту сбора.

Оказавшись меж двух огней, татары потерпели полное поражение – монгольское-керейтская рать выбила их из укреплений и на равнине разбила окончательно. Предводитель татар Мегуджин-сеулту был убит, победители захватили большую добычу. Огромная масса полоненных татар была разделена между двумя ханами. Так Темучин получил значительное количество новых подданных, которые вскоре влились в монгольское войско. Тогда же, кстати, в одном из татарских стойбищ был подобран мальчик – знаменитый впоследствии Шиги-Хутуху, будущий Хранитель Великой Ясы Чингисхана, то есть верховный судья всех монголов и наиболее вероятный автор «Сокровенного сказания».

Оплатили союзникам за помшь и китайцы. Получив известие о разгроме татар, первый министр Цзиньской империи Вангин-чинсян очень обрадовался и пожаловал Темучину титул чаутхури, а Тогрул-хану керейтскому – титул вана. С этого времени Тогрул-хан стал именоваться Ван-ханом (Козин, 1941, 113). Это достаточно высокое звание соответствует великому князю (тюрк. *en beg*) или государю вассальной державы в империи, в данном случае – чжурчженской империи Цзинь. Темучин получил более низкий ранг, соответствующий званию чжао-тао, а также звание командующего войсками инородцев «дю» (Кычанов, 1995, 101; Храпачевский, 2053,

95-96). Таким образом Тогрул-хан, или теперь уже Ван-хан, керейтский стал самой значительной фигурой монгольской степи, как по своим силам, так и по своему званию, подкрепленному авторитетом империи Цзинь. Значение Темучина на его фоне было куда более скромнее, но зато он сумел значительно усилить свой обок богатствами и людскими ресурсами татар. В этой своей сильной позиции он смог преподать урок на будущее потенциальным раскольникам. Так, в 1197 году Темучин жестоко наказал осмелившихся покушаться на его соплеменников джуркинцев, и тем самым показал, что он может явно осуществить властные полномочия и наказать неповинующихся ему степных аристократов (Козин, 1941, 114). В 1198 году Темучин напал на отколовшийся от керейтов Ван-хана обок тункаит, которым руководил брат Ван-хана Чжаха-Гамбу. По сообщению Рашид ад-Дина, тункаиты были разбиты и потом «все явились с выражением рабской покорности к Чингиз-хану» (Рашид ад-Дин, 1952, I/2, 94). Тогда же Темучин выступил против меркитов Тохтоа-беки в союзе с Ван-ханом (Храпачевский, 2005, 97).

В том же 1198 году Темучин вместе со своим сюзереном Ван-ханом предпринимает военные действия против найманов Буюрук-хана, однако найманский полководец Кокэсэу-Сабрах в урочище Байдарах-белчир остановил объединенное войско союзников. Тогда Ван-хан тайком оставил Темучина на боевых позициях, и сам ушел, поддавшись уговорам Джамухи. Оставшись один на один с сильными найманами, Темучин не стал рисковать и сам скрытно увел свои войска. Однако найманы стали преследовать не Темучина, а Ван-хана и захватили добрую половину Ван-хановых людей и скота (Козин, 1941, 126). Тут уже пришлось самому Ван-хану обратиться за помощью к Темучину, и общими усилиями им удалось нанести поражение найманам и вернуть захваченное у керейтов имущество. В 1199 году керейты Ван-хана и монголы Темучина предприняли еще одну кампанию против найманов и покорили еще одно их подразделение. В благодар-

ность за помощь Ван-хан по всей форме совершил обряд усыновления Темучина (Козин, 1941, 126-127).

В 1200 году Темучин и Ван-хан напали на тайджиутов – давних врагов монголов. В помощь тайджиутам поспешил Джамуха, к которому примкнули меркиты. Силы союзников разделились: Темучин вступил в бой с отрядами тайджиутов, а Ван-хан сдерживал войска Джамухи с меркитами. В результате ожесточенного сражения тайджиуты потерпели полное поражение. Темучин жестоко расправился с плененными нойонами тайджиутов, а всех людей этого обока раскассировал по своему улусу (Храпачевский, 2005, 101). Кстати, в сражении с тайджиутами сам Темучин получил ранение в шею от стрелы, пущенной неким Джиргоадаем. Он был пленен монголами, и сам признался в этом. Темучин, верный своему принципу приближать к себе и возвышать способных и честных людей, приблизил Джиргоадаю и назвал его Джебе, то есть «стрела». Это был будущий знаменитый полководец Чингисхана, известный под именем Джебе.

Таким образом в течение 1197-1200 годов Темучин значительно укрепил экономические и людские ресурсы монголов и, естественно, свои властные полномочия. Войско его заметно усилилось за счет пленных и вновь присоединившихся тюркских племен, неисчислимыми стали табуны, пополненные захваченными у татар, джуркинцев, кереев, найманов, меркитов и других обоков лошаадьми. К началу XIII века Темучин превратился в одну из самых значительных фигур в центральноазиатской степи.

К началу XIII века в монгольской степи начинают доминировать четыре основные этноплеменные группировки: керейты Ван-хана; монголы (борджигины) Темучина; объединение многочисленных обоков во главе с Джамухой, видевших в нем защиту от поглощения более крупными объединениями; объединение татар и найманов Таян-хана. Отношения между этими группировками были неустойчивыми, существовавшие на это время политические союзы между разными этноплеменными группировками были хрупкими и внутри

них развивались сильные тенденции к распаду. Такова была реальная этнополитическая ситуация в сердце Азии на рубеже XII–XIII веков нашего летоисчисления.

К началу XIII века Темучин стал одной из ключевых фигур в степях Центральной Азии. По его приказу в одночасье могли подняться до двадцати тысяч монгольских конников. В сущности, он уже достиг могущества своего знаменитого предка Хабул-хана (около 1100-1148 гг.) – первого хана монголов и сильнейшего из правителей за всю историю этого кочевого народа. Казалось бы, можно почивать на лаврах, но не таков был достойный правнук Хабула. Темучин отлично понимал, насколько еще не прочно его положение. Потенциальных врагов в Великой степи хватало. Это и татары, обозленные, но далеко не сломленные поражением 1196 года. Да и само это поражение коснулось лишь северо-восточной ветви обширного татарского племени. Чрезвычайно многочисленные южные племенные группировки татар оставались, по сути, самой внушительной силой в степи. Это и битые, но непокоренные меркиты – давние родовые враги борджигинов, готовые отомстить наследнику Есугей-багатура. Это и далекие, но весьма грозные найманы, один из вождей которых, Буюрук-хан, уже проявил себя врагом Темучина, поддержав Джамуху во время его непродолжительного гурханства. Но больше всего тревожили Темучина старые союзники керейты. Ведь у Ван-хана, верного соратника и названного отца Темучина, вырос и вошел в полную силу сын и наследник Нилхасангум, который давно уже тяготился союзом с борджигинами. К тому же вызывала серьезные опасения способность престарелого Ван-хана удерживать бразды правления керейтами в своих руках. Темучин хорошо помнил, что Ван-хан уже дважды терял власть, будучи свергнут своими же родственниками. Лишь помощь монголов – сначала Есугея, а потом его сына Темучина – помогли ему восстановиться на керейтском престоле. Причем последний случай произошёл совсем недавно, в 1198 году. Тогда-то брошенный почти всеми

своими близкими соратниками Ван-хан и был спасен названным сыном.

Эти и другие события показали Темучину, что у казавшихся самыми верными союзниками кереитов все обстоит далеко не самым лучшим для него образом. Тогда Темучин решил укрепить союзнические отношения между монголами и кереитами путем установления брачных уз. Однако традиционный для Великой степи с далеких сюннуских времен обычай «мира и родства» возымел обратный эффект: отягощенный возвышением монголов и фактически сложившимся переделом власти в монгольской степи Ван-хан ответил Темучину отказом. В результате этого между кереитами Ван-хана и монголами Темучина наметились расхождения. Причиной охлаждения отношений между двумя ведущими политическими фигурами в монгольской степи стало сватовство Темучином своего сына Джучи к Чаур-беки – дочери Ван-хана, а Тусаху, сына Нилха-Сангуна и внука Ван-хана он просватал за свою старшую дочь Хаджин-беки, но Ван-хан резко отказался от этих брачных союзов, чем сильно подорвал отношения с Темучином. Умудренный богатым жизненным опытом Ван-хан явно заподозрил, что этим шагом Темучин преследовал далеко идущие цели – отстранить от наследства его единственного сына Нилха-Сангума и самому завладеть сильным кереитским обоком Ван-хана. О таких намерениях Темучина свидетельствует и охлаждение отношений между настоящим наследником Ван-хана Нилха-Сангумом и Темучином с момента его усыновления Ван-ханом в 1199 году. После этого акта Нилха-Сангум в источниках предстает последовательным врагом Темучина – Чингисхана.

Под 1200 годом Марко Поло дает интересное сообщение о том, что Чингисхан отправил своих «послов к попу Ивану (Ван-хану. – Ж.Т.), и было то в 1200 г. по р.х.; наказывал он ему, что хочет взять себе в жены его дочь. Услышал поп Иван, что Чингис-хан сватает его дочь, и разгневался: «Каково бесстыдство Чингис-хана! – стал он говорить. – Дочь мою сватает! Иль не знает, что он мой челядинец и раб!»

(Марко Поло, 1955, 85). В действительности попытка Чингисхана породниться с Ван-ханом керейтским происходила в 1202 году, но она провалилась и была одной из причин ссоры между ними.

Известно, что «попом Иваном» западноевропейские авторы XIII века ошибочно называли главу керейтов (среди которых было много христиан несторианского толка) Ван-хана. В предыдущей главе Марко Поло прямо пишет про монгольские племена до Чингисхана: «Не было у них князей, платили они великому царю (кереев. – Ж.Т.) и звали его по-своему Унекан (т.е. Ван-хан; Марко Поло точно передает форму имени Ван-хана как *Он-хан*, зафиксированную во многих источниках. – Ж.Т.), а по-французски это значит поп Иван; это тот самый поп Иван, о чьем великом могуществе говорит весь свет. Татары (т.е. монголы) платили ему дань, из десяти скотов одну скотину» (Марко Поло, 1955, 84). Отсюда становится предельно ясно, что до избрания Темучина великим ханом (Чингисханом) в степях Центральной Азии господствовали керей, или керейты (во множественном числе), а монголы-борджигины, которых Марко Поло по западноевропейской традиции называет татарами, находились в вассальной зависимости от керейтов и платили им десятину. Не случайно Ван-хан керейтский (великий царь *Унекан* или «поп Иван» Марко Поло) называет Чингисхана «челядинцем и рабом»; он был сюзереном Чингисхана, признававшего его власть над собой. Однако к рубежу XIII века Темучин почувствовал себя если не превосходящим, то, по крайней мере, равным с престарелым Ван-ханом политической силой и всячески стремился легитимными путями объединить керейтов под своей эгидой. Но пока был жив Ван-хан, связанный узами побратимства (*anda*) с отцом Темучина Есугей-багатуром, осуществиться этим тайным желанием монгольского хана было не суждено. Освященные тысячелетней традицией законы степного побратимства были настолько непоколебимыми, что их не мог нарушить даже резкий отказ в сватовстве детей. Перед лицом общей угрозы временные похолодания отношений ме-

жду керейтами и монголами забывались и две ведущие политические силы выступали единым фронтом против общего врага.

Возросшая мощь Темучина вызвала серьезную тревогу у его многочисленных противников. В 1201 году в урочище Алхой-будах состоялся грандиозный курултай, в котором участвовали едва ли не все монгольские и тюркские племена, еще сохранявшие самостоятельность. Своих полномочных представителей из числа высшей племенной знати прислали татары, меркиты, хадагинцы, сальджиуты, дорбены, икиресы, унгираты, горлосы, ойраты, тайджиуты и даже далекие найманы. Они возвели Джамуху в гур-ханы и уговорились объединенными силами выступить в поход против Темучина и Ван-хана (Козин, 1941, 120). Лазутчики немедленно известили Темучина о случившемся, а тот передал его Ван-хану, и последний немедленно прибыл к своему названному сыну. Значение этого события сразу было оценено претендентами на гегемонию в степи – и Темучином, и Ван-ханом.

Силы почти всей монгольской степи поляризовались: с одной стороны были монголы и керейты, а с другой – коалиция остальных монгольских обоков, татары, меркиты и найманы (кроме части найман – улуса Таян-хана).

В данных условиях, когда претензии Джамухи на господство среди монгольских и прочих племен стали реальными как никогда, керейты и монголы выступили общим фронтом. Несмотря на наметившиеся перед этим похолодания в отношениях, Темучин и Ван-хан перед лицом общей угрозы объединили свои войска против Джамухи и выступили в поход против его коалиции племен. Сражение сил коалиции Джамухи с объединенным войском Темучина и Ван-хана состоялось при урочище Койтен (Козин, 1941, 117) и завершилось победой Темучина. Джамуха после поражения стал сноситься с керейтами и установил прочные связи с сыном Ван-хана Нилха-Сангуном, которого совершенно не устраивало положение Темучина как соперника в наследовании улуса керейтов.

Между тем Темучин и Ван-хан, оставаясь в союзнических отношениях, занялись решением своих более насущных проблем: Темучин начал войну с татарами, а Ван-хан отправился походом на меркитов (Козин, 1941, 125).

Осенью 1202 года войско монголов Темучина выступило в поход против одного из самых сильных улусов в Монголии – против татарских поколений Чаган-татар, Алчи-татар, Дутаут-татар и Алухай-татар (Козин, 1941, 123). Разгромив и уничтожив татар, Темучин окончательно сместил равновесие сил между улусами и стал господствовать во всей Восточной Монголии. А вот Ван-хан, контролировавший Центральную Монголию, после завоевания татар оказался в стратегическом вакууме. Кроме мелких обоков, находившихся под патронажем Джамухи, у него не оказалось больше потенциальных союзников против Темучина.

До открытого разрыва с Темучином было уже недолго: Джамуха и сын Нилха-Сангун усиленно обрабатывали дряхлеющего Ван-хана с целью вовлечь его в заговор против Темучина. Таким образом, к началу 1203 года в монгольских степях сложились три основных центра: улус Темучина, улус Ван-хана и улус найманов Таян-хана, находившиеся теперь в открытой вражде между собой. В претензиях на главенство в степи Джамуха занимает неопределенную позицию, он периодически перебегает от одной группировки к другой. После поражения в 1201 году он быстро нашел союзника в лице сына Ван-хана Нилха-Сангума. Они вместе стали подговаривать Ван-хана начать войну с Темучином, но тот долго отказывался от этой авантюры. Однако вскоре произошло событие, которое инициировало открытое столкновение с монголами: обиженные наказанием после сражения с татарами близкие родственники Темучина – двоюродный брат Есугей-багатура Алтан, двоюродный брат самого Темучина Хучар, дядя Даритай-отчигин ушли от него со своими подданными под покровительство Ван-хана; причем, по некоторым, очевидно преувеличенным, данным, они увели до половины населения улуса Темучина (Груссе, 2002, 103). Уход влиятельных родо-

вичей со старшей линии основательно ослабил силы Темучина и спровоцировал керейтов воспользоваться этим подходящим моментом. Ван-хан поддался уговорам сына Нилха-Сангума и Джамухи и решился на разрыв с Темучином.

Большая война с монголами страшила опытного в таких делах Ван-хана. Тогда Нилха-Сангум с Джамухой придумали авантюрный план физического устранения Темучина. Они вспомнили о недавней расстроившейся помолвке и отправили послов к Темучину сообщить о согласии керейтов породниться ханскими родами, как это предлагалось раньше. Это было хитроумным предлогом заманить Темучина на полагавшийся по случаю сватовства пир и там убить его. Престарелый Ван-хан свое согласие на эту авантюру дал в очень туманной формулировке (Козин, 1941, 128). Темучин поверил в возможность мирно присоединить керейтов к монголам и избежать войны, и отправился было на помолвку к Ван-хану. Но когда по пути к нему прибыли люди с сообщением о заговоре, он повернул коня (Козин, 1941, 128-129; Рашид ад-Дин, 1952, I/2, 124). Свидетельства о заговоре оказались достоверными, и разрыв между монголами Темучина и керейтами Ван-хана теперь стал очевидным для обеих сторон. Вскоре начались и прямые военные действия. Решительное сражение произошло под горой Мао-ундур (Козин, 1941, 124-133; Рашид ад-Дин, 1952, I/2, 125-126). «Сокровенное сказание» свидетельствует, что сражение оказалось очень кровопролитным для обеих сторон и оба войска отошли, а Рашид ад-Дин говорит о поражении Темучина. С наступлением темноты Темучин тайно увел с поля боя остатки своего войска вниз по течению Халхи, и когда произвели подсчет войска, оказалось всего 2600 человек (Козин, 1941, 133). Керейты нанесли Темучину такое поражение, которое могло все закончить для него. Однако, уйдя в Балджун-арал, Темучин дипломатическими маневрами и пропагандистско-подрывными действиями смог, с одной стороны, поколебать единство союзников Ван-хана и его сына Нилха-Сангума в лице Алтана, Хучара, Тогорила и Джамухи, а с другой – усыпить бдительность коалиции противников,

пока сам собирал новые силы. В этом ему помогла и уверенность Ван-хана и его союзников, что они окончательно разгромили Темучина.

Понемногу к Темучину стали возвращаться люди – «часть войска и некоторые племена вновь примкнули к нему» (Рашид ад-Дин, 1952, I/2, 126). Темучин начал готовить операцию по уничтожению Ван-хана и его окружения и завоеванию керейтов. Он очень точно выбрал цель действий – уничтожить верхушку керейтов единственным внезапным ударом по ней тогда, когда она будет вне основных сил ополчения обока керейтов. Темучин прекрасно понимал, что гибель лидеров союза племен приводит к развалу всей государственной структуры (Храпачевский, 2005, 262-268). Не имея возможности разбить ополчение керейтов в прямом столкновении, Темучин обратился к стратегии и тактике развала правящей элиты Ван-хана изнутри. С военной точки зрения, решение это было идеальным: комбинация дипломатических, разведывательных и диверсионных мероприятий была четко продумана и точно исполнена. Завершающим аккордом в кампании по разгрому и присоединению племенного союза керейтов стало уничтожение ставки Ван-хана. Получив разведывательные данные о местонахождении ставки, составе сил и положении Ван-хана, Темучин ночью повел «очень быстрым и бесшумным маршем войска» на Джэджерские высоты. Проводники точно «вывели их, [войска] неожиданно и внезапно напали на Ван-хана и поразили его» (Юань ши, 1976, 11). Джэджерские высоты были сначала плотно окружены, перекрыты все подходы к ним. Оказавшиеся в ловушке керейты отчаянно сопротивлялись, но были перебиты или захвачены, чудом спаслись только Ван-хан с сыном Нилха-Сангумом (Козин, 1941, 140; Кычанов, 1995, 123; Храпачевский, 2005, 266). Таким образом, внезапное нападение на ни о чем не подозревавшего Ван-хана и его немногочисленную свиту увенчалось успехом. Ближайшие сподвижники Ван-хана были уничтожены, сам он с сыном сумел бежать, но на пути повстречался с найманским отрядом, командир которого имел личные счеты с ним. Этот

найман убил последнего хана керейтов и отнес его отрубленную голову Таян-хану. Немного пережил отца Нилха-Сангум. Убежав в мусульманское приграничье, он некоторое время там добывал себе средства набегами, пока достаточно сильный отряд уйгуров не настиг и не уничтожил его вместе с его людьми (Храпачевский, 2005, 112).

Присоединив к себе керейтский улус Ван-хана, Темучин приказал раздать керейтский народ во все концы (Козин, 1941, 110). Значение разгрома Темучином одного из самых крупных тюркских протогосударств трудно переоценить. Присоединив к себе керейтов Ван-хана Темучин за какие-то год-два резко поменял всю этнополитическую ситуацию в монгольских степях. Он теперь стал вровень со всеми оставшимися вне его власти группировками тюркских и монгольских племен – найманами и их союзниками вместе взятыми.

Не удивительно, что события, связанные с разгромом керейтов, потрясли современников. В Казахстане и Сибири у потомков древних кереев вплоть до начала XX века сохранились эпические предания о тех далеких событиях. Эти предания попали на страницы русских сибирских летописей XVII века – Есиповской, Ремезовской, Строгановской: «Бе царь Моаметова закону именем Он (т.е. Ван-хан, у Рашид ад-Дина в огласовке Он-хан. – Ж.Т.). И воста на него его же державы от простых людей именем Чингис и шед на него, яко разбойник, с прочими, и уби царя Она, и царство сам приемлет Чингис» (ПСРЛ, XXXVI, 46; Гумилев, 1994, 227-228).

Правда, тут многое перепутано: вместо забытого несториянства поставлено более знакомое магометанство, Чингисхан назван простым разбойником, а Ван-хан превратился в Он-Сом-хана (в Ремезовской летописи), или в «царя магометова закона именем Он» (в Есиповской летописи), и, наконец, в русского Ивана (в Строгановской летописи) (подробности см.: Бартольд, 1964, 265-302; 1966, 95-109; Хенниг, 1961, 446-461; Гумилев, 1994, 81-119, 176-196 и след.; Селезнев, Селезнева, 2004, 17). Однако для нас важно то, что сведения о разгроме керейтов Ван-хана в 1203 году Темучином, пройдя че-

рез десятки рук, сохранили свой этнополитический и социальный смысл.

Кереиты долго и упорно сопротивлялись монгольской экспансии, но в 1203 году войска Темучина одержали победу. По свидетельству некоторых источников, кереиты, как и татары, найманы, меркиты и др., подверглись поголовному истреблению (Рашид ад-Дин, 1952, I, 56-57). Разумеется, это – преувеличение, монголы не могли истребить всех кереитов. Так, сам же Рашид ад-Дин пишет: «Когда Чингиз-хан разбил Он-хана и племена [последнего] обратились в бегство», а часть кереитов согласилась перейти к нему на службу (Рашид ад-Дин, 1952, I, 127 и след.). Значительная часть кереев после разгрома Темучином бежала в Хотан, другие группы ушли на запад, к родственным тюркским племенам.

Те родственные группировки кереитов, которые перешли на службу к Темучину, в этноязыковом отношении довольно скоро омонголились, а рассеявшиеся по бескрайним казахским степям керей, несмотря на то, что им пришлось смешаться с родственными племенами, сохранили свой исконный тюркский язык.

Рассеянные монгольскими завоевателями родоплеменные группы кереев в большинстве своем откочевали на север и обосновались в низовьях Ишима. Их возглавлял сын Ван-хана кереитского Тайбуга. Позднее они вошли в состав Сибирского ханства, а после его падения частью влились в состав Барабинских татар и башкир, однако большая часть осталась кочевать в степях Северного Казахстана и вошла в состав формирующегося казахского этноса (Валиханов, 1961, I, 657).

Относительно кереев в XIX веке Г.Н. Потанин оставил интересные сведения: «Киргизы (= казахи. – Ж.Т.), обитающие в степной поляне Черного Иртыша, принадлежат к роду *Абак-Кирей* и *Кара-Кирей*; первые занимают восточную часть Иртышско-Зайсанской впадины, вторые – западную. *Абак-Кирей* говорят, что они называются, кроме того, еще *Ашемай-ли-Кирей*» (Потанин, 1881, II, 2-3).

Ветви керейско-найманского союза были разбросаны по всему Казахстану, Узбекистану, Кыргызстану (Аманжолов, 1959, 95). Племена керей (герей), керейт и т.п. зафиксированы у многих тюркоязычных народов: казахов (*керей, керейт, керейт, кирей (гирей), керейт, керет, кэрэт, херит*, см. Аристов, 1896, 354, 369), узбеков (*керай, керайт, керей, керейт, кирейт, кирай*), каракалпаков (*керей, керайт*), кыргызов (*герей, керей, керейт*), ногайцев (*керей, кирей, кирейт*), туркмен (*гарайы, герей, герайлы, герейлы, гирай, гирей*), башкир (*кирей, гирей*) и т.д. Все это свидетельствует о том, что потомки кереев, которые «имели множество племен и колен» и «больше силы и могущества, чем другие племена» (Рашид ад-Дин, 1952, I, 127), сохранились вплоть до наших времен.

Племена кереев в настоящее время живут в основном в пределах северо-восточных областей Казахстана и в отношении языка мало выделяются от своих соплеменников – найманов, аргынов, конгратов, кыпчаков и др., а также, как уже было сказано, в Баян-Ульгейском аймаке Монголии и Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики. Некоторые диалектные особенности говора казахских кереев, замеченные исследователями в разное время, касаются главным образом фонетической и лексической стороны их наречия.

В истории казахского народа происходили постоянные процессы смешивания родов и племен. Именно поэтому мы наблюдаем среди южных по происхождению уйсун, канглыцев, дулатов и др. северные роды кереев, конгратов, кыпчаков и, наоборот, среди северных по генезису кыпчаков, кереев, найманов, аргынов роды уйсун и дулатов южного, алшынов западного происхождения. Перманентные интеграционные процессы, естественно, приводили к нивелировке межплеменных диалектных различий в языке. Тем не менее, в говоре казахской диаспоры Монголии сохранились интересные фонетические особенности, которые, на наш взгляд, проливают определенный свет на раннюю историю кереев.

В баян-ульгейском говоре казахского языка сохраняются аффрикаты *č* и *č̣*, которые в большинстве метрополийных говоров относительно рано перешли в фрикативные (небно-щелевые) *š* и *ž*; напр., в начале слова:

б.-ульг. *č̣*-

čapan

čataq

čīnī

čeke

čūjke

čuyul

каз. лит. *š*-

šapan «халат»

šataq «скандал»

šīnī «стекло»

šeke «висок»

šūjke «прядь волос»

šuyil «круто» и т.д.

в середине слова:

б.-ульг. *-č̣*-

aqča

apčī-

ökče

etčī

aηčī

kičī

каз. лит. *-š*-

aqša «деньги»

apšī- «садиться (о ткани)»

ка»

etšī «лекарь»

aηšī «охотник»

kišī «младший» и

т.д.;

в конце слова:

б.-ульг. -č

filmač

kerteč

qıwanıč

köč

küč

каз. лит. -š

filmaš «переводчик»

kerteš «выступ»

qıwanıš «радость»

köš «кочевка»

küš «сила» и т.д.

Звонкая аффриката *ʃ* в баян-ульгейском говоре выступает на месте звонкого ффрикативного *ʒ* казахского литературного языка в абсолютном начале слова:

б.-ульг. *ʃ*

ʃoq

ʃäne

ʃemıs

ʃuldüz

ʃürek

каз. лит. *ž*-

žoq «нет»

žäne «еще, опять»

žemıs «фрукты»

žuldız «звезда»

žürek «сердце» и т.д.

В середине слова аффриката *-ʃ-* в данном говоре имеет позиционно ограниченное употребление и встречается после сонорных *l* и *p*:

б.-ульг. *-ʃ-*

qalʃa

olʃa

qanʃar

каз. лит. *-ž-*

qalža «мясное блюдо»

olža «добыча»

qanžar «кинжал» и т.д.

Эти и некоторые другие фонетические особенности баян-ульгейского говора казахского языка, по всей видимости, сохранились с языка древних кереев, некогда входивших в уйгурскую конфедерацию. Во всяком случае, их нельзя считать инновациями, возникшими под влиянием окружающих монгольских говоров; они отражают более раннее состояние фонетического строя казахского языка, чем то состояние, которое получило отражение в современном литературном его варианте. Надо заметить, что аффрикаты сохраняются в ряде

восточных говоров казахского языка, имевших в прошлом тесные связи с древнеуйгурским языковым ареалом (в Семиречье, Семипалатинской области и т.д.).

Фонетические, морфологические и лексические особенности говора баян-ульгейских казахов в лишний раз подтверждают отмеченную еще средневековыми нарративными источниками идею о тесных генетических связях кереев-найманов и других племен с уйгурами VIII–XIII вв.

Предпринятый в этой главе во многом беглый обзор исторических взаимоотношений между монголами и казахским племенем кереев показывает, что они начались не позднее рубежа XII–XIII веков и почти без перерыва продолжают вплоть до наших дней. За огромный исторический период совместного проживания взаимосвязи и взаимовлияния этих двух самостоятельных этноязыковых организмов переплелись в неимоверно сложный клубок проблем, для распутывания и адекватного описания которых потребуются коллективные усилия ученых не одного поколения. Тем не менее, уже сейчас с достаточной уверенностью можно констатировать, что этноязыковое взаимодействие между керейями и халха-монголами до середины XIX века развивалось в общем русле казахско-монгольских взаимоотношений. Собственно керейско-халхаские этноязыковые контакты начались во второй половине XIX века и продолжают прогрессировать вплоть до настоящего времени. Поэтому мы здесь в известном смысле абстрагируемся от ранних этапов керейско-халхаских контактов и сосредоточимся далее только на собственно халхаских лексических заимствованиях в языке баян-ульгейских казахов или, несколько шире, казахской диаспоры, проживающей в Монголии.

В ходе достаточно длительного проживания в монголоязычном информационном пространстве, казахи Баян-Ульгейского аймака Монголии за последние два века практически все стали двуязычными. Казахская диаспора Монголии одинаково хорошо владеет как родным казахским, так и языком монгольским, государственным. Поголовное двуязычие

создало идеальные условия для массового проникновения монгольских лексических и иных языковых интерференций в язык казахской диаспоры Монголии.

Ниже мы приводим небольшой глоссарий халха-монгольских лексических заимствований, встречающихся только в языке баян-ульгейских казахов. Все слова, вошедшие в данный список, являются относительно поздними заимствованиями из современного монгольского литературного языка. Лингвистическая ценность данного глоссария прежде всего заключается в том, что на его основе выявляются строгие закономерности фонетической адаптации халха-монгольских слов в казахском языке (точнее, в его баян-ульгейском говоре) на синхронном уровне. Выявленные на базе этого глоссария закономерности казахско-монгольских фонетических корреляций в дальнейшем служат основой для надежной сепарации по фонетическим критериям синхронных заимствований от более ранних диахронических (XIII–XVIII вв.) и диатопических (ойратско-джунгарско-калмыцких) пластов. Таким образом, снимая пласт за пластом относительно поздние заимствования, можно будет углубиться в более ранние диахронические уровни, а в них, в свою очередь, разграничивать тюркизмы в монгольских языках от монголизмов в тюркских и т.д. Такой ретроспективный путь поступенчатого разграничения разновременных пластов взаимодействий в казахском и монгольских языках, как показывает опыт, является наиболее перспективным, продуктивным и результативным.

Словарь
халха-монгольских лексических заимствований
в баян-ульгейском говоре казахского языка

абақты (*abaqtı*) «темница, тюрьма, место заключения» ← монг. **awäg* < *awä-* «братъ», «забиратьъ» + каз. *-tı* (Болатов, 1963, 74; Базылхан, 1977, 13).

абдыра (*abdära*) «сундук» ← монг. *awdärä* «сундук, ларь, ящик» (Болатов, 1970, 52; Базылхан, 1977, 13).

абрал, аврал (*abral, awral*) «спасение», «избавление» ← монг. *awräl* «спасение, избавление» < *awrä-* «спасать, избавлять», «вызволить» + монг. афф. *-l* (Болатов, 1963, 73).

ағар (*ayar*) «радиоэфир», «радио»; *ayarmen söjles-* «говорить по радио», «транслировать» ← монг. *ayär* «воздух», «атмосфера»; «сфера», «пространство» (БАМРС, 2001, I, 36).

адыр (*adır*) «морщинка, складка», «извилина», «дурные земли», «возвышенность», «выпуклость», «бугор, холмик» ← монг. *atirä* «морщина, складка, стиб», «извилина» (Базылхан, 1977, 15).

ажылыңқара (*ažlınqara*) «сапоги» ← монг. *ažlın qar* «рабочая обувь» < *ažlın* – род. п. от *ažil* «работа», *qar* – второй компонент парных слов; диал. *ažlın qar*; ср. *ažlın xuwäcäs* «спецодежда», «рабочая одежда» (Базылхан, 1965, 44).

алақан (*alaqan*) «ладонь» ← монг. *alya*, п.-монг. *alaya* «ладонь», калм. *alxän* «ладонь», раннее заимствование из ср.-монг. *alaqan* «ладонь» (Арсланов, 1979, 11).

алман (*alman*) «налог», *alman tüsür* – «наложить налог», «обложить налогом», «вменять в обязанность» ← монг. *albä(n)* «служба», «налог», «подать», «дань»; «ясак» (Базылхан, 1965, 42); монгольское слово в конечном счете из тюрк. **alma* «налог» < *al-* «братъ, взятъ»; *-m-* < *-b-* на казахской почве под ассимилирующим влиянием конечного *-n*; ср. каз. *alban* – назв. племени – более раннее заимствование.

алманда- (*almanda-*) «заставлять, вынуждать, обязать» ← монг. *albada-* «принуждать, заставлять, вынуждать, неволить» < *alban* «служба» (Базылхан, 1965, 42).

амырытыла- (*amīrītīla-*) «отдыхать», «брать отпуск» ← монг. *amrālt* «отдых, отпуск, каникулы», диал. *amārāltā* + каз. афф. *-la-*; ср. монг. *amrālt awā-* «брать отпуск, отдыхать» < *amra-* «отдыхать» (Базылхан, 1965, 41).

аран (*aran*) «капкан», «загон»; «забор, изгородь, ограда» (для ловли зверей) ← монг. *arāngā* «помост», «навес»; «вышка-помост (для охоты на диких животных)» (Болатов, 1963, 71).

арасан (*arasan*) «теплый минеральный источник» ← монг. *raśān*, *arśān* «аршан, целебный минеральный источник» (Болатов, 1963, 73; Базылхан, 1965, 43; 1977, 30).

ашық (*ašiq*) «польза» ← монг. *ašig* «выгода, польза, доход, прибыль» ← огур. **ašy* > чув. *užā* «польза» (Болатов, 1970, 52).

әлім (*älim*) «яблоко» ← монг. *alim* «яблоко» (Болатов, 1970, 52); ← огур. *alīma*, ср. исконно каз. *alma*, чув. *ulma* «яблоко», др.-тюрк. *alimla* «яблоко».

бақчы (*baqčī*) «учитель», «наставник» ← монг. *bagčā*, *bagšā* «учитель, преподаватель» (Болатов, 1970, 52) ← огур. *baqšī*, ср. исконно каз. *baqsī* «шаман», «знахарь» (← согд.).

барлығы (*barlīyī*) «строительство» «(по)стройка» ← монг. *barilga* «строительство», «стройка», «постройка», «здание» < *bari-* «строить, ставить», ср. *ger bari-* «ставить юрту» (Болатов, 1970, 52).

батыл- (*batīl-*) «узаконить, утвердить» ← монг. *batla-* «утверждать, подтверждать»; «укреплять, скреплять» < *bat* «устойчивый, крепкий, надежный» (Болатов, 1970, 52).

бәйні (*bäjni*) «есть, имеется» ← монг. *bajnä* «наличие» < *bajā-* «быть, находиться, существовать, иметься»; ср. *bajnä-bajnä* «периодически, время от времени», «часто», «то и дело» (Болатов, 1970, 52).

бәрік (*bärīk*) «задержка», «задержание» ← монг. *barig* «(за)держание», «захватывание» < *bari-* «держат (в руках)»,

«братъ (в руки)», «хватать, ловить, поймать» (Болатов, 1970, 52).

бэримтіле- (*bārimtīle-*) «обосновать», «(о)свидетельствовать», «аргументировать» ← монг. *barimtila* «придерживаться», «руководствоваться», «опираться» < *barimtä* «основание, доказательство, довод, аргумент», «счет» < *bari-* «держать», «ставить, строить» (Базылхан, 1965, 41).

бекілге (*bekilge*) «укрепление», «оборона», «(само)защита»; *bekilge iste-* «защищаться», «искать защиту» ← монг. *bexlēgē*, *bexlē* «крепление», *bexleg* «сильный, крепкий» < *bexle-* «укреплять», «скреплять», *bex* «крепкий, прочный, сильный» (← огур. **bek* «крепкий», «крепость», ср.: др.-тюрк. *bek* «крепкий, прочный»; «замок, запор», «очень»; каз. *bek* «очень») (Базылхан, 1965, 42).

бодык (*bodıq*) «мясное блюдо, приготовленное из завернутого в кожу мяса в раскаленном песке» ← монг. *bōdōg* «бодок – мясное блюдо, приготовляемое на костре, набив полость туши раскаленными камнями» < **bōdo-* «свертывать, завертывать» < *bō-* «завязывать, обвязывать, обвертывать, завертывать» (← огур. **boy-* «завязывать»; ср. др.-тюрк. *boy-* «душить, сдавливать»), ср. также монг. *bōl* «раб, невольник»; *bōdōl* «связка, сверток, пачка» (Базылхан, 1965, 42).

божы- (*bojı-*) «перекисать, перебродить (об айране, кумысе, кымране и т.п.)», «сильно скисать», *bojıyan ajran* «перекисший айран» ← монг. *bojı-* «расти, развиваться»; «подрастать»; «созревать, дозревать» < *boj* «уход, попечение» (Болатов, 1963, 71; КТДС, 1969, 67).

болық- (*bolıq-*) «быть», «становиться» ← монг. *bolō-* «становиться, делаться (кем-чем-либо)», «созревать, поспевать» ← огур. **bol* «быть», «случаться», «быть в наличии», чув. *pul-*, каз. *bol-* «быть, пребывать» (Болатов, 1970, 52).

бордак: *bordaq čäj* «густой чай с талканом» ← монг. *bordo-* «откармливать, подкармливать», «удобрять»; *bordō* «корм, фураж», «удобрение» (Базылхан, 1965, 43), букв. «сдобренный чай»; ср. также каз. (б.-улыг.) *borlama čäj* «тж.»).

бордак (*bordaḡ*) «пот (коня)»; «белое пятно от пота»; *bordagtan-* «потеть (о лошади)» ← монг. *burtag* «грязь, нечистоты»; «слизь», «грязный, нечистый»; *χir-burtag* «грязь»; *bur* «тина» (Болатов, 1963, 70).

бордақы (*bordaḡı*) «откормленный на убой»; *bordaḡı qoi* «откармливаемый на убой баран»; *bordaḡıla-* «ставить скот на откорм» ← монг. *bordō* «корм, фураж», *bordō-* «откармливать, подкармливать», *bordū* «откормленный (о скоте)»; заимствование среднемонгольской эпохи.

бормі (*bormi*) «кукуруза» ← монг. *bormi* ← кит. *baomi* «кукуруза» (Болатов, 1965, 60).

богенэй (*bögenäj*) «бугры на коренных зубах» ← монг. *bö:n* «куча, комок», «груда», «глыба», *bö:gnö-* «собираться, скапливаться, сучиваться», *bö:m* «куча», «комок» (← тюрк. *bög-*, каз. *böge-*, чув. *pëve-* «запруживать») (Болатов, 1963, 71).

богеуыл (*bögewıl*) «пруд, запруда» ← ср.-монг. **bögegül* «пруд, запруда, преграда, препятствие < *böge-* «запрудить» (← огур. *böge-*, чув. *pëve-* «запруживать»); ср.: х.-монг. *bö:gnö-* «собираться, скапливаться, сучиваться», *bö:m* «куча, комок», «груда», «гурьба» (Болатов, 1963, 73).

бөйтiк (*böjtik*) «кожаная обувь» (носится пастухами) ← монг. *bojtōḡ* «меховые чуваки», «унты»; «ботиночки, сапожки (маленьких детей)»; «безымянный палец ноги» (Базылхан, 1965, 44).

будыл (*būdıl*) «гостиная», «комната для гостей» ← монг. *būdāl* «стоянка, остановка, стан, становище»; «постоялый двор», «гостиница»; *wočid būdāl* «гостиница» (Базылхан, 1965, 45).

бұлық (*būliḡ*) «кайма, кант, оторочка» ← монг. **bulāḡ* «скрытие» < *bulā-* «зарывать, засыпать, закапывать»; «скрывать, маскировать, прятать» (Болатов, 1963, 71).

бүрткі- (*bürtki-*) «учитывать, регистрировать, занести в реестр, брать на учет»; *bürtkił-* «учитываться, регистрироваться» ← монг. *bürtgě-* «проверять наличие, учитывать, брать на учет, регистрировать»; ср. также: *bürde-* «состоять из чего-

либо», *bürdgəl* «учет»; «регистрационная книга» < *bür* «всякий, каждый» (Болатов, 1970, 52; Базылхан, 1965, 42).

былтығыр (*bilttyr*) «толстый», ← монг. *bultyr* «высушенный, торчащий, выпятившийся» (< *bultaj-* «высовываться, выпячиваться, выдаваться, выставляться»; *bültgër* «выдающийся, выпячивающийся, выпуклый» (< *bültij-* «высовываться, выпячиваться»)) (Болатов, 1963, 72).

бытықана (*bittqana*) «мелкая муха» ← монг. *batyana* «муха», *batyanān* «малярийная муха, анофелес».

ван (*van*) «князь, хан» ← монг. *van* «ван (первая ступень княжеского достоинства)»; «великий, владетельный князь»; «государь»; «король» ← кит. *van* (Болатов, 1965, 61).

гүвэнзэ (*güwänzä*) «ресторан» ← монг. *guanžä* «столовая, харчевня, ресторан»; «питейное заведение, трактир, кабак» ← кит. *guanžzi* «питейное заведение» (Болатов, 1965, 61).

дақы (*daqı*) «шуба (сшитая из козьих шкур, носится пастухами и путешественниками)» ← монг. *dağā* «доха, меховая шуба» ← огур. **žaqā*, ср. др.-тюрк. *jaqa*, каз. *žaya*, чув. *šuyā* «ворот, воротник» (Базылхан, 1965, 44).

данса (*dansa*) «амбарная книга», «ведомость», «канцелярский журнал» ← монг. *dans(ān)* «книга (бухгалтерская, кассовая, инвентарная)»; «журнал (канцелярский)»; «реестр», «ведомость», «список», «дело» (Сарыбаев, 1971, 258).

дансала- (*dansala-*) «вносить в книгу, в список», «заносить в реестр», «регистрировать» ← монг. *danslä-* «вносить в книгу, в список», «регистрировать», «вести бухгалтерскую запись», «составлять реестр» (Базылхан, 1965, 42).

дарғы (*daryǵ*) «начальник, руководитель»; «главарь, предводитель» ← монг. *daryǵ* «глава, председатель»; «шеф»; «начальник»; «командир»; «управляющий»; «директор»; «староста», «наместник»; «голова» (Базылхан, 1965, 42).

дэйлімбі (*dajlimbi*) «вид хлопчатобумажной ткани» ← монг. *dālmǵā(n)* «далемба (род хлопчатобумажной ткани обычного синего цвета)» ← кит. *da linbu* (Базылхан, 1965, 45; Болатов, 1970, 52).

дом (*dom*) «лекарство», «снадобье» ← монг. *dom* «заговор от болезни»; «магия, магическое средство», «лекарство»; «знахарство, колдовство»; «ворожба», *em-dom* «целебное средство, лекарство» ← огур. **jom* «магия», ср. чув. *jum* «магия, магическое средство», *im-jum* «тж.»; *im-dum* «тж.» ← ср.-кыпч. *em-dom* ← ср.-монг. *em-dom* «тж.»; баян-ульгейские казахи слово *däri* употребляют только в значении «порох» (Болатов, 1963, 71).

домбы (*dombi*) «чайник» ← монг. *dombö(n)* «кувшин для чая», «чайник продолговатой формы»; «продолговатый» (Болатов, 1970, 52).

донсыл- (*donsıl*) «трястись, болтаться (о движение машины по неровной дороге)» ← монг. *donslō*- «трястись, колебаться, болтать, содрогаться, встряхивать»; «беспокоиться, волноваться»; *donslülä*- «трястись» (Базылхан, 1965, 41).

донғыты- (*donğıtt-*) «предупредить, поставить на вид», «дать выговор» ← монг. *donğödö*- «выговаривать, делать выговор» < *donğö* «выговор» (Базылхан, 1965, 42).

дорыла- (*dorıla-*) «насмехаться, издеваться», «трунить», «унижать» ← монг. *dörlō*- «унижать, оскорблять, издеваться» < *dör* «низ, под», «низкий, низший», «ниже, хуже»; *dor* «вниз», «вниз» (Базылхан, 1965, 42; БАМРС, 2001, II, 53-55).

дөңсе (*döñse*) «самокрутка», «козья ножка» ← монг. *düns(ën)* «трубочный табак»; *noğōn düns* «китайский трубочный табак»; *ulān düns* «русский трубочный табак» (Болатов, 1963, 71; БАМРС, 2001, II, 88).

дунде- (*dünde-*) «заключать, сделать выводы, обобщения», «подводить итоги»; ← монг. *dünne-* «подводить итоги», «сделать заключение» < *dün(g)* «итог»; «сумма», «обобщение»; «результат»; *dünd* «в результате»; *dundē* «в итоге, в конечном счете, в сумме» (Базылхан, 1965, 41).

дүр (*dür*) «хвостун», «лицемер» ← монг. *dür* «образ, лик, внешний облик»; «внешность, наружность»; «форма, фигура»; *dür üzü:legčē* «притворщик, лицемер»: *dür üzü:le-* «делать вид, строить из себя кого-либо», «ломать комедию»;

«притворяться, прикидываться, представляться» (БАМРС, 2001, II, 89).

елжіле- (*elǰile-*) «смеяться, чередоваться» ← монг. *ēlǰle-* «смеяться, переменяться, чередоваться» < *ēlǰē* «смена, замена, чередование, очередь, вахта» (Базылхан, 1965, 41).

емілгі (*emilgi*) «врач, лекарь, доктор»; *emilginiñ maşinası* «машина скорой помощи» ← монг. *emñelgē* «врач», *emñelēg* «лечение, «лечебница»; «больница, поликлиника»; «медицина»; *emñel* «лечение», *emñē-* «лечить» < *em* «лекарство, медикаменты»; ← огур. *em* «снадобье, магическое средство» (Базылхан, 1965, 39; Болатов, 1970, 52).

енду (*endiw*) «утюг» ← монг. *indü:* «утюг» < *indē-* «раскатать, разровнять», «молотить хлеб каменным катком» (Болатов, 1970, 52).

ерлез (*erlez*) «метис, помесь, гибрид» ← монг. *erlijz* «тж.» (Базылхан, 1965, 46); ср. производные глаголы: *erlezen-* «подвергаться метизации»; *erlezendür-* «производить скрещивание разных пород растений, животных»; «прививать (растение)»; «подвергать искусственной метизации».

жазы (*ǰazı*) «рама (для картины, портрета)» ← монг. *ǰāzā* «рама, рамка, багет»; «полка, этажерка»; *ǰurgijnā ǰāzā* «рама для картины, портрета» (Базылхан, 1965, 45).

жамбыл (*ǰambıl*) «укрепление, крепость» ← монг. *ǰambāl* «величественный»; отсюда же имя великого казахского акына Жамбула Жабаяева (ҚТҚЭС, 1966, 80-81).

жейде (*ǰejde*) «рубашка, сорочка» ← монг. *cegdēg* «рубашка, короткая стеганая кофта» (Болатов, 1963, 71; 1965, 69; Базылхан, 1965, 44; Сарыбаев, 1971, 259; 2000, 156); сопоставление сомнительно; монг. слово скорее имеет тюркское происхождение (← огур. **čēklik*, ср. др.-тюрк. *čekrek* «мужская рубашка» < *ček-* «накидывать, набрасывать, повесить» ~ чув. *šak-* «вешать»; ср. также тюрк. *čekmen*; см. Räsänen, 1969, 103; Clauson, 1972, 413, 416; EDAL, 2003, I, 422-423).

жирен (*ǰiren*) «косуля» ← монг. *ǰēr(ĕn)* «антилопа, степная серна, джейран» (Базылхан, 1965, 47) ← тюрк. (огур.) **ǰegiren* «игрневый».

жүргем (*ǰürgem*) «блюдо, изготовленное из переплетенных толстых и тонких кишок» ← монг. *ǰürem* «тонкие обрезки мяса» (← огур. **ǰörme* ~ **ǰörgem*, ср. чув. *śürme*, др.-тюрк. *jorgemeč* «разновидность колбасы, приготовленной из мелких кусков требухи» < *jörge-* «обертывать, заворачивать, наматывать» (Болатов, 1963, 71).

жиң (*ǰiŋ*) «весы» ← монг. *ǰiŋ(g)* «вес»; «весы»; «джин — мера веса, равная приблизительно 0,6 кг»); ср. также *ǰiŋlü:r* «весы, безмен» ← кит. *čžun* (Болатов, 1965, 61).

жикси- (*ǰiksi-*) «вставать в строй», «вступать в ряды» ← монг. *ǰagsā-* «строиться в ряды»; «участвовать в параде, в демонстрации» (Базылхан, 1965, 41).

жиңкiл- (*ǰiŋkil-*) «быть, стать членом организации» ← монг. *ǰiŋlĕ-* «становиться настоящим, действительным, подлинным»; *daryäg ǰiŋxlĕ-* «стать начальником»; *ǰiŋxĕnĕ* «настоящий, законный», «действительный, подлинный» < *ǰiŋ* «самый», «полный», «полноценный» (Базылхан, 1965, 41; Болатов, 1970, 52-53; БАМРС, 2001, II, 177).

забырла- (*zabır̄la-*) «давать указания в работе», «инструктировать» ← монг. *zāwrālā-* «наставлять»; «поучать»; «инструктировать», «давать указание», «предписывать» < *zāwar* «инструкция, указание, правило» < *zā-* «показывать, указывать»; «учить, наставлять» (Базылхан, 1965, 41).

задығала- (*zadyǰala-*) «разменять деньги» ← монг. *zadyǰälä* «открывать, раскрывать, обнажить», т.е. «показать свою наличность» < *zadyǰ* «открытый, раскрытый, обнаженный» *zadyaj tögñö* < *zad* «мелкие деньги»; «мелочь» «чужой, чуждый, иностранный» ← огур. **ǰat* ~ др.-тюрк. *jat*, каз. *ǰat* «чужой», «чуждый» (Базылхан, 1965, 41).

зақы (*zaqı*) «базар», «рынок» ← монг. *zaxā* «край, окраина, граница»; «рынок, базар» (Базылхан, 1965, 44, Болатов, 1970, 52) ← тюрк. (огур.) **ǰaqa* «край», «ворот» ~ др.-тюрк.

jaqa, каз. *žaya*, чув. *sūya* «ворот», «воротник», «край», «берег» (Болатов, 1970, 52).

засбарла- (*zasbarla-*) «ремонттировать», «исправлять», «чинить»; «реставрировать» ← монг. *zaswārlā-* «исправлять, поправлять, ремонттировать» < *zaswār* «исправление», «поправка», «ремонт», «корректурa» < *zasa-* «исправлять», «поправлять»; ср.: каз. *žasa-* «сделать»; «сотворить»; «смастерить», чув. *juZa-* «ремонттировать» ← ср.-монг. *java* «тж» (Базылхан, 1965, 41).

засымылда- (*zasimilda-*) «асфальтировать дорогу» ← монг. *zasmāl* «исправленный, налаженный»; «сделанный, обработанный»; *zasmāl zam* «шоссе, автострада»; *zasmāl tawi* «асфальтировать дорогу» < *zasa-* «исправлять, поправлять, приводить в порядок»; ср. каз. *žasa-* «сделать», «создать»; «сотворить» (← ср.-монг.) (Базылхан, 1965, 41).

зэлтін (*zältin*) «пройдоха», «проныра», «хитрец», «обманщик» ← монг. *zalitāj* «хитрый, хитроумный, хитрец»; «коварный, лукавый, жуликоватый, шельмовитый» < *zali* «хитрость, лукавство, обман» + афф. *-taj* (← огур. **žal* ~ тюрк. *jaš-* «скрывать, прятать, обманывать»); ср. также монг. *zaliḡāj* «лукавый, коварный; хитрый» (БАМРС, 2001, II, 206).

зодық (*zodāq*) «одежда борцов» (штаны этой одежды захватывают только спину и паховую область борца) ← монг. *zodōq* – национальная одежда борцов, состоящая из рукавов и спинки < *zodō-* «бить, избивать» (Базылхан, 1965, 44).

кэйнек «помесь коровы с каким-либо другим животным» ← монг. *ḡajnāg* «помесь монгольской коровы с яком»; *narān ḡajnāg* «помесь монгольского быка с яком»; *sarān ḡajnāg* «помесь яка с монгольской коровой» (<*ḡajā-* «бросать, кидать, выбрасывать» и т.п.); ср. тюрк. *quj-*, каз. *qij-*, чув. *ḡiv-* «лить», «возлиять» (Болатов, 1963, 52; Базылхан, 1965, 46).

кәрі- (*kārī-*) «возвращаться, вернуться»; «ослабевать», «стареть» ← монг. *ḡari-* «возвращаться, вернуться»; «уменьшаться», «ослабляться»; «слабеть, стареть» (Болатов, 1970, 52).

кере (*kere*) «договор» ← монг. *gerē(n)* «договор», «пакт» (Болатов, 1970, 52).

керек (*kerek*) в составе *keregīn kes-* «наказывать, карать, привлекать к ответственности» (букв. «(под)резать стремления к надобности») ← монг. *χereg* «дело»; *gemt χerek* «преступление» ← тюрк. (огур.) **kereg*, др.-тюрк. *keräk, kergäk* «нужный, необходимый»; «надо, нужно» и т.д. (из вост.-иран. **kar-* «делать», «производить»); ср. каз. лит. *kerek* «нужно, надо, необходимо» (Базылхан, 1965, 39, 45; Болатов, 1970, 52).

кормелдас- (*kermeldäs-*) «ссориться, скандалить, спорить» ← монг. *χerměl* «бродяга, странник, скиталец»; «перевязанный крест-накрест»; каз. диал. (б.-ульг.) *kermel-des-* < монг. *χerměl* + каз. афф. *-des-*, букв. «пререкаться», т.е. «перекрещиваться словами».

киле- (*kijle-*) «нагнетать, накачивать воздух» ← монг. *χijle-* «нагнетать, накачивать воздухом, надувать» < *χij* «воздух», «газ»; «пустота» (Базылхан, 1965, 41).

көбір (*köbir*) «шерсть», большей частью «шерсть-линька» ← монг. *χö:wër* «сбившаяся шерсть на линяющих овцах»; «линька» (Болатов, 1970, 52).

көбірде-, көбірле- (*köbirde-, köbirle-*) «вычесывать шерсть-линьку (лошади, коровы и т.п.)» ← монг. *χö:wörlö-* «снимать отросшую шерсть»; «выщипывать пух» < *χö:wör* «сбившаяся шерсть на линяющих овцах», «линька»; ср. чув. *këBër-len-* «сбиваться в кучу, скапливаться, скупиваться» (Базылхан, 1965, 41).

көвенте (*köwente*) «короткий стеганный ватный халат» ← монг. *χöwöntěj* «ватный; на вате» < *χöwön(g)* «вата, хлопок»; «хлопчатобумажный, ватный» (Базылхан, 1965, 44) ← тюрк. *köp-* «пухнуть», «увеличиваться, умножаться» ~ чув. *küp-* «набухать, пухнуть», «увеличиваться» и т.д. (см. Clauson, 1972, 687; ЭСТЯ, 1997, 107-111); ср. каз. *köp* «много» (Базылхан, 1965, 44; подробности см. EDAL, 2003, I, 840-841); ср. исконно каз. *köp* «много», *köpür-* «пениться»; *köbej-* «увеличиваться» (Болатов, 1963, 71).

көнөк (*könök*) «деревянное ведро»; «бадья»; «кожаное ведро для доставания воды из колодца» ← монг. *χönög* «деревянное ведро»; «бадья»; «посудина»; «бак»; «подойник» (Болатов, 1963, 71); ср. каз. лит. *könök* «кожаная посуда в виде ведра для доения кобылиц» (подробности см. ЭСТЯ, 1997, 104-105); судя по тому, что слово представлено в древнетюркских памятниках домонгольской эпохи (ср. *könök* «сосуд, ведро, бурдюк». – МК, I, 392), слово исконно тюркское, но в языке баян-ульгейских казахов оно имеет вторичное происхождение.

көңгилілт (*köngililti*) «льгота, облегчение, смягчение» ← монг. *χöngölölt* «облегчение», «льгота», «смягчение», «ослабление» < *χöngön* «легкий» < *χöngö-* «облегчаться» ← огур. *kön-* «выпрямляться», др.-тюрк. *kön-* «выпрямляться» ~ чув. *kän-*, ср. также *kün-* ← ср.-кыпч. *kön-* (Clauson, 1972, 726; ЭСТЯ, 1980, 72 и след.).

қайырсық (*qajirsıq*) «воинская часть» ← монг. *χajärsäg* «ящик, коробка, сундук, ларец»; «вместилище, пространство» ← тюрк. **qabur* «ограничивать» ср. исконно каз. *qabırşaq* «чешуя», «скорлупа» < тюрк. *qap-* «закрывать», «покрывать».

қалқа (*qalqa*) «прикрытие», «заслон»; «щит» ← монг. *χalχä* «щит», «прикрытие», «заслон», «ширма», «оплот» ← тюрк. (огур.) *qalqan*, *qalqaṅ* «щит» (см.: Clauson, 1972, 309, 621; ЭСТЯ, 1997, 233-234; там же литература).

қалтқы- (*qaltqi*) «увольняться, демобилизоваться» ← монг. *χaläydä* «сменяться, заменяться»; «увольняться»; «демобилизоваться» < *χalä-* «сменить, заменить»; «увольнять»; «демобилизовать» ← тюрк. (огур.) **qäl-* «оставаться», ср.: др.-тюрк. *qal-*, каз. *qäl-*, чув. *jul-* «оставаться» (Базылхан, 1965, 42).

қамғалқылат- (*qamyalqılat-*) «получить свидетельство на должность вооруженного милиционера» ← монг. *χamgalülä-* (побуд. от *χamgalü* «защищать, оборонять, охра-

нять, оберегать, покровительствовать, попечительствовать, опекасть») (Базылхан, 1965, 41; БАМРС, 2002, IV, 33-34).

қапшағай (*qarṣayaj, qarṣayaj*) «узкое ущелье, теснина, падь» ← монг. *ḡawṣāyāj* «утес», «отвесная скала», «узкое ущелье» < *ḡawṣī-* «зажимать, сжимать, притеснять» < *ḡawā-* ← тюрк. *qar-* «хватать, захватывать»; «закрывать» (ЭСТЯ, 1997, 262-266; там же литература).

қапшал (*qapšal*) «узкое ущелье, теснина» ← монг. *ḡawṣāl* «ущелье, теснина, горный проход», «глубокое ущелье у подножия горы, балка» (Болатов, 1963, 73; БАМРС, 2002, IV, 8).

қасы- (*qasī-*) «изъять, исключать, снять», «исключить из членов общества» ← монг. *ḡasā-* «убавлять, уменьшать, сокращать»; «исключать» (← тюрк. *qis-* «сжимать»; см. ЭСТЯ, 2000, 246-278; Базылхан, 1965, 42).

қасыт- (*qasīt-*) «брать, взять, получать», «вычитывать», «исключать» ← монг. *ḡasā-* «убавлять, уменьшать, сокращать, урезывать», «отрезать, обрезать, обрубать, отсекасть»; «вычитывать, отнимать, исключать», «лишать»; «отменять» (Базылхан, 1965, 39, 42; Болатов, 1970, 52; ср. ЭСТЯ, 2000, 246-248).

қаша (*qaša*) «забор, ограда»; «загон для скота»; «укрепление, защита» ← монг. *ḡašā(n)* «забор, изгородь, ограда», «частокол»; «тын»; «двор», «загон» < *ḡaši-* «загораживать, преграждать»; «окружать, огородить»; «принуждать» ← тюрк. (огур). *qis-* «сжимать, теснить, давить» (Базылхан, 1965, 46; ЭСТЯ, 1997, 329-330).

қашығдыл, қашықтыл (*qaš/čīqtīl*): *qašīydl ajda-* «подать жалобу, заявление, прошение» ← монг. *qač/sigdāl* «нужда, недостатки, лишения»; «нехватка» < *qačig* «нужда, нехватка, бедствие, лишение» (Базылхан, 1965, 42).

қимай (*qijmaj*) «кровяная колбаса (с нутряным жиром и приправами)» ← монг. *ḡim* «род колбасы из сырого мяса оленя или рыбы»; «губчатое вещество костей»; *ḡet* «кровяное отверстие в костях»; «губчатое вещество больших трубчатых костей» (Болатов, 1963, 71; 1965, 43).

қобыр (*qobır*) «редкий», «редкостный» ← монг. *χowōr* «редкий, скудный, недостаточный» (Болатов, 1970, 52).

қолдық- (*goldıq-*) «удалиться» ← монг. *χoldō-* «удаляться, отдаляться, отстраняться, расставаться»; «отчуждаться» < *χol* «даль»; «далеко, вдали»; «далекий, дальний» (Болатов, 1970, 52).

қуарылты (*qıwarılty*) «распределение» ← монг. *χuwıarılātā* «распределение» < *χuwıarılā-* «делить, разделить, распределять»; *χuwıār* «дележ, раздел, распределение», «назначение» < *χuwā-* «делить, распределять, раздавать» (Базылхан, 1965, 41).

қудымжыла- (*quđımž/jıla-*) «устроить улицу», «встать в ряд» ← монг. *γudāmžälā-* «стоять рядами», «делать узкие проходы» < *γudām* «проход, коридор»; *γudāmž(in)* «улица»; *γudās* «вдоль», «в длину», «на протяжении» (Базылхан, 1965, 41).

құқса: **құқса бат-** (*quqsa bat-*) «истекать (о сроке)»; «просрочиться» ← монг. *χugācā(n)* «срок»; «стаж» < *χugācā-* «назначать, устанавливать срок»; «снимать повинность»; *χugälā-* «ломать, переламывать пополам»; *χugā tatā-* «слопать, изломать» (Базылхан, 1965, 42; БАМРС, 2002, IV, 158-159).

құмдыл (*quđmđıl*) «жалоба, обида»; *quđmđılı bar* «обиженный», «державший обиду» ← монг. *γomđāl* «жалоба, апелляция, кассация» < *γomđō-* «жаловаться, обижаться, сокрушаться»; ср. др.-тюрк. *qomı-* «тосковать, грустить, томиться» (Базылхан, 1965, 42).

құмыра (*quđmıra*) «кувшин»; «бутылка»; «сосуд с узким горлом»; «глиняная, керамическая посуда» ← монг. *χомүөр* «что-либо, имеющее отверстие с очень сужеными краями» (Болатов, 1963, 71; 1965, 66).

құра- (*quıra-*) «собирать», «убирать», «взыскивать», «отбирать»; «конфисковать» ← монг. *χurā-* «взимать, взыскивать, собирать; отбирать; конфисковать; накапливать» ← тюрк. (огур.) *qur-* «устраивать, сооружать», «выстраивать», «собирать» (Базылхан, 1965, 41).

курулда- (*qurālda-*) «проводить собрание» ← монг. *qurāldā* «собираться, стекаться»; «заседать» < *qurāl* «собрание», «съезд»; «заседание» < *qurā* «собираться, накапливаться, скопляться» ← тюрк. (огур.) *qur-* «строить, создавать, содержать», «организовать» (Базылхан, 1965, 42; ЭСТЯ, 2000, 156-158).

лама (*lama*) «лама»; *bala lama* «ученик ламы» ← монг. *lamā* «лама, буддийский монах» ← тиб. *blama* (Болатов, 1963, 73).

лэмбик (*lämbik*) «вид ткани, сатин» ← монг. *nambū*, диал. *lambū* «вид сукна» (Болатов, 1963, 71).

лаңхабисай, лаңхабэсэй (*lañhabıjsaj, lañhabäsäj*) «вид капусты» ← монг. *läñxua bajcaj* «капуста» (< *läñxua* «лотос» + *bajcaj* «капуста») ← кит. *lenxua bajcaj* (Болатов, 1965, 61; БАМРС, 2001, II, 306).

лобы (*lobə°*) «редиска» ← монг. *lūvan(g)* «морковь», «редиска»; *ulān lūvān* «редис, редька, редиска; свекла»; *caγān lūvān* «дайкон, редька японская»; *šar lūvān* «морковь» (← кит.) (Болатов, 1965, 60).

лонка (*loŋqa*) «бутылка»; *šini loŋqa* «стеклянная бутылка»; *loŋqa sal-* «ставить банку (медицинскую)» ← монг. *lonx(ān)* «бутылка», «флакон»; *lonxgör* «пузырь»; «пузатый», «кувшинообразный»; *lonxōj-* «быть пузатым» (Болатов, 1963, 71; Сарыбаев, 1971, 258).

мајықты: ~ тарт- (*majıqtı tart-*) «провести линию», (про)чертить»; «начертить таблицу» ← монг. *majäg* «вид, форма, тип, образец»; «образ»; «уклад», «вариант»; «мода»; «фасон» (Базылхан, 1965, 42; БАМРС, 2001, II, 330-331).

малақай «шапка-ушанка», «теплая шапка» ← монг. *malgāj* «шапка»; «головной убор» (Болатов, 1963, 71; 1965, 69; Базылхан, 1965, 43-44).

маңлық (*mañlıq*) «вид шелковой ткани» ← монг. *mag-näg* «шелковая материя с вытканными золотом и серебром драконами» (Болатов, 1963, 71; Базылхан, 1977, 214; БАМРС, 2001, II, 311).

мәлін (*mālin*) «дикое животное наподобие корсака» ← монг. *manūl* «дикая степная кошка, манул» (БАМРС, 2001, II, 322).

мөндөн (*mönden*) «сурчонок, детеныш тарбагана» ← монг. *möndöl, möndön* «детеныш сурка, тарбагана»; «карапуз» (Сарыбаев, 2000, 171; БАМРС, 2001, II, 346; EDAL, 2003, II, 927).

мұқым (*mūqim*) «весь, всё, все» ← монг. *būx* «весь, всё, все», *būxel* «целый»; «весь»; *būxen* «весь, всё, все, вся», «каждый, всякий»; ср. также ср.-каз. *bükil* «весь, всё, все, вся» ← монг. (Базылхан, 1965, 47).

нұра- (*nūra-*) «свалиться, рухнуть», «падать, упасть»; «провалиться (на экзамене)» ← монг. *nurā-* «обвалиться, обрушиваться»; «провалиться (напр., о плане)»; «подпревать, преть» (Болатов, 1963, 73).

орылғы (*orilyi*) «доход, прибыль, заработок» ← монг. *orlōyō* «доход, приход, прибыль» < *orō-* «входить».

ошырда-, ошырла- (*oširda-*) «стоять в очереди»; «ждать свою очередь» ← монг. *ōširlō-* «стоять в очереди», «ждать свою очередь» < *ōšir* ← рус. *очередь* (Базылхан, 1965, 41; Болатов, 1970, 53).

өндүде-, өндүле- (*öndüde-, öndüle-*) «гладить, утюжить» ← монг. *indü:dē-* «утюжить, гладить» < *indü:* «утюг»; «каток» < *indē-* «молотить хлеб каменным катком» < *in(g)* «каменный каток (для молотыбы)» (Базылхан, 1965, 41).

өртен (*örten*) «уртон, станция»; *örtenge tegilgen üj* «стационарное здание» ← монг. *örtö:(n)* «уртон, станция»; «расстояние, равное перегону между уртонами (30–40 км)» < *örtö-* «проходить, проезжать» ← тюрк. (огур.) *ert-*, каз. *ert-*, чув. *irt-* «проходить, проезжать» (Болатов, 1963, 72; Федотов, 2002, 86).

пуң (*puṅ*) «мера веса в 0,35 г»; «мера денег, 1/100 лана» ← монг. *puṅ(g)* «фын (единица веса, сотая часть лана)» ← кит. *fin* (Болатов, 1965, 60, 62).

самбыр (*sambir*) «доска (школьная)» ← монг. *sambär* «доска»; «стенд» *χündēt sambär* «доска почета».

сандыл (*sandıl*) «стул», «табуретка» ← монг. *sandāl* «стул»; *muxār sandāl* «табуретка» (Базылхан, 1965, 45; Болатов, 1970, 52).

саралжын (*sarałǰın*) «вид полыни, растущей на песчаных землях» ← монг. *šarilǰ(ān)* «бурьян»; «полынь»; *morin šarilǰā* «полынь горькая»; *χambā šarilǰā* «ромашка лекарственная»; *χonin šarilǰā* «полынь веничная»; см. **шыралжын**.

сарлык (*sarlıq*) «як» ← монг. *sarlıq* «сарлык, як» (Болатов, 1963, 70; Базылхан, 1965, 46).

селбек (*selbek*) «помощь»; *selbek tij-* «оказать помощь», «оказать услугу»; «получить помощь, выгоду, прибыль» ← монг. *selbēg* «запас, резерв, замена»; «материал, необходимый для починки» < *selbē-* «чинить» ← тюрк. (огур.) **seplik* ~ чув. *saplāk* «заплата» < тюрк. *seple-*, каз. *septe-*, чув. *sapla-* «исправлять, чинить»; «(при)соединить» < тюрк. *sep*, каз. *sep*, чув. *sip* (← тат. *sip*) «прибавка», «придача», «помощь», «прок» (Болатов, 1963, 73; Базылхан, 1965, 39; см. ЭСТЯ, 2003, 239-240).

семби (*sembi*) «сукно» ← монг. *sembē(n)* «сукно», «бостон» (Базылхан, 1965, 44; Болатов, 1970, 52).

сере (*sere*) «вилка», «резубец», «острога» ← монг. *serē(n)* «вилка (столовая)», «острога, резубец, копьё с зубцами» (Болатов, 1963, 71; EDAL, 2003, II, 1225).

сереле- (*serele-*) «брат вилкой»; «ловить рыбу острогой» ← монг. *serēlē-*, *serēdē-* «брат вилкой»; «бить острогой, колоть острогой» (Базылхан, 1965, 41; БАМРС, 2001, III, 162).

сетер: *seter mal* «ценный, породистый скот» ← монг. *setēr* «ленты, привешиваемые к скоту, посвященному духам» (Базылхан, 1965, 46).

сетерле- (*seterle-*) «привешивать ленты к скоту для метки» ← монг. *setērlē-* «привешивать ленты к скоту, посвященному духам» (Базылхан, 1965, 46).

сол (*sol*) «звание, чин»; *sol šaqır-* «атагын айту», «вохвалять» ← монг. *col* «звание, чин», «кличка, прозвище»; «ода», «хвалебная песня» (Базылхан, 1965, 42).

сумын (*sumin*) «сомон, административная единица в Монголии, район» ← монг. *sum(ān)* «сомон», «административная единица в Монголии»; *sumān* «рота».

суытғы- (*sūwūqı̄-*) «удерживать, отчислять, делать вычет» ← монг. *sūtqā-* «отчислять, удерживать, делать вычет» (Базылхан, 1965, 41).

сүрғуыл (*sūryūwıl*): *sūryūwıl iste-* «учить урок», «упражняться»; «учиться», «тренироваться» ← монг. *surgūlī* «школа, училище»; «учеба, занятие», «обучение» < *surgā-* «учить, обучать», «воспитывать» < *surā-* «учиться, обучаться», «привыкать к чему-либо», ← тюрк. *sor-* «спрашивать, расспрашивать, искать»; каз. *sūra-* «спрашивать», «просить»; ср. также монг. *surgāl* «учение» (Базылхан, 1965, 42).

сыбай (*sıbaı*) ~ *sıbaq* «яловый», «бесплотный»; ср. каз. лит. *sıbaı* «смежный, соседний»; *sıbaı-saltan adam* «одинокий человек» ← монг. *suwāj* «яловый», «бесплотный», «бездетный (о человеке)»; *suwāj ünē* «яловая корова»; *suwājlä-* «отделять животных, не имеющих приплода»; *suwājrä-* «быть яловой, яловеть» (Болатов, 1963, 71).

танқа «заснавший, возгордившийся» ← монг. *tanqāj* «распущенный, безалаберный»; «праздный», «непристойный»; «лентяй, бездельник»; «пустомеля» (Базылхан, 1965, 47; Болатов, 1970, 52).

тевірде-, тевірле- (*tewırde-, tewırle-*) «перевозить, транспортировать» ← монг. *tewėrlē-* «перевозить, транспортировать» < *tewėr* «перевозка», «транспорт(ировка)» < *tē-* «перевозить, транспортировать» ← тюрк. < **tije*, каз. *tije-*, чув. *tije-*, «грузить, нагружать» (Базылхан, 1965, 41; Федотов, 1996, II, 227).

темікте- (*temdıkte-*) «отмечать», «ставить отметку, знак»; «обозначать» ← монг. *temdēglē-* «отмечать, обозначать, ставить знак или метку», «примечать» < *temdēg* «примета», «признак», «знак»; «штамп, печать»; «жетон, значок» (Базылхан, 1965, 41).

тенік (*tenik*) «сумасшедший», «бешенный», «придурок», «придулковатый», «помешанный» ← монг. *tenĕg* «глупый, неумный»; «глупость»; «глупец, дурак» (Базылхан, 1965, 47).

тоғай (*toġaj*) «тальник», «лес», «лесистая местность» ← монг. *toġoj* «локоть (часть от локтя до кисти)», «локтевой сустав»; «излучина, лука реки, залив» (Болатов, 1963, 73); перенос значения мотивирован тем, что излучины степных рек обычно зарастают тальниковым лесом.

тойпы (*tojpi*) «кирпич» ← монг. *tujpū(n)* «кирпич» ← кит. (Болатов, 1963, 71).

топай (*toġaj*) «бабка лошади»? ← монг. *toġoj-* «выдаваться, выступать (над поверхностью)»; «возвышаться бугром», «выделяться» (Болатов, 1963, 71).

торғы- (*torġi-*) «штрафовать, наложить штраф» ← монг. *torġö-* «штрафовать» < *torġ-* «задевать».

төгрөк (*tögrök*) «тутрик», «рубль», «деньги» ← монг. *tögrök* «тутрик – денежная единица Монголии»; «круг», «кружочек» ← тюрк. **töngerek* «круг», каз. *tögerek*, *töġerek*, *töġirek*, чув. *tüGerek*, др.-тюрк. *teġire* «круг», «округа», «окружность», «окрестность» (Сарыбаев, 1971, 258).

тұра (*tūra*) «стрелка в копыте лошади»; «копыто» ← монг. *tūr(aj)* (< *tuSuraj*) «копыто (лошади)» (Болатов, 1963, 70-71).

түрпі (*türpi*) «напильник», «подпилок», «рашпиль»; *türpile-* «тереть»; «обработать напильником, рашпилем» ← монг.; ср. монг. *türġě-* «натирать» (Болатов, 1963, 71).

ұдан: *ūdān žil al-* «получать дополнительное вознаграждение за выслугу лет» ← монг. *udān »il* «выслуга лет»; ср. *udān* «медленный»; *udān sū-* «жить, пребывать долгое время где-либо» (Базылхан, 1965, 42).

ұтыста- (*ūtīsta-*) «звонить, разговаривать по телефону» ← монг. *utāsda-* «звонить, разговаривать по телефону» < *utās* «нитка», «шнур», «провоолока», «провод», «кабель»; «телефон» (Базылхан, 1965, 41; Болатов, 1970, 53).

үзiк (*üzik*) «ручка, перо (для письма)» ← монг. *üzëg* «перо (для писания)»; *üzëg-iš* «ручка с пером» (Болатов, 1970, 52).

чанда- (*čanda-*) «(по)дарить», «наградить», «оказывать почет, уважение» ← монг. *šannā-* «наградить», «премировать» < *šan(g)* «награда, премия» (Базылхан, 1965, 42).

чары (*carə°*) «мера чая» ← монг. *carā* «объем»; ср. также *carā* «объем».

чиамбу (*čijambu*) «бязь» ← монг. *cūjāmbū* «полотно, бязь» ← кит.

чидібірле- (*čjdtbīrle-*) «решить вопрос», «выносить решение» ← монг. *šjdwērlē-* «выносить решение»; «(раз)решать» < *šjdwēr* «решение», «постановление» < *šjždē-* «решать, принимать решение» ← тюрк. **söjt-*, каз. *söjt-* «так делать, так поступать», чув. *süt-* «распутать», «разбирать», «доводить до конца» (Базылхан, 1965, 45).

читкі- (*čjtki-*) «наказывать», «карать», «приговорить» ← монг. *šjtgě-* «наказывать, приговаривать»; «присуждать», «(раз)решать» (напр., вопрос) < *šjždē-* «решать(ся)», «принимать решение» (Базылхан, 1965, 42).

чоқа (*čoqa*) «известь, мел для побелки дома» ← монг. *šoxój* «известь»; «мел»; «штукатурка»; *šoxójdō-* «белить, выбелить, штукатурить (стены)», «обмазывать известью, мазать мелом» (Базылхан, 1965, 45; БАМРС, 2002, IV, 371).

чоқала- (*čoqala-*) «побелить стены дома» ← монг. *šoxójdō-* «белить, выбелить, штукатурить (стены)»; «обмазывать известью» < *šoxój* «известь», «мел»; «штукатурка»; «побелка» (Базылхан, 1965, 41).

чорында- (*čorənda-*) «заклучить под старжу», «посадить в тюрьму» ← монг. *šorōndō-* «заклучать в тюрьму», «заклучить под стражу» < *šorōn(g)* «тюрьма», «острог»; ср. *šorōn* «острый, заостренный»; *šorōn(g)* «особенно выдающаяся среди других гора или вершина»; «одинокое торчащая вершина горы или скалы»; к семантике ср. рус. *острог* и *острый* (Базылхан, 1965, 42).

чөле (*čöle*) «свободное время», «досуг» ← монг. *čölö:(n)* «свободное время», «досуг»; «отпуск»; «каникулы»; «свобода», «воля»; «свободное место», «промежуток»; «проспект».

чөлеле- (*čölele-*) «разрешать, позволять»; «освободить», «увольнять» ← монг. *čölö:lö-* «освобождать(ся)», «увольнять(ся)» < *čölö:(n)* «свобода» (см. предыдущее слово; Базылхан, 1965, 41; БАМРС, 2002, IV, 319-320).

чөлөнке, чөнке (*čölönke, čönke*) «чайная чашка», «пиала» ← монг. *šil(ēn)* «стекло» (Базылхан, 1965, 45).

чут (*čiwit, čut*) «прямо»; *čut ±ürgiz-* «ездить, ходить прямо»; «непосредственно» ← монг. *šūd* «прямо»; «непосредственно», «открыто»; «беспрепятственно»; «решительно» (Базылхан, 1965, 42; БАМРС, 2002, IV, 380-381).

чуге (*čiwge*) «шкаф» ← монг. *šü:gē(n)* «шкаф», «комод», «сейф» (Болатов, 1970, 52; БАМРС, 2002, IV, 386).

чүгүм (*čüyüt*) «линия, черта»; «линейка» ← монг. *šuyāt* «линия, черта»; «линейка»; «рейка»; «строка».

чүгүмда- (*čüyümda-*) «проводить линию», «линовать», «чертить» ← монг. *šuyāmdā-* «проводить линию, (раз)линовать»; «расчерчивать < *šuyāt* «линия, черта».

чүйүрмек (*čüjürmek*) «творог», «процеженный творог» ← монг. *šü:rmэг: šü:rmэг bin* «блин» < *šü:rē-* «хватать, выхватывать»; «схватывать»; «просачиваться», «протекать»; «фильтровать», «процеживать» < *šü:r* «сито, решето для процеживания»; «фильтр»; «цедилка»; «сеть, невод», *šü:-* «цедить, процеживать»; ср. тюрк. *süz-*, каз. *süz-*, чув. *sēr-* «цедить, процеживать» (Базылхан, 1965, 42; БАМРС, 2002, IV, 387; ЭСТЯ, 2003, 342-344).

чүкімжіле- (*čükimžile-*) «испытывать»; «разбирать», «расследовать, критиковать» ← монг. *šü:mželē-* «критиковать», «обсуждать», «беседовать», «разбирать», «подвергать рассмотрению» < *šü:mžē* «суждение»; «рецензия» < *šü:-* (< **šügü-* < **šigü-*) «производить разбор», «разбирать дела», «расследовать», «испытывать»; ср. тюрк. *sök-*, *sük-* «ругать,

бранить, порицать»; *sökünc, söküš* «брань, ругательство» (Базылхан, 1965, 42; БАМРС, 2002, IV, 386-389).

ЧЫЖЫМ (*čijim*) «провокация», «провод» ← монг. *šižim* «шнурок, бечевка, шпагат, веревочка, нить» (Болатов, 1965, 64; EDAL, 2003, II, 1240; ЭСТЯ, 2003, 253-254).

ЧЫЛҒЫ- (*čilyi-*) «проверять, расследовать, разбирать, испытывать, пробовать» ← монг. *šalgā-* «проверять, испытывать»; «экзаменовать»; «отбирать, выбирать»; «отличать, различать» < *šalā-* «упрашивать, настойчиво спрашивать»; «настаивать»; «вымогать» (Базылхан, 1965, 41).

ЧІЛ (*čil*) «стекло»; *čil sal-* «вставить стекло» (в оконную раму) ← монг. *šil(ēn)* «стекло»; «бутылка»; «стеклянный» (Базылхан, 1965, 42; БАМРС, 2002, IV, 353).

ЧІЛЖИ- (*čilži-*) «переходить, переезжать, перевестись (с одного места на другое), переселяться» ← монг. *šilži-* «переходить, переезжать»; «переводиться куда-либо»; «переселяться, перемещаться»; «свалиться, упасть» (Базылхан, 1965, 42; БАМРС, 2002, IV, 354).

ЧІРИГДІЛ: *čirigdil bol-* «попасть в неприятную ситуацию», «затянуть дело» ← монг. *čirēgdél* «волокита»; «беспокойство», «неприятность» < *čirē-* «тащить, волочить»; «причинять, навлекать неприятности», «вовлекать (в неприятное дело)» (Базылхан, 1965, 42; БАМРС, 2002, IV, 316).

ЧІРКЕКТЕ- (*čirkekte-*) «сортировать, отбирать, отделять», «перебирать» ← монг. *širxēglē-* «делить поштучно», «отпускать поштучно» < *širxēg* «штука», «экземпляр» (Базылхан, 1965, 41).

ШАЙЛАН- (*šajlan-*) «чаевничать», «пить чай» ← монг. *cajla-* «пить чай, чаевничать»; «устраивать завтрак или ужин в честь кого-либо» < *čaj* «чай» (БАМРС, 2002, IV, 247).

ШАР (*šar*) «желтый» ← монг. *šarā* «желтый», «рыжий», «русый» ← тюрк. (огур.) **šāri*, ср. тюрк. **šāriy*, каз. *sarı* «желтый», чув. *šurā* «белый» (Болатов, 1963, 73; EDAL, 2003, II, 1264; ЭСТЯ, 2003, 206-208).

шатраш (*šatraš*) «шахматы» ← монг. *šatār* «шахматы» < скр. *čaturanga*; ср. п.-монг. *šitara(n)* ← перс. *šatarang* (Болатов, 1963, 71; Владимирцов, 1929, 112, 178, 373); каз. *šatraš*, судя по конечному -š, скорее восходит к арабизированной форме **šatran*± от перс. *šatarang*.

шикі (*šijki*) «сырой, недоваренный»; «неспелый, незрелый» ← монг. *šijgě* «сырость, влага, влажность» (Болатов, 1965, 66).

шуге (*šüwge*) «шкаф» ← монг. *šü:gě(n)* «шкаф, комод, сейф» (Базылхан, 1965, 45; см. выше **чуге**).

шыралжын (*širalžän*) «ромашка аптечная» ← монг. *šarilž(än)* «бурьян, полынь»; *χambā šarilž* «ромашка лекарственная» (Болатов, 1963, 73); см. **саралжын**.

ылға- (*ilya-*) «обособлять, разделять, раскладывать поштучно» ← монг. *jalgā-* «различать, отличать»; «отделять, разбирать, обособлять, распределять, сортировать» (Базылхан, 1965, 41; БАМРС, 2002, IV, 461).

янбы (*janbi*) «бязь, белая ткань»; «миткаль» ← монг. *jambū* «бязь»; «миткаль, коленкор» (Болатов, 1963, 71; БАМРС, 2002, IV, 463).

Вместо заключения

Тюркско-монгольские исторические этноязыковые взаимодействия – это одна из интереснейших, но в то же время и одна из труднорешимых проблем языкознания. Привлекая повышенное внимание лингвистов, историков, этнографов и т.д. в рамках ортодоксальной алтайской гипотезы, проблема тюркско-монгольских этноязыковых контактов в целом и казахско-монгольских в частности, все еще не получила достаточно стройного освещения в специальной литературе как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Что же касается собственно проблемы монгольских лексических заимствований в казахском языке, как, впрочем, и в большинстве других тюркских языков, то ее решение затруднено еще и тем, что плохо собран, недостаточно идентифицирован и малодоступен соответствующий лингвистический материал.

В настоящей монографии исследуются в основном экстралингвистические предпосылки возникновения и развития тюркско-монгольских этноязыковых контактов, устанавливается хронология тюркско-монгольских отношений по историческим данным. Основное содержание исследования составляет освещение казахско-монгольских (казахско-ойротских, казахско-джунгарских, казахско-калмыцких, казахско-халхаских) контактов, начиная с эпохи возвышения монголов в эпоху Чингисхана и завершая нашими днями. При этом значительное внимание уделено проблеме разграничения тюркского влияния на монгольские идиомы, с одной стороны, и монгольского на тюркские, с другой. Эта чрезвычайно сложная, неизменно запутанная (благодаря пресловутой алтайской гипотезе) и трудоемкая проблема сама по себе требует большого монографического исследования, поэтому вполне понятно, что в данной работе с той или иной сте-

пенью полноты освещаются только основные, наиболее значимые, на наш взгляд, вопросы.

Интердисциплинарные историко-лингвистические исследования позволяют охватывать структурную сложность и многомерность тюркско-монгольских этноязыковых взаимосвязей, продолжавшихся почти непрерывно в течение 10-12 веков, а также выстраивать исследование на принципиально иной – междисциплинарной – основе. В отличие от традиционного монодисциплинарного – сравнительно-лингвистического или лингвокомпаративного – исследования полидисциплинарные и междисциплинарные исследования берут изучаемый объект – результат более чем тысячелетнего тюркско-монгольского этнолингвокультурного взаимовлияния – во всей его нерасчлененности, целостности. Это означает, что отдельные этнографические, фольклорные, культурные и т.д. элементы, сложившиеся как в тюркоязычной, так и монголоязычной этнолингвокультурной среде, в результате многовековых взаимных контактов, взаимовлияний, взаимоокалываний изучаются в системных связях друг с другом. Такой тип интегрирования и комплексирования объектных и предметных полей, репрезентативной эмпирической базы, методологических, методических и прочих установок разнопрофильных научных дисциплин гуманитарной области может быть охарактеризован как синтез. Однако такой синтез возможен только в том случае, если действия языковедов, историков, этнологов, физиоантропологов, фольклористов, культурологов и исследователей других автономных областей гуманитарной науки будут согласованными и ориентированными на самые разнообразные формы взаимодействия и взаимопонимания. До появления первых энциклопедических компендиумов по общеалтаистической пролематике, или даже уже – по тюркско-монгольской исторической контактологии – еще очень далеко. Для этого потребуются титанические усилия многих поколе-

ний ученых с энциклопедическими знаниями, объединенных в единый научно-исследовательский центр алтаистики, в котором, насколько я полагаю, должны быть сосредоточены лучшие специалисты по всем этноязыковым сообществам, традиционно объединяемым в алтайскую общность.

Осознавая все трудности, стоящие на пути становления и развития интегрированных междисциплинарных научных исследований, в предлагаемом вниманию научной общественности данном исследовании автор преследует куда более скромную цель – выстраивать как соположение исторических и лингвистических предметных полей (вернее, их малой части) в рамках одного исследовательского процесса. Опыт подсказывает, что путь к интегрированным междисциплинарным исследованиям общепалтаистического характера является долгим и тернистым. Он пролегает через ряд этапов «соположительных» исследований, важнейшими из которых на данном этапе развития алтаистики как комплексной полидисциплинарной и интердисциплинарной гуманитарной науки представляются интегрирование результатов лингвистических и исторических, лингвистических и этнологических, лингвистических и культурологических, лингвистических и политологических, лингвистических и географических и т.д., и т.п. изысканий в данной области гуманитарных наук. Солидаризируясь с ходячей истиной «Нельзя объять необъятное», в данной работе предпринимаются самые первые, а потому, может быть, и самые робкие попытки сопоставить и интегрировать, в некоторой степени, результаты, полученные историками, с данными сравнительно-исторического языкознания относительно казахско-монгольских этноязыковых контактов, имевшими место на протяжении последнего с небольшим тысячелетия.

Изучение проблемы тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений традиционно начинают с презентации ортодоксальной алтайской гипотезы. Однако современный уровень изученности проблемы показывает, что алтайская гипотеза полна внутренних противоречий и в настоящее время не может быть принята всерьез. Во всяком случае, еще никому не удалось идентифицировать постулированную алтайскую общность с какой-либо из известных археологических культур и хоть как-то локализовать в пространственно-временном континууме истории Центральной Азии.

Археологические исследования бронзового и раннего железного веков в северной части Центральной Азии в пределах Монголии и Южного Забайкалья, показали, что к эпохе поздней бронзы в этнокультурной ситуации на территории указанного региона произошли существенные изменения по сравнению с периодом раннего металла. К этому времени в степной и лесостепной зонах сформировались в основном три самостоятельные археологические культуры: в восточной части Монголии и Южном Забайкалье место селенгинско-даурской культуры заняла культура плиточных могил, на территории монгольского варианта афанасьевской общности в Западной Монголии распространилась культура херексуров, в горно-таежных районах Хэнтэй-Чикойского нагорья сохранилась культура, получившая название хэнтэйской. Есть достаточно оснований идентифицировать создателей культуры плиточных могил с прототюрками, создателей культуры херексуров с восточноиранскими племенами скифо-сакского круга (усунями и юэчжами китайских исторических хроник), хэнтэйцев – с прото-монголами.

В эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке образовались большие контактные зоны, где сосуществовали группы носителей культур плиточных могил и хе-

рексуров. Хозяйство носителей обеих степных культур имело ярко выраженный скотоводческий характер. Культурно-исторические процессы в Центральной Азии в рассматриваемую эпоху были сопряжены с важными изменениями, происходившими в палеоэкономике степного населения – сложением кочевого экстенсивного скотоводства, демографической ситуации – крупномасштабными миграциями больших масс населения в центральные районы Монголии с запада и в природно-климатической обстановке – общей аридизации климата.

Аридизация климата, наступившая в конце II тысячелетия до н.э. вкуче с давлением избытка населения на производительные силы стала важной причиной крупномасштабных встречных миграций носителей культур плиточных могил и херексуров по степям Монголии. Это, разумеется, неизбежно приводило к двусторонним контактам, смешению и взаимной ассимиляции двух разных этнических культур и языков – восточноиранской и прототюркской.

Археологи обычно датируют период массовых передвижений носителей культур плиточных могил и херексуров во встречных направлениях концом II– началом I тысячелетий до н.э., а более конкретно XI–IX вв. до н.э.

По существующим ныне научным представлениям, этнические культуры Центральной Азии начинают проявляться по крайней мере с конца эпохи позднего неолита или начала эпохи ранней бронзы. В этот период в лесостепных и степных районах Восточной Монголии и Забайкалья, вплоть до Ордоса на юге происходило становление и развитие прототюркских охотничье-рыболовецких племен, часть которых, очевидно, уже в это время начала осваивать скотоводство. В последующем эти племена составили этническую основу носителей развитых скотоводческих культур бронзового и ран-

него железного века – культуры плиточных могил и исторических хунну (сюнну).

Выяснено, что культура плиточных могил начиная с финала II тысячелетия до н.э., а конкретнее, по крайней мере, в пределах XII–IX вв. до н.э., испытывала мощное воздействие со стороны западных и юго-западных цивилизаций, представляющих восточноиранский этноязыковой мир, что в конечном счете привело к номадизации прототюрков. Об этом можно судить по ряду общетюркской животноводческой терминологии, имеющей индоевропейские этимологии.

Таким образом, начиная примерно с рубежа II–I тысячелетий можно уже проследить основные вехи исторического развития прототюркского языка-основы и его более поздних когнатов и филиаций.

Здесь уместно напомнить, что монголы на широкую историческую арену начинают выходить только на рубеже I–II тысячелетий н.э.

В истории развития тюркских языков прослеживаются следующие основные хронотопологические рубежи.

1. Прототюркская эпоха (с незапамятных времен до раннего железного века) – время формирования и развития прототюркского языка-основы. На поздних этапах можно выделить два периода:

1) период интерстратных контактов с восточноиранскими идиомами (конец II тысячелетия до н.э.) и

2) период ассимиляции восточноиранского субстрата и формирования огурского R-языка (булгаро-чувацкого типа; первые века I тысячелетия до н.э.).

2. Огурская эпоха (VIII–IV вв. до н.э.) – эпоха распространения в степях Центральной Азии тюркского R-языка.

3. Хуннская (сюннская) эпоха (III в. до н.э. –IV в. н.э.).
4. Древнетюркская эпоха (V в. н.э.–XII в. н.э.).
5. Среднетюркская эпоха (XIII–XVI вв. н.э.).
6. Новотюркская эпоха (XVII–XIX вв.).
7. Новейшая эпоха (XX–XXI вв.).

В истории тюрко-монгольских этноязыковых взаимосвязей по результатам наших исследований можно выделить следующие основные этапы:

1) период огурско-монгольских контактов (X–XII вв. н.э.); в этот период монголы ассимилируют остатки огурских племен и становятся классическими номадами;

2) период уйгурско-монгольских контактов (XII–XIII вв.); в этот период идет ассимиляция монголами древнетюркских племен Центральной Азии;

3) период монгольской экспансии аридной полосы Центральной Азии (XIII–XIV вв.); в этот период монголы окончательно растворяются среди тюркоязычных народов завоеванных стран.

Отсчет собственно казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений более корректно начать со времени образования Казахского ханства в середине XV века, хотя при этом нельзя забывать и о более ранних событиях XIII–XIV вв., оставивших заметный след в канглыско-кыпчакском предке казахского языка. С учетом сказанного, в истории казахско-монгольских взаимоотношений можно выделить следующие основные дихронические вехи:

1) период монгольского завоевания Дешт-и Кыпчака (XIII–XIV вв.);

2) период казахско-ойратских взаимоотношений (XIV–XVI вв.);

3) период казахско-джунгарских взаимоотношений (XVII–XVIII вв.);

4) период казахско-калмыцких взаимоотношений (XIX–XXI вв.);

5) период казахско-халхаских взаимоотношений (XIX–XXI вв.).

Возможны и более дробные периодизации растянувшихся на более чем тысячелетие исторических взаимосвязей казахов и их исторических предков с монгольскими народами, но они для сугубо лингвистических исследований не представляют особой актуальности.

В данной работе рассматривается проблема истории тюркско-монгольских этноязыковых контактов и их значение в формировании казахской этноязыковой общности. Обращение к данной проблеме обусловлено прежде всего тем обстоятельством, что тюркско-монгольское взаимодействие продолжалось очень долго, а казахско-монгольские взаимосвязи, особо активизировавшиеся в эпоху средневековья, местами продолжаются и до настоящего времени. Так, на востоке казахского этноязыкового континуума имеют место активные контакты с халха-монгольским и ойротским, а на западе – с калмыцким идиомами. Этот естественный, прямой, то есть не опосредованный письменно-литературной традицией, контакт тюркских и монгольских языков заслуживает самого пристального внимания сразу по нескольким причинам.

Во-первых, такой естественный, прямой контакт идиом в истории человечества встречался гораздо чаще, чем возникший относительно недавно «культурный», опосредованный письменной традицией контакт, примером которого может служить персидско-тюркское, араб-

ско-тюркское, русско-казахское и тому подобное взаимодействие.

Во-вторых, углубленное изучение результатов многовековых тюркско-монгольских контактов позволяет заглянуть в малоизученные «темные» периоды развития кочевых цивилизаций Великой степи, в частности, в ранние стадии этноглотогенеза восточноиранских, тюркских, монгольских и других народов, о которых не сохранилось письменных свидетельств. Изучение истории ранних этапов тюркско-монгольских этноязыковых взаимодействий дает дополнительные, часто уникальные сведения о формировании тюркского *R*-диалекта булгаро-чувашского типа и времени первичного распада прототюркской этноязыковой общности, об этноязыковой ситуации в степях Центральной Азии в I тысячелетии до н.э., о двух волнах тюркизации Великой степи, о роли тюркских племен огурского круга, о возвышении монголов на рубеже I–II тысячелетий н.э., об этноязыковой принадлежности родоплеменных объединений монгольских степей в IX–XII веках, о причинах этноязыковой ассимиляции тюркских племен в эпоху возвышения Чингисхана и Великой Монгольской империи и т.д., и т.п.

В-третьих, поступенчатое, поэтапное изучение тюркско-монгольских этноязыковых взаимосвязей на протяжении доступного обозрения исторического периода позволяет разработать принципы и критерии генетической и хронотопологической стратификации общей для тюркских и монгольских языков лексики и на этой основе решить, наконец-то, затянувшийся спор между сторонниками и противниками ортодоксальной алтайской гипотезы.

И наконец, изучение естественного, прямого контакта тюркских и монгольских языков на фоне истории реальных социально-политических событий, имевших

место в средние века в центрально-азиатских степях, имеет огромное значение для выяснения путей формирования лексического состава казахских локальных говоров, одним из важных источников которого была иноязычная монгольская стихия.

Представленная на суд благонамеренного читателя данная работа – это только часть большого монографического исследования. Автор осознает, что многие проблемные вопросы освещены достаточно схематично, а некоторые и вообще не задеты. Поэтому автор уповает на снисходительное отношение квалифицированного читателя.

Список использованной литературы

Абаева В.И.

– 1958–1989: Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т. I. – 655 с.; Л.: Наука, 1973. – Т. II. – 448 с.; 1979. – Т. III. – 358 с.; 1989. – Т. IV. – 325 с.; Указатель. – М.: Ин-т языкозн. РАН, 1995. – 447 с.

Абусеитова М.Х.

– 1985: Казахское ханство во второй половине XVI века. – Алма-Ата, 1985. – 103 с.

– 1998: Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. – Алматы, 1998.

Абусеитова М.Х., Баранова Ю.Г.

– 1998: Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии XIII–XVIII вв.: (библиографические обзоры). – Алматы: Дайк-Пресс, 1998.

Авляев Г.О.

– 1984: О монголо-тюркских этнических связях и взаимодействиях в XIII–XIV вв. и некоторых аспектах проблемы этногенеза ойратов и калмыков // *Фольклор, литература и история Востока. Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции.* – Ташкент, 1984. – С. 378–383.

– 1994: Происхождение калмыцкого народа (середина XIX–первая четверть XVIII вв.) / 2-е изд. – М.; Элиста, 1994. – 248 с.

Авляев Г.О., Санчилов В.П.

– 1984: К вопросу о происхождении торгоутов в составе средневековых ойратов Джунгарии: (К проблеме этногенеза калмыков) // *Проблемы этногенеза калмыков.* – Элиста, 1984.

Акимушкин О.Ф.

– 1970: К вопросу о внешнеполитических связях Монгольского государства с узбеками и казахами в 30-е годы XVI в. – 60-е годы XVII века // *Палестинский сборник.* – М., 1970. – Вып. 21 (84).

– 1974: Монгольское государство и калмаки (ойраты) // *Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии.* – Улан-Батор, 1974. – С. 43–46.

– 1977: К вопросу о внешнеполитических связях Монгольского государства. – Алма-Ата, 1977.

– 1984: Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса (линия Туглук-Тимур-хана) // *Восточный Туркестан и Средняя Азия: история, культура, связи*. – М.: Наука, 1984.

Алексеев М.П.

– 1941: Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Изд. 2. – Иркутск, 1941.

Алпатов В.М.

– 1991: История одного мифа. Марр и марризм. – М.: Наука, 1991; 2-е изд., доп. – М.: Наука, Вост. лит., 2002.

– 1996: Николай – Николас Попе. – М., 1996.

– 2004: История одного мифа: Марр и марризм / 2-е изд., доп. – М.: 2004.

Алтан Тобчи: Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе, с приложением калмыцкого текста истории Убаши-хунтаджия и его войны с ойратами. Пер. Г. Гомбоев // *Труды Восточного отделения Русского археологического общества*. – СПб., 1858. – Ч. VI.

Аманжолов С.

– 1959: Вопросы диалектологии и истории казахского языка. I. – Алма-Ата, 1959. – 452 с.

– 1997: Вопросы диалектологии и истории казахского языка. – Алматы: Санат, 1997. – 608 с.

Аникин А.Е.

– 2000: Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. – М.; Новосибирск, 2000. – 767 с.

Антонов Н.К.

– 1961: Заметки о говоре якутов Среднеколымского района // *Сборник диалектологических материалов якутского языка*. – Якутск, 1961. – С. 56-57.

Аристов Н.А.

– 1894: Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // *Живая старина*. – СПб., 1894. – Вып. III-IV.

– 1896: Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // *Живая старина*. – СПб., 1896. – Вып. 3-4. – 182 с.

– 1897: Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. – СПб., 1897. – 182 с.

Арсланов Л.Ш.

– 1977: К вопросу о карагашском языке // *Сов. тюркология*. – Баку, 1977. – №4. – С. 73-81.

– 1979: О калмыцких заимствованиях в языке алабугатских татар Каспийского района Калмыцкой АССР // *Сов. тюркология*. – Баку, 1979. – №6. – С. 9-13.

Арсланова А.А.

– 1991: Особенности использования термина-топонима Дашт-и Кыпчак и его содержание в персоязычных источниках XIII–XVIII вв. // *О подлинности и достоверности исторического источника*. – Казань, 1991.

Асадов Ф.М.

– 1993: Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. – Баку, 1993.

Атыгаев Н.А.

– 2007: Хронология правления казахских ханов (XV–середина XVI в.) // *Тюркологический сборник: 2006*. – М.: Вост. лит., 2007. – С. 50-62.

Аринжанов С.М.

– 1976: Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // *Прошлое Казахстана по археологическим источникам*. – Алма-Ата, 1976.

– 1989: Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1989. – 293 с.

Ахмедов Б.А.

– 1965: Государство кочевых узбеков. – М.: Наука, 1965. – 195 с.

Ашмарин Н.И.

– 1902: Болгары и чувашаи // *Известия общества археологии истории и этнографии при Казанском университете*. – Казань, 1902. – Т. 18. – Вып. 1-3. – С. 1-132; 2-е изд. – Чебоксары: ЧГИГН, 2000. – 144 с.

Базарова Б.З.

– 2006: Монгольские летописи – памятники культуры. – М., 2006.

Базилхан Б.

– 1966 (1967): Монгольские заимствования в Баян-Ульгейском говоре казахского языка // *Монголын судлал / Studia Mongolica*. – Улаанбаатар, 1966 (1967). – Т. VI. Fasc. 9-14.

Базылхан Б.

– 1965: Монголияда туратын казактардың тилиндегі кейбір жергиликті ерекшеліктер // *Қазақ диалектологиясы*. – Алматы, 1965. – С. 34-50.

– 1976: Монгол-казак хэлний ижил язгуурт үг // *Хэл зохиолын судлал*. – Улаанбаатар, 1976. – С. 41-51.

– 1977: // *Қазақша-монғолиа сөздік*. – Улан-Батар, 1977. – 392 б.

– 1978: Монгол-казак хэлний үгийн сангийн харьцааны асуудал // *Хэл зохиолын судлал*. – Улаанбаатар, 1978. – С. 31-46.

– 1984: Монгол-казак хэлний толь. – Улаанбаатар; Өлгий, 1984.

– 1991: Монғолиядағы қазактардың тілі. – Улан-Батор; Өлгий, 1991.

– 1993: Қазақ және монғол тілдері бойынша салыстырмалы зерттеулер. – Улаанбаатар, 1993.

Балданжанов П.Б.

– 1970: Altan Tobci: Монгольская летопись XVIII века. – Улан-Удэ, 1970. – 415 с.: табл.

Барашков П.П.

– 1958: О монголо-бурятских и якутских языковых связях // *Труды по филологии*. – Улан-Удэ, 1958. – Вып. III. – С. 176-206.

Бартольд В.В.

– 1963: Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В.В. Сочинения*. – М., 1963. – Т. 1.

– 1968: История турецко-монгольских народов // *Бартольд В.В. Сочинения*. – М., 1968. – Т. V. – С. 195-229.

– 1968: Сочинения. – М., 1968. – Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – 758 с.

– 2002: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М., 2002. – 760 с.

Баскаков Н.А.

– 1958: Алтайский язык. – М.: Изд-во АН СССР, 1958.

– 1960: Тюркские языки. – М.: Вост. лит., 1960. – 247 с.

Батмаев М.М.

– 1993: Калмыки в XVII–XVIII веках: События, люди, быт. – Элиста, 1993. – 382 с.

Бенвенист Э.

– 1995: Словарь индоевропейских социальных терминов: I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия / Пер. с фр.; Ред. Ю.С. Степанов. – М.: Прогресс; Универс, 1995. – 456 с.

Бичурин Н.Я.

– 1834: Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. – СПб., 1834

Благова Г.Ф.

– 1970: Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах* // *Этнонимы*. – М.: Наука, 1970. – С. 143-159.

Богородицкий В.А.

– 1953: Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками / *Изд. 2-е, испр., доп.* – Казань: Татгосиздат, 1953. – 220 с.

Болатов Ж.

– 1963: Монғолияда тұратын қазақтардың тіліндегі кейбір диалектілік ерекшеліктер туралы // *Қазақ пен ұйғыр тіл білімінің мәселелері*. – Алматы, 1963. – III т. – 66-76 б.

– 1970: Восточная группа говоров казахского языка и ее отношение к литературному языку / *Автореф. дис. ... д-ра филол. наук*. – Алма-Ата, 1970. – 103 с.

Болд Л.

– 1966: Исторические связи монгольского языка с саянскими языками: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Улан-Удэ, 1966.

Бутков П.

– 1822: О имени *казак* // *Вестник Европы*. – М., 1822. – №21, ноябрь.

Вадецкая Э.Б.

– 1986: Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – М.: Наука, 1986. – 179 с.

Вайнрайх У.

– 1979: Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. – Киев: Вища школа, 1979. – 264 с.

Вайнштейн С.И.

– 1991: Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.

Валиханов Ч.Ч.

– 1961: Собрание сочинений. В 5 т. – Алма-Ата, 1961. – Т. I; 1962. – Т. II; 1964. – Т. III; 1968. – Т. IV; 1972. – Т. V.

– 1984: Собрание сочинений: В 5 т. / 2-е изд., доп и перераб. – Алма-Ата: Каз. сов. энциклопедия, 1984. – Т. I. – 431 с.

Вахитова А.Г.

– 2005: Монголизмы в лексике башкирского языка // Актуальные проблемы башкирского, тюркского и сопоставительного языкознания. – Уфа, 2005. – С. 274-277.

Викторова Л.Л.

– 1958: К вопросу о расселении племен на Дальнем Востоке в IV в. до н.э. – XII в. н.э. // *История и филология стран Востока.* – Л., 1958. – С. 41-67. (*Ученые записки ЛГУ.* – №256: *Сер. вост. наук.* – Вып. 7).

– 1961: К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII–XIII вв.) // *Языки народов Востока.* – Л., 1961.

– 1961: Ранний этап этногенеза монголов. – Л., 1961.

– 1964: Монгольские племена и их роль в истории Сибири // *Материалы по древней истории Сибири.* – Улан-Удэ, 1964.

– 1974: Основные этапы этнической истории монгольских народов // *Проблемы алтаистики и монголоведения.* – Элиста, 1974.

– 1978: Формирование монгольского ареала в системе алтайских языков // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии.* – Л., 1978.

– 1980: Монголы: происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – 224 с.

– 1983: К проблеме формирования монгольского ареала в системе алтайских языков // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии: язык и этнос.* – Л., 1983. – С. 114-121.

Владимирцов Б.Я.

– 1922: Чингис-хан. – Берлин; Пб; М., 1922; см. *Владимирцов, 2002, 141-207.*

– 1925: *Mongolica I.* Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии // *Записки Коллегии востоковедов.* – Л., 1925. – Т. I.

- 1926: Об одном окончании множественного числа в монгольском языке // *Доклады АН СССР. Сер. Б.* – Л., 1926. – С. 61-62.
 - 1926: Об окончании множественного числа в монгольском языке // *Доклады АН СССР. Сер. В.* – Л., 1926. – С. 61-62.
 - 1926: Об окончании множественного числа в монгольском языке // *Доклады АН СССР. Сер. В.* – Л., 1926. – см. *Владимирцов, 2005, С. 356-357.*
 - 1929: Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском // *Доклады АН СССР.* – Л., 1929. – № 10.
 - 1929: Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. – Л., 1929. – XII + 436 с.
 - 1930: Арабские слова в монгольском языке // *Записки Коллегии востоковедов.* – Л., 1930. – Т. V.
 - 1932: Монгольские литературные языки // *Записки Института Востоковедения АН СССР.* – Л., 1932. – Вып. 1.
 - 1934: Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934. – 223 с.; см. *Владимирцов, 2002, 297-488.*
 - 2002: Работы по истории и этнографии монгольских народов. – М.: Вост. лит., 2002.
 - 2003: Работы по литературе монгольских народов. – М.: Вост. лит., 2003.
 - 2005: Работы по монгольскому языкознанию. – М.: Вост. лит., 2005. – 951 с.
- Востров В.В.**
- 1961: Родо-племенной состав и расселение казахов на территории Семиреченской области // *Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана.* – Алма-Ата, 1961.
 - 1962: Родо-племенной состав и расселение казахов на территории Тургайской области // *Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР.* – Алма-Ата, 1962. – Т. 16.
- Востров В.В., Муканов М.С.**
- 1968: Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX–начало XX в.). – Алма-Ата, 1968. – 256 с.
- Гасанова С.М., Ибрагимов Г.Х., Магомедова П.Т., Мейланова У.А., Талибов Б.Б.**
- 1971: Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. – М.: Наука, 1971. – 295 с.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.

– 1984: Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. – Т. 1. – 428 с.; Т. 2. – 1330 с.

Георги И.Г.

– 1799: Описание всех обитающих в Российском государстве народов. – СПб., 1799. – Ч. 4.

Голден П.Б.

– 2003: Формирование куман-кыпчаков и их мира // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – Симферополь, 2003. – Вып. X.

– 2004: Кыпчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // *Монгольская империя и кочевой мир*. – Улан-Удэ, 2004.

Горский А.А.

– 2000: Москва и Орда. – М., 2000.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.

– 1950: Золотая Орда и ее. – М.; Л., 1950; М.: Богородский печатник, 1998. – 368 с.

Григорьев А.П.

– 1978: Монгольская дипломатика XIII–XX вв.: Чингизидские жалованные грамоты. – Л., 1978. – 135 с.

– 1983: Золотоордынские ханы 60-70-х годов XIV в.: хронология правлений // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. – Л., 1983. – Вып. VII.

– 2007: Историческая география Золотой Орды: местоположение городов, их наименования // *Тюркологический сборник, 2006*. – М.: Наука; Вост. лит., 2007. – С. 117-168.

Григорьев А.П., Григорьев В.П.

– 2002: Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. – СПб., 2002.

Грум-Гржимайло Г.Е.

– 1926: Западная Монголия и Урянхайский край. – СПб.–Л., 1914-1930. – Т. 1. Описание природы этих стран. – СПб., 1914; Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. – Л., 1926; Т. 3. – Вып. 1, 2: Антропологический и этнографический очерк этих стран. – Л., 1926, 1930.

Груссе Р.

– 2002: Чингисхан: Покоритель Вселенной. – М.: Молодая гвардия, 2002.

Гуломов А. Ф.

– 1944: Узбек тилида ку'плик категорияси. – Тошкент, 1944.

Гумилев Л.Н.

– 1960: Хунну: Срединная Азия в древние времена. – М.: Вост. лит., 1960. – 286 с.

– 1970: Поиски вымышленного царства: Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». – М.: Гл. ред. Вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1970. – 431 с.

– 1994: Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. – М.: Экопрос, 1994. – 624 с.

– 2008: Три китайских царства. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. – 272 с.

Дарбакова В.П.

– 1967: К этимологии этнонима калмык // *Этнонимы*. – М.: Наука, 1970. – С. 265-268.

– 1967: Еще раз к этимологии этнонима «хальмг» (калмык) // *Этническая история и современное национальное развитие народов мира*. – М., 1967.

Джанузаков Т.

– 1982: Очерк казахской ономастики. – Алма-Ата: Наука, 1982. – 176 с.

Доманин А.А.

– 2007: Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники. – М.: Центрополиграф, 2007. – 415 с.

Досымбаева А.

– 2006: Западный Тюркский каганат. Культурное наследие Казахской степи. – Алматы, 2006.

Дыбо А.В.

– 2006: Еще раз о языке сюнну // *Восток в исторических судьбах народов России. V Всероссийский съезд востоковедов*. – Уфа, 2006. – Кн. 2. – С. 53-56.

– 2007: Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. – М.: Вост. лит., 2007. – 223 с.

Егоров В.Л.

– 1980: Золотая Орда перед Куликовской битвой // *Куликовская битва*. – М., 1980.

Егоров Н.И.

– 1992: Проблемы генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка и теория о болгаро-чувашской этноязыковой преемственности. – Алма-Ата, 1992. – 82 с.

– 2006: Проблемы хронотопологической стратификации чувашско-монгольских лексических параллелей и их историческая интерпретация // *Чувашский гуманитарный вестник*. – Чебоксары, 2006. – №1. – С. 144-163.

Егоров Н.И., Егоров Э.Н.

– 2001–2002: Древнейшие индоевропейские (индоиранские и восточноиранские) лексические заимствования в пратюркском и проблема ранних этапов этнолингвогенеза огуров (протобулгар) // *Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики*. – Чебоксары, 2000/2001. – № 3/1. – С. 185-204; 2002. – № 4. – С. 140-154.

Еремеев Д.Е.

– 1982: Роль кочевников в этнической истории // *Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы*. – М., 1982. – С. 19-42.

Ермолова Н.М.

– 1983: Новые данные по истории охоты и скотоводства на юге Сибири // *Древние культуры евразийских степей*. – Л., 1983. – С. 95-107.

Жанпеисов Е.Н.

– 1988: Этнокультурная лексика казахского языка (на материалах произведений М. Ауэзова). – Алма-Ата: Наука, 1989. – 288 с.

Жанузаков Т.Ж.

– 1980: Этюды о казахских этнонимах // *Ономастика Средней Азии*. – Алма-Ата, 1980. – Вып. 2.

Жолдасбеков М., Сартқожаулы Қ.

– 2005: Орхон ескертіштерінің толық атласы. – Астана, 2005.

Зайцев И.А.

– 2004: Астраханское ханство. – М., 2004.

Златкин И.Я.

– 1983: История Джунгарского ханства: 1635–1758. – М.: Наука, 1983. – 332 с.

Золотая Орда в источниках / *Сост., введн. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского.* – М., 2003. – Т. 1.: Арабские и персидские сочинения.

Зотов О.В.

– 2005: Китай и Восточный Туркестан на геополитической «орбите» империй Чингисидов и Тимуридов // *Тюркологический сборник: 2003–2004.* – М., 2005. – С. 86–94.

Зуев Ю.А.

– 2002: Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002.

Ибрагимов С.К.

– 1960 а: Еще раз о термине «казах» // *Труды по истории, археологии и этнографии АН КазССР* – Алма-Ата, 1960. – Т.8.

– 1960 б: «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV–XVI вв. // *Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР.* – Алма-Ата, 1960. – Т.8. – С. 141–157.

– 1960 в: Новые материалы по истории Казахстана XV–XVI вв. // *История СССР.* – М., 1960. – №4. – С. 152–158.

Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. – Новосибирск, 1993.

Иностранцев К.А.

– 1926: Хунны и гунны // *Труды тюркологического семинария.* – Л., 1926. – Т. I.

Ирмуханов Б.Б.

– 2004: История Казахстана: Опыт теоретико-методологического исследования. – Алматы: Наш мир, 2004.

Исин А.

– 2004: Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI века. – Алматы, 2004.

История Казахской ССР. Т.1. / *Ред. М.О. Ауэзов и др.* – Алма-Ата, 1957. – 610 с.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / *Ред. С.Г. Агаджанов и др.* – Алма-Ата, 1979. – Т. II. – 421 с.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней (Очерк) / *Ред. М.К. Козыбаев и др.* – Алматы, 1993. – 416 с.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 4 т. – Алматы, 1996. – Т. 1. – 544 с.

История Казахстана с древнейших времен до наших дней: Курс лекций. – Алматы: Үш қиян, 2003.

История Казахстана в арабских источниках. Т. I: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Перераб и доп издание // Подг. В.Е. Кумеков и А.К. Муминов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 711 с.

История Казахстана в персидских источниках. Т. IV: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Доп. и перераб. издание. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 620 с.

История Казахстана в русских источниках. Т. I: Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.). Сост. А. Исина. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 704 с. + 16 с. вкл.

История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. II: Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана. Сост. И.В. Ерофеева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 448 с. + 8 с. вкл.

История монголов / Дж. дель Пано Карпини. – 3-е изд. – Путешествие в восточные страны Г. де Рубрук. – 3-е изд. – Книга Марка Поло. – 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. – М.: Мысль, 1997.

История монголов. – М.: АСТ, 2008. – 476 с.

Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. – Казань, 2002.

Ишбердин Э.Ф.

– 1979: Монгольские заимствования в башкирском языке // *Сов. тюркология.* – Баку, 1979. – №1. – С. 20-29.

– 2005: К вопросу о тюрко-монгольских лексических взаимоотношениях (на материале башкирского и монгольского языков) // *Актуальные проблемы башкирского, тюркского и сопоставительного языкознания.* – Уфа, 2005. – С. 129-133.

– 2007: Об этимологии слова *казак* // *Языковые и культурные контакты народов Республики Башкортостан в условиях двуязычия.* – Уфа, 2007. – С. 119-121.

Кадырбаев А.Ш.

– 1990: Тюрки и иранцы в Центральной Азии и Китае. XIII–XIV вв. – Алма-Ата, 1990.

– 1997: За пределами Великой степи. – Алматы, 1997.

– 1999: Казахи и монголы в свете историческо-культурной традиции тюрко-монгольского симбиоза // *Актуальные проблемы казахстанского монголоведения: прошлое, настоящее и перспективы*. – Алматы, 1999. – С. 30-37.

Казахи: Историко-этнографическое исследование. – Алматы, 1995. – 352 с.

Казахская диаспора Монголии: социально-экономическое положение и миграционные установки. – Алматы: Каз. ин-т стратег. иссл. при Президенте РК, 1993.

Казахско-русские отношения с XVI–XVIII вв.: Сборник документов и материалов / *Сост. Ф.Н. Киеер и др.* – Алма-Ата, 1961. – 742 с.

Калужинский Ст.

– 1968: Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // *Труды НИИЯЛИ Якутского филиала СО АН СССР*. – Якутск, 1968. – Вып. III (8).

Қалышев А.Б., Қозғанбаева Г.Б.

– 1999: Монғолиядағы қазақ диаспорасының қазіргі жағдайы мен болашағы немесе «Ұлы көш» // *Актуальные проблемы казахстанского монголоведения: прошлое, настоящее и перспективы*. – Алматы, 1999. – С. 81-89.

Кан Г.В.

– 2000: История Казахстана: Учеб. пособие для студ. вузов. – Алматы, 2000.

Кара Дь.

– 1972: Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). – М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1972. – 194 с. + 26 табл. вкл.

– 1975: История монгольской письменности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л.: ЛГУ, 1975. – 28 с.

Караев О.К.

– 1995: Чагатайский улус: Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. – Бишкек, 1995.

Карпини Дж. де П.

– 1911: Плано Карпини. История монгалов. Вильгельм Рубрук. Путешествие в восточные страны / *Пер. с ит. А.П. Малеина.* – Спб., 1977; см. *История монгалов, 1997.*

– 1957: Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика / *Ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастинной.* – М., 1957. – 270 с.; СПб., 1977; см. *История монголов, 1997.*

Карутц Р.

– 1910: Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке / *Пер. Е. Петри.* – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1910. – 190 с.

Қасымбаев Ж.

– 1993: Жонғар-қазақ тартысындағы саяси және әскери мәселелер // *Қазақ тарихи.* 1993. – № 2. – 24-28 б.

Кичиков А.Ш.

– 1967: К вопросу о происхождении слова «калмык» // *Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ.* – Элиста, 1967. – Вып. 5: Серия филологическая. – С. 133-134.

Климов Г.А.

– 1964: Этимологический словарь картвельских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1964.

– 1994: Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. – М.: Ин-т языкозн. РАН, 1994. – 249 с.

Климов Г.А., Халилов М.Ш.

– 2003: Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики. – М.: Вост. лит., 2003. – 511 с.

Кляшторный С.Г.

– 1964: Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964.

– 1997: Из древнетюркской ономастики: царский род «голубых тюрок» // *Ученые записки Санкт-Петербургского университета. № 430. Серия востоковедческих наук. Вып. 35. Востоковедение, 19: Филологические исследования.* – СПб., 1997. – С. 160-163.

– 2003 а: История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб., 2003.

– 2003 б: Кипчаки, команы, половцы // *Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов.* – М., 2003.

– 2006: Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб., 2006.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.

– 1992: Казахстан: Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. – 375 с.

– 2000: Государства и народы евразийских степей: Древность и средневековье. – СПб., 2000. – 320 с.

Книга странствий / Пер. с лат. и ст.-фр., сост., статьи и коммент. Н. Горелова. – СПб., 2006.

Ковалевская В.Б.

– 1977: Конь и всадник: Пути и судьбы. – М.: Наука, 1977.

Козин С.А.

– 1941: Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγuol-un niγuca tobciγan*. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Введение, перевод, тексты, глоссарии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 620 с.

– 1946: К вопросу о показателях множественности в монгольском языке // *Ученые записки Ленинградского гос. университета. № 69. Сер. филол. наук. Вып. 10.* – Л., 1946. – С. 120-135.

Конкашпаев Г.К.

– 1959: Географические названия монгольского происхождения на территории Казахстана // *Известия АН Каз ССР. Серия филологии и искусствоведения.* – Алма-Ата, 1959. – Вып. 1.

Коновалов П.Б.

– 1993: К истокам этнической истории тюрков и монголов // *Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии.* – Новосибирск, 1993. – С. 5-29.

Кононов А.Н.

– 1956: Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.; Изд-во АН СССР, 1956. – 570 с.

– 1958: Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 192 с. + 92 с. текста.

– 1956: Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 446 с.

– 1969: Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. – Л., 1969.

– 1980: Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). – Л.: Наука, 1980. – 255 с.

Костюков В.П.

– 2006: Была ли Золотая Орда «Кыпчакским ханством?» // *Тюркологический сборник: 2005.* – М., 2006.

Котвич В.Л.

– 1962: Исследования по алтайским языкам. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 371 с.

Кочергина В.А.

– Санскритско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1987. – 944 с.

Крадин Н.Н., Скрынников Т.Д.

– 2006: Империя Чингисхана. – М., 2006.

Кривошеев Ю.В.

– 2003: Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. – СПб., 2003.

Кузембайулы А., Аманжолулы Е.

– 1999: История Республики Казахстан. – Астана, 1999.

Кузьмина Е.Е.

– 1974: Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // *Вестник древней истории*. – М., 1974. – № 4. – С. 68-87.

– 1977: Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // *Средняя Азия в древности и средневековье*. – М.: Наука, 1977. – С. 28-52.

Кульпин Э.С.

– 1998: Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. – М.: Московский лицей, 1998. – 222 с.

Курышжанов А.К.

– 1970: Исследование по лексике старокыпчакского памятника XIII в. – «Турецко-арабского словаря». – Алма-Ата, 1970. – 234 с.

Кызласов Л.Р.

– 1992: Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. – 224 с.

Кычанов Е.И.

– 1973: Жизнь Темуджина, думавшего покорить мир. – М.: Наука, 1973. – 144 с.

– 1986: О монголо-татарском улусе XII в. // *Восточная Азия и соседние территории в средние века*. – Новосибирск, 1986. – С. 29-42.

– 1992: Чингисхан: Человек и время. – М., 1992.

– 1995: Жизнь Темуджина, думавшего покорить мир. Чингисхан: личность и эпоха / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» Ран, 1995. – 273 с.

– 1999: Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане / 2-е изд., исправл. и дополн. – Элиста, 1999. – 207 с.

Лигети Л.

– 1955: [Рец. на кн.:] Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков // *Вопросы языкознания*. – М., 1955. – № 5. – С. 133-140.

Лубсан Данзан

– 1973: Алтан тобчи («Золотое сказание») / *Пер. с монг., введ., коммент и прил. Н.П. Шастиной*. – М., 1973. – 439 с.

Лувсандэндэв А.

– 1957: Русско-монгольский словарь / *Под общ. ред. А. Лувсандэндэва*. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. – 715 с.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С.

– 1970: Краткий этимологический словарь коми языка. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

Максуди (Арсал) С.

– 2002: Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право / *Пер. с тур. Р. Мухамметдинова*. – Казань: Фэн, 2002. – 412 с.

Малов С.Е.

– 1951: Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 451 с.

Мамыров К.

– 1994: Кеңес тарихнамасыдағы қазақ-жонғар мәселесі // *Қазақ тарихи*. 1994. – №3. – 22-25 б.

Мамырылық К.

– 1994: Қазақ халқының жонғар басқыншыларына қарсы күресі. – Алматы, 1994. – 264 б.

Марко Поло

– 1955: «Книга Марко Поло» / *Пер. старофранц. текста И.П. Минаева; Ред. и вступ. ст. И.П. Магидовича*. – М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1955.

Масанов Н.Э.

– 1995: Кочевая цивилизация казахов: Основы жизнедеятельности кочевника. – Алматы; М., 1995. – 320 с.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / *Сост. С.К. Ибрагимов и др.* – Алма-Ата, 1969.

Махпиров В.У.

– 1997: Имена далеких предков (источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики). – Алматы: Ин-т востоковедения МН-АН РК, 1997. – 302 с.

Мелиоранский П.М.

– 1899: Памятник в честь Кюльтегина // *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества.* – СПб., 1899. – Т. XII. – Вып. 2-3. – С. 1-144.

– 1905: Заимствованные восточные слова в памятниках русской письменности домонгольского времени // *Известия Отделения русского языка и словесности.* – СПб., 1905. – Вып. X и 4. – С. 109-134.

Мендикулова Г.М.

– 1997: Исторические судьбы казахской диаспоры: происхождение и развитие. – Алматы: Ғылым, 1997.

Моисеев В.А.

– 1988: Некоторые вопросы казахско-джунгарских отношений в советской историографии // *Вопросы историографии и источниковедения Казахстана.* – Алма-Ата: Наука, 1988. – С. 134-150.

– 1991: Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 238 с.

Монголша-қазақша сөздік. – Улаанбаатар, 1954.

Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ, 2005. – Кн. 2.

Муканов М.С.

– 1974: Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. – Алма-Ата, 1974.

– 1991: Этническая территория казахов в XVIII–начале XX века. – Алма-Ата, 1991. – 64 с.

Мыськов Е.П.

– 2003: Политическая история Золотой Орды (1236–1313). – Волгоград, 2003.

Мэн-да бэй-лу

– 1975: Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа / *Пер. с кит., введение, коммент., и прилож. Н.Ц. Мункуева.* – М.: Наука, 1975. – 286 с.

Насилов А.Д.

– 2002: Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI–XVII вв. / *Пер., коммент. и исслед. А.Д. Насилова.* – СПб., 2002.

Насонов А.Н.

– 2002: Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. – СПб., 2002.

Никифоров Г.А.

– 1963: Об аффиксе множественного числа *-т* в якутском языке // *Труды Института языка, литературы и истории.* – Якутск, 1963. – Вып. 4(9). – С. 89-92.

Новгородова Э.А.

– 1981: Ранний этап этногенеза народов Монголии (конец III–I тысячелетие до н.э.) // *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.).* – М.: Наука, Гл. ред. Вост. лит., 1981. – С. 207-215.

– 1989: Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.

Номинханов Ц. Д.

– 1958: Происхождение слова «калмык» // *Вестник Академии наук Казахской ССР.* – Алма-Ата, 1958. – Вып. 2 (164). – С. 99-103.

Нұрмагамбетов Ә

– 1978: Қазақ тілі говорларының батыс тобы. – Алматы, 1978. – 216 б.

Нусупбеков А.Н.

– 1989: Вопросы истории Казахстана: (Избранные труды). – Алма-Ата: Наука, 1989. – 344 с.

Осколков В.С., Осколкова И.Л.

– 2000: История Казахстана: Справочник. – Алматы, 2000.

Пальмов Н.Н.

– 1922: Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. – Астрахань, 1922.

Панфилов В. З.

– 1977: Философские проблемы языкознания: Гносеологические аспекты. – М.: Наука, 1977. – 288 с.

Паркер Э.Х.

– 2003: Тысяча лет из истории татар / *Пер. с англ. В. Мирзаянова.* – Казань: Идел-Пресс, Слово, 2003. – 288 с.

Пензев К.А.

– 2007: Земли Чингисхана. – М.: Алгоритм, 2007. – 272 с.

Петров П.Н.

– 2003: Очерки по нумизматике монгольских государств XIII–XIV веков. – Н. Новгород, 2003.

Пищулина К.А.

– Юго-Восточный Казахстан в середине XIV–начале XVI века: (вопросы политической и социально-экономической истории). – Алма-Ата: Наука, 1977. – 288 с.

Позднеев А.М.

– 1866: Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // *Журнал Министерства народного просвещения*. – СПб., 1866.

– 1885: Памятники исторической литературы астраханских калмыков. – СПб., 1885.

– 1896 а: Лекции по истории монгольской литературы, читанные... А.М. Позднеевым в 1895-1896 академическом году. Записал и издал студент Х.П. Кристи. – СПб., 1896. – Т. 1; 1897. – Т. 2; Владивосток, 1908. – Т. III.

– 1896 б: Монголия и монголы. – СПб., 1896. – Т. 1.

Покровский М.М.

– 1959: Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 383 с.

Потанин Г.Н.

– 1881/II: Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1881-1883. – Вып. 1-4.

Почекаев Р.Ю.

– 2007: Батый. Хан, который не был ханом. – М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Евразия, 2007. – 350 с.

Проблемы этногенеза калмыков. – Элиста, 1984.

Путешествия в восточные страны. – М.: Мысль, 1997.

Радлов В.В.

– 1893: К вопросу об уйгурах: (из предисловия к изданию Кутадку Билика). – СПб., 1893. – 130 с. (*Записки РАН, 1893. Т. 12. – Прил. №2*).

Рамstedт Г.Й.

– 1957: Введение в алтайское языкознание: Морфология / *Пер. с нем.* – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. – 254 с.

Рассадин В.И.

– 1973: Монгольские заимствования в алтайском языке // *Сов. тюркология*. – Баку, 1973. – №1. – С. 62-72.

– 1980: Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 115 с.

– 1992: О некоторых реликтовых явлениях тюрко-монгольских языковых союзов // *Олон улсын монголч эрдэмтний V их хурал*. – Улаанбаатар, 1992. – Т.3. – С. 213-219.

Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.

– 2000–2007: Этимологический словарь иранских языков. – М.: Вост. лит., 2000. – Т. 1. – 327 с.; 2003. – Т. 2. – 502 с.; 2007. – Т.3. – 493 с.

Рашид ад-Дин.

– 1952: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л.А. Хетагурова; Ред. и примеч. А.А. Семенова; Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И. Смирновой; Ред. А.А. Семенова. – М.; Л., 1952; Т. II / Пер. с перс. Ю.П. Верховского. Ред. И.П. Патрушевский. – М.; Л., 1960; Т. III / Пер. с перс. А.К. Арендса; Ред. А.А. Ромаскевич и др. – М.; Л., 1946.

Ринчинэ А.Р.

– 1947: Краткий монгольско-русский словарь / Сост. А.Р. Ринчинэ. – М.: ОГИЗ, 1947. – 423 с.

Рона-Таш А.

– 1974: Общее наследие или заимствование? (К проблеме родства алтайских языков) // *Вопросы языкознания*. – М., 1974. – № 2. – С. 31–45.

Русско-монгольские отношения: 1607–1636 / Сост. Л.М. Татарсачук. – М., 1959. – 352 с. (см. *МИРМО*, 1959).

Русско-монгольские отношения: 1636–1654 / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. – М., 1974. – 469 с. (см. *МИРМО*, 1974).

Русско-монгольские отношения: 1654–1685: Сборник документов / Сост. Г.И. Слесарчук. – М.: Наука, 1996. – 560 с. (см. *МИРМО*, 1996).

Русско-монгольские отношения: 1685–1691 / Сост. Г.И. Слесарчук. – М., 2000. – 488 с. (см. *МИРМО*, 2000).

Рыкин П.О.

– 2002: Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингис-хана // *Вестник Евразии. Acta Eurasia*. – М., 2002. – №16.

Сабырханов А.

– 1977: Некоторые вопросы формирования этнической территории казахского народа (XVIII в.) // *Вестник АН КазССР*. – Алма-Ата, 1977. – №3.

Самойлович А.Н.

– 1927: О слове «казак» // *Казакки: Антропологические очерки*. – Л., 1927. – С. 5–16; см. тур. пер. Samoylovič A. Kazak kelimesi hak-

kinda // *Türk dili araştırmaları yilligi. Belleten.* – Ankara, 1957. – 95-104 b.

Санжеев Г.Д.

– 1953: Сравнительная грамматика монгольских языков. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 240 с.

– 1973: О тюрко-монгольских лингвистических параллелях // *Сов. тюркология.* – Баку, 1973. – №6. – С. 73-78.

– 1977: Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1977. – 161 с.

Санчилов В.П.

– 2005: Ойраты в составе Монгольской империи // *Монгольская империя: этнополитическая история.* – Улан-Удэ, 2005. – С. 158-189.

Сарыбаев Ш.Ш.

– 1960: К вопросу о казахско-монгольских языковых связях // *Вопросы истории и диалектологии казахского языка.* – Алма-Ата, 1960. – С. 34-71.

– 1971: Монгольско-казахские лексические параллели // *Проблема общности алтайских языков.* – Л., 1971. – С. 256-262.

– 2000: К вопросу о монгольско-казахских языковых взаимосвязях // *Вопросы казахского языкознания.* – Алма-Ата: Арыс, 2000. – С. 141-175.

Сафаргалиев М.Г.

– 1960: Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. – 276 с.

– 1996: Распад Золотой Орды // *На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.* – М.: ИНСАН, 1996. – 768 с.; С. 280-526.

Севортян Э.В.

– 1966: Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. – М.: Наука, 1966. – 437 с.

– 1974: Этимологический словарь: тюркских языков: Обще-тюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: наука, 1974. – 767 с.

Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Рыжикова Т.Р.

– 2005: Экспериментально-фонетические данные по языкам народов Сибири как историко-лингвистический источник // *Пути*

формирования лингвистического ландшафта Сибири. – Новосибирск, 2005. С. 8-27.

Семенюк Г.И.

– 1973: Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). – Калинин, 1973. – 148 с.

Семереньи О.

– 1980: Введение в сравнительное языкознание. – М.: Прогресс, 1980. – 408 с.

Серебренников Б.А.

– 1974: Вероятностные обоснования в компаративистике. – М.: Наука, 1974. – 352 с.

Сокровенное сказание монголов. Анонимная монгольская хроника 1240 года (Монгол-ун нигуча тобчиян // Юань чао би ши) // *Сост., вступ. ст., примеч. П.А. Дарваева.* – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. – 280 с.

Степанов Ю.С.

– 2001: Концепты: Словарь русской культуры / *Изд. 2-е, испр. и доп.* – М.: Академ. Проект, 2001. – 990 с.

Субракова О.В.

– 1975: Монгольские заимствования в языке хакасского героического эпоса // *Ученые записки хакас. НИИЯЛИ. Вып. 20: Серия филологическая.* – Абакан, 1975. – Вып. 3. – С. 123-135.

Сулейманов Р.Б.

– 1983: Внешнеполитические связи Казахстана XVI–XVIII вв. в советской историографии // *Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв.* – Алма-Ата, 1983. – С. 8-34.

Султанов Т.И.

– 1982: Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). – М., 1982. – 134 с.

– 1993: Правители первого Казахского государства (1470–1718). – Алматы, 1993.

– 2001: Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. – Алматы, 2001.

– 2005: Зерцало минувших столетий: Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв. – СПб., 2005.

– 2006: Чингиз-хан и Чингизиды: Судьба и власть. – М.: АСТ Москва, 2006. – 445 с.

Суюнчев Х.И.

– 1977: Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. – Черкесск: Карач.-Черк. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва. – 1977. – 175 с.

Сыдыков С.

– 1983: Монгольско-тюркские языковые параллели. – Фрунзе: Илим, 1983. – 164 с.

Тамерлан: эпоха, личность, деяния. – М., 1992.

Танышпаев М.

– 1925: Материалы к истории киргиз-казацкого народа. – Ташкент, 1925.

Таскин В.Н.

– 1979: К вопросу о современном состоянии и уровне развития лексики алтайского литературного языка // *Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе.* – Новосибирск, 1967.

– 1984: Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1984. – 486 с.

Татаринцев Б.И.

– 1976: Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1976. – 132 с.

– 2000: Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2000. – Т. I: (А–Б). – 341 с.

– 2002: Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. II: (Д, Ё, И, Й). – 388 с.

Ташпекоев Г.А.

– 2002: Казахи Саратовской области: историко-этнографические очерки. – Саратов, 2002.

Тизенгаузен В.Г.

– 1884: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884.

– 1950: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из сочинений арабских. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Тодаева Б.

– 1951: Грамматика современного монгольского языка: Фонетика и морфология. – М., 1951. – 196 с.

– 1979: Язык монголов Внутренней Монголии. – М.: Наука, 1979. – 274 с.

Толыбеков С.Е.

– 1971: Кочевое общество казахов в XVII–начале XX века: Политико-экономический анализ. – Алма-Ата: Наука, 1971.

Томанов М.

Қазақ тілінің тарихи грамматикасы: Фонетика. Морфология. – Алма-Ата, 1981. – 208 б.

Томилов Н.А.

– 1983: Казахи Западной Сибири в конце XVI–первой четверти XIX вв. // *Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий*. – Омск, 1983

Топоров В.Н.

– 1990: Сравнительно-историческое языкознание // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 486-490.

Третьяков В.В.

– 1993: Государственный строй Монгольской империи XIII века: Проблема исторической преемственности. – М., 1993. – 168 с.

– 2001: История Ногайской Орды. – М.: Вост. лит-ра, 2001. – 752 с.

Трубачев О.Н.

– 1966: Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). – М.: Наука, 1966. – 416 с.

Туймебаев Ж.К.

– 2006: Становление и развитие алтайской теории и алтаистики. – Туркестан: МКТУ им. Х.Я. Ясави, 2006. – 272 с.

– 2007: Проблема аналитных губных согласных в алтайских языках (Ревизия фонетического закона Рамстедта–Пеллио). – Астана, 2007.

Тюраков В., Файзаев А.

– 1996: Великий амир Тимур: даты жизни и событий. – Ташкент, 1996.

Убушаев Н.Н.

– 1989: Происхождение этнонима «ойрат» // Владимирцовские чтения. II Всесоюзная конференция монголоведов. Тезисы докладов и сообщений. – М., 1989. – С. 58-59.

– 1997: Происхождение этнонима «калмык» // VII Международный конгресс монголоведов. Докл. рос. дел. – М., 1997. – С. 163-164.

Узерфорд Дж.

– 2008: Чингисхан и рождение современного мира. – М.: Аст; Владимир: ВКТ, 2008. – 493 с.

Ураксин З.Г., Ишбердин Э.Ф.

– 1971: Некоторые моменты лексической связи башкирского языка с монгольским // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1971. – Т. 4. – С. 275-277.

Утемиш-хаджи.

– 1992: Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскр., примеч., ис-след. В.П. Юдина; Коммент. и указ. М.Х. Абусеитовой. – Алма-Ата, 1992.

Фасмер М.

– 1964–1973: Этимологический словарь русского языка. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Под ред. Б.А. Ларина. – М.: Прогресс, 1964. – Т. I. – 562 с.; 1967. – Т. II. – 671 с.; 1971. – Т. III. – 827 с.; 1973. – Т. IV. – 855 с. (2-е изд. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т.1-4).

Федоров-Давыдов Г.А.

– 1966: Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: (Археологические памятники). – М.: Наука, 1966.

– 1973: Общественный строй Золотой Орды. – М.: Наука, 1973. – 180 с.

Федотов М.Р.

– 1996: Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. – Т.1: (А–Р). – 470 с.; Т.2: (С–Я). – 509 с.

– 2002: Этимологический словарь чувашского языка: Изд. 2-е, испр. и доп. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 470 с.

Хайдаков С.М.

– 1973: Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. – М.: Наука, 1973. – 179 с.

Хамидуллин Б.

– 2002: Чингиз-хан – 850. – Казань: Дом печати, 2002. – Кн. 1. – 288 с.

Хартог Л.

– 2007: Чингисхан. Завоеватель мира. – М.: Олимп: Аст: Аст-рель, 2007. – 287 с.

Хафизов Г.Г.

– 2000: Распад Монгольской империи и образование Улуса Джучи. – Казань, 2000.

Хеннинг Р.

– 1961: Неведомые земли. – М., 1961. Т. II.

Хоанг М.

– 1997: Чингисхан. – Ростов-на-Дону, 1997.

Храпачевский Р.П.

– 2005: Военная держава Чингисхана. – М.: АСТ; Люкс, 2005. – 557 с.

Христианский мир и «Великая монгольская империя». – СПб., 2002.

Хрусталева Д.Г.

– 2004: Русь от нашествия до «ига». – СПб., 2004.

Цинциус В.И.

– 1946: Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках // *Ученые записки Ленинградского гос. университета. Серия филологических наук.* – Л., 1946. – Вып. 10.

– 1949: Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. – Л., 1949. – 342 с.

Цинциус В.И., Летягина Н.И.

– 1978: К истории форм множественности в алтайских языках // *Очерки сравнительной морфологии алтайских языков.* – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – С. 197-231.

Чагдуров С.Ш.

– 2000: Прародина монголов. – Улан-Удэ, 2000. – 138 с.

Черных П.Я.

– 1993: Историко-этимологический словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1993. – Т. I. – 623 с.; Т. II. – 560 с.

Чернышев А.И.

– 1990: Общественное и государственное развитие ойратов XVIII в. – М., 1990. – 138 с.

Чингисхан. История Завоевателя мира, записанная Ала ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / *Пер. с перс. текста на англ. Дж. А. Бойла. Пер. с англ. Е.Е. Харитоновой.* – М., 2004.

Чингисхан и судьбы народов Евразии. – Улан-Удэ, 2003.

Членова Н.Л.

– 1992: Культура плиточных могил // *Археология СССР: Стены Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* – М.: Наука, 1992. – С. 247-254.

Чулууны Далай

– 1983: Монголия в XIII–XVI веках. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. – 232 с.

Шаханова Н.Ж.

– 1998: Мир традиционной культуры казахов: (Этнографические очерки). – Алматы, 1998.

Шер Я.А.

– Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Щербак А.М.

– 1961: Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии // *Эпиграфика Востока.* – М., 1961. – Вып. XIV. – С. 23-25.

– 1970 а: Формы числа имен в тюркских языках // *Вопросы языкознания.* – М., 1970. – №3. – С. 87-99.

– 1970 б: Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970. – 204 с.

– 1977: Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). – Л.: Наука, 1977. – 191 с.

Эрдниева У.Э.

– 1980: Калмыки: Историко-этнографические очерки / 2-е изд., дополн и перераб. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. – 286 с.

– 1985: Калмыки: Историко-этнографические очерки / 3-е изд. – Элиста, 1985. – 284 с.

Эрдниева У.Э.

– 1993: Историческая судьба ойратов. – Элиста, 1993. – 80 с.

Юань-чао би-ши: (Секретная история монголов). 15 цзюаней / Изд. текста и предисл. Б.И. Панкратова. – М., Наука, 1962. – Т. 1: Текст. – 602 с.

Юдин В.П.

– 1965: О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахскими и другими соседними народами // *Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук.* – Алма-Ата, 1965. – №3. – С. 52-65.

– 1983: Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // *Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв.* – Алма-Ата, 1983.

– 1992: Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // *Утемиш-хаджи, Чингиз-наме*. – Алма-Ата, 1992. – С. 14-56.

Bawden Ch. R.

– 1955: The Mongol chronicle Altan Tobči. – Wiesbaden, 1955.

Brockelmann C.

– 1954: Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. – Lieden, 1954.

Clark L.V.

– 1980: Turcic loanwords in Mongol. I: The treatment of non-initial *s*, *z*, *š*, *č* // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1980. – Vol. 24. – № 1-2. – P. 36-59.

Clauson G.

– 1967: Three notes on Early Turkish // *Türk dili araştırmaları Yıllığı*. – İstanbul, 1966 (издан в 1967 г.). – S. 1-37.

Clauson G.

– 1972: An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. – Oxford, 1972. – 989 p.

Cleaves F.M.

– 1951: A chancellery practice of the Mongols // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1951. – Vol. 14, № 3-4. – P. 493-526.

Collinder B.

– 1955: Fenno-Ugric Vocabulary / *An etymological dictionary of the Uralic languages*. – Stockholm: Almqvist; Wiksell, 1955. – 211 p.

– 1960: Comparative Grammar of the Uralic Languages. – Uppsala, 1960.

Daschzeden T.

– 1969: Über drei Pluralsuffixe der modernen mongolischen Sprache // *Altaistica*. – 1969, H.-Jhrg. XVIII. – Heft 3. – S. 475-480.

Doerfer G.

– 1962: Der Numerus im Mandschu. – Wiesbaden, 1962.

– 1963: Türkisch and Mongolian studies. – London, 1963.

– 1963–1972: Türkische and mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. 1: Mongolische Elemente im Neupersischen. – Wiesbaden, 1963. – 557 S.; Bd. 2: Türkische Elemente im Neupersischen. – Wiesbaden, 1965. – 671 S.; Bd. 3. 1967. – 670 S.; Bd. 4. – 1972. – 650 S.

Erdal M.

– 2004: *A Grammar of Old Turkic*. – Leiden, 2004.

Franke H.

– 1981: *A Sung embassy of 1211–1212: the Shih-Chin-lu of Ch>ehg Cho // Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient*. – Hanoi; Paris; Saigon, 1981. – T. 59.

Gabain A. von.

– 1950: *Altürkische Grammatik*. – Leipzig, 1950.

– 1988: *Eski türkçenin grameri / Geçiren M. Akalın*. – Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1988. – 313 b.

Golden P.

Nomads of the Western Eurasian Steppes: Oğurs, Onyours and Khazars // Philologie et Historiae Turcicae Fundamentia. – Berlin, 2002. – T. 1.

Grousset R.

– 1994: *The Empire of the Steppes*. – Rutgers, 1994.

Grønbech K.

– 1936: *Der türkische Sprachbau*. – Kopenhagen, 1936.

Hacıeminog^olu N.

– 1996: *Karahanlı Türkçesi Grameri*. – Ankara, 1996. (TDKY, 638).

Hambis L.

– 1970: *L'histoire des Mongols avant Gengis-Khan d'après les sources chinoises, et la documentation conserve par Rashid-ud-Din // Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1970. – Vol. 14. – № 1-3.

Harmatta J.

– 1972: *Irano-Turcica // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1972. – Bd. 35. – Vol. 1-3. – P. 263-273.

Houtsma M. Th.

– 1894: *Ein türkisch-arabisches Glossar. Nach der Liedener Handschrift*. – Leiden, 1894.

Howorth H.H.

– 1876: *History of the Mongols from the 9th to the 19th century*. Pt. I: *The Mongols proper and the Kalmuks*. – London, 1876.

Howorth H.H.

– 1927: *History of the Mongols from the 9th to the 19th century*. Pt. II: *The so-called Tartars of Russia and Central Asia*. Division I-II; Pt. III: *The Mongols of Persia*; Pt. IV: *Supplement*. – London, 1876–1927.

Humboldt W.

– 1880: Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. – Berlin, 1880. – Bd. 1-2.

Joki A.J.

– 1973: Uralier und Indogermanen: Die älteren Berührungen Zwischen den Uralischen und Indogermanischen Sprachen. – Helsinki: SUS, 1963. – 419 S. (SUST, 151).

Kalużyński S.

– 1961: Mongolische Elemente in der jakutischen Sprachen. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1961. – 170 s.

Kiehnle C.

– 1979: Vedisch *ukṣ* and *ukṣ / vakṣ* // *Wortgeschichtliche Untersuchungen. Alt- und Neu-Indische Studien.* – Wiesbaden, 1979. – Bd. 21.

Kowalski T.

– 1936: Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes *-lar/-lär* in den Türksprachen. – Kraków, 1936.

Kotwicz W.

– 1936: Les pronoms dans les langues altaïques. – Kraków, 1936.

Ligeti L.

– 1962: Un vocabulaire mongol d>Istanbul // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1962. – T. 14. – Fasc. 1-2. – S. 3-99.

– 1967: Die Herkunft der Volksnamen *kirgis* // *Kőrösi Csoma Archivum.* – Lieden, 1967. – Bd. 1.

Meillet A.

– 1934: Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. – Paris, 1934.

Munkácsi B.

– 1901: Arja és kaukazusi elemek a finn-magyar nyelvbene. – Budapest, 1901.

Olcott M.B.

– 1987: The Kazakhs. – California: Hoover Institution Press, 1987.

Pelliot P.

– 1923: Les Mongols et la Papauté. Extrait de la Revue de l'Orient Chrétien. 3e série. – Paris, 1923. – T. III (XXIII). – №1-2 (1922–1923).

– 1930: Un passage altéré dans le texte mongol ancien de l>histoire secrète des Mongols // *T>ong Pao*. – Leide, 1930. – Bd. 27. – Vol. 2-3.

– 1949: Notes sur l>histoire Horde d>Or. – Paris, 1949.

Pokorny J.

– 1959: *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. – Bern; München: Francke Verlag, 1959.

Poppe N.

– 1952: Plural Suffixes in the Altaic Languages // *Ural Altaische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1952. – Bd. XXIV. – № 3-4. – P. 65-83.

– 1952: Remarks on Comparative Study of the Vocabulary of the Altaic Languages // *Ural Altaische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1974. – Bd. 46. – P. 120-134.

– 1994: Altay dillerinin karşılaştırmalı grameri. 1 kısım: Karşılaştırmalı ses bilgisi / *Çeviren: Zeki Kaymaz*. – İstanbul, 1994. – 296 b.

Pritsak O.

– 1957: Tschwaschische Pluralsuffixe // *Studia Altaica*. – Wiesbaden, 1974. – S. 137-155.

Ramstedt G.J.

– 1904: Über mongolische Pronomina // *Journal de la Société Finno-ougrienne*. – Helsinki, 1904. – Bd. 23. – Heft 3.

– 1907: Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen // *Journal de la Société Finno-ougrienne*. – Helsinki, 1907. – Bd. 24. – Heft 1. – S. 1-24.

– 1935: Kalmükisches Wörterbuch. – Helsinki, 1935. – 560 S. (LSFU, 3)

Räsänen M.

– 1969: Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türk-sprachen. – Helsinki, 1969. – 533 S.; 2-е изд. – Helsinki, 1971. (LSFU, XVII; 1, 2).

Róna-Tas A.

– 1965: Some notes on the terminology of Mongolian writing // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1965. – Bd. 18. – P. 119-147.

– 1974: Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen? // *Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker: Schriften zur Geschichte und Kultur der Alten Orients*, 5. – Berlin, 1974. – S. 499-504.

– 1982: The Periodization and sources of Chuwash linguistic history // *Chuwash Studies*. – Budapest, 1982. – P. 113-168; ibidem. – Wiesbaden, 1982. (*Asiatische Forschungen*, Bd. 79). – S. 113-168.

– 1996: A honfoglalo magyar nép. – Budapest, 1996. – 412 l.

– 1999: Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. – Budapest: CEUPress, 1999. – 566 p.

Roux J.-P.

– 1963: La mort chez les peuples altaïques anciens et médiévaux. – Paris, 1963.

– 1993: Histoire de l'Empire mongol. – Paris, 1993.

Schrader O.

– 1917–1928: Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde // 2. Aufl. herausgeg. von A. Nehring. – Berlin, 1917–1928.

Serrius H.

– 1982: Mongyol : Moyal and Mangyus : Mayus // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1982. – Bd. 34.

Sinor D.

– 1952: On some Ural-Altai plural suffixes // *Asia Major. New Series*. – London, 1952. – Vol. II. – P. 203-230.

– 1965: Some altaic names for bovines // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1965. – T. XV. – Fasc. 1-3. – P. 315-324.

– 1970: Mongol and Turkic Words in the Latin Versions of John of Plano Carpini's «Journey to the Mongols» (1245–1247) // *Mongolian Studies edited by Louis Ligeti*. – Budapest, 1970.

Spuler B.

– 1965: Die Golden Horde: Die Mongolen in Rußland. 1223–1502. – Wiesbaden, 1965. – 638 S.

Street J.

– 1980: Proto-altaic **-l(V)b-* ~ turcic *š* // *Central Asiatic Journal*. – The Hague; Wiesbaden, 1980. – Vol. 24. – № 3-4.

Toivonen Y.H.

– 1955–1969: Suomen kielen etymologinen sanakirja. – Helsinki, 1955. – T. I; 1958. – T. II; 1962. – T. III; 1969. – T. IV.

Uotila T.E.

– 1938: Syrjanische Chrestomathie mit grammatikalischen Abriss und etymologischen Wörterverzeichnis. – Helsinki, 1938.

Veitze H.-P.

– 1969: Plural, Dual und Nominal Klassen in altaischen Sprachen // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe.* – 1969. – Bd. XVIII. – Heft 3.

Weiers M.

– 1997: Herkunft und Einigung der mongolischen Stämme: Türken und Mongolen // *Die Mongolen in Asien und Europa.* – Frankfurt am Main, 1997.

Woods J.E.

– 1990: The Timurid dynasty. – Bloomington, Indiana, 1990. (Papers on Inner Asia, № 14).

Zajączkowski A.

– 1932: Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodnio karaimskim. – Kraków, 1932.

Принятые сокращения

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. / *Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба.* – М.: Academia, 2001. – Т. I. – 520 с.; Т. II. – 536 с.; Т. III. – 440 с.; 2002. – Т. IV. – 532 с.

ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. – 676 с.

ҚТДС – Қазақ тілінің диалектологиялық сөздігі. – Алматы: Ғылым, 1969. – 426 б.

ҚТҚЭС – Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. – Алматы: Ғылым, 1966. – 240 б.

МИКХ – Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков: Извлечения из персидских и тюркских сочинений. – Алма-Ата, 1969.

МИРМО – Материалы по истории русско-монгольских отношений. – М., 1959. – 352 с.; 1974. – 460 с.; 1996. – 560 с.; 2000. – 488 с. (*см. Русско-монгольские отношения*).

МК – Махмуд Кошғарий. Туркий сұзлар девони (Девону луғотит турк). Уч томлик / Таржимон ва нашрга гайёрловчи С.М. Муталлибов. – Тошкент: Ўз ССР фанлар академияси нашриёти, 1960. – I т. – 500 б.; 1961. – II т. – 427 б.; Индекс-луғат. 1967. – 545 б.

МК, 2005 – Махму³д ал-Кашғарӣ. Диван луғат ат-турк / *Пер. и предисловие З.-А. М. Ауэзовой; Индексы Р.Эмерса.* – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.

ОИЯ – Основы иранского языкознания. – М.: Наука, 1979: Древнеиранские языки. – 387 с.; 1981: Среднеиранские языки. – 544 с.; 1982: Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. – 571 с.; 1987: Новоиранские языки: восточная группа. – 720 с.; 1991: Новоиранские языки: северо-западная группа I. – 336 с.; 1997: Новоиранские языки: северо-западная группа II. – 573 с.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / *Отв. ред. Э.Р. Тенишев*. – М.: Наука, 1984: Фонетика. – 484 с.; 1986: Синтаксис. – 284 с.; 1988: Морфология. – 560 с.; 1997: Лексика. – 800 с.; 2002: Региональные реконструкции. – 767 с.; 2006: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – 908 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / *Под ред. О.Н. Трубачева*. – М.: Наука, 1974–2008. – Вып. 1–34.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – 768 с.; 1978: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – 350 с.; 1980: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». – 395 с.; 1989: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». – 293 с.; 1997: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К» и «Қ». – 368 с.; 2000: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ». – 265 с.; 2003: Общетюркские и межтюркские основы на буквы Л-М-Н-П-С. – 446 с.

EDAL – Etymological Dictionary of the Altaic languages / *S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak*. – Leiden; Boston: Brill, 2003. – Part one [A–K]. – 858 p.; Part two [L–Z]. – 859-1556 p.; Part three [Indices]. – 1557-2096 p.

MK, 1939–1941–1948–1957 – Divanü lüyat-it-Türk: Tıpkıbasımı. «Faksimile». – Ankara, 1941; Divanü lüyat-it-Türk tercümesi / *Çeviren Besim Atalay*. – Ankara, 1939–1941; Divanü lüyat-it-Türk dizini: «Endeks» / *Jazan Besim Atalay*. – Ankara, 1948. – 885 b.; Arap alfabesine göre divanü lüyat-it-türk dizini. – Ankara, 1957. – 448 b.

MK, 1985–1986 – Divanü lüyat-it-Türk tercümesi / *Çeviren Besim Atalay*. – Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1985. – I cilt. – 530 b.; II cilt. – 366 b.; 1986. – III cilt. – 462 b.; IV cilt: «Endeks». – 866 b.

MK, 1990 – Kâşgarlı Mahmud. Dîvânü lûgatit-türk: Tıpkıbasım / Facsimile. – Ankara: Kültür Bakanlığı, 1990.

QB – Kutadgu Bilig. Tıpkıbasım, II: Fergana nüshası. – İstanbul, 1943. (QBN); Kutadgu Bilig. Tıpkıbasım, III: Misir nüshası. – İstanbul, 1943. (QBK); Reşid Rahmeti Arat. Kutadgu bilig, I: Metin. – İstanbul, 1947.

Оглавление

Предисловие	3
Раздел 1.	
Исходные теоретические и методические предпосылки.....	14
Раздел 2.	
Предыстория тюркско-монгольских этноязыковых контактов.....	41
Раздел 3.	
Тюркские влияния на монгольские языки.....	79
Раздел 4.	
Родоплеменная этнонимия – важный показатель тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений.....	105
Раздел 5.	
Влияние монгольских языков на тюркские.....	140
Раздел 6.	
Среднемонгольские лексические заимствования в казахском языке.....	150
Раздел 7.	
Ойратско-казахские этноязыковые взаимоотношения.....	184
Раздел 8.	
Джунгарский период казахско-ойратских этноязыковых взаимоотношений.....	222

Раздел 9.	
Казахско-калмыцкие этноязыковые взаимоотношения.....	240
Раздел 10.	
Казахско-халхаские этноязыковые взаимоотношения.....	258
Словарь халха-монгольских лексических заимствований в баян-ульгейском говоре казахского языка.....	299
Вместо заключения.....	321
Список использованной литературы.....	330
Принятые сокращения.....	369

Научное издание

ТУЙМЕБАЕВ Жансеит Кансеитович

**ИСТОРИЯ ТЮРКО-КАЗАХСКО-МОНГОЛЬСКИХ
ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Подписано в печать 2008. Формат 84×108/32.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Уч.-изд. л. Усл. печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ №1954.

Отпечатано в типографии
АО “Астана полиграфия”,
010000, г. Астана, ул. Брусиловского, 87.